

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 13, № 5, 2020

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
08.00.00 –
экономические науки;
22.00.00 –
социологические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEc,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Коньки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калайчикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунькова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volnc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 13, no. 5, 2020

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Szompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

К 30-ЛЕТИЮ ВОЛОГОДСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

Шабунова А.А., Кожевников С.А. Эффективность государственного управления в исследованиях сотрудников ВолНЦ РАН	9
--	---

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

Ильин В.А., Морев М.В. В России буксует «решительный прорыв», объявленный В. Путиным в 2018 году	22
--	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Мазилев Е.А., Давыдова А.А. Научно-технологическое развитие России: оценка состояния и проблемы финансирования	55
Борщевский Г.А. Управленческие инструменты социально-экономического развития региона	74
Груздева М.А. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов	90
Емельянова Е.Е., Чапаргина А.Н. Оценка развития регионального рынка жилья в северных и арктических субъектах РФ	105

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Гайнанов Д.А., Закиева Е.Ш. Оценка качества жизни населения на основе применения интеллектуальных алгоритмов и динамического моделирования	121
--	-----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Шаклеина М.В., Волкова М.И., Шаклеин К.И., Якиро С.Р. Теоретические и методологические проблемы измерения социальной комфортности: результаты эмпирического анализа на российских данных	135
--	-----

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

- Мирау Ю.Н., Соловьева Т.С., Попов А.В. Развитие социальных инноваций в России
сквозь призму деятельности и взаимодействия органов власти,
бизнес-структур и гражданского общества..... 153

ЭКОНОМИКА ТРУДА

- Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Низкий уровень и качество жизни экономически
активного населения: критерии идентификации и оценка
распространенности 168

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

- Маркин В.В., Силин А.Н., Вершинин И.С. Здоровье людей в Арктике:
социально-пространственный дискурс (на примере Ямало-Ненецкого
автономного округа) 182

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. Возраст матери при рождении первого
ребенка: динамика, региональные различия, детерминация..... 200
- Козлова О.А., Секички-Павленко О.О. Модели рождаемости и репродуктивного
поведения женского населения России: современные тенденции 218
- Малахов В.А., Васильева И.Н., Белов Ф.Д. Структура международной миграции
ученых на примере России 232

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Кроцил О., Поспишил Р., Кошина Д. Осведомленность о социальном
предпринимательстве и отношение к нему среди студентов вузов и лиц
с ограниченными возможностями на примере Чешской Республики 247

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 264
- Правила приема статей 275
- Информация о подписке 281

CONTENT

TO THE 30TH ANNIVERSARY OF THE VOLOGDA RESEARCH CENTER OF RAS

Shabunova A.A., Kozhevnikov S.A. Public Administration Efficiency in Studies of the Vologda Research Center of RAS	9
---	---

PUBLIC ADMINISTRATION EFFICIENCY

Editorial

Ilyin V.A., Morev M.V. Announced in 2018, V. Putin’s “Decisive Breakthrough” is Now Stuck	22
--	----

REGIONAL ECONOMY

Mazilov E.A., Davydova A.A. Scientific and Technological Development of Russia: State Assessment and Financing Problems	55
Borshchevskiy G.A. Management Tools for the Region’s Socio-Economic Development	74
Gruzdeva M.A. Inclusion of Population in Digital Space: Global Trends and Inequality of Russian Regions	90
Emelyanova E.E., Chapargina A.N. Assessing the Regional Housing Market Development in the Northern and Arctic Regions of the Russian Federation	105

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

Gainanov D.A., Zakieva E.Sh. Assessing Population’s Quality of Life on the Basis of Intelligent Algorithms and Dynamic Modeling	121
--	-----

THEORETICAL ISSUES

Shakleina M.V., Volkova M.I., Shaklein K.I., Yakiro S.R. Theoretical and Methodological Problems of Measuring Social Comfort: Results of Empirical Analysis Based on Russian Data	135
---	-----

INNOVATION DEVELOPMENT

- Mirau Yu.N., Soloveva T.S., Popov A.V. Development of Social Innovations in Russia in Terms of Activities and Interaction of Government Bodies, Business Structures, and Civil Society 153

LABOR ECONOMICS

- Bobkov V.N., Odintsova E.V. Low Level and Quality of Life among Economically Active Population: Identification Criteria and Assessment of Occurrence 168

ECONOMICS AND SOCIOLOGY OF PUBLIC HEALTH AND HEALTHCARE

- Markin V.V., Silin A.N., Vershinin I.S. Human Health in the Arctic: Socio-Spatial Discourse (Case Study of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) 182

SOCIAL DEVELOPMENT

- Arkhangel'skiy V.N., Kalachikova O.N. Maternal Age at First Birth: Dynamics, Regional Differences, Determination 200
- Kozlova O.A., Sekitski-Pavlenko O.O. Patterns of Birth Rate and Reproductive Behavior of Russian Female Population: Current Trends 218
- Malakhov V.A., Vasil'eva I.N., Belov F.D. Structure of International Migration of Researchers. Case Study of Russia 232

FOREIGN EXPERIENCE

- Kročil O., Pospíšil R., Kosina D. Awareness and Attitudes toward Social Entrepreneurship among University Students and Disabled People. The Case of the Czech Republic 247

PUBLIC OPINION MONITORING

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 264
- Manuscript Submission Guidelines 275
- Subscription Information 281

К 30-ЛЕТИЮ ВОЛОГОДСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.1

УДК 338(470); ББК 65.050.11(2Рос)

© Шабунова А.А., Кожевников С.А.

Эффективность государственного управления в исследованиях сотрудников ВолНЦ РАН*

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: aas@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

**Сергей Александрович
КОЖЕВНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

ORCID: 0000-0001-9063-6587; ResearcherID: I-8373-2016

Аннотация. В статье рассматриваются актуальность проблематики для современной России, основные этапы развития и ключевые направления исследований сотрудников Вологодского научного центра РАН по вопросам оценки и обеспечения эффективности государственного управления. Эта тема является сквозной в деятельности сотрудников Центра с самого момента его основания в 1990 году. Обосновано, что спектр изучаемых при этом вопросов, а также используемых методов постоянно развивался. Показано, как формировались повестка и тематика работ,

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

Для цитирования: Шабунова А.А., Кожевников С.А. Эффективность государственного управления в исследованиях сотрудников ВолНЦ РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 9–21. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.1

For citation: Shabunova A.A., Kozhevnikov S.A. Public administration efficiency in studies of the Vologda Research Center of RAS. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no 5, pp. 9–21. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.1

представлены полученные результаты, их научная и практическая значимость, перспективные направления дальнейших исследований по данной теме. Выявлена низкая эффективность государственного управления в России в период рыночных реформ 90-х гг. XX века, приведшая к кризисным последствиям в экономике и обществе. Названы ключевые проблемы системы государственного и муниципального управления 2000-х гг. и современного этапа, ограничивающие осуществление модернизационных процессов в стране. Статья позволяет оценить вклад вологодских ученых в развитие теории, методологии, а также инструментария оценки и повышения эффективности государственного и муниципального управления в России.

Ключевые слова: государственное управление, эффективность государственного управления, муниципальные образования, методы оценки.

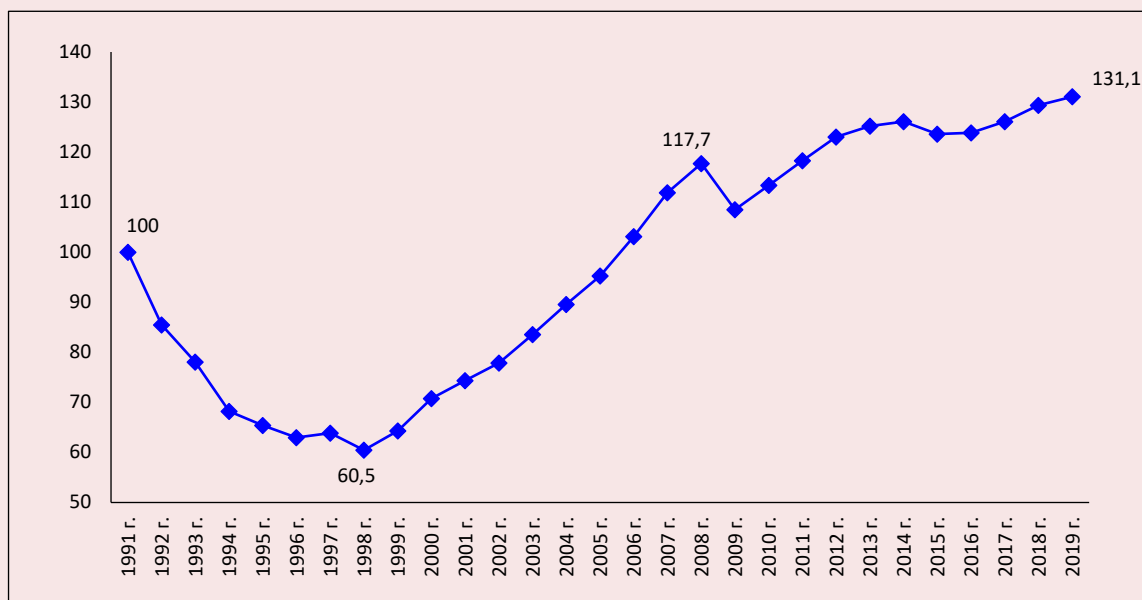
Введение

Разрушение плановой системы хозяйствования и «шоковый» переход России в 90-е гг. XX века к рынку привели к резкому обострению проблем социально-экономического развития страны, снижению уровня и качества жизни населения. Так, после 1991 года наблюдалось обвальное падение ВВП с ежегодными темпами более 6%, в результате чего к 1998 году экономика России сжалась почти на 40% (рисунок), а реальные располагаемые доходы граждан упали более чем в

два раза (к 1999 году более ¼ населения (41,6 млн человек) имели доходы ниже величины прожиточного минимума).

Сложившаяся ситуация требовала повышения роли государства в регулировании социально-экономических процессов, что признавалось на самом высоком уровне власти. Так, в 1999 году будущий Президент РФ В.В. Путин в своей предвыборной статье «Россия на рубеже тысячелетий» обратил внимание на необходимость усиления роли государства, институтов

Динамика ВВП России в 1991–2019 гг., % к 1991 году

Источник: данные Росстата.

гражданского общества в модернизации экономики и жизни страны в целом¹. И в дальнейшем на важность повышения эффективности управления неоднократно обращали внимание первые лица государства².

Однако сложившаяся к настоящему времени система государственного управления в стране, несмотря на многочисленные попытки ее реформирования, по-прежнему не отвечает стоящим перед ней задачам и не способствует полноценному решению накопившихся проблем. Истоки последних ученые видят в несовпадении философии реформ и их инструментальной организации, неэффективности действий правящей элиты по удовлетворению важнейших потребностей населения в повышении качества жизни, обеспечению социальной справедливости [1].

Указанные выше обстоятельства актуализируют задачу научного обоснования и практической реализации комплекса мероприятий по повышению эффективности государственного управления в России с учетом достижений зарубежной и отечественной науки.

Наиболее существенный вклад в исследование теории оценки и практики повышения эффективности государственного управления (в экономической, социальной, политико-правовой сферах) внесли такие известные зарубежные ученые, как С. Гренди [2], Д. Кетл [3], М. Крозье [4], С. Лазар [5], А. Манзур³, С. Ньюланд [6], Д. Синк [7], Дж. Стиглиц [8], В. Томпсон [9] и др.

¹ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Российская газета. 1999. 30 дек.

² В.В. Путин. «Самое главное – повышение эффективности управления и отраслями, и экономикой в целом... с полной персонализацией ответственности за это достижение или, наоборот, за отсутствие результатов» (Источник: Путин потребовал повысить эффективность управления экономикой // Деловая газета «Взгляд». 2016. 13 июля. URL: <http://vz.ru/news/2016/7/13/821281.html>). Д.А. Медведев: «Низкая эффективность системы государственного управления – один из ключевых факторов, который сдерживает развитие страны» (Источник: Выступление Дмитрия Медведева на пленарном заседании XV Международного инвестиционного форума «Сочи-2016». URL: <http://government.ru/news/24729/>).

³ Manzoor A., 2014. A Look at Efficiency in Public Administration. Past and Future. SAGE Open October-December 2014: 1–5. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244014564936>

Именно переход к рынку и трансформационные процессы в системе государственного управления России в 90-х гг. XX века привели к росту научного интереса отечественных исследователей в сфере повышения эффективности государственного управления. Среди ведущих российских авторов, занимающихся данной проблематикой, в том числе в свете развития теоретико-методологических основ и практики реализации региональной социально-экономической политики, можно отметить работы Л.И. Абалкина [10], Г.В. Атаманчука [11], Х. Вольманна [12], С.Ю. Глазьева [13], Н.И. Глазуновой [14], А.Г. Гранберга [15], М.Г. Делягина [16], Б.А. Денисова⁴, Н.В. Зубаревич [17], В.А. Ильина [18], В. Иноземцева [19], С.Г. Кара-Мурзы [20], В.Н. Лаженцева [21], В.Н. Лексина [22], Д.С. Львова [23], О.С. Сухарева [24], С.С. Сулакшина [25], А.В. Клименко [26], А.И. Татаркина [27], А.Н. Швецова [28] и др.

Существенный вклад в развитие теоретико-методологических основ, инструментария повышения эффективности управления на региональном и местном уровне внесли и научные сотрудники Вологодского научного центра РАН, который в этом году отмечает 30-летие со дня основания.

Эффективность государственного управления – приоритетная тематика исследований Вологодского научного центра РАН

Проблематика исследований Вологодского научного центра РАН (ВолНЦ РАН, тогда – Вологодский научно-координационный центр Российской академии наук) с самого его основания в 1990 году была посвящена вопросам оценки и обеспечения эффективности управления национальной и региональной экономикой в целях повышения уровня и качества жизни населения. Идейным вдохновителем и руководителем исследований выступает научный руководитель Центра, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор Владимир Александрович Ильин.

Следует отметить, что данная тема является сквозной и, по сути, методологически и идеологически интегрирует все остальные направ-

⁴ Денисов Б.А., Богачева Г.Н. Десять очерков по политической экономии / Гос. ун-т упр., Ин-т фин. менеджмента; каф. полит. экономии. М.: ГУУ, 2001. 90 с.

ления исследований Центра. За короткий по научным и историческим меркам период (30 лет) в ВолНЦ РАН, на наш взгляд, фактически с нуля удалось сформировать коллектив из опытных и молодых исследователей. Перед ними стоят нетривиальные задачи не только научного, но и прикладного характера, которые успешно решаются. Об этом, в частности, свидетельствует тесное сотрудничество Центра с ведущими научными учреждениями России по данной проблематике, органами власти региона и муниципалитетами области при разработке стратегических документов социально-экономического развития территорий и отдельных отраслей и др. Ряд сотрудников организации в настоящее время продолжает свою профессиональную деятельность на управленческих должностях в органах государственной власти.

Тематика научных изысканий всегда отвечала вызовам времени и была посвящена поиску глубинных причин, возможных последствий тех или иных явлений; разработке адекватных для определенного времени механизмов повышения эффективности государственного управления на всех уровнях. Этому способствовало также активное использование результатов собственных полевых работ. По сути, в рамках рассматриваемого научного направления в ВолНЦ РАН был разработан комплексный механизм оценки эффективности государственного управления на основе как данных официальной статистики, так и экспертных и социологических опросов бизнеса и населения.

Для более глубокого понимания спектра вопросов, а также используемых при этом методов, на наш взгляд, целесообразно более подробно рассмотреть специфику эволюции исследований на каждом этапе.

На *первом этапе (1990–2000 гг.)* ученые ВолНЦ РАН уделяли внимание острому кризису в экономике, развитию методологии (опираясь на труды Л.И. Абалкина, А.Г. Гранберга, А.Е. Когута, Д.С. Львова, А.И. Татаркина, В.Н. Лаженцева), разработке методических рекомендаций и инструментария по адаптации систем управления на региональном и местном уровнях власти к рыночным условиям хозяйствования.

В этот период вышла в свет монография «Вологодская область: движение к рынку»

(В.А. Ильин (рук.), А.А. Пашко, М.Ф. Сычев) [29]. В ней авторы показали сложность и противоречивость процессов трансформации экономических и социальных процессов в регионе в ходе реформирования, их влияние на жизнь населения области; научно обосновали рекомендации по дальнейшей реализации экономических реформ и повышению их эффективности.

Проблемы развития промышленного сектора Вологодской области (например, спад промышленного производства в регионе в 1990–1997 гг. на 42%; снижение инвестиционной активности, рост налогов и пр.) и мероприятия по повышению эффективности управления данной сферой нашли отражение в комплексной работе «Модернизация промышленного сектора региона» (В.А. Ильин) [30].

Целый ряд трудов в этот период был посвящен поиску резервов повышения эффективности управления лесопромышленным (В.В. Грачев, В.А. Ильин, М.Ф. Сычев, А.С. Шулев) [31] и агропромышленным (А.А. Пашко, М.Ф. Сычев, В.А. Ильин) [32] комплексами, развитию малого предпринимательства (В.А. Ильин) [33], общественным финансам региона (колл. авт. под рук. В.А. Ильина и М.Ф. Сычева) [34], обоснованию «точек роста» региональной экономики (колл. авт. под рук. В.А. Ильина и М.Ф. Сычева) [35].

Для расширения эмпирической базы исследований о ходе и последствиях рыночных реформ, получения обратной связи об эффективности реализуемых управленческих мер в Центре в этот период были организованы регулярные опросы руководителей промышленных и сельскохозяйственных предприятий (мониторинг функционирования промышленности Вологодской области; функционирования и развития сельскохозяйственных организаций региона (с 1993 года); в дальнейшем получены свидетельства о государственной регистрации баз данных). Результаты мониторинга показали низкую эффективность государственного управления указанными сферами (в 1993–1994 гг. почти 2/3 опрошенных руководителей промышленных предприятий области считали федеральную экономическую политику неправильной) и необходимость усилить государственное регулирование экономики с применением широкого спектра прямых и косвенных методов.

С 1993 года в Центре стали проводиться первые социологические опросы населения (мониторинговые замеры общественного мнения населения Вологодской области по оценке политической и экономической ситуации в стране и регионе). С осени 1995 года строится общеобластная репрезентативная выборка, опросы уже осуществлялись по единой методике в Вологде, Череповце и 7 районах области (Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский и Тарногский). Полученные при этом результаты свидетельствовали, что более 60% опрошенных отрицательно оценивали происходящие в стране в 90-е гг. перемены.

С августа 2000 года в областную выборку был включен Шекснинский район⁵. С 2005 года такой инструментарий распространен и на территорию СЗФО. Проводимые опросы позволяют провести те замеры эффективности государственного управления, по которым информация Росстата и его территориальных органов не дает полной картины (например, отношение людей к различным сферам общественной жизни, деятельности властных структур, стабильность политической и экономической ситуации в стране), выявить глубинные причины и возможные последствия тех или иных социальных процессов.

Полученные социологические данные не только представляют собой сугубо научный интерес, но и выступают информационной базой для принятия управленческих решений, являются предметом широких дискуссий на заседаниях региональных и местных органов власти, а также институтов гражданского общества, в СМИ и т. д. Таким образом, в ВолНЦ РАН еще в первый период его становления как научного центра был разработан и апробирован комплексный механизм оценки эффективности государственного управления на основе данных официальной статистики, экспертных и социологических опросов бизнеса и населения.

Особенно остро проблемы социально-экономического развития в этот период обозна-

чились на муниципальном уровне, что потребовало осуществления научных исследований по вопросам организации планирования и повышения эффективности управления социально-экономическим развитием муниципальных образований в условиях рынка (*В.А. Ильин (рук.), А.С. Якуничев, А.Н. Зуев, Т.В. Ускова*) [36]. Авторами была обоснована необходимость применения стратегического подхода к управлению социально-экономическим развитием территорий, высказан ряд предложений по организации системы планирования развития г. Вологды с учетом успешного опыта европейских городов.

Эмпирической базой для выработки научно обоснованных рекомендаций по повышению эффективности управления социально-экономическим развитием города в этот период стал проводившийся с 1994 года мониторинг условий проживания населения г. Вологды (в 2012 году получено свидетельство о государственной регистрации этой базы данных). Исследование позволяло оценивать уровень удовлетворенности граждан условиями проживания как в городе в целом, так и своем микрорайоне; деятельностью органов местного самоуправления, что крайне важно при разработке рекомендаций по совершенствованию социально-экономической политики города.

Обоснованный стратегический подход к управлению был успешно апробирован и внедрен коллективом Центра (*под науч. рук. В.А. Ильина*) при совместной с органами власти разработке концепций социально-экономического развития территорий на долгосрочный период (г. Вологды (конец 90-х гг.), Вологодского и Грязовецкого муниципальных районов), развития отдельных отраслей (например, Концепция стабилизации работы и развития лесопромышленного комплекса Вологодской области на период 1998–2005 гг.).

Эволюция исследований Центра по вопросам государственного управления территориями и отраслями на *втором этапе (2000–2008 гг.)* происходила в условиях относительной стабилизации ситуации в стране и роста экономики за счет благоприятной конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей; начала административной реформы, а также реформирования института местного самоуправления.

⁵ Опрос проводится каждые два месяца, выборка охватывает 1500 жителей региона в возрасте 18 лет и старше (ошибка не превышает 3%). В качестве основного метода мониторинга используется анкетирование по месту жительства респондентов.

В этот период расширились и углубились исследования, связанные с проблемами управления комплексным экономическим развитием Вологодской области (колл. авторов под рук. В.А. Ильина [37; 38; 39]), обеспечения ее устойчивого развития (Т.В. Ускова [40]), в том числе путем реализации кластерной политики [41], активизации инвестиционных процессов в регионе (Е.С. Губанова [42]). На основе изучения протекающих процессов предложены конкретные направления и механизмы формирования промышленной политики (О.С. Москвина [43]), разработан комплекс мер для повышения эффективности таких отраслей промышленности, как машиностроение, черная металлургия и др.

Довольно широкий пласт исследований Центра в этот период был посвящен вопросам повышения эффективности управления социально-экономическим развитием муниципальных образований региона. С 2007 года в ВолНЦ РАН ведется мониторинг, предназначенный для оценки результатов реформирования института местного самоуправления, выявления проблем и разработки рекомендаций по повышению эффективности функционирования органов региональной и муниципальной власти. В 2014 году получено свидетельство о государственной регистрации базы данных. Специальная анкета ежегодно рассылается по всем муниципальным образованиям Вологодской области (муниципальным районам, городским округам, городским и сельским поселениям). Итоги проведенного анализа свидетельствуют о снижении имеющихся у муниципалитетов возможностей по решению существующих проблем (например, в своих ответах на это указывают более ¼ глав сельских поселений области); низкой эффективности взаимодействия региональных и местных органов власти; власти, бизнеса и населения.

В этот период научными сотрудниками разработаны методический инструментарий для создания многоуровневой системы индикативного планирования социально-экономического развития муниципалитета (В.А. Ильин, А.С. Якуничев, А.Н. Зуев, Т.В. Ускова, А.А. Смирнов) [44; 45]; научно обоснована необходимость формирования системы непрерывного планирования, органично сочетающей элементы тактического (среднесрочного) и оперативного планирования, способной выступить в качестве меха-

низма реализации стратегии (Т.В. Ускова) [46]. Созданы методический инструментарий для оценки эффективности управления социально-экономическим развитием муниципально-образовательного образования; эффективные формы взаимодействия между региональными, районными и поселенческими органами власти (Д.Е. Амелин, Д.П. Жаравин, Н.А. Пахолков) [47; 48] и др.

Острый финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. стал в определенном смысле переломной точкой в развитии экономики России: он привел к спаду производства в большинстве отраслей экономики, инвестиционной активности в частном секторе; на фоне снижения цен на сырьевые ресурсы на мировых рынках обострились проблемы в бюджетной системе регионов страны. Эти обстоятельства актуализировали задачу по совершенствованию системы государственного управления, в том числе на основе научного поиска новых факторов роста экономики.

Третий этап (2009 г. – н. в.) развития в ВолНЦ РАН исследований, касающихся проблематики эффективности государственного управления, характеризовался расширением спектра научных задач и переходом от изучения процессов, относящихся преимущественно к Вологодской области, к рассмотрению состояния и проблем социально-экономического развития регионов Северо-Западного федерального округа, а также экономики России в целом.

Особого внимания заслуживают комплексные исследования данного периода, посвященные анализу особенностей и проблем социально-экономического развития России с точки зрения обеспечения ее национальной безопасности. Коллективом авторов под руководством В.А. Ильина и Т.В. Усковой [49] были выявлены ключевые угрозы и возможности обеспечения экономического роста России в условиях исчерпания экспортно-сырьевой модели развития; с опорой на успешный мировой опыт научно обоснованы эффективные механизмы диверсификации промышленности, формирования неиндустриальной экономики, определены задачи и направления реформирования межбюджетных отношений в России.

В фокусе внимания ученых в этот период находится один из базовых аспектов государственного управления – бюджетная политика. В 2010–2014 гг. проводилось исследование, по-

священное изучению особенностей бюджетного кризиса регионов РФ, методов повышения их бюджетной обеспеченности [50; 51] (*В.А. Ильин (рук.), Т.В. Ускова, А.И. Поварова, В.С. Орлова*). Оно показало, что ввиду негативного влияния мирового финансово-экономического кризиса уровень бюджетной обеспеченности Вологодской области снизился. В числе ключевых факторов этого – значительное сокращение налоговых поступлений (по итогам 2009 года налоговые доходы консолидированного бюджета уменьшились на 40% по сравнению с уровнем 2008 года; в 2010 году – на 21%); усиление зависимости регионов от помощи из федерального центра; бюджетный дефицит; увеличение долговых обязательств; высокий уровень льготного налогообложения. Для оценки уровня бюджетной обеспеченности региона разработаны методика оценки результативности межбюджетного регулирования (*А.И. Поварова, М.А. Печенская*) [52], концептуальные предложения по усилению стимулирующей и инвестиционной функций межбюджетных отношений, а также расширению организационно-экономических инструментов государственного регулирования в данной сфере.

Отдельное направление исследований в этот период посвящено изучению эффективности бюджетных расходов на реализацию долгосрочных целевых программ (*Т.В. Ускова, А.И. Поварова, А.В. Галухин*)⁶. Разработана методика оценки эффективности бюджетных расходов в рамках реализации долгосрочных целевых программ, по результатам апробации которой доказана низкая эффективность реализации целого ряда государственных программ в Вологодской области.

Новую веху в развитии системы государственного управления в России ознаменовало принятие Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Исследователи ВолНЦ РАН, наряду с несомненной своевременностью и достоинствами данного документа, акцентировали внимание на ряде не-

решенных вопросов в системе стратегического планирования, сформулировали предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства, связанного с организацией стратегического планирования в стране [53].

В этот период началось масштабное исследование, посвященное изучению влияния интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие регионов и состояние их бюджетной системы (*В.А. Ильин (рук.), А.И. Поварова, М.Ф. Сычев*) [54; 55]. На основе методического подхода к анализу отчетности вертикально-интегрированных структур по международным и российским стандартам была проведена оценка производственно-финансовой деятельности крупных субъектов черной металлургии в России с точки зрения влияния экономических интересов собственников корпораций на устойчивое социально-экономическое национальное и региональное развитие.

Доказано, что государственное регулирование деятельности крупнейших хозяйствующих субъектов в сырьевом секторе экономики России в части распределительных отношений малоэффективно. Так, после кризиса 2008 года доля головных активов металлургических холдингов в формировании бюджетов регионов базирования снизилась в 1,3–2,5 раза, в том числе: Череповецкого металлургического комбината – с 40 до 13%; Магнитогорского – с 20 до 8%; Новолипецкого – с 50 до 30%, горно-металлургической компании «Норникель» – с 30 до 24%, Братского алюминиевого завода – с 3 до 1,5% [56]. При этом авторами доказано, что на фоне неуклонного падения платежей в бюджет под видом возврата экспортного НДС металлургическим корпорациям ежегодно компенсировалось более 40 млрд руб., или 40–100% фактически уплаченных налогов. Это девальвировало их участие в мобилизации бюджетных доходов.

Научно обоснованы предложения по преодолению олигархической сущности и содержания деятельности российских металлургических корпораций. Основные из них касаются мер законодательного характера в части установления налогов на вывоз капитала, введения единой ставки налога на дивиденды, отмены возврата экспортного НДС, пересмотра

⁶ Эффективность бюджетных расходов на реализацию долгосрочных целевых программ (на примере Вологодской области): заключительный отчет о НИР / исполн. Т.В. Ускова, А.И. Поварова, А.В. Галухин. Вологда, 2013. 120 с.

администрирования налога на прибыль, совершенствования ценовой политики в отношении крупного бизнеса [57]. По расчетам авторов, реализация указанных мероприятий позволит увеличить дополнительные налоговые поступления от корпораций черной металлургии (ПАО «Северсталь», ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат», «Новолипецкий металлургический комбинат») в консолидированный бюджет РФ и территориальные бюджеты субъектов РФ.

Исследование не ограничивалось изучением деятельности предприятий черной металлургии: авторы рассматривали также влияние финансовых результатов деятельности нефтегазовых корпораций на формирование бюджетов; обосновывали предложения по повышению эффективности государственного управления в части корректировки денежно-кредитной политики в интересах стабилизации макроэкономической ситуации в стране и опережающего развития; реформированию бюджетной системы и др. [58].

Интерес у читателей, на наш взгляд, вызовут монографии [59; 60], где объединены ключевые статьи научного руководителя ФГБУН ВолНЦ РАН, члена-корреспондента РАН, д.э.н., профессора В.А. Ильина, главного редактора журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», которыми открывались выпуски в период 2012–2018 гг. Сквозная тема всех публикаций – политический и социально-экономический дискурс эффективности государственного управления на всех уровнях власти (федеральном, региональном, местном). В них представлен обширный и глубокий аналитический материал о путях решения данной проблемы, базирующийся на собственных исследованиях автора и сотрудников научного коллектива Центра.

В.А. Ильин обозначил «болевы́е точки», замедляющие экономические и социальные преобразования в стране: приверженность властной элиты к компрадорскому олигархическому капиталу, проникающая во все этажи власти коррупция, разрастающаяся дифференциация уровня жизни населения. Предлагаются конкретные меры по защите безопасности страны и регионов, обеспечению господства в российском государстве принципов социальной справедливости, непрерывного наращивания

человеческого капитала. Материалы книг сопровождаются таблицами и графиками, характеризующими динамику отношения населения к различным ветвям власти на основе проводимых ВолНЦ РАН многолетних мониторинговых социологических измерений.

Глубинный анализ результатов осуществляемых в Центре на постоянной основе опросов нашел отражение в регулярно издаваемом с 2013 года бюллетене «Эффективность государственного управления в оценках населения».

Схожая проблематика рассматривается и в работах молодых сотрудников ВолНЦ РАН. Так, в монографии «Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения» (С.А. Кожевников, Е.Д. Копытова) с учетом обоснованных авторами методических подходов (целевого и функционального) доказана низкая эффективность государственного управления в России и ее регионах в постсоветский период, приведшая к кризисным явлениям (кризис бюджетов, снижение инвестиционной и инновационной активности, дальнейшее увеличение неравенства населения по уровню доходов и др.). Опираясь на анализ нормативно-правовых, программных документов и практики, обосновано, что специфическими чертами управления на современном этапе, снижающими его эффективность, выступают несогласованность действий органов власти, противоречивость управленческих решений, принимаемых на различных уровнях, низкое качество стратегического планирования и др.

В связи с этим крайне актуальной становится задача совершенствования управления, в том числе на базе использования современных методов (бенчмаркинг, краудсорсинг, SMART-технологии, государственно-частное партнерство и др.). Показано, что важную роль должна играть новая промышленная политика, в число основополагающих направлений которой входит стимулирование развития цепочек с высокой добавленной стоимостью в ключевых отраслях экономики, обоснованы ее приоритетные направления. На примере успешной отечественной практики доказана эффективность внедрения проектного управления в деятельность властных структур; подтверждено, что активизация данных процессов требует развитой институционально-правовой и организационной среды [61].

Проблемы повышения эффективности управления являются весьма значимыми и для муниципального уровня, поскольку институт местного самоуправления постоянно реформируется, перед местными властями остро встают вызовы, требующие поиска адекватных ответов. Выполненные в эти годы исследования позволили определить основные векторы повышения эффективности управления развитием территорий, в том числе на основе совершенствования региональной социально-экономической политики по отношению как к муниципальным образованиям в целом⁷ [62], так и отдельным территориям (моногородам [63], сельским территориям [64] и др.). В перечне предложений (*Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, С.А. Кожевников, Е.А. Гутникова*) [65] на муниципальном уровне находятся организация территориального общественного самоуправления (ТОС) и применение механизма самообложения граждан как формы повышения эффективности их участия в местном самоуправлении; внедрение механизмов муниципально-частного партнерства; формирование эффективного механизма районно-поселенческого взаимодействия.

Значимым инструментом региональной политики по решению социально-экономических вопросов локальных территорий выступает развитие института государственно-частного (муниципально-частного) партнерства. В ходе исследования этих вопросов (*С.А. Кожевников*) были разработаны концептуальные основы управления экономикой региона на основе развития партнерского взаимодействия власти и бизнес-структур в такой значимой для обеспечения жизнедеятельности муниципальных образований сфере, как жилищно-коммунальное хозяйство; предложены методика интегральной оценки состояния ЖКХ муниципалитетов и методический инструментарий для оценки эффективности проектов партнерства на всех стадиях их жизненного цикла с учетом достижения баланса интересов всех основных участников [66].

⁷ Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика по развитию муниципальных образований: учебное пособие. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017. 136 с.

Эффективность государственного управления на современном этапе и перспективы исследований

Указом Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2018 г. № 204 были определены национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации на период до 2024 года, а Указом от 21 июля 2020 г. № 474 — и до 2030 года⁸. В качестве инструментального обеспечения при реализации этих целей выступают 13 национальных проектов развития России на период 2019–2024 гг.

Коллектив ВолНЦ РАН провел комплексное исследование, посвященное анализу основных положений данных документов, а также ключевых рисков их реализации⁹. Полученные авторами выводы в значительной степени коррелируют с мнением ведущих экспертов из научной сферы, государственного управления, общественности относительно «узких» мест реализации данных стратегических документов. В работах доказано, что ключевыми рисками реализации нацпроектов на современном этапе являются слабый учет региональных составляющих и территориальных особенностей развития; недостаточная проработанность механизмов их реализации; слабая корреляция нацпроектов с федеральными и региональными госпрограммами, международными документами; некоторые целевые показатели недостаточно обоснованы или весьма труднодостижимы и т. п. [67].

⁸ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474.

⁹ Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Экономический блок: науч.-аналит. издание / В.А. Ильин, Т.В. Ускова, А.А. Шабунова, С.А. Кожевников, Н.В. Ворошилов, С.С. Патракова, И.А. Секушина, М.А. Лебедева. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 93 с.; Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Научно-технологическая сфера и предпринимательство: науч.-аналит. издание / В.А. Ильин, Е.А. Мазилко, А.А. Шабунова, А.Е. Кремин, В.С. Усков, Д.А. Алферьев, Е.П. Кузнецова, Н.О. Якушев. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 75 с.; Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Социальная сфера: науч.-аналит. издание / А.А. Шабунова, В.А. Ильин, О.Н. Калачикова, Г.В. Леонова, М.А. Головчин, М.А. Груздева, С.С. Ипатова, К.Н. Калашников. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 68 с.

В качестве перспективных направлений исследований по данной проблематике, на наш взгляд, следует отметить изучение путей трансформации системы управления на всех уровнях для поиска ответов на вызовы и угрозы развития, связанные как с глобальными процессами в мировой экономике (например, переходом к новому технологическому укладу), так и с повесткой, которая стала особенно актуальна лишь в 2020 году (вспышка новой коронавирусной инфекции и пр.).

Литература

1. Ильин В.А. Правящие элиты – проблема национальной безопасности России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4. С. 9–34.
2. Grandy C. The “efficient” public administrator: Pareto and a well-rounded approach to public administration. *Public Administration Review*, 2009, no. 69, pp. 1115–1123.
3. Kettl D.F. The future of public administration. *Journal of Public Affairs Education*, 1999, no. 5, pp. 127–134.
4. Crozier M., Friedberg E. *L'Acteur et le Système*. Paris: Seuil, 1977. 512 p.
5. Lazar C.G. The principle of efficiency and public administration reform. Case study: Organizational change. In: *National and European values of public administration in the Balkans. International Conference on National and European Values of Public Administration in the Balkans*, 2011, no. 4, pp. 300–309.
6. Newland C.A. The Public Administration Review and ongoing struggles for connectedness. *Public Administration Review*, 2000, vol. 60, no.1, pp. 20–38.
7. Синк Д.С. Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. В.И. Данилова-Данильяна. М.: Прогресс, 1989. 528 с
8. Stiglitz J.E. Redefining the role of the state: What should it do? How should it do it? And how should these decisions be made? In: *Paper Presented at the Tenth Anniversary of MITI Research Institute*. Tokyo, 1998.
9. Thompson W. *Practical Directions for the Speedy and Economical Establishment of Communities on the Principles of Mutual Co-operation, United Possessions and Equality of Exertions and the Means of Enjoyments*. London: Strange and E. Wilson, 1830.
10. Абалкин Л.И. Логика экономического роста. М.: Институт экономики РАН, 2002. 228 с.
11. Атаманчук Г.В. Проблемы повышения эффективности административно-правового регулирования государственного управления в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит. 2013. С. 34–47.
12. Вольманн Х. Оценивание реформ государственного управления: «третья волна» // Социс. 2010. № 10. С. 93–99.
13. Глазьев С.Ю., Батчиков С.А. Эффективность государственного управления / под общей ред. С.Ю. Глазьева. М.: Фонд «За экономическую грамотность», Российский экономический журнал, Изд-во ООО «Консалтбанкир», 1998. 848 с.
14. Глазунова Н.И. Государственное управление как система. М.: Изд. центр ГУУ, 2001. 373 с.
15. Гранберг А.Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // Вопросы экономики. 2001. № 9. С. 15–28.
16. Делягин М.Г. Идеология возрождения. Как мы уйдем из нищеты и маразма. М.: Форум, 2000. 192 с.
17. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
18. Ильин В.А. Эффективность государственного управления: точка зрения главного редактора. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 320 с.
19. Иноземцев В.Л. Что случилось с Россией. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.
20. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.
21. Лаженцев В.Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития. Екатеринбург; Сыктывкар, 2014. 236 с.
22. Лексин В.Н. Результативность и эффективность действий региональной и муниципальной власти: назначение и возможности корректной оценки // Регион: экономика и социология. 2012. № 1 (73). С. 3–39.

23. Стратегическое управление: регион, город, предприятие / под ред. Д.С. Львова, А.Г. Гранберга, А.П. Егоршина. 2-е изд., доп. М.: Экономика, 2005. 603 с.
24. Сухарев О.С. Теория эффективности экономики. М.: Финансы и статистика, 2009. 369 с.
25. Качество и успешность государственных политик и управления: монография / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, С.М. Строганова. М.: Научный эксперт, 2012. 496 с.
26. Клименко А.В. Модернизация функционала исполнительной власти и ее результаты // Проблемы современного государственного управления в России: мат. науч. семинара. Вып. 4 (25). Проблема оценки качества государственного управления. М.: Научный эксперт, 2009. С. 6–47.
27. Татаркин А.И. Оценка результативности управления государственной собственностью // Journal of new economy. 2005. № 11. С. 3–8.
28. Швецов А.Н. Совершенствование региональной политики: концепции и практика. М.: КРАСАНД, 2010. 320 с.
29. Ильин В.А., Пашко А.А., Сычев М.Ф. Вологодская область: движение к рынку. Вологда: ВНКЦ РАН, 1995. 132 с.
30. Ильин В.А. Модернизация промышленного сектора региона. Вологда: Волог. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН, 1998. 178 с.
31. Лесопромышленный комплекс: проблемы и решения / В.В. Грачев, В.А. Ильин, М.Ф. Сычев, А.С. Шулев. 2-е изд., доп. Вологда: Волог. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН, 1999. 56 с.
32. Пашко А.А., Сычев М.Ф., Ильин В.А. Агропромышленный комплекс района: реформа и развитие. Вологда, 1997. 98 с.
33. Ильин В.А. Малое предпринимательство в Вологодской области. СПб., 1998. 39 с.
34. Общественные финансы региона: состояние, факторы, перспективы. Вологда: Волог. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН, 2000. 154 с.
35. Резервы экономического роста / М.Ф. Сычев, А.А. Пашко, О.С. Москвина [и др.]. Вологда, 2000. 107 с.
36. Стратегия управления муниципальными образованиями: монография / В.А. Ильин, А.С. Якуничев, А.Н. Зуев, Т.В. Ускова. Вологда: Вологод. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН, 2000. 114 с.
37. Стратегия развития региона: монография / В.А. Ильин (рук.) [и др.]. Вологда: Волог. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН, 2004. 227 с.
38. Региональная стратегия экономического роста – 2015: монография / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. 220 с..
39. Проблемы регионального развития: 2009–2012: монография / В.А. Ильин [и др.]; рук. и науч. ред. В.А. Ильин. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. 215 с.
40. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
41. Производственные кластеры и конкурентоспособность региона: монография / колл. авт. под рук. Т.В. Усковой. Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2010. 246 с.
42. Губанова Е.С. Инвестиционная деятельность в регионе. 2-е изд. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 135 с.
43. Москвина О.С. Промышленная политика-ядро модернизации экономики. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ, 2003. 136 с.
44. Стратегия управления муниципальными образованиями: монография / В.А. Ильин, А.С. Якуничев, А.Н. Зуев, Т.В. Ускова. Вологда: Вологод. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН, 2000. 114 с.
45. Мониторинг развития муниципальных образований / Т.В. Ускова, А.Н. Зуев, А.А. Смирнов [и др.]. Вологда: Волог. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН, 2002. 125 с.
46. Ускова Т.В. Индикативное планирование развития муниципальных образований. Вологда: Вологод. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН, 2003. 158 с.
47. Амелин Д.Е. Местное самоуправление в региональном развитии. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. 180 с.

48. Жаравин Д.П., Пахолков Н.А. Стратегическое управление социально-экономическим развитием муниципального образования: стратег. цели и приоритеты развития террит. образований, орг. упр. на муницип. уровне, мониторинг реализации стратегии соц.-экон. развития р-на: монография. Вологда: ВоГТУ, 2005. 143 с.
49. Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста: монография / колл. авторов; под науч. руководством чл.-кор. РАН В.А. Ильина и д.э.н. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 300 с.
50. Ускова Т.В., Поварова А.И., Орлова В.С. Общественные финансы регионов: приоритеты модернизации. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 166 с.
51. Поварова А.И. Методы повышения бюджетной обеспеченности региона: препринт. Вологда, 2011. 40 с.
52. Печенская М.А. Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 164 с.
53. Ускова Т.В., Чекавинский А.Н. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 4 (34). С. 63–67. DOI: 10.15838/esc/2014.4.34.6
54. Ильин В.А., Поварова А.И., Сычев М.Ф. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 102 с.
55. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 128 с.
56. Ильин В.А., Поварова А.И. Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов: монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 204 с.
57. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия – 2020: проблемы реализации: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 188 с.
58. Ильин В.А., Поварова А.И. Эффективность государственного управления. 2000–2015. Противоречивые итоги – закономерный результат: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 304 с.
59. Ильин В.А. Эффективность государственного управления: точка зрения главного редактора. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 320 с.
60. Ильин В.А., Морев М.В. Эффективность государственного управления. Политический цикл 2012–2018: точка зрения главного редактора. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 411 с.
61. Кожевников С.А., Копытова Е.Д. Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения: монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 208 с.
62. Ворошилов Н.В. Региональная политика по развитию муниципальных образований: оценка эффективности и особенности реализации в современных условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 58–75. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.4
63. Моногород: управление развитием / Т.В. Ускова, Л.Г. Иогман, С.Н. Ткачук, А.Н. Нестеров, Н.Ю. Литвинова; под ред. д.э.н. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 220 с.
64. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Комплексное развитие сельских территорий – задача государственной важности // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 7–20. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.1
65. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
66. Кожевников С.А., Ускова Т.В. Государственно-частное партнерство в жилищно-коммунальном хозяйстве региона: проблемы и перспективы развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 148 с.
67. Кожевников С.А. Проблемы развития проектного управления в публичном секторе в ракурсе достижения национальных целей // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 64–77. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.5

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, заместитель заведующего отделом, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Shabunova A.A., Kozhevnikov S.A.

Public Administration Efficiency in Studies of the Vologda Research Center of RAS

Abstract. The article discusses the relevance of the problem for modern Russia, the main stages of development, and key research areas of employees of the Vologda Research Center RAS on the issues of evaluating and ensuring public administration efficiency. This topic has been a cross-cutting issue in the work of the Center employees since its foundation in 1990. The authors have proved that the variety of the studied issues, as well as the used methods, has been constantly developing. The paper demonstrates the formation of the agenda and subject of the work, and presents the achieved results, their scientific and practical significance, and promising areas for further studies on this topic. The authors reveal low public administration efficiency in Russia during the period of market reforms in the 1990s, which led to the crisis consequences in the economy and society. The article explores the key issues of public and municipal administration in the 2000s and at the current stage, limiting the implication of modernization processes in the country. The research makes it possible to evaluate the contribution of Vologda scientists to the development of theory, methodology, and tools for evaluating and improving the efficiency of public and municipal administration in Russia.

Key words: public administration, public administration efficiency, municipalities, evaluation methods.

Information about the Authors

Alexandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vsccac.ru)

Sergey A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Статья поступила 24.09.2020.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.2

УДК 323.2; ББК 60.527

© Ильин В.А., Морев М.В.

В России буксует «решительный прорыв», объявленный В. Путиным в 2018 году

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. На протяжении уже более 10 лет каждые два месяца в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в рубрике «От главного редактора» публикуются статьи, в которых рассматриваются актуальные проблемы российского общества и государства. Опираясь на экспертные оценки широкого круга ученых, социологов, экономистов, политических и общественных деятелей, а также комплекс фактологических данных, получаемых с помощью социологического и статистического инструментария, реализуется долгосрочный мониторинг эффективности государственного управления, позволяющий в режиме реального времени давать научно обоснованную оценку текущей ситуации в стране. В предыдущей статье от главного редактора, опубликованной в № 4 журнала «Экономические и социальные

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. В России буксует «решительный прорыв», объявленный В. Путиным в 2018 году // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 22–54. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.2

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Announced in 2018, V. Putin's "decisive breakthrough" is now stuck. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 22–54. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.2

перемены: факты, тенденции, прогноз», основным объектом нашего внимания стали результаты общероссийского голосования по внесению изменений в Конституцию РФ, состоявшегося 1 июля 2020 г. Новый вариант Конституции существенно усиливает социальные обязательства государства и направлен на защиту национальных интересов России. Кроме того, характер новой Конституции РФ оказался своевременным и в плане цивилизационных вызовов, поскольку повсеместная практика закрытия государственных границ в условиях пандемии COVID-19 формирует новые контуры мироустройства, которые усиливают ценность национальных интересов и ослабляют доминирующие на протяжении последних 50 лет ценности глобализации. Тем не менее по итогам общероссийского голосования многие эксперты отметили, что консолидировать общество вокруг поправок в Конституцию не получилось. Результаты нашего анализа, проведенного по данным Центральной избирательной комиссии РФ, показали, что в 47 из 86 регионов России доля избирателей, проголосовавших против изменения Конституции, оказалась больше, чем в среднем по стране; и еще выше — в некоторых областных центрах. Основная причина заключается в том, что люди не верят в желание и способность властвующих элит реализовывать предвыборные обещания главы государства. Это во многом связано с отсутствием ощутимых позитивных изменений в динамике уровня и качества жизни на протяжении последних десяти лет. Развивая данную тему, мы решили проанализировать некоторые ключевые аспекты всего процесса формирования новой, постсоветской государственности, на протяжении последних 20 лет инициируемого и контролируемого лично Президентом РФ, о чем он фактически публично объявил еще в 1999 году в своей статье «Россия на рубеже тысячелетий».

Ключевые слова: исторический процесс, национальные интересы, эффективность государственного управления, выборы Президента РФ, Конституция РФ, общественное мнение.

Еще до того как В.В. Путин впервые вступил в должность главы государства в 2000 году, он писал о том, что «идеологизированный подход к экономике обрек нашу страну на неуклонное отставание от развитых государств... Там, где есть государственная идеология как нечто официально благословляемое и поддерживаемое государством, там, строго говоря, практически не остается места для интеллектуальной и духовной свободы, идейного плюрализма, свободы печати. А значит, и для политической свободы. Я против восстановления в России государственной, официальной идеологии в любой форме»¹.

Эта мысль «красной линией» проходит через всю сравнительно недавнюю историю становления и развития молодого постсоветского государства и, по-видимому, будет проходить и в ближайшие десятилетия. Так, один из основных пунктов Конституции РФ 1993 года — «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в

качестве государственной или обязательной» — в неизменном виде сохранился и в новой редакции Главного документа страны, вступившем в силу после общероссийского голосования 1 июля 2020 г.

Сегодня, в условиях хаотичного разрушения привычных норм и ценностей, что неизбежно сопровождает процесс перехода от модерна к постмодерну, многие эксперты рассматривают «деидеологизированный и прагматичный» характер политики России как одно из ее главных геополитических преимуществ.

Деидеологизация, предполагающая ненавязывание своей системы ценностей другим странам во внешней политике и предоставление собственным гражданам максимально широких возможностей для самореализации в политике внутренней, — это принципиальная позиция и отличительная черта новой постсоветской России, хотя многие эксперты не согласны с этим и считают, что «отсутствие идеологии — это все равно что отсутствие цели»².

¹ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

² См., например: Сулакшин С.С. Качество и успешность государственных политик и управления. Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012; Стариков Н.В. Россия должна сформулировать национальную идею // Официальный блог Н. Старикова. 21.06.2019. URL: <https://nstarikov.ru/starikov-rossiya-dolzha-sformulirovat-natsionalnuyu-ideyu-104991>

Выдержка из доклада НИУ ВШЭ, подготовленного по итогам ситуационного анализа, проведенного под эгидой МИД России, при поддержке Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Международного общественного фонда «Российский фонд мира», Совета по внешней и оборонной политике и журнала «Россия в глобальной политике»: «Мы не предлагаем России принять на вооружение ту или иную государственную идеологию в классическом понимании, предполагающую выработку “единственно правильных” взглядов на историческое развитие и претендующую на истинность и универсальность системы ценностей, а также навязывание взглядов и ценностей всем остальным. Мы и мир обьелись такими идеологиями в XX в. Сейчас мы видим, как предсказуемо рушится еще одна “единственно правильная” идеология – “либерального демократизма”. **Выгодным отличием внешней политики России является ее деидеологизированный и прагматичный характер**»³.

«Один из примеров поражения из-за отмирания больших идей – СССР, в котором в 1970–1980-х годах ослабла и выродилась объединявшая его коммунистическая идеология. Нынешний пример – Европа Евросоюза. Она отказалась от национальных идей великих держав, что превратило их в средние (только Франция пытается цепляться за прежний статус), провозгласила целью европейский мир, достигла ее (правда, главным образом с помощью СССР/России и США с их ядерным оружием) и медленно, но верно скользит вниз. У ЕС был шанс на новую большую идею — создание пространства безопасности и сотрудничества от Лиссабона до Владивостока, объединяющего технологии и финансы Европы с ресурсами, человеческим капиталом и стратегической мощью России. Но он от такого проекта отказался»⁴.

Вместе с тем отсутствие идеологии не означает неостребованность (для российского общества и для России в целом, как одного из активных субъектов многополярного мира) больших идей. Напротив, вся российская история на протяжении последних 100 лет проходит именно под их знаком, будь то строительство коммунизма, защита Родины от иноземных захватчиков, освоение космоса или социалистические лозунги советских «пятилеток».

Именно ослабление большой идеи строительства коммунизма в умах и сердцах людей стало одной из основных причин распада Советского Союза, так как фактор внешнего вмешательства и предательства элит в тот переломный момент истории вряд ли бы имел такое значение, если бы на то не было молчаливого согласия большинства уставших от «железного занавеса» советских граждан.

Сегодня многие эксперты отмечают, что по этому же пути идут глобальные проекты «Западного либерализма» и «Объединенной Европы», в которой по-прежнему сохраняются ценности национального суверенитета, несмотря на активно происходящие процессы глобализации. При этом пандемия коронавируса и повсеместное закрытие государственных границ в целях профилактики распространения инфекции существенно усилили значимость национальных интересов не только в Европе, но и во всем мире.

Историю постсоветской России, начиная с момента распада Советского Союза в 1991 году и вплоть до сегодняшнего дня, даже несмотря на всю акцентированно подчеркнутую деидеологизированность, можно представить в виде последовательно сменяющих друг друга больших идей.

³ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2020 г. / С.А. Караганов, Д.В. Сулов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 36.

⁴ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2020 г. / С.А. Караганов, Д.В. Сулов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 33.

1. 1991–1999 гг.

В период «лихих 90-х» это была идея вхождения России в систему координат глобального «Западного проекта», причем вхождения не просто политического или экономического, а ментального, духовно-ценностного, проявляющегося на уровне каждого конкретного гражданина нашей страны. По замыслу «коллективного Запада» и либеральных элит, получивших власть после окончательного краха еще до недавнего времени одной из самых мощных держав мира – Советского Союза, Россия должна была стать периферийной территорией, целиком и полностью подчиненной либеральным ценностям западного мира, реализующей «экономику услуг», суть которой не в производстве промышленной продукции, а в оказании услуг на ее основе, независимо от того,

«Уважаемые граждане России, дорогие друзья! **Сегодня я обращаюсь к вам, именно к вам**, потому что вы доверили мне высший государственный пост в стране. Я понимаю, что взял на себя огромную ответственность, и знаю, **в России глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, что происходит в стране...**

Мы обязаны беречь достигнутое, хранить и развивать демократию, сделать так, чтобы избранная народом власть работала в его интересах, защищала российского гражданина везде – и в нашей стране и за ее пределами, – служила обществу. **Это принципиальная, жесткая позиция, я ее отстаивал и намерен отстаивать в будущем...**

Могу заверить вас, что в своих действиях буду руководствоваться исключительно **государственными интересами**. Возможно, не удастся избежать ошибок, но что я могу обещать и обещаю – это то, что буду работать открыто и честно.

Считаю своей святой обязанностью сплотить народ России, **собрать граждан вокруг ясных целей и задач** и каждый день и каждую минуту помнить, что у нас одна Родина, один народ, у нас с вами одно общее будущее»⁶.

где и кем эта продукция произведена»⁵. И, возможно, так бы оно и произошло, если бы жадность собственных российских элит не привела страну к экономической катастрофе, что стало крахом востребованных в то время либеральных ценностей свободы, демократии, рынка и послужило началом зарождения в обществе новой большой идеи – сильной централизованной государственной власти, способной навести порядок в стране и стабилизировать стремительно падающую экономику.

2. 2000–2007 гг.

В 2000 году эту идею «принес» с собой В. Путин. Первую речь в должности главы государства он начал с обращения к народу и принятия на себя персональной ответственности за положение дел в стране. Позже, благодаря своим личным усилиям, президент смог урегулировать «чеченский конфликт», дать отпор продолжающим расхищать национальное богатство олигархам и, главное, наладить личный контакт непосредственно с самим обществом.

Возвращаясь к первой программной статье будущего Президента РФ (где он обозначил свою четкую позицию по поводу невозможности установления в России официальной госу-

«Убежден, что достижение необходимой динамики роста – проблема не только экономическая. Это проблема также политическая и, не побоюсь этого слова, в определенном смысле идеологическая. Точнее, идейная, духовная, нравственная. Причем последний аспект на современном этапе мне представляется особенно значимым с точки зрения консолидации российского общества. Плодотворная созидательная работа, в которой так нуждается наше Отечество, невозможна в обществе, находящемся в состоянии раскола, внутренне разобщенном. В обществе, где основные социальные слои, политические силы придерживаются различных базовых ценностей и основополагающих идеологических ориентиров»⁷.

⁵ Бетелин В.В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства // Экономист. 2019. № 2. С. 4.

⁶ Речь В.В. Путина на церемонии вступления в должность Президента России 7 мая 2000 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21410>

⁷ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

дарственной идеологии), отметим, что именно в ней В. Путин указал на необходимость идеологического подхода к решению экономических проблем и именно тогда назвал «Российскую идею» первым из трех столпов новой модели государственного устройства, которую он собирается реализовывать в должности Президента и роли национального лидера.

К середине 2000-х гг., когда в России укрепились средний класс и гражданское общество, естественным путем возникла потребность в новой (точнее, следующей) большой идее – позиционирование России как самостоятельного, независимого государства на международной арене.

3. 2008–2012 гг.

Эта идея была сформулирована В. Путиным на Мюнхенской конференции по национальной безопасности в 2007 году, когда Президент РФ первым среди мировых лидеров заговорил об угрозах однополярного мира, неизбежности его многополярного устройства и месте России в нем как полноправного, суверенного партнера.

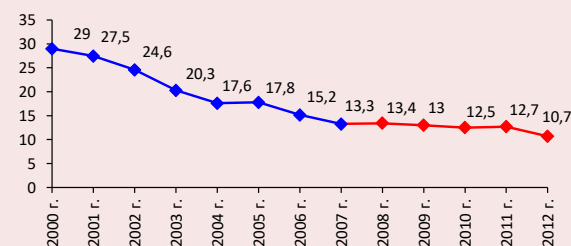
После этого, в 2008 году, конституционные обязательства вынудили В. Путина покинуть пост Президента РФ. Пока эту должность занимал Д.А. Медведев, никаких новых больших идей в России не было и не предвиделось. Напротив, этот период стал переходным и самым уязвимым для строительства российской государственности, когда страна в полной мере столкнулась с мировым финансовым кризисом, стагнацией экономики, а у сил «коллективного Запада» были все шансы воспользоваться историческим моментом и, возможно, навсегда остановить запущенный В. Путиным процесс возрождения новой России из обломков СССР.

Переживание российским обществом очередного (уже третьего за последние 10 лет) экономического кризиса вызвало потребность в формулировке новой большой идеи, которая не была бы связана с вопросами экономики,

«... что же такое однополярный мир? Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри.

Считаю, что **для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна... сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации.** Вместе с тем все, что происходит сегодня в мире, – и сейчас мы только начали дискутировать об этом – это следствие попыток внедрения именно этой концепции в мировые дела – концепции однополярного мира»⁸.

Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения

уровня и качества жизни, гораздо более глубокой, способной сплотить и консолидировать российский социум, постепенно разочаровывающийся и в эффективности системы государственного управления, возглавляемой Д. Медведевым, и в том, насколько высоки шансы России на достойное будущее при продолжающемся снижении уровня доходов населения и ключевых показателей развития.

⁸ Выступление В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

4. 2013–2017 гг.

Такой идеей выступило возрождение духовных, ментальных основ российской идентичности. Именно с ней В. Путин начал свой третий президентский срок, обратившись ко всему миру и к россиянам на международном Валдайском форуме в 2013 году.

«Для россиян, для России вопросы «кто мы?», «кем мы хотим быть?» звучат в нашем обществе все громче и громче. Мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, похоже, так же далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма. Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции»⁹.

Без сомнения, ключевой «эмоциональной точкой» в реализации этой идеи стали события «крымской весны», окончательно сформировавшие границы существующего ныне общественно-политического (или «путинского», как его называют некоторые эксперты) консенсуса¹⁰. При этом параллельно развивающийся ВПК, который с самого начала находился под непосредственным контролем В. Путина, позволил «наверстать» упущенную в 2008–2012 гг.

возможность реализации большой идеи предыдущего этапа – «позиционирование России в мире». Это ярко продемонстрировало участие России в «сирийской кампании».

Особенность анализируемого периода российской истории (2013–2017 гг.) заключается в некотором временном сбое между официальным декларированием большой идеи и ее реализацией. До этого момента каждая большая идея последовательно проходила три стадии развития: созревание в виде широкомасштабной потребности в российском социуме, официальная формулировка в публичной риторике главы государства и, наконец, реализация, выражающаяся в постепенном нарастании в обществе новой потребности и новой большой идеи.

Однако в 2013–2017 гг. В. Путину пришлось одновременно реализовывать сразу две большие идеи – консолидировать российское общество на основе традиционных духовно-нравственных ценностей и защищать суверенитет России на международной арене, что, во многом, так и осталось нереализованным из-за «пропущенного» президентского срока в 2008–2012 гг. Несмотря на то что в 2008–2012 гг. России удалось избежать самого пессимистического сценария развития событий (при котором Д. Медведев при поддержке сил «коллективного Запада» захотел бы баллотироваться и смог бы остаться на второй президентский срок), **малейшее прерывание последовательности президентских сроков В. Путина** (который,

⁹ Выступление В. Путина на Заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19243>

¹⁰ Куликов Д.Е.: «Внешнеполитическая позиция президента, воссоединение с Крымом, отношение к восставшему Донбассу, категорическое непринятие любых революционных сценариев смены власти внутри страны **сформировали новый социальный организм, который сегодня принято называть «Крымский консенсус» или «Путинский консенсус».** По оценкам различных социологических служб, в зависимости от методик проводимых исследований и акцентов в опросных анкетах, социальная база этого консенсуса составляет от 85 до 95% граждан страны. Единство данного консенсуса постоянно укрепляется в результате общественной рефлексии и расширения понимания сути геополитической и исторической ситуации. Эта ситуация заключается в том, что Россия сегодня – восставшая против мировой сверхвласти часть мира. Россия отказалась подчиняться США как мировому гегемону и выразителю интересов господства западного сверхобщества. **Данное противостояние есть противостояние принципиальное и историческое.** Либо нас сомнут, России не будет, и мир на десятилетия, а может, и на века будет подчинен мировой сверхвласти западнизма, либо нам удастся отстоять свое право на существование, на свою цивилизационную сущность и тем самым – на принципиальную возможность так называемого многополярного мира, сохраняющего культурное и цивилизационное многообразие как важнейший ресурс развития для всего человечества.

Внутри «Крымского консенсуса» нам есть о чем спорить и мы должны об этом спорить... **Но также на сегодняшний день вполне очевидно, что участниками новой политики могут стать только члены «Крымского консенсуса».** Те немногие, кто не согласен с воссоединением с Крымом, не поддерживает Донбасс, кто готов сдать на милость мирового гегемона и применить к себе правило «горе побежденным», кто не отказывается от бунтов и революций как средства захвата власти, участниками новой российской политики стать не смогут. У них нет «билета» в российский политический класс».

напомним, в 2008–2012 гг. не исчез из публичной политики, а занимал пост премьер-министра, то есть второго человека в государстве) не осталось, тем не менее, бесследным.

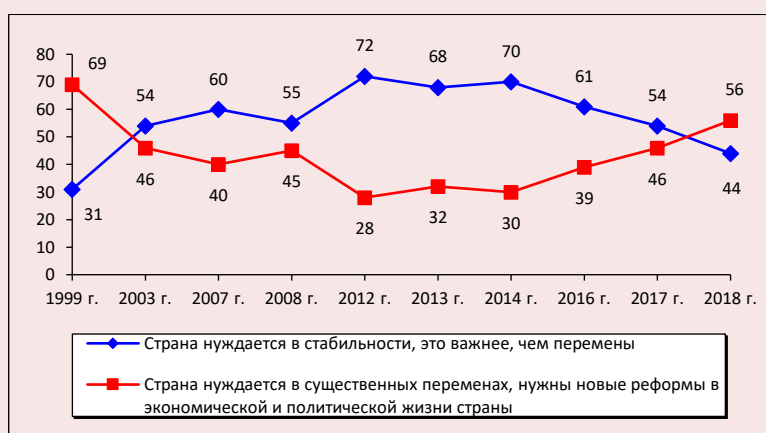
Отметим еще один важный фактор: смена ключевых политических событий в этот период носила неестественный характер, хотя именно естественный, нефорсируемый характер «жизненного цикла» большой идеи, постепенного перехода от одной стадии к другой обеспечивал ее эффективную реализацию и вместе с этим последовательное развитие всего процесса становления российской государственности.

События 2013–2017 гг. были продиктованы преимущественно отношениями России с «коллективным Западом», которые резко обострились, после того как В. Путин вернулся на президентский пост в 2012 году. Это автоматически означало продолжение курса, озвученного им в 2007 году на Мюнхенской конференции, что явно не входило в планы Запада, который всеми силами пы-

тался оставить «у руля» российского государства человека более либеральных взглядов — Д. Медведева¹¹. Отсюда быстрая и хаотичная, исчисляемая в месяцах смена общественной повестки: «валдайский форум», «украинский кризис», «крымская весна», экономический кризис 2014–2015 гг., позже — экономические санкции США, «сирийский конфликт», допинговые скандалы...

Во многом из-за этого новая потребность российского общества, которая позже стала очередной большой идеей, сформировалась также неестественно рано, уже в 2014 году, когда социологи зафиксировали устойчивый рост числа россиян, неудовлетворенных публичной риторикой власти на приоритетное сохранение стабильности в стране¹², и констатировали: «В стране растет понимание того, что без серьезной переоценки тех стратегий и приоритетов, которые оправдали себя в минувшее относительно успешное десятилетие, страна вряд ли сможет эффективно двигаться вперед»¹³.

Динамика ориентаций россиян на стабильность и перемены, % от числа опрошенных

Источник: Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 42.

¹¹ Для справки: «Президент Дмитрий Медведев 9 марта встретится в Кремле с вице-президентом США Джозефом Байденом. Визит Байдена демонстрирует поддержку Западом потенциального выдвижения Дмитрием Медведевым своей кандидатуры на второй срок... Также предполагается, что главе правительства Владимиру Путину, если он не пойдет на выборы в 2012 году, может быть предложено кресло председателя Международного Олимпийского комитета — одной из самых крупных и уважаемых организаций в мире спорта» (Источник: Коновалова Е., Александров О. Джо Байден попытается отговорить Владимира Путина баллотироваться на пост президента РФ в 2012 году? // The Moscow Post. 04.03.2011. URL: <http://www.moscow-post.ru/politics/000129922924180/>).

¹² Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 43.

¹³ Российское общество после президентских выборов — 2018: запрос на перемены: информационно-аналитическое резюме / ФНИСЦ РАН. М. 2018. С. 7.

В российском обществе, таким образом, впервые с начала президентских сроков В. Путина возникла и стала набирать все большую силу потребность в динамическом развитии и обновлении экономики, политики, новых лиц у власти, новых стандартов качества жизни. Это привело к необходимости формулирования новой большой идеи.

Таким образом, именно на историческом этапе 2013–2017 гг. в последовательной реализации Большого пути строительства новой российской государственности, который начал Президент и вместе с ним вся страна еще в 1999 году, произошел сбой. Отчасти из-за того что В. Путину пришлось прилагать двойные усилия вследствие «пропущенного» по Конституции президентского срока, отчасти – из-за обострившихся отношений с коллективным Западом, отчасти – из-за слишком раннего, неестественного созревания в обществе потребности в переменах, что во многом произошло вследствие именно эйфорийного характера событий «крымской весны».

5. 2018 г. – настоящее время.

Новая большая идея была сформулирована В. Путиным в ходе послания Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. Это была идея «решительного прорыва», причем именно по тем направлениям, которые в первую очередь волнуют общество, и развития именно «прорывного», как ответ государства на степень существующей в обществе потребности в переменах.

«В основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв»¹⁴.

Как всегда очень четкая, нацеленная на будущее, понятная для широких слоев населения и одновременно объединяющая сторонников любых политических взглядов формулировка новой большой идеи стала причиной того, что на президентских выборах 18 марта 2018 г.

он получил рекордную за всю историю выборов Президента Российской Федерации поддержку избирателей (76,69%, или 56 млн чел.). Спустя год в средствах массовой информации появилась статья В. Суркова о глубинном государстве, в которой отношения российского общества и лично В. Путина возводились в ранг концепции, причем такой, где именно «доверительное общение и взаимодействие верховного правителя с гражданами»¹⁵ являлись главным стержнем постсоветской России; инструментом, позволяющим ей в настоящем и будущем преодолевать любые исторические испытания.

Число и доля голосов, отданных за В.В. Путина на выборах Президента РФ в 2012 и 2018 гг. в целом по России

Показатель	Выборы Президента РФ		Изменение, 2018 к 2012 г.
	4 марта 2012 г.	18 марта 2018 г.	
млн чел.	45,6	56,4	+ 10,8
% от явки	63,60	76,69	+ 13,09

Однако последняя большая идея В. Путина – идея «решительного прорыва» в сбережении народа и благополучии граждан – пока что так и не начала реализовываться. Основная причина этого – нерешенность дилеммы либерально-патриотического уклада в системе государственного управления, который стал неизменным атрибутом постсоветской России.

С самого начала своих президентских сроков В. Путин был вынужден делать ставку не на национализацию насквозь пропитанных либеральными ценностями элит, захвативших власть еще в 1990-х гг., а на «ручное управление» ими. Как бы то ни было, объективный процесс глобализации стирал границы между государствами, делал мир единым целым, и исторический процесс восстановления России после распада СССР не мог происходить без внимания и соответствующего противостояния со стороны «коллективного Запада». Сам же президент всегда находился в окружении людей (и внутри страны, и на международной

¹⁴ Послание Президента Федеральному собранию 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

¹⁵ Сурков В.Ю. Долгое государство Владимира Путина // Независимая газета. 2019. 11 фев. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

политической арене), которые придерживаются либеральных взглядов, противоположных проводимому им национальному курсу развития, и с этими людьми тоже нельзя было не считаться.

Ставка на «ручное управление» государственной системой, в которой В. Путин создал себе статус арбитра, следящего за балансом интересов различных групп, кланов и семей, работала долгое время – почти 18 лет. В этот период ему удалось реализовать почти все намеченные цели. **Однако, когда потребность российского общества, а следовательно, и формируемая ею очередная большая идея, напрямую затронули то**

единственное, что всегда привлекало в России «коллективный Запад» – ресурсы, капиталы, тогда процесс последовательной реализации больших идей в нашей стране затормозился.

В «жизненном цикле» идеи прорывного развития присутствовала первая стадия (потребность общества, сформировавшаяся в 2014 году). Была вторая стадия – официальная формулировка на государственном уровне (послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2018 году), после которой потребность общества становится приоритетом курса национального развития на данном историческом промежутке времени. Но не было третьей – практической реализации заявленного курса.

Вместо этого многие эксперты в 2018–2019 гг. стали отмечать признаки того, что «элиты предчувствуют начало конца и за оставшееся у них время пытаются урвать как можно больше». На региональном уровне участились случаи коррупционных скандалов, хамского отношения и, мягко говоря, неосторожных высказываний представителей публичной власти по отношению к людям.

«Каждая война Запада за глобальную гегемонию, начиная с Великой смуты четыре столетия назад, всегда направляется против России. Субъективно элита США ориентирована на привычную логику разжигания войны против России как самой крупной неподконтрольной ей страны... Властвующая элита США стремится к уничтожению русской идентичности и превращению России в колониально неподконтрольную территорию.

Наша офшорная олигархия готова к капитуляции ради сохранения вывезенных из России капиталов... Неудивительно, что наша экономика стала сырьевой – **кроме природных ресурсов западному миру от нас ничего не нужно.** И происходит это потому, что рубль по сути механизма своего создания остаётся суррогатом – финансирование прироста российской экономики допускается лишь в той мере, в которой увеличивается её вклад в обеспечение США и ЕС сырьём и активами. Наши денежные власти продолжают ориентироваться на указания вашингтонских финансовых организаций в ущерб интересам страны»¹⁶. «Ущерб от деятельности денежных властей достиг за последние три года около 20 трлн рублей недопроизведенной продукции и свыше 10 трлн руб. несделанных инвестиций. Хотя население его ощущает вполне материально в форме снижающихся четвертый год подряд реальных доходов и нарастающей бедности»¹⁷.

«Отечественные чиновники все меньше боятся публичных скандалов и все чаще выказывают презрение к общественному мнению. Народ отвечает на это недоверием почти ко всем институтам государства и даже к собственным избранникам»¹⁸.

«Люди вдруг почувствовали, что все происходит, как в банальном очень известном изречении: “Если ты не займешься политикой, она займется тобой”. Это довольно пошлое высказывание, но оно точно отражает то, что происходит сейчас. Политика пришла буквально в каждый дом и каждую семью, потому что власть и правительственные чиновники ошалели от безнаказанности. В течение последних лет проходили любые их решения и начинания, даже самые нелепые – им все сходило с рук»¹⁹.

¹⁶ Глазьев С.Ю. Мы слишком долго отступали // Литературная газета. 2018. № 21. URL: <https://lgz.ru/article/-21-6645-30-05-2018/my-slishkom-dolgo-otstupali/>

¹⁷ США нужны ресурсы России, поэтому война неизбежна (интервью С.Ю. Глазьева) // Информационный ресурс Gradator. 16.05.2018. URL: <https://gradator.ru/news/economy/2167.html>

¹⁸ Российское чиновничество уходит в отрыв, превращаясь в «небожителей». Кому это нужно? // Русское агентство новостей. 2018. 27 дек. URL: <http://ru-an.info/>

¹⁹ Трапезников П. Российская власть ошалела от безнаказанности... (материалы интервью с директором Института глобализации и социальных движений Б. Кагарлицким) // Литературный портал «Имба-читальня». 11.07.2018. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/2314863/>

На федеральном уровне «заморозилось» выполнение национальных проектов (сроки которых пришлось переносить на 2030 год²⁰), откуда-то появились идеологи пенсионной реформы²¹ (хотя многие экономисты приводили конкретные расчеты, доказывающие, что потребности в изменении пенсионного законодательства нет и для реализации сформулированной Президентом РФ цели «решительного прорыва в сбережении народа России и благополучии наших граждан» нужны совершенно иные механизмы и инструменты²²).

В. Путин, являющийся центром созданной им системы государственного управления не только для элитарных групп, но и в глазах российского общества, для того чтобы сохранить доверие населения, на которое он всегда опирался при формулировке и реализации больших идей, был вынужден объяснять сложившуюся ситуацию на публичном уровне, обращаясь непосредственно к обществу (в частности по пенсионной реформе). **Однако это не принесло должного эффекта, в связи с тем что, какими бы ни были причины, главная потребность общества**

Как показывают данные общероссийских опросов ВЦИОМ и региональных исследований ВолНЦ РАН, именно в 2018 году в оценках общественного мнения возник устойчивый тренд на снижение уровня одобрения деятельности главы государства, который, по большому счету, не преодолен до сих пор.

За период с 2018 по 2019 год поддержка Президента РФ снизилась с 71 до 64% – по данным ВЦИОМ и с 66 до 57% – по данным ВолНЦ РАН.

и сформулированная на ее основе большая идея «решительного прорыва» так и оставались нереализованными – впервые с того момента, когда Россия встала на путь, по которому идет и в настоящее время.

Здесь следует отметить два фактора, во многом предопределивших (наряду с откровенным саботажем президентских поручений со стороны правящих элит) специфику формулировки последней большой идеи В. Путина и, вместе с этим, специфику всего исторического этапа с 2018 года по настоящее время.

«Российские чиновники полностью оторваны от жизни, игнорируют эту жизнь... Они считают демонстрацию своего презрения гражданам нормой и делом чести, доблести, геройством. По-другому сложно их поведение объяснить. Такое ощущение, что они совершенно не собираются исполнять обещания государства. Достаточно вспомнить майские указы президента 2012 года и то, как саботировало их правительство шесть лет»²³.

Первый фактор – это временной сбой в 2013–2017 гг., в результате которого новая потребность общества (потребность в переменах) сформировалась неестественно рано. «Жизненный цикл» каждой большой идеи – 6–9 лет. При этом, как уже отмечалось, начало «жизненного цикла» идеи прорывного развития – не 2018 год (когда появились эта формулировка и новые национальные проекты), а гораздо раньше – 2014 год, когда закончилась «эйфория» крымской весны и проявился новый виток экономического кризиса 2014–2015 гг.

²⁰ Указ о национальных целях развития России до 2030 года. 21.07.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>

²¹ Иванов А. Автор пенсионной реформы, знакомьтесь // Завтра. 2018. 24 июня. URL: http://zavtra.ru/events/avtor_pensionnoj_reformi_znakom_tes_

²² См., например: Бялый Ю.В. Пенсионный фарс – 2018 // Информационное агентство «Красная весна». 29.06.2018. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/365b3ffa?gazeta=/gazeta/284>; Широков А.А., Потапенко В.В. О справедливой пенсионной системе // Эксперт. 2018. № 24. 11–17 июня. С. 53; Башкатова А. «НГ» подсчитала, сколько получают пенсионеры в результате реформы // Независимая газета. 2018. 20 июня. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-06-20/4_7248_minus.html; Обухова Е., Пахунов К., Ивантер А. Это реформа, детка! // Эксперт. 2018. № 26 (1080). 25 июня; Сергеев М. Инициаторы пенсионной реформы дают задний ход // Независимая газета. 2018. 27 дек. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-07-12/1_7264_pensia.html; Цыпляев С.А. Пенсионный маневр. Интервью на радио «Эхо Москвы». 2018. 7 июля. URL: https://echo.msk.ru/blog/tsuplyaev_s/2235806-echo/; Миронов М. В чем несправедливость пенсионной реформы? URL: <https://echo.msk.ru/blog/mmironov/2224872-echo/>

²³ «Демонстрация презрения – норма»: Делягин объяснил, почему чиновники саботируют майские указы Путина (интервью с М.Г. Делягиным) // Информационный портал Царьград ТВ. 2019. 3 июля. URL: https://yandex.ru/turbo/tsargrad.tv/s/news/demonstracija-prezrenija-norma-deljagin-objasnil-pochemu-chinovniki-sabotirujut-majskie-ukazy-putina_206739

Таким образом, между созреванием в обществе потребности в переменах (2014 г.) и официальной формулировкой курса на прорывное развитие (2018 г.) прошло целых 4 года. Это период, сравнимый с предыдущим историческим этапом строительства российской государственности (2013–2017 гг.), за который В. Путину удалось реализовать сразу две большие идеи. Естественно, за такой большой срок рост потребности в динамическом развитии уровня и качества жизни, социальной справедливости приобрел экстремальный характер. Во многом поэтому объявленный в 2018 году курс на приоритетное решение ключевых вопросов внутри страны должен был носить именно прорывной характер.

Второй фактор – естественная смена поколений. Российское общество за последние 20 лет существенно изменилось: ряды российских избирателей пополняют молодые люди, которым не важно, каких результатов добилась российская власть к настоящему времени по сравнению с 1990-ми гг. Они родились уже после 2000 г., и им важно, как обстоят дела в России по сравнению с другими странами мира, большинство из которых существенно уступают ей по изначальным конкурентным преимуществам.

По данным экзитпула ВЦИОМ, проведенного в день выборов Президента РФ (13.03.2018 г.), «средний возраст большинства избирателей (28,1%) – 60 лет, еще 26,8% опрошенных – 45 лет. Средний возраст 21,4% опрошенных – примерно 35 лет, 15,6% – 25 лет, еще 8,1% – 18 лет»²⁴.

Исходя из этих данных, **45% россиян**, принявших участие в голосовании на должность Президента РФ, родились в 1983 г. и позже, то есть в **2000 г. они еще даже не достигли совершеннолетнего возраста.**

24% избирателей (то есть почти каждый четвертый) родились в 1993 г. и позже, то есть в **2000 г. им было минимум 7 лет**, и, следовательно, практически вся их сознательная жизнь проходила в период уже после «лихих 90-х»; во время президентских сроков В.В. Путина.

«Опрос ФОМа показывает, что в группе от 18 до 30 лет пессимистичные оценки будущего встречаются чаще, чем оптимистичные. И их сложно мобилизовать, используя проверенные приемы времен холодной войны, образы наступающих врагов и осажденной крепости. Они не понимают, почему нужно затягивать пояса и терпеть ради этой власти, что конкретно она дала стране в последние 10 лет»²⁵.

Таким образом, в силу различных причин большая идея «решительного прорыва» не реализуется вот уже шесть лет (с 2014 года, когда в ней появилась потребность общества). Пандемия коронавируса, с которой столкнулись Россия и весь мир в 2019 году, лишь обострила ситуацию. Но напряженность экономической обстановки в связи с карантинными мероприятиями – это только «маленький кирпичик» процесса, а никак не объяснение уже давно нарастающего социального пессимизма.

В результате столь долгого срока нереализованности идея прорывного развития, которая гипотетически должна была консолидировать

«Он [Путин] был коромыслом весов, на котором качались две чаши укладов – патриотического и либерального. Но с какого-то определенного момента эти весы разбалансировались: патриотический уклад вышел из-под контроля Путина, либеральный – тоже. Президент не сумел за время после Крыма совершить долгожданного рывка, развития, которое бы соединило два этих уклада. И каждый уклад пошел своей стороной. Внутри каждого возникла путаница, сложная система распадов. Поэтому Путин не контролирует эти два огромных массива современной России. Наверное, он контролирует губернаторов, армию, силовые структуры, но он в меньшей степени следит за этими огромными, сложившимися за постсоветское время общественными пластами, которые развиваются своим собственным путем, причем достаточно хаотично»²⁶.

²⁴ ВЦИОМ назвал средний возраст большинства проголосовавших на выборах // РИА новости. 2018. 18 марта. URL: <https://ria.ru/20180318/1516645631.html>

²⁵ О новом социальном пессимизме (редакционная статья) // Независимая газета. 2020. 14 сент. URL: https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/editorial/2020-09-14/2_7963_editorial.html

²⁶ Проханов А. Я вижу проблемы Путина, его драму // Завтра. 2020. 13 окт. URL: https://zavtra.ru/blogs/ya_vizhu_problemi_putina_ego_dramu

общество, стала ударом и по Президенту, и по всему процессу последовательного строительства постсоветской государственности:

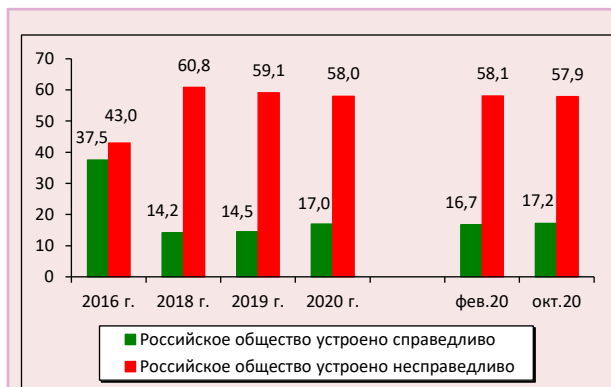
✓ Президент стал утрачивать контроль над либеральным и патриотическим укладами.

✓ Уровень одобрения деятельности главы государства в российском обществе стал падать.

✓ Всегда наблюдающие за событиями в России и, безусловно, жаждущие в очередной раз устранить своего геополитического конкурента «западные партнеры» активизировались и постепенно заключают Россию в кольцо крайне негативных событий (причем не только территориально, но и по сути): Белоруссия, Хабаровск, «дело Навального», Нагорный Карабах...

В январе 2020 года в ходе своего ежегодного обращения к Федеральному собранию²⁷ Президент РФ внес конкретные предложения по изменению Конституции Российской Федерации. Эта инициатива В. Путина вполне может рассматриваться как попытка создать новую большую идею, т. к. поправки к Основному Закону страны — это лишь инструмент достижения цели, а сама цель кроется в содержательном их аспекте. Поправки можно разделить на три блока, соответствующие трем составляющим новой большой идеи: усиление социальных обязательств государства, укрепление властной вертикали и актуализация гражданско-патриотических настроений в обществе (подробнее об этом мы писали в одной из наших предыдущих статей²⁸).

Тем не менее принципы, заложенные в измененной Конституции РФ, новой большой идеей так и не стали, даже несмотря на то, что инициатива В. Путина по изменению Основного Закона вновь была сформулирована очень точно, в соответствии с растущим общественным запросом на социальную справедливость и ценность социального государства, и что к этому процессу была широко привлечена общественность и большинство россиян все-таки поддержали

Источник: данные мониторинга общественного мнения ФГБУН ВолНЦ РАН.

Как мы видим, вступление в силу поправок к Конституции РФ после общероссийского голосования 1 июля 2020 г. никак не отразилось на оценке населением устройства современного общества: с 2019 г. большинство людей (58–59%) считают его несправедливым.

поправки на общероссийском голосовании 1 июля 2020 г.: «за» проголосовали почти 58 млн чел. (или 78% граждан, принявших участие в голосовании).

Новая «социально ориентированная» Конституция РФ не приобрела черты большой идеи, не дала обществу идеологический импульс. Если, например, в марте 2018 года (после того как В. Путин объявил о «прорывном» развитии) Президент получил рекордное число голосов на выборах главы государства, то по результатам общероссийского голосования по поправкам к Конституции эксперты отметили: «...консолидировать общество вокруг поправок в Конституции не получилось»²⁹. По результатам нашего анализа³⁰, проведенного по данным Центральной избирательной комиссии РФ, в 47 из 86 субъектов РФ доля голосов против внесения изменений в Основной Закон была выше, чем в среднем по стране (21,27%). В некоторых регионах (например, в Мурманской, Омской, Магаданской областях, Хабаровском крае, Камчатском крае, Республике Саха) этот показатель доходил до 35–40%.

²⁷ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

²⁸ Ильин В.А., Морев М.В. Ещё один шаг к «долгому государству» В. Путина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 9–33.

²⁹ Конституционный пролог к будущему // Эксперт. 2020. № 28. 6–12 июля.

³⁰ Ильин В.А., Морев М.В. Кредит доверия Президенту подтвержден. Достижение целей социально-экономического развития до 2024–2030 гг. в тумане // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 9–37.

Число и доля голосов, отданных за В.В. Путина на выборах Президента РФ 18.03.2018 г. и за внесение поправок в Конституцию РФ 01.07.2020 г. в целом по России

Показатель	18 марта 2018 г.	1 июля 2020 г.	Изменение, 2018 к 2012 г.
млн чел.	56,4	57,8	+ 1,4
в % от явки	76,69	77,92	+ 1,23

«По сравнению с «конституционным» голосованием 25 июня – 1 июля ощутимо снизилась явка избирателей, несмотря на введение «трёхдневки», то есть досрочного волеизъявления избирателей в течение пятницы и субботы 11-12 сентября вдобавок к «основному» воскресному дню 13 сентября. Отчасти это можно объяснить «местным» характером прошедших выборов, традиционно вызывающих у наших сограждан гораздо меньший интерес. Но разница здесь такова, что сам собой напрашивается следующий вывод: **российское общество в целом и, особенно, в отдельных регионах нашей страны проявляет растущую политическую пассивность, причём это в меньшей степени касается «национальных» субъектов Федерации. Такая картина говорит не только о принципиальной разнице в системах управления «обычными» регионами и республиками в составе РФ, но также о процессе пусть не противостояния, но отчуждения, дистанцирования нашего общества от действующей системы отечественной политической власти»³¹.**

В регионах и крупных городах с системообразующими для отечественной экономики предприятиями³², владельцы которых являются не последними участниками рейтинга богатейших бизнесменов Forbes³³, очевидно, имеющих более выгодное положение по сравнению с остальными субъектами РФ, за инициированные Президентом РФ поправки к Основному Закону проголосовало на 1,5 млн чел. меньше, чем за В. Путина на президентских выборах 2018 г. (вкладка 1).

Что касается региональных и муниципальных выборов, состоявшихся 13 сентября 2020 г., ставших первым подобным мероприятием после принятия новой Конституции, то здесь картина еще более наглядная: по сравнению с предыдущим единым днем голосования (15 сентября 2015 г.) только в Архангельской и Иркутской областях возросла доля населения, проголосовавшего за представителей партии власти (на 100 и 99 тыс. чел. соответственно; вкладка 2).

Число голосов, отданных за представителей от «Единой России» на региональных и муниципальных выборах 2015 и 2020 гг. в отдельных субъектах РФ

Показатель, тыс. чел.	Единый день голосования		Изменение, 2020 к 2015 г.
	15 сентября 2015 г.	13 сентября 2020 г.	
В целом по 6 регионам*	1595,82	1512,21	-83,61
В целом по 3 городам**	119,06	92,19	-26,87

* Белгородская обл., Архангельская обл., Ямало-Ненецкий авт. округ, Челябинская обл., Иркутская обл., Магаданская обл.
** г. Липецк, г. Магнитогорск, г. Магадан.

³¹ Винников В. Тихая заводь: об итогах единого политдня // Завтра. 2020. 16 сент.

³² В выборку исследования вошли 14 регионов и 17 городов (их областные столицы и некоторые крупные города), на территории которых располагаются крупные, системообразующие для российской экономики компании (такие как Норильский Никель, НЛМК, Коватэк, Северсталь, Лукойл, Металлоинвест, ММК, Евраз, ФосАгро, Акрон, Русал, Севералмаз, Полиметалл).

³³ Среди них:

Потанин В.О. (состояние – 19,7 млрд долл.; 1 место в Forbes);

Лисин В.С. (состояние – 18,1 млрд долл.; 2 место в Forbes);

Михельсон Л.В. (состояние – 17,1 млрд долл.; 3 место в Forbes);

Мордашов А.А. (состояние – 16,8 млрд долл.; 4 место в Forbes);

Алекперов В.Ю. (состояние – 15,2 млрд долл.; 5 место в Forbes) и др.

Вкладка 1

Число голосов избирателей, отданных за В.В. Путина на президентских выборах в период с 2000 по 2018 гг. и за внесение поправок в Конституцию РФ 1 июля 2020 г. (данные в абс. значениях, млн чел.)

Территория*	Выборы Президента РФ							Общероссийское голосование по поправкам к Конституции	Изменение (+ / -)	
	26 марта 2000 г.	14 марта 2004 г.	2 марта 2008 г.	4 марта 2012 г.	18 марта 2018 г.	1 июля 2020 г.	2020 к 2000 г.		2020 к 2018 г.	
В целом по РФ	39,740	49,563	52,531	45,602	56,426	57,747	+18,007	+1,321		
Центральный ФО	9,928	11,780	13,084	10,354	14,034	14,409	+4,481	+0,375		
Белгородская обл.	0,401	0,457	0,638	0,534	0,711	0,799	+0,398	+0,087		
Липецкая обл.	0,268	0,399	0,482	0,382	0,542	0,480	+0,212	-0,062		
Северо-Западный ФО	4,803	4,755	4,751	4,003	4,974	5,047	+0,244	+0,073		
Вологодская обл.	0,472	0,469	0,451	0,626	0,454	0,389	-0,083	-0,065		
Архангельская обл.	0,428	0,483	0,417	0,333	0,407	0,297	-0,131	-0,110		
Ненецкий авт. округ	0,013	0,015	0,015	0,013	0,018	0,010	-0,003	-0,008		
Новгородская обл.	0,260	0,214	0,210	0,180	0,209	0,173	-0,087	-0,036		
Уральский ФО	3,334	4,348	4,440	4,133	4,714	4,100	+0,766	-0,614		
Свердловская обл.	1,352	1,506	1,432	1,338	1,556	1,132	-0,220	-0,423		
Ямало-Ненецкий авт. округ	0,136	0,246	0,269	0,283	0,291	0,265	+0,129	-0,026		
Ханты-Мансийский авт. округ	0,341	0,481	0,528	0,470	0,600	0,488	+0,147	-0,113		
Челябинская обл.	0,893	1,237	1,214	1,125	1,276	1,190	+0,297	-0,086		
Сибирский ФО	3,729	5,361	5,772	5,232	6,171	5,451	+1,722	-0,721		
Иркутская обл.	0,586	0,622	0,739	0,595	0,764	0,530	-0,056	-0,234		
Красноярский край**	0,669	0,694	0,815	0,784	0,941	0,849	+0,179	-0,093		
Приволжский ФО	9,436	12,023	12,323	11,015	12,271	13,016	+3,580	+0,745		
Самарская обл.	0,710	0,921	0,934	0,912	1,235	1,346	+0,636	+0,111		
Дальневосточный ФО	2,003	2,706	2,817	2,438	2,633	2,517	+0,514	-0,116		
Магаданская обл.	0,062	0,057	0,054	0,039	0,053	0,034	-0,028	-0,019		
ИТОГО по 6 федеральным округам***	33,232	40,973	43,187	37,175	44,797	44,540	+11,307	-0,258		
ИТОГО по 14 регионам	6,591	7,802	8,198	7,614	9,058	7,981	+1,390	-1,077		

Вкладка 1 (окончание)

Число голосов избирателей, отданных за В.В. Путина на президентских выборах в период с 2000 по 2018 гг. и за внесение поправок в Конституцию РФ 1 июля 2020 г. (данные в абс. значениях, млн чел.)

Территория*	Выборы Президента РФ						Общероссийское голосование по поправкам к Конституции	Изменение (+ / -)	
	26 марта 2000 г.	14 марта 2004 г.	2 марта 2008 г.	4 марта 2012 г.	18 марта 2018 г.	1 июля 2020 г.		2020 к 2000 г.	2020 к 2018 г.
В целом по РФ	39,740	49,563	52,531	45,602	56,426	57,747	+18,007	+1,321	
Центральный ФО	9,928	11,780	13,084	10,354	14,034	14,409	+4,481	+0,375	
г. Белгород	0,078	0,089	0,116	0,111	0,144	0,154	+0,075	+0,010	
г. Липецк	0,120	0,159	0,179	0,138	0,189	0,097	-0,023	-0,092	
Северо-Западный ФО	4,803	4,755	4,751	4,003	4,974	5,047	+0,244	+0,073	
г. Вологда	0,087	0,102	0,103	0,090	0,115	0,101	+0,014	-0,014	
г. Череповец	0,118	0,119	0,111	0,090	0,127	0,078	-0,039	-0,049	
г. Архангельск	0,103	0,130	0,109	0,093	0,114	0,075	-0,028	-0,038	
г. Нарьян-Мар	0,013	0,006	0,004	0,081	0,007	0,004	-0,009	-0,004	
г. Великий Новгород	0,064	0,057	0,061	0,105	0,072	0,048	-0,016	-0,024	
Уральский ФО	3,334	4,348	4,440	4,133	4,714	4,100	+0,766	-0,614	
г. Екатеринбург	0,379	0,425	0,424	0,372	0,493	0,316	-0,063	-0,177	
г. Салехард	0,009	0,015	0,019	0,022	0,019	0,021	+0,012	+0,003	
г. Ханты-Мансийск	0,006	0,013	0,021	0,020	0,037	0,043	+0,037	+0,007	
г. Челябинск	0,250	0,349	0,359	0,336	0,408	0,403	+0,153	-0,005	
г. Магнитогорск	0,145	0,179	0,169	0,141	0,155	0,119	-0,026	-0,036	
Сибирский ФО	3,729	5,361	5,772	5,232	6,171	5,451	+1,722	-0,721	
г. Иркутск	0,125	0,126	0,145	0,128	0,194	0,105	-0,020	-0,089	
г. Красноярск	0,192	0,192	0,240	0,237	0,323	0,303	+0,110	-0,021	
г. Норильск	0,060	0,059	0,063	0,057	0,059	0,072	+0,013	+0,013	
Приволжский ФО	9,436	12,023	12,323	11,015	12,271	13,016	+3,580	+0,745	
г. Самара	0,262	0,298	0,315	0,341	0,419	0,475	+0,212	+0,056	
Дальневосточный ФО	2,003	2,706	2,817	2,438	2,633	2,517	+0,514	-0,116	
г. Магадан	0,033	0,033	0,032	0,023	0,034	0,019	-0,014	-0,015	
ИТОГО по 6 федеральным округам***	33,232	40,973	43,187	37,175	44,797	44,540	+11,307	-0,258	
ИТОГО по 17 городам	2,045	2,350	2,472	2,385	2,910	2,433	+0,388	-0,477	

* Федеральные округа были образованы 13 мая 2000 г., уже после президентских выборов (состоялись 26 марта 2000 г.), поэтому данные по федеральным округам за 2000 г. – условны.

** Данные за 2000 и 2004 гг. – без учета Эвенкийского и Таймырского автономных округов, которые были отдельными субъектами РФ.

*** Без учета Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Вкладка 2

Итоги региональных и муниципальных выборов 2015–2020 гг. (число голосов избирателей, отданных за «Единую Россию», тыс. чел.)*

Регион	15 сентября 2015 г.			13 сентября 2020 г.			Изменение (+ / -) числа голосов, отданных за
	Численность		Число голосов, отданных за	Численность		Число голосов, отданных за	
	населения	избирателей		населения	избирателей		
Белгородская обл.	1547,94	1201,22	403,99	1549,15	1229,20	428,08	+24,09
Архангельская обл.	1183,32	979,70	109,52	1136,54	924,17	210,06	+100,54
Ямало-Ненецкий авт. округ	539,99	341,38	165,98	544,44	365,16	111,11	-54,87
Челябинская обл.	3497,27	2693,23	624,86	3466,37	2600,38	374,29	-250,57
Иркутская обл.	2414,91	1869,45	270,53	2391,19	1864,89	369,76	+99,23
Магаданская обл.	148,07	108,14	20,94	140,15	97,81	18,90	-2,05
ИТОГО по 6 регионам	9331,50	7193,11	1595,82	9227,84	7081,61	1512,21	-83,61
ИТОГИ ВЫБОРОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО УРОВНЯ В 2015–2020 гг.							
Липецк	501,15	409,96	31,53	508,57	401,96	38,52	+6,99
Магнитогорск	417,04	318,56	76,39	413,25	311,96	46,31	-30,08
Магадан	92,97	71,98	11,14	92,05	67,025	7,36	-3,78
ИТОГО по 3 городам	1011,17	800,50	119,06	1013,88	780,93	92,19	-26,87

* В таблице представлены анализируемые регионы, в которых 13 сентября 2020 г. состоялись выборы регионального уровня (выборы глав субъектов РФ, выборы депутатов Законодательного Собрания).

13 сентября 2020 г. состоялись выборы высших должностных лиц в 18 субъектах РФ (Республика Коми, Татарстан, Чувашская Республика, Камчатский, Краснодарский, Пермский край, Архангельская, Брянская, Иркутская, Калужская, Костромская, Ленинградская, Пензенская, Ростовская, Смоленская, Тамбовская области, Севастополь и Еврейская автономная область). В 11 регионах состоялись выборы депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ (Республика Коми, Белгородская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курганская, Магаданская, Новосибирская, Рязанская, Челябинская области, Ямало-Ненецкий автономный округ). В 22 областных столицах прошли выборы депутатов представительных органов муниципальных образований административных центров (г. Сыктывкар, г. Казань, г. Ижевск, г. Чебоксары, г. Краснодар, г. Астрахань, г. Владимир, г. Воронеж, г. Иваново, г. Калуга, г. Кострома, г. Липецк, г. Магадан, г. Нижний Новгород, г. Новосибирск, г. Оренбург, г. Орел, г. Ростов-на-Дону, г. Смоленск, г. Тамбов, г. Томск и г. Ульяновск).

В целом по всем анализируемым регионам поддержка власти уменьшилась на 84 тыс. чел., в городах — на 27 тыс. чел.

Оценивая итоги единого дня голосования 13 сентября 2020 г., генеральный директор ВЦИОМ В.В. Федоров отметил, что **сценарий предстоящей федеральной кампании для власти и ее партии получается исключительно пессимистичным**, притом что «основное ухудшение в социально-экономической сфере еще впереди». Основной риск единороссов — это географическое распределение масс избирателей. Они в основном сосредоточены в крупных городах и настроены оппозиционно, так что «лояльного власти электората села и малых городов в 2021 году не хватит... ЕР переживает сегодня эйфорию в связи с победой на низкой явке и административной мобилизации, но в 2021 году повторить этот успех не получится — условия в федеральной кампании будут совсем другими. Стратегия “сушить явку” на федеральных выборах чревата их делегитимацией и поэтому использована быть не может»³⁴.

Сложно не согласиться с мнением экспертов, связывающих различные показатели электоральной статистики (динамику явки, результаты голосования) с нарастающим в россий-

ском обществе социальным пессимизмом, который выступает прямым следствием и одновременно показательным индикатором эффективности государственного управления.

Об этом в большей степени можно судить по результатам социологических опросов, фиксирующих динамику общественных настроений в режиме «реального времени», в отличие от электоральной статистики, на которую во многом влияет агитационный период, предшествующий выборам любого уровня.

Для анализа тенденций общественного мнения мы взяли два индикатора, которые кажутся нам наиболее репрезентативными:

1. Оценка деятельности Президента РФ (как показатель отношения социума к общему курсу развития страны, учитывая исторически обусловленную высокую роль института президентства в России, а также отношение российского общества лично к В.В. Путину).

2. Индекс потребительских настроений (ИПН; как показатель, имеющий не столько экономическое, сколько психологическое значение, поскольку отражает одновременно три аспекта общественных настроений: субъективную оценку населением текущей экономической ситуации в стране, характеристику своего личного материального положения и прогнозы их развития в ближайшем будущем, то есть фактически ИПН отражает представления людей о жизни (своей и страны в целом) сегодня и завтра).

Оба отобранных индикатора измеряются в мониторинговом режиме как в целом по стране (ВЦИОМ, Левада-Центр), так и на региональном уровне (ФГБУН ВолНЦ РАН). При этом внушительная динамика данных, охватывающая фактически всю историческую эпоху президентских сроков В.В. Путина (с 2000 г. по настоящее время), позволяет охарактеризовать и процесс трансформации российского общества,

«...усугубившиеся в большинстве регионов социально-экономические проблемы, **широко распространенный социальный пессимизм**, многочисленные претензии к «старым» губернаторам и аморфное отношение общества к новым, все это не позволяет прогнозировать повторение на губернаторских выборах того же уровня поддержки власти, которую продемонстрировал плебисцит или, например, выборы президента в 2018 г. **Поэтому элемент непредсказуемости в электоральном поведении остается**»³⁵.

³⁴ Гармоненко Д. На выборах в Госдуму «Единая Россия» столкнется с семью рисками // Независимая газета. 2020. 6 окт. URL: https://www.ng.ru/politics/2020-10-06/1_7982_elections.html (по материалам выступления В.В. Федорова «Итоги ЕДГ-2020 — перспективы выборов в Госдуму-2021» на заседании Научного совета ВЦИОМ «Российские региональные выборы — 2020: тенденции и перспективы» 23 сентября 2020 г.).

³⁵ Туровский Р. Губернаторские выборы-2020: между лояльностью и протестом // Информационный сайт политических комментариев Politcom.ru. 2020. 17 авг. URL: <http://politcom.ru/23927.html>

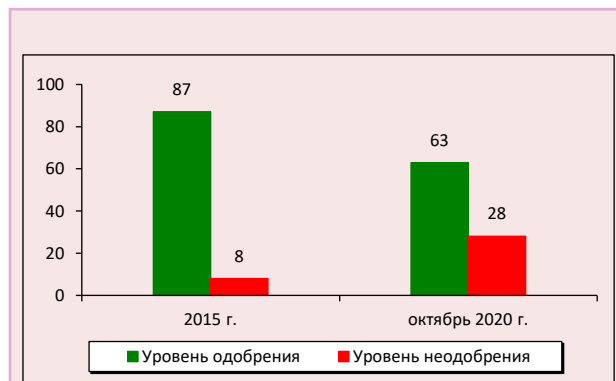
и эффективность системы государственного управления за этот период, в том числе дает наглядный ответ на вопрос «В чем причина нарастающего в обществе социального пессимизма?».

Общероссийские и региональные данные (несмотря на то что для их получения используются разные методы сбора информации) в целом говорят об одном и том же: на протяжении последних 5 лет (с 2015 г.) в динамике оценок деятельности главы государства существенных улучшений не наблюдается (вкладка 3).

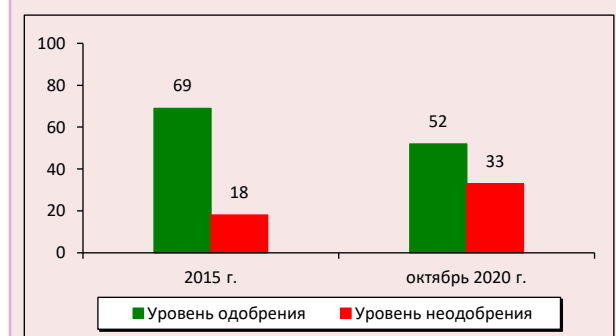
По данным ВЦИОМ за период с 2015 года по октябрь 2020 года уровень одобрения деятельности Президента снизился на 24 п. п. (с 87 до 63%), а доля негативных оценок возросла на 20 п. п. (с 8 до 28%). По данным ВолНЦ РАН доля положительных оценок деятельности главы государства за этот же период уменьшилась на 17 п. п. (с 69 до 52%), а отрицательных – увеличилась на 15 п. п. (с 18 до 33%).

При этом необходимо отметить, что и рост положительных оценок деятельности главы государства в 2013–2015 гг.³⁶ был, скорее всего, связан с событиями «крымской весны», безусловно, имеющих важное значение для психологического состояния российского общества и укрепления национальной идентичности, однако весьма слабо относящихся к наиболее актуальным проблемам, волнующим население, связанным с уровнем и качеством жизни, достижением социальной справедливости и т. д. Поэтому, собственно, и период времени, когда уровень одобрения деятельности Президента демонстрировал устойчивую динамику роста, оказался непродолжительным (всего 2 года, с 2013 по 2015 год).

На протяжении всего периода президентских сроков В. Путина (с 2000 г. по настоящее время) зафиксировано лишь три непродолжительных периода, когда происходил всплеск резкого повышения рейтинга главы государства: это был 2000 год (когда начался комплексный процесс

Оценка деятельности Президента РФ (данные ВЦИОМ), % от числа опрошенных

Оценка деятельности Президента РФ (данные ВолНЦ РАН), % от числа опрошенных

восстановления страны после «лихих 90-х»), 2007 год (когда этот восстановительный процесс достиг своего пика) и 2015 год (связанный с ростом патриотических настроений вследствие вхождения Крыма и Севастополя в состав России). За исключением этих трех моментов в современной российской истории и, в частности, за последние 5 лет (2015–2020 гг.) общественная оценка деятельности Президента РФ не демонстрировала позитивной динамики, и эта «стагнация» всё сильнее проявляет себя как фактор социального пессимизма, вступая в противоречие с по-настоящему амбициозными правильными и конкретными целями, которые декларируют органы власти в своей публичной риторике.

³⁶ За период с 2013 по 2015 год уровень одобрения деятельности Президента РФ увеличился на 15 п. п. (с 63 до 87%) – по данным ВЦИОМ и на 14 п. п. (с 55 до 69%) – по данным ВолНЦ РАН.

По данным ВЦИОМ, если в 2000 году (первый год президентского срока В. Путина) уровень одобрения деятельности главы государства составлял 80%, то в 2019 и 2020 гг. — 60–65% (то есть на 20 п. п. меньше).

Не менее говорящей оказывается и динамика индекса потребительских настроений³⁷. В целом за период с 1998 года по настоящее время (по данным ВолНЦ РАН) оценку населением экономической ситуации в стране, своего личного материального положения и их прогнозов на будущее можно было назвать положительной только в по-

следние годы перед мировым финансовым кризисом. Об этом свидетельствует значение ИПН выше 100 пунктов в 2005–2008 гг. (вкладка 4)³⁸.

Во всем же остальном периоде последних 22 лет мы можем говорить лишь о пессимистических настроениях, периодически колеблющихся в ту или иную сторону под воздействием тех или иных событий на внешней и внутренней политической арене. В том числе и за последние 12 лет, в чем результаты региональных исследований ВолНЦ РАН коррелируют с данными общероссийских опросов Левада-Центра.

³⁷ Для справки: индекс потребительских настроений — это сводный показатель экономики государства; индикатор, разработанный для измерения потребительской уверенности, определенной как степень оптимизма относительно состояния экономики, который население выражает через своё потребление и сбережение. Индекс показывает, насколько оптимистично потребители оценивают экономику страны.

Методика построения ИПН такова, что он агрегирует в себе частные мнения отдельных людей, не зависящих друг от друга и не влияющих друг на друга. ИПН строится на основе массовых опросов населения, поэтому является показателем, отражающим настроения и поведение основной массы жителей страны, а не отдельных привилегированных или депривированных групп населения (например, очень богатых или очень бедных). Таким образом, изменение индекса связано с поведением именно массового потребителя. Это делает ИПН независимым обобщенным макроэкономическим показателем, рассчитанным на основе микроэкономической, по своей сути, информации, но характеризующим динамику экономического развития страны в целом.

После Второй мировой войны деловые круги и правительство США были обеспокоены вопросами: что станет делать население с весьма значительными сбережениями, накопленными за время войны? Будет ли их тратить? Если будет, то как и на что? Именно с целью изучения намерений, настроений и поведения потребителей по инициативе Дж. Катоны из Мичиганского университета в 1946 г. и начали проводиться опросы потребителей, ставшие сейчас уже не только в США, но и во многих европейских странах повседневной практикой.

Со временем выяснилось, что анализ поведения потребителей посредством специально разработанного индекса потребительских настроений (ИПН) дает ответ не только на вопрос, будет ли население тратить сбережения, но и на более общий вопрос об уровне оптимизма в отношении экономического и социального развития в целом.

Кроме того, время показало, что ИПН обладает огромным прогнозным потенциалом. Отдельный респондент, будучи покупателем, оценивает ситуацию на рынке товаров и услуг, исходя из собственной, как правило, случайной информации. Он может серьезно ошибаться, но преобладающий вектор массы индивидуальных потребительских оценок, оказывается, практически всегда верно предвосхищает краткосрочную перспективу экономической ситуации (источник: <https://economic-definition.com>)

³⁸ Методика построения ИПН, применяемая в ВолНЦ РАН:

Индекс потребительских настроений рассчитывается исходя из ответов на вопросы:

1. Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад? (варианты ответов: «лучше», «хуже»).

2. Если говорить о крупных покупках для дома, то, говоря в общем, как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких товаров? (варианты ответов: «хорошее», «плохое»).

3. Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше, хуже или примерно такое же, как сейчас? (варианты ответов: «будет лучше», «будет хуже»).

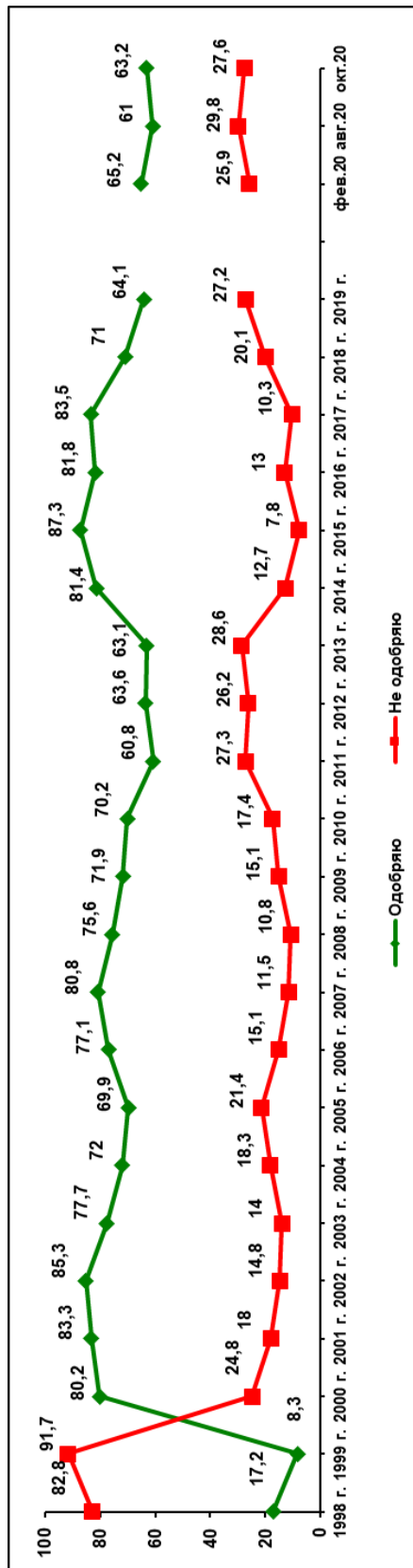
4. Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем, плохим или каким-либо еще? (варианты ответов: «хорошим», «плохим»).

5. Если говорить о следующих пяти годах, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем? (варианты ответов: «хорошим», «плохим»).

Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы. С этой целью из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные — 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- - -). Среднее арифметическое из частных индексов даёт совокупную величину — индекс потребительских настроений.

Вкладка 3

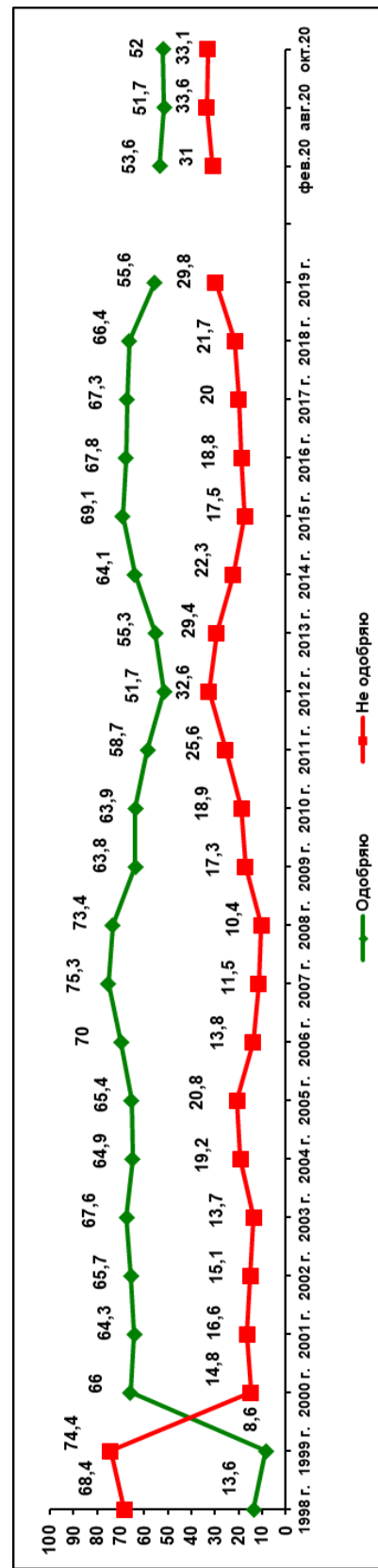
Оценка деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

Данные по России (ВЦИОМ)*

* данные за октябрь 2020 г. – среднее за 04–11 октября 2020 г.

По данным ВЦИОМ в первые годы президентских сроков В.В. Путина (2000–2002 гг.) уровень одобрения его деятельности на посту главы государства составлял 80–85%. В настоящее время данный показатель находится в пределах 60–65% и имеет тенденцию к снижению в годовой динамике (в 2017 г. доля положительных оценок деятельности Президента составляла 84%, в 2018 г. – 71%, в 2019 г. – 64%, в октябре 2020 г. – 63%).

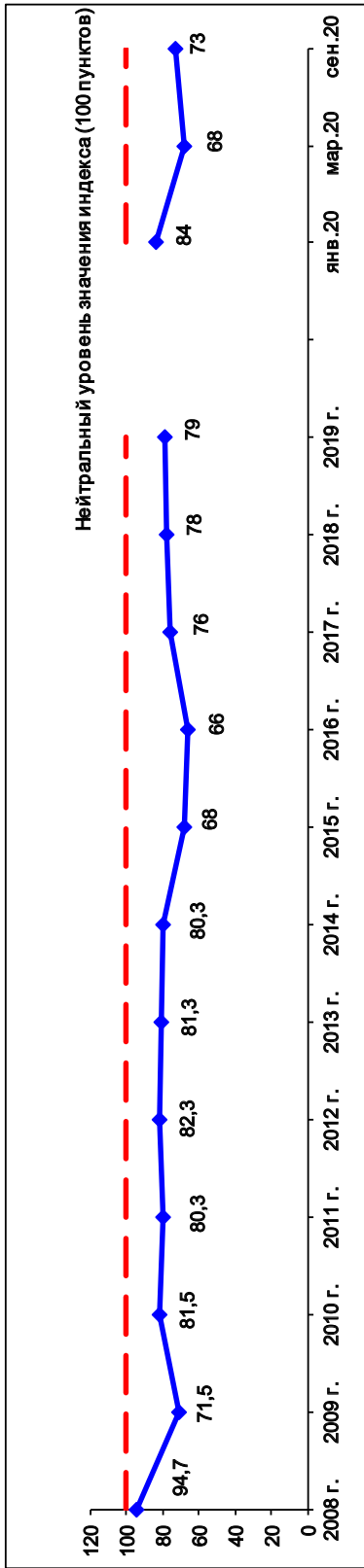

Данные по Вологодской области (ВолНЦ РАН)

По данным ВолНЦ РАН в первые годы президентских сроков В.В. Путина (2000–2005 гг.) уровень одобрения деятельности главы государства составлял 64–68%. В 2019–2020 гг. этот показатель равняется 52–56%, что существенно (на 10 п. п.) ниже, чем в 2018 г.

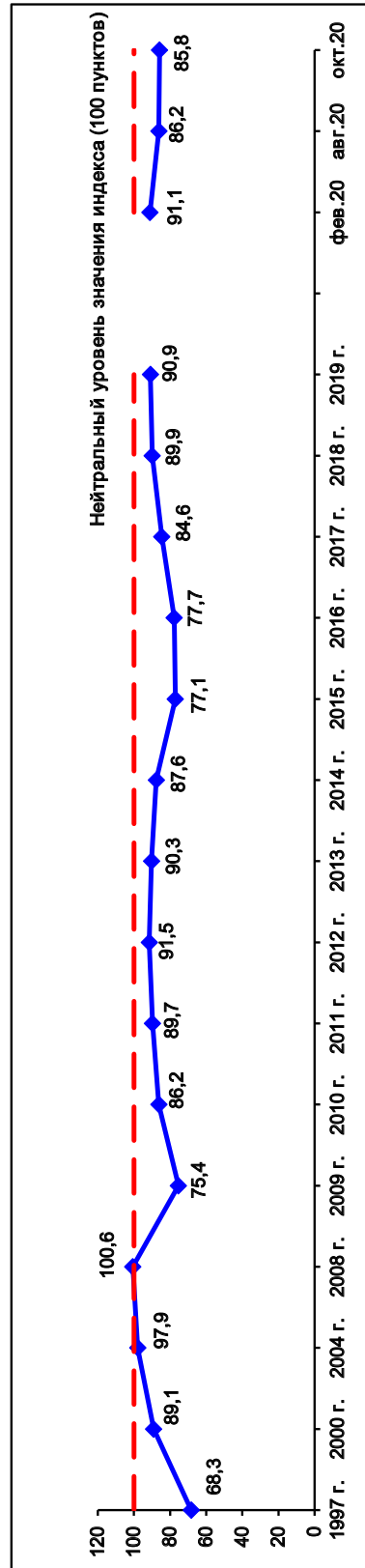
Вкладка 4

Индекс потребительских настроений (ИПН), пункты

Данные по России (Левада-Центр)

По данным Левада-Центра в целом по стране индекс потребительских настроений (ИПН) находится в пределах ниже 100 пунктов со времен мирового финансового кризиса (2008 г.). Это означает, что за последние 12 лет в оценках россиянами экономической ситуации в стране, своего личного материального положения и перспектив их развития преобладают пессимистические суждения. При этом, если в 2008 г. ИПН составлял 95 пунктов, то по данным на сентябрь 2020 г. он равен 73 п. (на 22 п. меньше).

Данные по Вологодской области (ВолНЦ РАН)

По данным ВолНЦ РАН индекс потребительских настроений превышал отметку в 100 пунктов (нейтральный уровень) только в 2005–2008 гг., когда был достигнут пик восстановительных процессов после кризисного для российской экономики этапа «лихих 90-х». Так же как и данные общероссийских опросов Левада-Центра, региональные исследования ВолНЦ РАН свидетельствуют о преобладании пессимистических оценок россиянами в отношении состояния экономики, своего личного благополучия и прогнозов их развития начиная с 2008–2009 гг.

Таким образом, нарастание социального пессимизма в последние месяцы нельзя объяснить лишь ситуацией неопределенности, вызванной пандемией коронавируса. Во-первых, российским властям удастся достаточно эффективно противостоять распространению коронавирусной инфекции³⁹, во-вторых, мы видим, что пессимистические настроения в отношении развития российской экономики и своего личного материального положения преобладают уже много лет и оценки населения не меняются фактически со времен мирового финансового кризиса (2008 г.). То есть этот процесс начался задолго до первых известий из Китая о надвигающейся эпидемиологической угрозе.

Истинная причина растущего социального пессимизма в российском обществе не зависит ни от каких внешних форс-мажорных обстоятельств, а заключается в двух аспектах: многолетней неудовлетворенности населения эффективностью системы государственного управления, прежде всего по решению государством самых насущных проблем граждан, связанных с уровнем и качеством жизни; и неспособности властвующих элит находить «общий язык» с обществом, которое кардинально изменилось за период рыночных трансформаций.

Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что в отличие от периода 2000–2008 гг. на протяжении последующих 12 лет (с 2009 по 2020 гг.) фактически не наблюдалось изменений в динамике уровня доходов населения (вкладка 5). Несмотря на множество провозглашенных за этот период целей и обязательств государства, уровень бедности остается стабильным. Аналогичная динамика показателей характерна для жизненно важных,

повседневных для широких слоев населения вопросов, таких как обеспеченность врачами и количество дошкольных образовательных учреждений (вкладка 6).

Другими словами, за последние 12 лет, большую часть из которых вопросами внутренней политики занималось Правительство Д. Медведева⁴⁰, в России сложилась весьма парадоксальная ситуация: чем чаще в официальной публичной риторике органов власти мы слышим о том, что главное – это люди и в первую очередь необходимо сохранять и преумножать человеческий потенциал нации (это, безусловно, соответствует объективным требованиям времени), тем больше их слова расходятся с делом.

Условия для поддержания здоровья, получения образования, удовлетворения насущных материальных потребностей людей не улучшаются, из-за чего раздражение в широких слоях российского общества не может не накапливаться, формируя соответствующую (пока еще конструктивную) повестку взаимоотношений общества и власти. Однако если инструментов влияния на власть нет или они есть, но не работают, то конструктивное раздражение перерастает в социальный пессимизм и апа-

«К сожалению, реформы 1990-х гг. нанесли катастрофический удар по отечественной науке, когда многие специалисты были вынуждены уйти из профессии и, что особенно важно, не пришли в профессию уже два поколения молодежи. По данным, приведенным на Общем собрании РАН от 13.11.2019, число ученых на 1991 г. составляло 1 млн 600 тыс., в настоящее время – около 600 тыс. человек»⁴¹.

³⁹ Как отметил Президент РФ 15 сентября 2020 г., «Россия находится на 40-м месте в мире по числу заболевших на 100 тысяч населения, и при этом на 100-м месте по показателям смертности от этой опасной инфекции... наша страна лидирует в мире по такой позиции, как количество проведенных тестов на 100 тысяч граждан» (Источник: Стенограмма выступления В.В. Путина на открытии медицинских центров в Псковской области 15 сентября 2020 г. / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64035>). Эти же данные озвучила глава Роспотребнадзора А. Попова, выступая на очередном заседании Президиума РАН (Источник: Беляева С. Методом приближений. РАН готовит плацдарм для развития // Поиск. 2020. № 38. 18 сент. URL: <https://poisknews.ru/magazine/metodom-priblizhenij/>)

⁴⁰ После окончания своего президентского срока (2008–2012 гг.) Д.А. Медведев возглавлял Правительство РФ в период с 8 мая 2012 по 15 января 2020 г., то есть на протяжении 9 лет из указанных 12, когда в России наблюдался застой в динамике доходов населения, в уровне бедности, а также в субъективных оценках людей, в частности – в тенденциях индекса потребительских настроений, отражающего представления общества о текущей экономической ситуации в стране, о своем личном материальном положении и их перспективах.

⁴¹ Волконский В.А., Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В. Либерализм и государство: экономический рост и неравенство // Экономическая наука современной России. 2020. № 2. С. 156.

тию, вследствие чего снижается явка на выборы, ухудшаются оценки органов власти всех уровней, возникает пропасть непонимания и недоверия между обществом и властью. В конечном итоге она может привести к непоправимым последствиям для всей государственности (чему немало примеров в российской и мировой истории).

Во всех анализируемых субъектах РФ, как и в среднем по стране, на протяжении последних 28 лет (1990–2018 гг.) наблюдается устойчивая динамика снижения числа дошкольных общеобразовательных организаций. В целом за этот период их количество в России уменьшилось почти в 2,5 раза (с 88 тыс. в 1990 г. до 36,5 тыс. в 2018 г.), за 2000–2018 гг. – в 1,4 раза (с 51 до 36,5 тыс.).

Проблема заключается еще и в том, что изменения в самом обществе и во властвующих элитах за последние 20 лет происходят, мягко говоря, неравномерно. Элитарные группы (семьи, кланы) – родом из 90-х, по большому счету, у них не меняется ни система либеральных ценностей, ни взгляды, ни приоритеты. Система государственного управления представляет собой всё то же политбюро⁴² (вкладки 7–8), о котором писали эксперты холдинга «Минченко консалтинг» еще в 2012 году⁴³. Сколько бы ни было в России партий

«Российский правящий класс и выстроенная им «властная вертикаль», как свидетельствует многолетний опыт, на внутривластном направлении, достаточно инертны и лишены эффективных систем обратной связи с обществом. Не говоря уже об отсутствии идеологического единства. **Когда и каким образом эта ситуация изменится, пока непонятно. Но бесконечно продолжаться она, разумеется, не может.** Тем более что заинтересованных уничтожить её в своих интересах, то есть безопасно и с прибылью, более чем достаточно. И в нашей стране, и особенно за рубежом. Современная Российская Федерация, как и СССР «перестроечного» образца, практически неуязвима для внешней военной агрессии, но может быть разрушена растущим грузом внутренних противоречий, которые, к тому же, будут всячески поддерживаться извне»⁴⁴.

или гражданских платформ, ни одна из них реально не может или не хочет влиять на власть.

Как отмечают эксперты, «сегодня ни одна из оппозиционных или альтернативных политических структур: хоть парламентских, хоть внепарламентских, хоть “старых”, хоть “новых”, хоть “пророссийских”, хоть “прозападных”, – в целом не пользуется сколько-нибудь значительным доверием со стороны российских

⁴² Под термином «Политбюро 2.0» эксперты Минченко-консалтинг понимают «неформальную сетевую структуру согласования интересов основных элитных кланов, в которой арбитром и наиболее влиятельной фигурой является Владимир Путин» (Источник: «Политбюро 2.0» и посткрымская Россия»: доклад // Официальный сайт Минченко-консалтинг. 23.10.2014. URL: https://minchenko.ru/analitika/analitika_42.html).

Проводится аналогия с закрытой системой Политбюро, существовавшей в СССР: «Аппарат ЦК КПСС как центральная управленческая структура формально правящей в СССР коммунистической партии был организацией с жестко регламентированными методами работы и строгой иерархией. Любая бумага в нем проходила минимум пять этажей административной вертикали, многократно согласовывалась с различными (но далеко не со всеми) заинтересованными персонами. Внутри аппарата этот формальный порядок поддерживался отвечавшим за документооборот общим отделом и центром принятия внутрипартийных управленческих решений – секретариатом ЦК. Также существовал институт заведующих секретариатами отделов аппарата, лично отвечавших за соблюдение всех норм делопроизводства. В результате подготовка аппаратом ЦК любого решения была процессом, во-первых, очень долгим, во-вторых, закрытым для внешнего контроля, в-третьих, парадоксальным образом приводящим к увеличению влияния на процесс различных лоббистов.

Побочным результатом такой формализации, которая на политическом жаргоне того периода называлась «бюрократизацией», становилось появление неформальных методов решения вопросов. Они не вписывались в бюрократические рамки, но ускоряли принятие решения или заставляли учитывать те или иные интересы, которые при формальном подходе к делу могли бы быть обойдены. Возможности решить тот или иной вопрос неофициально, особенно используя систему уже устоявшихся неформальных контактов, назывались, согласно советскому лексикону, «личными связями» (Источник: Митрохин Н. «Личные связи» в аппарате ЦК КПСС // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/n3-2012/14963-lichnye-svyazi-v-apparate-ck-kpss.html>)

⁴³ Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0»: доклад // Минченко-консалтинг. 2012. 21 авг. URL: https://minchenko.ru/analitika/analitika_27.html

⁴⁴ Винников В. Тихая заводь: об итогах единого политдня // Завтра. 2020. 16 сент.

Вкладка 5

**Уровень бедности (численность населения с денежными доходами
ниже величины прожиточного минимума), % от общей численности населения**

Регион	1995 г.	2000 г.	2010 г.	2018 г.	2000 к 1995 г., %	2010 к 2000 г., %	2018 к 2010 г., %	2018 к 2000 г., %	2018 к 1995 г., %
<i>Среднее по РФ</i>	24,7	29,0	12,5	12,6	117,4	43,1	100,8	43,4	51,0
Иркутская область	32,3	35,5	18,1	17,7	109,9	51,0	97,8	49,9	54,8
Красноярский край	24,2	24,4	17,9	17,1	100,8	73,4	95,5	70,1	70,7
Новгородская область	22,8	34,2	14,9	13,8	150,0	43,6	92,6	40,4	60,5
Вологодская область	20,1	25,5	16,8	13,6	126,9	65,9	81,0	53,3	67,7
Архангельская область	26,9	33,5	14,0	13,5	124,5	41,8	96,4	40,3	50,2
Челябинская область	27,9	30,7	10,2	12,8	110,0	33,2	125,5	41,7	45,9
Самарская область	21,2	31,2	15,1	12,7	147,2	48,4	84,1	40,7	59,9
Магаданская область	24,6	30,9	13,6	9,5	125,6	44,0	69,9	30,7	38,6
Свердловская область	29,5	28,8	10,0	9,5	97,6	34,7	95,0	33,0	32,2
Ханты-Мансийский АО	н.д.	11,8	10,3	9,0	н.д.	87,3	87,4	76,3	н.д.
Липецкая область	18,6	30,9	9,9	8,7	166,1	32,0	87,9	28,2	46,8
Белгородская область	19,9	33,6	8,2	7,5	168,8	24,4	91,5	22,3	37,7
Ямало-Ненецкий АО	н.д.	11,1	7,3	5,8	н.д.	65,8	79,5	52,3	н.д.

Источник: Росстат. Ранжировано по данным на 2018 г.

Во всех анализируемых регионах, так же как и в целом по стране, уровень бедности существенно снизился за период с 2000 по 2010 год (в целом по России доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2010 году составила 43% от уровня 2000 года).

Однако в последующие годы никаких значимых изменений в динамике уровня бедности не происходило: в 2018 году уровень бедности в целом по стране составил 100,8% от значений 2010 года.

Уровень смертности, на 1000 человек населения

Регион	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2018 г.	2000 к 1990 г., %	2010 к 2000 г., %	2018 к 2010 г., %	2018 к 2000 г., %	2018 к 1990 г., %
<i>Среднее по РФ</i>	11,2	15,4	14,2	12,5	137,5	92,2	88,0	81,2	111,6
Новгородская область	14,1	19,8	20,0	16,7	140,4	101,0	83,5	84,3	118,4
Липецкая область	12,8	16,4	16,7	14,5	128,1	101,8	86,8	88,4	113,3
Вологодская область	11,9	15,7	16,7	14,4	131,9	106,4	86,2	91,7	121,0
Самарская область	11,0	16,4	15,2	13,5	149,1	92,7	88,8	82,3	122,7
Свердловская область	11,2	16,4	14,3	13,5	146,4	87,2	94,4	82,3	120,5
Белгородская область	12,8	15,5	14,4	13,5	121,1	92,9	93,8	87,1	105,5
Челябинская область	10,5	15,4	14,4	13,2	146,7	93,5	91,7	85,7	125,7
Архангельская область	9,8	15,5	14,6	13,1	158,2	94,2	89,7	84,5	133,7
Иркутская область	9,8	14,9	14,4	13,1	152,0	96,6	91,0	87,9	133,7
Красноярский край	9,6	14,7	13,5	12,4	153,1	91,8	91,9	84,4	129,2
Магаданская область	5,7	10,2	13,0	11,4	178,9	127,5	87,7	111,8	200,0
Ханты-Мансийский АО	4,1	6,8	6,8	6,3	165,9	100,0	92,6	92,6	153,7
Ямало-Ненецкий АО	3,3	5,6	5,5	4,7	169,7	98,2	85,5	83,9	142,4

Источник: Росстат. Ранжировано по данным на 2018 г.

Уровень смертности населения в России и во всех анализируемых субъектах РФ с 2000 по 2018 год существенно не менялся и (как свидетельствуют данные официальной статистики) был выше, чем в 1990 году.

Вкладка 6

Численность врачей, на 10000 человек населения

Регион	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2018 г.	2000 к 1990 г., %	2010 к 2000 г., %	2018 к 2010 г., %	2018 к 2000 г., %	2018 к 1990 г., %
<i>Среднее по РФ</i>	45,0	47,2	50,1	47,9	104,9	106,1	95,6	101,5	106,4
Магаданская область	48,6	44,7	55,6	63,8	92,0	124,4	114,7	142,7	131,3
Ханты-Мансийский АО	31,4	41,1	55,2	56,5	130,9	134,3	102,4	137,5	179,9
Архангельская область	43,2	47,8	56,6	56,0	110,6	118,4	98,9	117,2	129,6
Ямало-Ненецкий АО	36,6	43,6	51,2	55,1	119,1	117,4	107,6	126,4	150,5
Красноярский край	41,7	46,2	53,7	49,8	110,8	116,2	92,7	107,8	119,4
Иркутская область	41,2	44,7	49,9	48,7	108,5	111,6	97,6	108,9	118,2
Самарская область	45,0	47,7	47,7	47,7	106,0	100,0	100,0	100,0	106,0
Новгородская область	36,5	36,6	41,3	43,3	100,3	112,8	104,8	118,3	118,6
Свердловская область	36,5	41,6	45,7	43,2	114,0	109,9	94,5	103,8	118,4
Челябинская область	36,4	39,2	43,0	42,0	107,7	109,7	97,7	107,1	115,4
Липецкая область	35,0	39,2	40,4	41,4	112,0	103,1	102,5	105,6	118,3
Белгородская область	34,2	38,2	40,4	40,5	111,7	105,8	100,2	106,0	118,4
Вологодская область	31,0	34,1	34,6	35,3	110,0	101,5	102,0	103,5	113,9

Источник: Росстат. Ранжировано по данным на 2018 г.

Обеспеченность населения врачами за период 2000–2010 гг. увеличилась почти во всех анализируемых регионах (в среднем по стране – на 6 п. п.). Однако за 2010–2018 гг. о росте данного показателя можно говорить лишь в отношении Магаданской области (на 15 п. п.). В семи субъектах РФ численность врачей фактически не изменилась, в пяти – снизилась (как и в целом по стране – на 5 п. п.).

Число дошкольных образовательных организаций, ед.

Регион	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2018 г.	2000 к 1990 г., %	2010 к 2000 г., %	2018 к 2010 г., %	2018 к 2000 г., %	2018 к 1990 г., %
<i>Среднее по РФ</i>	87944	51329	45111	36581	58,4	87,9	81,1	71,3	41,6
Челябинская область	2285	1560	1542	1243	68,3	98,8	80,6	79,7	54,4
Свердловская область	3241	1651	1421	1212	50,9	86,1	85,3	73,4	37,4
Красноярский край	1968	1100	985	937	55,9	89,5	95,1	85,2	47,6
Иркутская область	1798	1022	943	863	56,8	92,3	91,5	84,4	48,0
Белгородская область	814	530	514	473	65,1	97,0	92,0	89,2	58,1
Вологодская область	1195	683	600	363	57,2	87,8	60,5	53,1	30,4
Самарская область	1571	941	641	339	59,9	68,1	52,9	36,0	21,6
Липецкая область	665	383	360	326	57,6	94,0	90,6	85,1	49,0
Ханты-Мансийский АО	698	428	404	304	61,3	94,4	75,2	71,0	43,6
Архангельская область	1364	584	319	190	42,8	54,6	59,6	32,5	13,9
Ямало-Ненецкий АО	299	209	188	167	69,9	90,0	88,8	79,9	55,9
Новгородская область	555	277	281	160	49,9	101,4	56,9	57,8	28,8
Магаданская область	250	58	60	49	23,2	103,4	81,7	84,5	19,6

Источник: Росстат. Ранжировано по данным на 2018 г.

Во всех анализируемых субъектах РФ, как и в среднем по стране, на протяжении последних 28 лет (1990–2018 гг.) наблюдается устойчивая динамика снижения числа дошкольных общеобразовательных организаций. В целом за этот период их количество в России уменьшилось почти в 2,5 раза (с 88 тыс. в 1990 г. до 36,5 тыс. в 2018 г.), за 2000–2018 гг. – в 1,4 раза (с 51 до 36,5 тыс.).

«Политбюро 2.0 и антиистеблишментная волна» (05.06.2019)

Источник: https://minchenko.ru/analitika/analitika_80.html

Политбюро 2.0 как неформальная структура принятия решений, сложившаяся вокруг Владимира Путина, сохранилась и после президентских выборов 2018 года.. В высшей лиге российской элиты сохраняются только фигуры, являющиеся кураторами значимых отраслей и проектов.

Происходит продвижение государственных и окологосударственных компаний в новые для них сектора экономики, вплоть до формирования определенных рынков с нуля (например, новая индустрия переработки мусора), перераспределение ресурсов и рынков от частных компаний и региональных элит в пользу членов и кандидатов в члены Политбюро 2.0. Даже модернизационные проекты предполагается реализовывать или в рамках госпрограмм, или корпоративных процедур. Корпоративистский подход переносится и в политическую сферу. В политическом менеджменте акцент делается не на поощрение политической конкуренции, а на отбор и выращивание новых технократических кадров.

Серьезным вызовом для элит во всем мире становится антиистеблишментная волна, которая докатилась до России. Власти столкнулись с рядом громких поражений на региональных выборах, акциями протеста, как по федеральной, так и региональной повестке. **В обществе оформился устойчивый запрос на политиков нового типа, который на данный момент не удовлетворяют в полной мере ни власть, ни оппозиция. Именно антиистеблишментные настроения станут ключевым вызовом для российской элиты, поскольку привычные для власти методы их утилизации (антиномеклатурная риторика президента и его губернаторов-назначенцев, громкие отставки и привлечение новых кадров, антикоррупционная кампания) на данный момент близки к исчерпанию своей эффективности.**

В 2018–2019 годах путинское Политбюро 2.0 продолжало функционировать как самый влиятельный неформальный политический институт в России. **В Политбюро 2.0 входят люди ближнего круга В.Путина, которые имеют возможность аккумулировать значительные ресурсы, распоряжаться ими и создавать собственные сети влияния. Как и ранее, формальные позиции внутри государственного устройства важны, но не являются определяющими при оценке политического влияния лидеров элитных групп внутри путинского Политбюро 2.0.**

Важным фактором поддержания баланса элитных групп является разделение зон неформального кураторства со стороны членов Политбюро 2.0. Самая высокая концентрация интересов наблюдается на фланге госкапитализма, где фигурами вне конкуренции с точки зрения влияния остаются главы крупнейших российских госкорпораций С.Чемезов и И.Сечин. И в то же время бизнес-модели формально частных компаний Г.Тимченко и семьи Ротенбергов все в большей степени являются предложением государственной политики.

В обновленном после президентских выборов Правительстве РФ влияние полноправных членов Политбюро 2.0 на министров остается определяющим. Практически сложно назвать министра, так или иначе не аффилированного с кем-то из членов Политбюро 2.0.

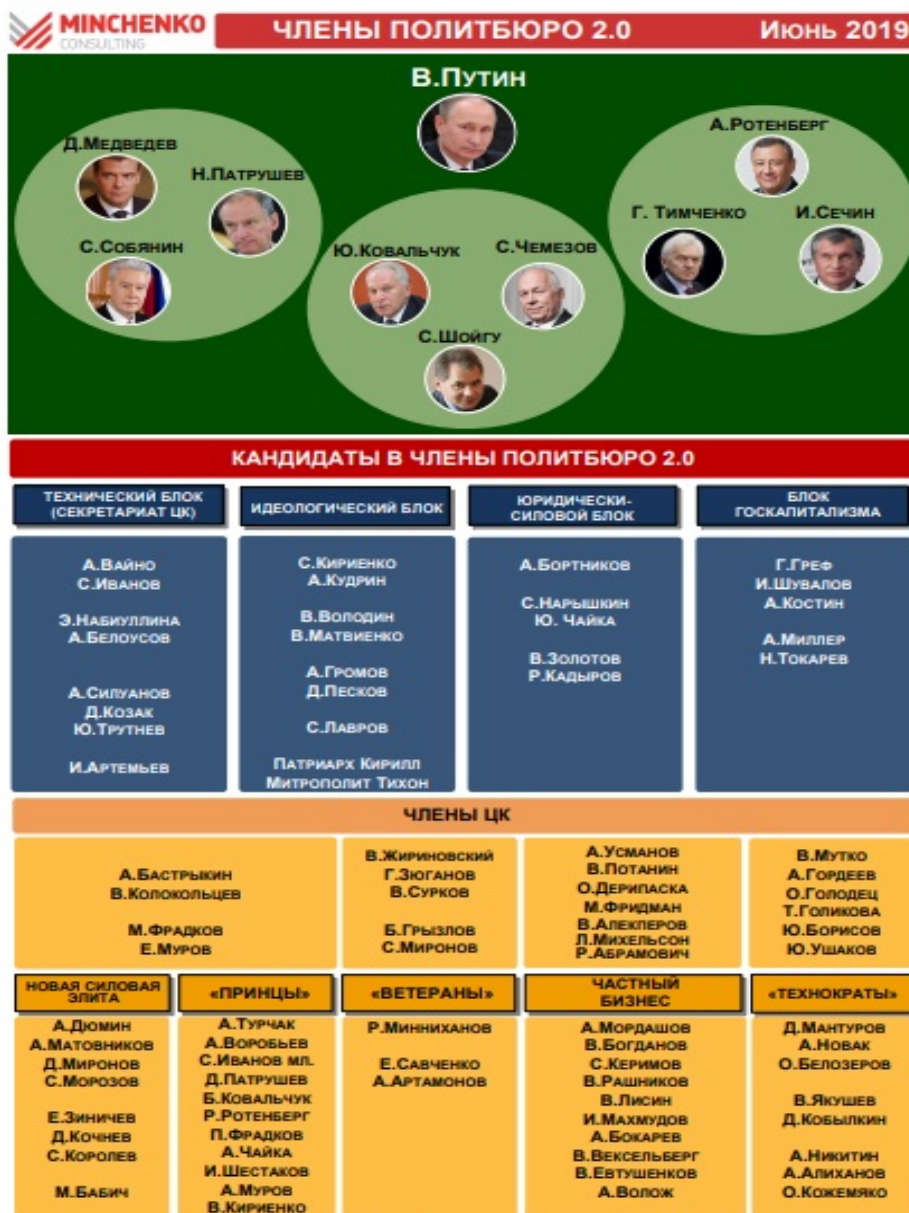
Высокое давление, оказываемое на Правительство со стороны членов Политбюро 2.0, связано с избранной тактикой поведения элитных групп до следующего транзита власти. **Разнообразим тактик представители правящей элиты наблюдателей не радуют. Каждый член Политбюро 2.0 претендует на то, чтобы курировать очень большую структуру, которая распоряжается большим объемом ресурсов. В теории тяжесть подобной конструкции должна исключить возможность ее безболезненного расформирования (too big to fail), а иногда и простого реформирования, то есть передачи другому влиятельному члену правящей коалиции.** При этом члены Политбюро 2.0 постоянно проводят экспансию в своей и смежных сферах, поглощая более мелких игроков.

Несмотря на рост конкуренции внутри Политбюро 2.0, **выяснение отношений между группами пока искусственно удерживается за рамками публичного политического процесса.** Основными методами конкуренции групп становятся кадровый лоббизм, информационные войны (переместившиеся в анонимные каналы мессенджера Telegram) и использование силового инструментария. При этом количество игроков, имеющих иммунитет от силового преследования, стремительно сокращается.

ПОЛИТБЮРО 2.0 И АНТИИСТЕБЛИШМЕНТАЛЬНАЯ ВОЛНА

Схема №5. Российские элиты. Модель "Политбюро 2.0"

КОММУНИКАЦИОННЫЙ ХОЛДИНГ «МИНЧЕНКО КОНСАЛТИНГ»
 123242 Г. МОСКВА УЛ. ЗООЛОГИЧЕСКАЯ, Д. 22
 Тел./факс: +7 (495) 899-00-69
 TELEGRAM-КАНАЛ: POLITBURO 2.0
 www.minchenko.ru office@minchenko.ru

«Мне кажется очевидным, что, **если правительство не зависит от парламента и неподотчетно ему, это негативно сказывается на его эффективности. И что не очень хорошо, когда отсутствует реальная конкуренция в партийно-политической системе...** Зачастую избирательный процесс по форме вроде есть, а по сути – нет. И вот мы переходим к конституционной реформе, которая предполагает поставить правительство под более плотный контроль и ответственность не только перед президентом, но и перед парламентом. **Но пока в партийно-политической системе отсутствует нормальная системная конкуренция, условия, в которых действует партийная система, неорганичны, они не обеспечивают нормальным образом народное представительство в парламенте, и это требует серьезной работы как власти, так и общества.** Нужен мост между гражданами, избранными парламентариями и исполнительной властью. А он разрушен. **Есть некий отчет правительства, но он ни на что не влияет. На кадровую политику вообще никак.** Повлиять можно, только не утвердив премьер-министра, но это кризис. А работающий механизм отсутствует. **Поэтому правительство находится в безответственных условиях»⁴⁵.**

избирателей и не может похвастаться заметным ростом такого доверия, попадая “мимо” объективной политической повестки дня»⁴⁶.

Таким образом, мы видим, что при всей категоричности официальной позиции государственной власти о деидеологизированности строящегося каркаса постсоветской России всю её историю можно сформулировать в виде последовательной смены больших идей, что с самого начала было обозначено В. Путиным как одно из необходимых условий, реализуемого им курса.

Идея либерализации всего и вся нашла благодатную почву в российском обществе, уставшем от изживших себя коммунистической идеологии и «железного занавеса».

Идея сильного государства, пришедшая ей на смену, была необходима стране и обществу для решительного преодоления кризисных последствий провалившихся демократических реформ 90-х гг.

Идея внешнего позиционирования России как суверенного государства и равноправного партнера международных отношений стала логичным продолжением преодоления острейших внутренних проблем (прежде всего связанных с уровнем и качеством жизни населения, а также с укреплением властной вертикали).

Идея национальной идентичности и консолидации на основе традиционных духовно-нравственных ценностей возникла именно тогда, когда восстановление России из руин Советского Союза стало всерьез беспокоить силы «коллективного Запада»; то есть когда этот процесс стал очевиден и «видим» на международной политической арене.

Наконец, *большая идея «решительного прорыва»* потребовалась тогда, когда в России (прежде всего в российском обществе и в политическом дискурсе) окончательно сформировалось понимание вектора развития; того, что оно должно быть суверенным, независимым ни от каких других сил; что главное препятствие для него находится внутри страны, а не снаружи – в ценностной ориентации и, как следствие, в эффективности деятельности собственных властвующих элит.

В контексте формирования российской государственности через последовательную цепочку больших идей следует отметить, что новая Конституция так и не стала большой идеей, поскольку на идее *«решительного прорыва»* впервые нарушился процесс их исторической преемственности, который обеспечивал эффективное строительство новой, постсоветской государственности на протяжении почти 20 лет.

Из этого следует, пожалуй, главный вывод, который мы можем извлечь из уроков сравнительно недавней российской истории: **никакая другая большая идея не заменит предыдущую, если та полностью не прошла все три стадии своего «жизненного цикла».**

Все вышеозначенные идеи объединяют следующие положения:

1. Каждая из них (даже в начале 1990-х) соответствовала общественным настроениям. **Это был, по сути, диалог между обществом и властью** (что естественно при нежелании вла-

⁴⁵ Скоробогатый П. Стремление к правоконсервативному флангу (интервью с проф. НИУ ВШЭ, к.ю.н. В. Сениным) // Эксперт. № 37. 2020. 7 сент. URL: <https://expert.ru/expert/2020/37/stremlenie-k-pravokonservativnomu-flangu/>

⁴⁶ Винников В. Тихая заводь: об итогах единого политдня // Завтра. 2020. 16 сент.

сти допустить какие-либо революционные события и сохранить свой доминирующий статус на выборах любого уровня).

2. Каждая из больших идей формировала **общественно-политический консенсус**, под знаком которого проходил определенный промежуток времени до того момента, пока эта идея идеологически и психологически не исчерпывала себя.

3. Каждая идея имела логическое завершение и приводила к появлению новой. **Это был исторически преемственный, последовательный процесс**, сравнимый с процессом творческого (созидательного) разрушения (creating destruction), суть которого заключается в том, что нечто принципиально новое появляется крайне редко, обычно в развитии происходит некоторая перегруппировка, комбинация факторов в рамках уже имеющейся парадигмы⁴⁷.

4. **Формулировка каждой большой идеи, начиная с 2000 года, исходила лично от В.В. Путина. На этом базировалось доверие к нему со стороны общества (так называемое «глубинное государство»), но и накладывало на него личную ответственность за реализацию идеи.**

5. Практика последних лет показывает, что **новая большая идея не может реализоваться до тех пор, пока предыдущая не исчерпала себя, то есть не прошла все стадии своего «жизненного цикла» от созревания общественной потребности до реализации в политике государства.**

Исходя из этих выводов, мы можем говорить о том, что сегодня необходимо сделать для сохранения российской государственности и преодоления того тупика, в который зашел многолетний исторический процесс, запущенный В.В. Путиным в 1999 году.

Сегодня решение первоочередных внутренних задач осложнено международными событиями, имеющими прямое отношение к России, ее геополитическим перспективам и возможностям сохранения государственности: такими как протесты в Беларуси, эскалация конфликта в Нагорном Карабахе, Киргизии... Не менее

тревожные события происходят и внутри страны: отравление Навального, волнения в Хабаровске, — **во всех этих внутренних и внешних событиях некоторые эксперты усматривают единую и последовательную цель адептов «западного» глобального проекта «на фоне созданного ими же хаоса (в том числе на нашей территории, если им позволить) сохранить свою сетевую систему управления... все действия, в том числе направленные против России, именно эту цель перед собой и ставят»⁴⁸.**

«К слову, никто не задумывался, зачем Клишас и Крашениников двигают снова свой ювенальный закон, против которого выступил даже Патриарх? А потому что если они успеют его протасовать, то у нас успеет родиться большое лобби, которое будет свои доходы строить на продажах наших детей. Потому что быстрые и тайные суды нужны для одной цели – отбирать детей из семей, а потом их продавать. Мечта либералов, к слову»⁴⁹.

Проявления того, каким образом западный глобальный проект пытается затормозить развитие национально и социально ориентированного «красного» проекта (в частности в лице России) всегда были и всегда разные. Однако при этом не меняются первопричины нереализованности обещаний Президента обществу и его прямых установок властвующим элитам — проблемы неэффективности государственного управления.

Об этом уже давно говорят эксперты, но не менее важно и то, что это становится все более очевидным для общества. Доверие Президенту и неверие в реализацию его установок властвующими элитами увеличивает пропасть между обществом и властью и уже сегодня сказывается на результатах муниципальных, региональных и федеральных выборов. Социум (электоральное большинство) — это ресурс, на который всегда опирался Президент, следовательно, нарастание аполитичности общества «развязывает руки» либерально настроенным элитам, что в

⁴⁷ Шумпетер Й. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / перевод с нем. В. С. Автономова и др. М.: Прогресс, 1982. 455 с.

⁴⁸ Хазин М. Либерализм несовместим с демократией // Завтра. 2020. 7 окт.

⁴⁹ Там же.

«Пока очевидно, что либералы, будь то проводники политики Запада, использующие символы Свободы и Равенства только как оружие для разрушения государств, будь то часть российской элиты, действующей во имя личного обогащения, заслужили у большинства российского народа негативное, презрительное отношение... **Для нашей страны не может быть естественным следование по пути, который предписывает западная либерально-капиталистическая идеология.**

Одна из основных задач государства – развитие экономики в условиях высоких технологий и требований научно-технологического прогресса. Эта задача не может быть решена за счет преимущественного развития малого и среднего бизнеса, хотя это направление, несомненно, важно для экономики... Функция государства должна состоять в поддержке свободного и справедливого общества с помощью специальных институтов, способных противостоять антиобщественным действиям корпораций и клановых групп»⁵⁰.

конечном итоге бумерангом бьет и по реализации насущных потребностей населения, и по основным аспектам национальной безопасности.

В этих условиях многие эксперты все чаще обращают внимание на то, что «настало время открытого публичного декларирования идеологии. И сделать это должен сам Владимир Путин, так как никому другому граждане России не поверят»⁵¹. «Сочетание научной теории долгосрочного социально-экономического развития как процесса последовательной смены технологических и мирохозяйственных укладов и традиционных духовных ценностей может стать надежной опорой для формирования консолидирующей российское общество современной идеологии. Без нее совершить рывок в технологическое будущее крайне проблематично»⁵².

С такой точкой зрения трудно не согласиться, ведь эффективность государственного управления зависит в первую очередь от того, какие интересы преследуют люди, его осуществляющие.

Мы и ранее⁵³ неоднократно соглашались с экспертами, которые в различных формулировках говорили о том, что России нужна новая, большая, консолидирующая самые разные слои населения и снижающая остроту накопившихся противоречий идея. И концептуально мы по-прежнему разделяем эту точку зрения, поскольку, как было показано в начале нашей статьи, большие идеи – это путь, по которому идет строительство постсоветской государственности (кто бы и как бы к этому ни относился).

Однако мы видим, что без исторической преемственности этого пути никакие новые идеи не работают. Они, конечно, могут, что называется, «выстрелить», занять общественную повестку на несколько месяцев (как это было, например, в 2020 году при обсуждении поправок к Конституции), но не способны стать движущей силой нового исторического этапа. В связи с этим в текущей ситуации нам кажется более целесообразным предпринимать шаги, направленные не на создание новой большой идеи, а на реанимирование того единственного исторического процесса, по которому Россия идет с момента начала президентских сроков В. Путина. Оценку этому пути позже дадут будущие поколения, но на сегодняшний день другого выбора у России просто нет.

Для того чтобы этот процесс был «перезапущен», следует обратиться к более конкретным (практическим, а не идеологическим) мерам, которые смогут оказать прямое воздействие на либерально-олигархическую прослойку властвующих элит, ставших «камнем преткновения» в реализации целей «прорыв-

⁵⁰ Волконский В.А., Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В. Либерализм и государство: экономический рост и неравенство // Экономическая наука современной России. 2020. № 2. С. 157.

⁵¹ Казаков А. Лис Севера. Большая стратегия Владимира Путина. СПб: Питер, 2020. С. 202.

⁵² Глазьев С.Ю. Интегральное устройство // Завтра. 2020. № 38. Сент.

⁵³ См., например: Ильин В.А., Морев М.В. «Интеллектуальное бессилие» правящих элит и «глубинный народ» «долгого государства» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 9–35; Ильин В.А., Морев М.В. Проблема цивилизационного выбора и ее отражение в ключевых документах, определяющих настоящее и будущее России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 9–23; Ильин В.А., Морев М.В. «Российская Федерация – социальное государство»? Оценка 25-летних итогов реализации статьи 7 Конституции РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 9–25.

ного» развития. В частности, такие меры предлагает д.э.н., проф., академик РАН, бывший Советник Президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции (2012–2019), министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии С.Ю. Глазьев, принципиальную точку зрения которого мы разделяем и поэтому регулярно обращаемся к ней на страницах статей в рубрике «От главного редактора»⁵⁴.

В статье «Интегральное устройство» С.Ю. Глазьев перечисляет 12 «несущих опор образа будущего российского социально-экономического устройства»⁵⁵. Как подчеркивает сам автор, это «не исчерпывающий перечень компонентов образа будущего для российского социально-экономического устройства», однако сложно не согласиться с ним в том, что каждая из этих «опор» является необходимым и неотъемлемым элементом будущего российского

государства, без которых этого будущего просто не будет.

В заключение отметим, что сегодня России нужна прозрачная, не только понятная, но и глубоко осознанная национально ориентированными элитами и широкими слоями населения программа конкретных действий на федеральном уровне. Эта программа должна быть выработана на основе широкомасштабной дискуссии, организованной по рационализаторским предложениям представителей экспертного сообщества, которые улавливают суть и причины ключевых проблем в стране и неоднократно в своей биографии и профессиональной деятельности доказывали приверженность реализуемому В. Путиным национально-патриотическому курсу развития.

Общество нуждается в такой программе действий, многие эксперты предлагают конкретные решения и рассчитывают на то, что они будут услышаны и приняты к реализации.

1. Введение механизма автоматической ответственности правительства за повышение народного благосостояния, уровня и качества жизни населения путём введения нормы о его отставке в случае необоснованного ухудшения соответствующей системы показателей. Создание системы объективной оценки и продвижения кадров в органах государственного управления и госсекторе.
2. Внедрение системы стратегического и индикативного планирования, реализуемого посредством договорных механизмов частно-государственного партнёрства.
3. Прекращение вывоза капитала, деофшоризация экономики, восстановление обязательной продажи валютной выручки и экспортных пошлин на вывоз сырьевых товаров, введение налога на валютные спекуляции.
4. Переориентация денежно-кредитной политики и банковской системы на рефинансирование роста производства и инвестиционной активности.
5. Реализация комплексной программы опережающего развития экономики на основе нового технологического уклада, углубления переработки природных ресурсов, всемерной активизации научно-технического потенциала.
6. Изъятие природной ренты в доход государства, восстановление системы экологических фондов и платежей за загрязнение окружающей среды.
7. Двукратное повышение расходов на здравоохранение с устранением частных посредников в системе государственного финансирования, на образование и культуру с восстановлением гарантий на бесплатное предоставление их услуг населению. Обеспечение универсальных социальных гарантий, введение базового социального дохода.
8. Трёхкратное повышение расходов на НИОКР, восстановление ведущей роли РАН, освобождение от налогообложения всех расходов предприятий на инновационную деятельность.
9. Введение прогрессивной шкалы налогообложения доходов и наследуемого имущества с освобождением от них населения с доходами ниже прожиточного минимума.
10. Восстановление Единой энергетической системы и национализация энергетической, транспортной, телекоммуникационной и социальной инфраструктуры.
11. Введение института участия представителей трудовых коллективов в управлении предприятиями, расширение сети народных предприятий.
12. Восстановление советской системы высшего и среднего образования, её ориентация на воспитание творчески активной, патриотически настроенной личности.

⁵⁴ См., например: Ильин В.А., Морев М.В. Национально ориентированная ротация элит – важнейшее условие реализации национальных проектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 9–25; Ильин В.А., Морев М.В. И снова к вопросу о будущем российской государственности... // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 9–29.

⁵⁵ Глазьев С.Ю. Интегральное устройство // Завтра. 2020. № 38. Сент.

Ведущая роль и инициатива перехода от декларируемой большой идеи «решительного прорыва» к ее реализации была и по-прежнему остается в руках главы государства. Особенно после того, как российское общество поддержало изменения в Конституции РФ и у В. Путина появилась возможность продлить срок президентских полномочий до 2030 года⁵⁶, то есть продолжать реализуемый им курс развития, как минимум, еще 10 лет.

Новая большая идея России должна начинаться с реализации идеи «решительного прорыва», иначе весь исторический путь, по которому идет наша страна на протяжении последних 20 лет, так и будет «пробуксовывать», с каждым месяцем и с каждым годом ослабляя уже созданный фундамент российской государственности, нивелируя многие действительно важные исторические результаты, достигнутые Президентом.

Литература

1. Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2020 г. / С.А. Караганов, Д.В. Сулов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 92 с.
2. Бетелин В.В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства // Экономист. 2019. № 2. С. 3–12.
3. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–53.
4. Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены: информационно-аналитическое резюме / ФНИСЦ РАН. М. 2018. 55 с.
5. Ильин В.А., Морев М.В. Ещё один шаг к «долгорукому государству» В. Путина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 9–33.
6. Ильин В.А., Морев М.В. Кредит доверия Президенту подтвержден. Достижение целей социально-экономического развития до 2024–2030 гг. в тумане // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 9–37.
7. Волконский В.А., Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В. Либерализм и государство: экономический рост и неравенство // Экономическая наука современной России. 2020. № 2. С. 147–159.
8. Шумпетер Й. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / пер. с нем. В. С. Автономова и др. Москва: Прогресс, 1982. 455 с.
9. Казаков А. Лис Севера. Большая стратегия Владимира Путина. СПб: Питер, 2020. 380 с.
10. Ильин В.А., Морев М.В. «Интеллектуальное бессилие» правящих элит и «глубинный народ» «долгого государства» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 9–35.
11. Ильин В.А., Морев М.В. Проблема цивилизационного выбора и ее отражение в ключевых документах, определяющих настоящее и будущее России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 9–23.
12. Ильин В.А., Морев М.В. «Российская Федерация – социальное государство»? Оценка 25-летних итогов реализации статьи 7 Конституции РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 9–25.
13. Ильин В.А., Морев М.В. Национально ориентированная ротация элит – важнейшее условие реализации национальных проектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 9–25.
14. Ильин В.А., Морев М.В. И снова к вопросу о будущем российской государственности... // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 9–29.

⁵⁶ «Положение части 3 статьи 81 Конституции Российской Федерации, ограничивающее число сроков, в течение которых одно и то же лицо может занимать должность Президента Российской Федерации, применяется к лицу, занимавшему и (или) занимающему должность Президента Российской Федерации, без учета числа сроков, в течение которых оно занимало и (или) занимает эту должность на момент вступления в силу поправки к Конституции Российской Федерации, вносящей соответствующее ограничение, и не исключает для него возможность занимать должность Президента Российской Федерации в течение сроков, допустимых указанным положением» (Конституция РФ. Ст. 81, п. 3.1.).

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Announced in 2018, V. Putin’s “Decisive Breakthrough” is Now Stuck

Abstract. Over the last 10 years, the journal “Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast” has been presenting articles on relevant problems of Russian society and government in its “Editorial” section once in every two months. Based on expert opinions of a wide range of scientists, sociologists, economists, political and social activists, and a set of factual data, acquired using sociological and statistical tools, a long-term monitoring of the public administration efficiency has been conducted, which allowed assessing the current situation in the country in real time. In Editor-in-Chief’s previous article, published in the journal “Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast” no.4, we focused on the results of the all-Russian vote on amendments to the Constitution of the Russian Federation, held on July 1, 2020. Amended Constitution significantly strengthens social obligations of the government, and it is aimed at the protection of Russia’s national interests. Besides, the nature of the new Constitution turned out to be relevant in terms of civilizational challenges, because common practice of border shutdowns during COVID-19 epidemic forms new outlines of the world order that strengthen a value of national interests and weaken globalization values, which have been dominant over the last 50 years. Nevertheless, many experts noted after the all-Russian vote that the consolidation of society around constitutional amendments did not work out. The results of our analysis, conducted according to data of the Central Election Commission of the Russian Federation, showed that the share of people, who voted against amendments, exceeded average national numbers in 47 Russian regions out of 86; it was even higher in some oblast centers. Its main reason is people’s disbelief in a desire and abilities of the ruling elites to implement election promises of the President. This situation is primarily caused by a lack of noticeable positive changes in the dynamics of the level and quality of life in the last ten years. In order to enhance this topic, we decided to analyze some key aspects of the whole process of the formation of the new post-Soviet statehood. The President himself initiated and publically announced this reform back in 1999, and he has been controlling its implementation ever since.

Key words: historical process, national interests, efficiency of public administration, presidential elections, Constitution of the Russian Federation, public opinion.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Научно-технологическое развитие России: оценка состояния и проблемы финансирования*

Евгений Александрович

МАЗИЛОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: eamazilov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5792-3883; ResearcherID: J-1686-2016

Арина Александровна

ДАВЫДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: arina.davydova.1992@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7689-0589; ResearcherID: I-9080-2016

Аннотация. В современных условиях быстрой цикличности экономических процессов возрастает актуальность задач, связанных с обеспечением устойчивых темпов роста экономики. Существующий опыт однозначно указывает на то, что устойчивости можно добиться, лишь обеспечив должный уровень и темпы научно-технологического развития. При этом в связи с глобализацией, интеграцией и развитием цифровых технологий на первый план выходит реализация концепции пространственного развития. Цель работы заключается в оценке научно-технологического развития России в контексте международных сопоставлений и исследовании системы финансирования НИОКР в стране. Исходя из цели в статье рассмотрена эволюция подходов к научно-технологическому развитию территорий, выявлена необходимость формирования в России

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-2164.2020.6).

Для цитирования: Мазилев Е.А., Давыдова А.А. Научно-технологическое развитие России: оценка состояния и проблемы финансирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 55–73. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.3

For citation: Mazilov E.A., Davydova A.A. Scientific and technological development of Russia: state assessment and financing problems. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 55–73. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.3

единого научно-технологического пространства, которое позволит снизить существующие диспропорции и обеспечить равномерность развития регионов; обоснована важнейшая роль финансовой подсистемы в формировании единого пространства; проведен анализ ее состояния. Он показал, что сложившаяся в России система финансирования исследований и разработок противоположна мировым тенденциям. Обозначено, что решающую роль в процессах финансирования по-прежнему играет государство; показана низкая эффективность этой системы; разработаны рекомендации по улучшению и оптимизации системы финансирования НИОКР: формирование региональных фондов научной, научно-технической и инновационной деятельности, повышение доступности федеральных источников финансирования НТР в регионах и эффективности венчурной деятельности в РФ. Дальнейшие этапы исследования будут связаны с изучением остальных базовых подсистем научно-технологического пространства (организационно-управленческой, информационной, образовательной / кадровой и др.), а также выработкой практических рекомендаций по их развитию, повышению эффективности и гармоничности их взаимодействия и функционирования.

Ключевые слова: единое научно-технологическое пространство, факторы, дифференциация территорий, финансирование научной, научно-технической и инновационной деятельности, фонды поддержки, инструменты стимулирования.

Введение

Реализация национальных целей и задач, связанных с повышением конкурентоспособности на внешних рынках, ростом уровня благосостояния населения, а также обеспечением национальной безопасности, невозможна без опоры на научно-технологический базис. Как показывает зарубежный опыт [1], только государства, определившие для себя развитие науки, технологий и инновационной деятельности в качестве стратегического императива, смогли добиться устойчивого социально-экономического развития.

Не менее актуальна данная задача и для России. После перехода 30 лет назад на рыночные рельсы так и не удалось обеспечить повышение эффективности научно-технической деятельности и достигнуть необходимого уровня ее конкурентоспособности [2]. Эта проблема усугубляется постоянным ускорением научно-технологического прогресса. Ее важность и актуальность упоминается в выступлениях Президента РФ. Так, в послании Федеральному Собранию в феврале 2020 года В.В. Путин отметил: «Сегодня скорость технологических изменений в мире многократно возрастает, и мы должны создать собственные технологии и стандарты по тем направлениям, которые определяют будущее»¹.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>

Актуальность научно-технологического развития для государства подчеркивается и в принятом к реализации нацпроекте «Наука»², где одной из важнейших задач заявлено «обеспечение присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития».

В то же время глобализация и углубление интеграции, постоянное развитие новых технологий ведут к тому, что расстояния и месторасположение субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности становятся все менее важными факторами. При этом уровень дифференциации регионов России по важнейшим показателям развития науки и технологий продолжает увеличиваться. Только по показателю «доля затрат на научные исследования и разработки в ВРП» разница между регионом-лидером и регионами-аутсайдерами составляет более 140 раз; по показателю «численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел. на 10 тыс. чел. населения» – более 160 раз (в 2018 году, по данным Росстата).

² Паспорт национального проекта «Наука» // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/UraNEEbOnbjocoMLPOnnJZx4OT20Siei.pdf>

Обеспечение научно-технологического развития страны невозможно в условиях, когда регионы столь значимо разнятся по уровню развития, что приводит к усилению концентрации всех ресурсов на отдельно взятых территориях и перетоку в них и без того незначительных ресурсов других территорий. С точки зрения авторов, выравнивание сложившейся ситуации возможно только при формировании единого научно-технологического пространства в границах целого государства.

В России концепция пространственного развития является одним из императивов. В 2019 году была принята Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года³. В ней предполагается обеспечить повышение конкурентоспособности экономики субъектов РФ посредством реализации конкурентных преимуществ через развитие их перспективных экономических специализаций, которые включают как эффективные существующие, так и потенциально эффективные отрасли экономической специализации. Согласно данным Стратегии, «деятельность профессиональная, научная и техническая» отмечена как перспективная применительно к более чем 50% субъектов РФ (48 ед.), что свидетельствует о наличии существенного задела научной, научно-технической и инновационной деятельности во многих регионах.

Таким образом, обеспечение научно-технологического развития через формирование единого научно-технологического пространства (НТПр) страны видится наиболее оптимальным вариантом для обеспечения конкурентоспособности государства в целом и снижения межрегиональных диспропорций развития. Важно понимать, что такой подход позволяет сконцентрировать возможности каждого субъекта РФ на тех подсистемах научно-технологического пространства и направлениях деятельности, по которым есть либо определенный задел, либо потенциал развития.

В связи с этим цель исследования заключается в оценке научно-технологического развития России в контексте международных сопо-

ставлений и исследовании системы финансирования НИОКР в стране. Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи: рассмотреть теоретико-методологические подходы к научно-технологическому развитию и пониманию сущности научно-технологического пространства; проанализировать ключевые тенденции и проблемы научно-технологического развития России; исследовать систему финансирования НИОКР на федеральном уровне; обосновать приоритетные направления и инструменты совершенствования системы финансирования НИОКР в России в целях достижения задач, поставленных в национальных проектах.

Научная новизна работы состоит в развитии теоретико-методологических аспектов формирования НТПр, обосновании роли финансовой подсистемы в создании единого пространства, а также проведении анализа ее состояния; разработке рекомендаций по улучшению и оптимизации системы финансирования НИОКР как на федеральном, так и региональном уровне.

Теоретические аспекты исследования

Вопросы пространственного развития экономики и ее отдельных подсистем являются предметом научных исследований начиная с XIX века. При этом в последние годы, в связи с процессами глобализации, цифровизации всех сторон общественной жизни, стираются межгосударственные и межрегиональные границы, образуется единое пространство, субъекты которого получают больший эффект от взаимодействия друг с другом и от синергии этих взаимоотношений, чем если бы находились вне его [3].

Теория научно-технологического развития, берущая свое начало в работах Й. Шумпетера (теория инноваций) [4], на протяжении всего XX и XXI вв. претерпевала значительные принципиальные изменения. Теория инноваций Й. Шумпетера вписывается в концепцию длинных волн Н.Д. Кондратьева [5], который доказывает цикличность процессов развития экономики и технологий. Во многом идеи Кондратьева легли в основу теории диффузии инноваций Т. Хегерстранда [6], интересной тем, что учитывает теорию размещения, т. е. пространственные аспекты развития процессов диффузии технологий.

³ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/35733/>

Основу теории научно-технологического и инновационного развития заложила концепция «полюсов роста» Ф. Перру [7]. В его исследованиях указывается на то, что неравенство экономических субъектов, возникающее по естественным причинам, позволяет формировать в пространстве точки развития, которые, играя роль локомотивов, аккумулируют вокруг себя экономических агентов, тем самым формируя агломерации. В дальнейшем данная теория нашла свое отражение в появлении технополисов и иных форм устройства научно-технологической и инновационной деятельности.

К концептуальным подходам к описанию процессов организации инновационной деятельности следует отнести и теорию технологических укладов (Д.С. Львов, С.Ю. Глазьев) [8]. Под последними понимаются группы сопряженных производств, связанных друг с другом однотипными технологическими цепями [9]. Параллельно с теорией технологических укладов в исследованиях М. Портера активно развивалась теория кластеров [10]. Один из основных ее тезисов заключается в том, что наиболее конкурентоспособные компании концентрируются на одной территории, что связано с волновым характером инновационного развития и особенностями диффузии инноваций.

Следующим этапом эволюции теории управления научно-технологическим и инновационным развитием стало формирование концепции национальных инновационных систем (К. Фримен, Б. Лундвалл, Р. Нельсон) [11; 12; 13].

Под национальной инновационной системой (НИС) понимается совокупность различных институтов, которые совместно и каждый в отдельности вносят свой вклад в создание и распространение новых технологий, образуя организационно-правовую основу, служащую правительствам для формирования и реализации политики, влияющей на инновационный процесс [14]. Данная концепция имеет положительный опыт реализации в США, Японии и ряде экономически развитых стран.

Происходящие глобальные изменения, развитие технологий, связанных с четвертой промышленной революцией, определяют и необходимость изменения подходов к управлению научно-технологическим развитием. Существу-

ющие модели инновационного развития нуждаются в корректировке, поскольку в современных условиях изменяются базовые принципы взаимодействия, организации процессов управления в научной, научно-технической и инновационной деятельности. Кроме того, имеющиеся подходы не позволяют решить одну из наиболее актуальных проблем – сокращение уровня дифференциации в развитии территорий. С позиции авторов необходимо вести речь не о создании полюсов роста (например, кластеров), национальных инновационных систем и т. д., а акцентировать внимание на комплексном развитии пространства как единой системы взаимодействия субъектов, обладающих равными возможностями и доступом к ресурсной базе и взаимодействию.

При этом обзор литературы показал, что тематика НТПр пока не нашла должного отражения в исследованиях. В то же время практические шаги по решению проблемы формирования единого пространства уже реализуются. Большинство стран СНГ намерены «осуществить переход к инновационной модели развития, которая требует смещения акцентов сотрудничества на совместную разработку и реализацию инновационных проектов и программ и создание реальных предпосылок для формирования единого научно-технологического пространства» [15]. Еще в 1997 году вступило в силу Соглашение о создании общего научно-технологического пространства государств – участников Содружества Независимых Государств (в ред. от 20.11.2009 г.). В монографии [16] делается вывод о том, что своевременное формирование научно-технической и инновационной политики на наднациональном уровне, а также организационно-правовых форм и механизмов стало главным ответом на вызовы научно-технического прогресса и, в частности, четвертой промышленной революции.

Исследователями представлен опыт формирования единого НТПр Союзного государства России и Беларуси, обращается внимание на проблемные аспекты реализации данного проекта [17]. Особый интерес вызывает схематизация направлений формирования и функционирования ЕНТП Союзного государства. Отмечено, что «наиболее актуальной для теоретического осмысления является разработка

механизмов и инструментов формирования и реализации единой стратегии инновационного развития Союзного государства, обеспечивающей эффективность интеграции инновационных систем России и Беларуси» [17]. Эта проблема, безусловно, актуальна и для формирования единого НТПр в России.

Ученые рассматривают базовые принципы формирования единого научно-технологического пространства: концентрация совместных усилий на наиболее приоритетных направлениях инновационного развития; комплементарность проведения инновационного развития (исключение дублирования и оптимизация ресурсов за счет проведения совместных исследований по согласованной тематике); равнодоступность результатов НИОКР для участников совместных проектов [18]. Несмотря на то что в указанном исследовании говорится о формировании межстранового НТПр, базовые принципы характерны и применимы для одного государства (регионов как отдельных территорий внутри единого пространства).

Таким образом, вопрос о формировании единого научно-технологического пространства, способного отвечать на глобальные вызовы, является актуальной практической задачей.

В экономику термин «пространство» пришел из географии, где под ним понимается «форма существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки; совокупность отношений между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени»⁴. В экономической теории в общем смысле под пространством подразумевается насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними; населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т. д. [19]. При этом в зависимости от целей исследования термин может несколько видоизменяться. Например, при социально-экономическом подходе пространство рассматривается как «система отношений между субъектами,

реализующими частные экономические интересы, и как субъекты совокупного экономического процесса по формированию ожидаемых результатов их деятельности» [20]. Встречаются работы с акцентами на субъектах хозяйствования, обменивающихся сигналами в процессе хозяйственной деятельности через информационные потоки [21].

Обзор теорий управления научно-технологическим и инновационным развитием показал, что категория «научно-технологическое пространство» должна обобщать и включать ряд аспектов. В первую очередь речь должна идти о некоей системе взаимодействия, лежащего в рамках нормативно-правового поля, созданного государством через нормативно-правовые акты, в том числе формирующего исследовательскую повестку. При этом взаимодействие субъектов и их доступ к существующим ресурсам необходимо формировать на паритетных основах, однако этот принцип в современной ситуации не выдерживается.

Исходя из выделенных выше критериев, в нашем исследовании под научно-технологическим пространством понимается система функционирующих и взаимодействующих в рамках существующего нормативно-правового поля в области научно-технологического развития субъектов, территориально ограниченных границами государства, деятельность которых направлена на преумножение соответствующего потенциала, достижение приоритетов государства и выравнивание диспропорций в развитии подсистем пространства.

Проведенные ранее исследования в области научно-технологического развития [3; 22] позволяют заключить, что НТПр следует рассматривать с позиции системного подхода. НТПр состоит из следующих структурообразующих элементов (подсистем): материально-технологический, финансовый, кадровый, а также генерация знаний (*табл. 1*). При этом, с точки зрения авторов, ключевую роль в структуре играет именно финансовая подсистема, поскольку она формирует фонд оплаты труда для кадровой подсистемы, обеспечивает генерацию знаний необходимыми ресурсами и дает возможности для коммерциализации результатов НИОКР.

⁴ Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / под ред. А. Ф. Трёшников. М., 1988. С. 56.

Таблица 1. Структура научно-технологического пространства как системы

№ п/п	Подсистема	Содержание	Субъекты подсистемы	Индикаторы, позволяющие оценить состояние подсистемы
1.	Генерации знаний	Совокупность субъектов, воспроизводящих и генерирующих знания и технологии	Научные организации; вузы	Количество научно-исследовательских организаций; число полученных патентов и др.
2.	Кадровая	Система подготовки («выращивания») кадров для научной, научно-технической и инновационной деятельности	Государство; инфраструктура; вузы; научные организации	Доля занятых исследованиями и разработками в общем объеме занятого населения; доля молодых исследователей в общем объеме; количество выпускников инженерных специальностей и др.
3.	Финансовая	Совокупность финансовых организаций и ресурсов для проведения НИОКР – частные, государственные	Производитель; инфраструктура; государство	Доля затрат на НИОКР в ВВП; доля предприятий, получивших государственную поддержку; структура финансирования по источникам и др.
4.	Материально-технологическая	Совокупность субъектов, участвующих в процессе производства инновационной продукции и коммерциализации результатов НИОКР	Производитель; инфраструктура; вузы; научные организации	Доля организаций, осуществляющих технологические инновации; уровень инновационной активности и др.

Источник: составлено авторами.

Методы исследования

Методологической основой работы является концепция системного подхода, обеспечивающего необходимую комплексность оценки текущего уровня научно-технологического развития, а также позволяющего проводить его исследование с точки зрения пространственного аспекта.

Нами использована совокупность методических подходов, обеспечивающих необходимую комплексность при оценке возможного усиления роли новой промышленной революции в развитии производства, повышения эффективности и конкурентоспособности российской экономики в условиях перехода к новому технологическому укладу.

Информационной базой исследования послужили программные документы социально-экономического развития России, аналитические материалы органов власти и управления, официальные документы Правительства РФ и других федеральных органов. В качестве информационных источников использованы статистические материалы Росстата, аналитические материалы по заявленной проблеме, работы ведущих отечественных и зарубежных ученых в области пространственного, научно-технологического и инновационного развития территорий.

Исследование основывается на системном подходе к изучению проблемы формирования единого научно-технологического пространства. Применен ряд общенаучных методов (на-

пример, анализ и синтез, сравнение и др.), что позволяет обеспечить необходимую глубину и всестороннюю проработанность. При изучении теоретико-методологических основ формирования НТПр, определения его роли в экономическом развитии России использованы такие методы, как обзор литературы, системный подход и др., при обработке фактического материала – табличный и графический методы, а также статистический и сравнительный анализ, построение трендов, что в совокупности позволит обеспечить необходимую глубину, достоверность результатов и обоснованность выводов. При разработке мер и инструментов за основу взяты проектный подход, логический метод, метод обобщения.

Исследование финансовой подсистемы базируется на применении различных методов статистического учета. Как отмечалось выше, финансовая подсистема – это совокупность финансовых организаций и ресурсов для проведения НИОКР, то есть институциональная среда и ресурсная (в данном случае финансовая) база. Исходя из этого, в качестве ключевых индикаторов для оценки состояния данной подсистемы следует выделить долю внутренних затрат на НИОКР в ВВП, валовые внутренние расходы на НИОКР по источникам финансирования, долю предприятий, получивших государственную поддержку инновационной деятельности, бюджеты программ действующих в России институтов поддержки.

Результаты исследования

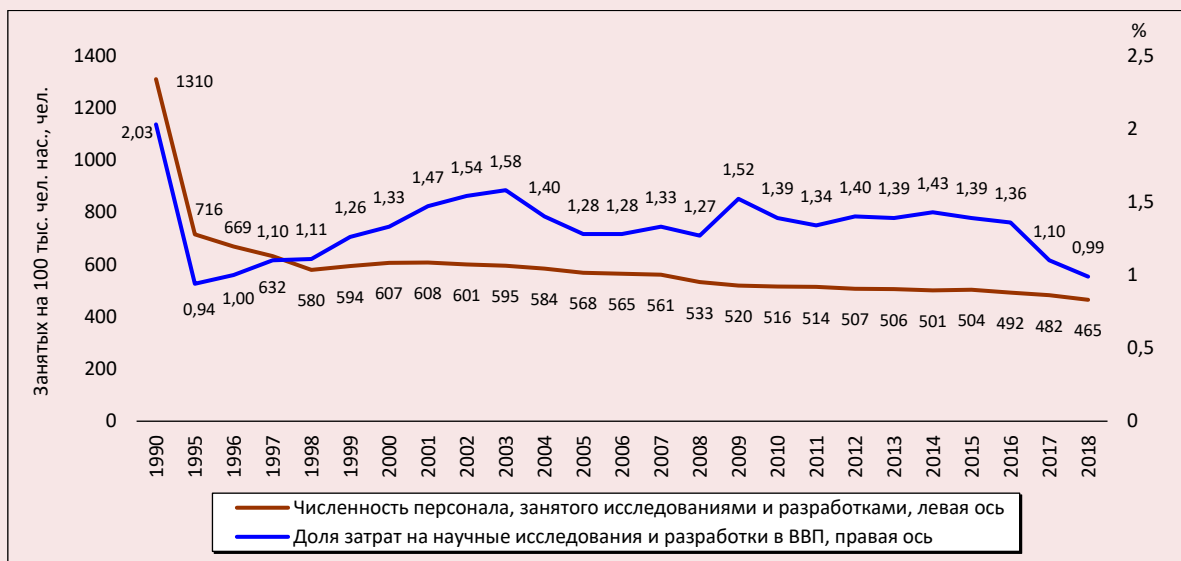
Переход России к рыночной системе хозяйствования сопровождался серьезными шоками во всех областях общественной жизни. Негативные тенденции были характерны и для сектора исследований и разработок (ИиР). При этом наметившиеся 30 лет назад изменения по большому счету преодолеть не удалось. Затраты на внутренние исследования и разработки сократились с 2 до 1% ВВП, а численность персонала, занятого исследованиями и разработками, снизилась в три раза (рис. 1). Если в 2003 и 2009 гг. затраты на ИиР превышали 1,5% ВВП, то в 2018 году на фоне запуска национального проекта «Наука» (одной из целей которого является опережающее увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки по сравнению

с ростом ВВП) данный показатель оказался на уровне 1995 года – 0,99% ВВП.

При сравнении России с другими странами выявлены разнонаправленные векторы в основных процессах. Так, доля внутренних затрат на НИОКР в ВВП ведущих государств демонстрировала умеренный рост. Например, Китай за 30 лет смог выйти фактически с нуля на позицию одного из мировых лидеров по данному индикатору (табл. 2). В России же, наоборот, наблюдается обратная ситуация.

Россия – практически единственная страна среди развитых и развивающихся, демонстрировавшая в последние 28 лет уменьшение численности занятых НИОКР на 79 человек в расчете на 10 тыс. чел. населения (табл. 3). Таким образом, доля занятых НИОКР сократилась более чем в два раза.

Рис. 1. Доля внутренних затрат на исследования и разработки и численность персонала, занятого исследованиями, 1990–2018 гг.

Источник: данные Росстата.

Таблица 2. Доля внутренних затрат на НИОКР в ВВП, %

Страна	1990 год	1995 год	2000 год	2005 год	2010 год	2015 год	2018 год	2018–1990 гг.
Япония	2,96	2,92	3,00	3,31	3,36	3,59	3,26	0,3
Германия	2,75	2,19	2,47	2,51	2,82	2,90	3,13	0,38
США	2,65	2,51	2,71	2,51	2,82	2,74	2,83	0,18
Китай	–	0,57	0,90	1,32	1,70	2,05	2,19	1,62
Россия	2,03	0,85	1,05	1,07	1,25	1,13	0,99	-1,04

Источник: Индикаторы науки: 2020: стат. сб. / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 336 с.

Таблица 3. Численность персонала, занятого НИОКР*, чел. на 10 тыс. чел. нас.

Страна	1990 год	1995 год	2000 год	2005 год	2010 год	2015 год	2018 год	2018/1990 гг., %
Германия	54	56	59	58	67	74	85	157,81
Япония	73	76	71	70	69	70	71	97,17
Канада	42	49	55	68	68	63	60	143,37
Россия	131	82	69	64	59	57	52	40,07
Китай	-	6	7	10	19	27	31	5,2 раза**
Южная Корея	-	34	30	94	125	84	97	2,9 раза**

* Здесь и далее под показателем «персонал, занятый НИОКР», подразумеваются все специалисты, участвующие в научных и научно-технических процессах: исследователи, техники, вспомогательный персонал.
 ** 2018 к 1995 г.
 Источник: Индикаторы науки: 2020: стат. сб. / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 336 с.

Результирующим показателем научно-технологической деятельности является количество публикаций в ведущих международных базах. Так, в России ежегодно на 100 занятых НИОКР в среднем приходится лишь по 2 статьи в журналах, публикуемых в WoS и Scopus (табл. 4). При этом с 2010 года ситуация принципиальным образом не менялась. Одним из лидеров по данному индикатору в мире выступает Китай (на одного занятого НИОКР приходится в среднем одна статья).

По числу патентных заявок на изобретения Россия отстает от Германии почти в два раза (табл. 5). Китай с 2000 года увеличил число заявок в 30 раз, Россия — только на 30%. При этом данный показатель заявлен одним из ключевых в нацпроекте «Наука», согласно которо-

му к 2024 году Россия по количеству патентных заявок должна занять 5-е место в мире. Такая задача может быть осуществима только в том случае, если в стране будут эффективно реализовываться соответствующие программы и управленческие решения. Имеющиеся данные свидетельствуют, что попадание в первую пятерку является проблематичным. Пятое место занимает ЕС (без учета Германии), шестое — Германия.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в России в 2016–2017 гг. только порядка 7% крупных компаний и 2% предприятий малого и среднего бизнеса от общего объема компаний подавали заявки на получение патента⁵. Для примера: в Германии — 38 и 12% соответственно,

Таблица 4. Число публикаций в научных изданиях, индексируемых в Web of Science и Scopus, на одного занятого НИОКР, ед.

Страна	2010–2014 гг.	2011–2015 гг.	2012–2016 гг.	2013–2017 гг.	2014–2018 гг.
Web of Science					
Китай	2,7	0,0	0,4	4,4	4,6
Германия	0,9	0,2	1,1	1,1	1,1
Япония	0,4	0,0	0,6	0,6	0,6
Южная Корея	0,3	0,0	0,4	0,4	0,5
Россия	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Scopus					
Китай	1,9	5,6	5,6	5,6	5,7
Германия	3,6	1,2	1,2	1,2	1,2
Япония	2,3	0,7	0,7	0,7	0,7
Южная Корея	0,9	0,4	0,5	0,5	0,5
Россия	1,6	0,1	0,1	0,1	0,1

Источник: Индикаторы науки: 2020: стат. сб. / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 336 с.

⁵ Business innovation statistics and indicators 2019. URL: <https://www.oecd.org/innovation/inno/inno-stats.htm>

Таблица 5. Патентные заявки на изобретения, поданные национальными и иностранными заявителями в патентные ведомства страны, в том числе триадные* заявки, ед.

Страна	2000 год	2005 год	2010 год	2015 год	2018 год	2018/2000 гг.
Китай	51906	173327	391177	1101864	1542002	В 30 раз
в т. ч. триадных	87	523	1425	3167	4215**	В 48 раз
США	295895	390733	490226	589410	597141	201,8
в т. ч. триадных	15626	17374	12743	13280	12021**	76,9
Япония	419543	427078	344598	318721	313567	74,7
в т. ч. триадных	18263	18932	19295	17340	17591**	96,3
Германия	62142	60222	592445	66893	67898	109,3
в т. ч. триадных	7639	7141	5058	4434	4531**	59,3
Россия	28688	32254	42500	45517	37957	132,3
в т. ч. триадных	85	91	88	97	98**	115,3

* Патентные заявки, поданные одновременно в патентные ведомства ЕС, США и Японии.
** Данные по триадным заявкам за 2018 год в статистике не представлены. В таблице указаны значения за 2017 год.
Источник: Индикаторы науки: 2020 : статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 336 с.

в Японии — 36 и 8%. В первую очередь это свидетельствует о том, что наибольшая активность в области интеллектуальной собственности в России происходит в академическом сообществе и научно-образовательной сфере, нежели в реальном секторе экономики.

Краткое сопоставление индикаторов однозначно указывает на разновекторное развитие России и мира. Несмотря на определенное движение вперед по ряду показателей, проблема выхода на среднемировые темпы роста пока не решается, а достижение поставленных в рамках национального проекта «Наука» задач выглядит маловероятным.

Отставание России от развитых и развивающихся стран в части научно-технологического развития усугубляется и состоянием внутреннего НТП. Наиболее очевидной и критичной проблемой является значительный уровень дифференциации регионов по большинству индикаторов, характеризующих подсистемы пространства (табл. 6). Так, разница в численности занятых исследованиями и разработками составляет 90 раз. По сравнению с 2010 годом данный индикатор на порядок сократился, что во многом связано со снижением числа исследователей в регионах-лидерах. Колоссальная разница наблюдается и по доле внутренних

Таблица 6. Некоторые индикаторы состояния научно-технологического пространства в 2005–2018 гг.

Показатель	2005 год			2010 год			2015 год			2018 год		
	max	min	Разрыв, раз	max	min	Разрыв, раз	max	min	Разрыв, раз	max	min	Разрыв, раз
Численность занятых НИОКР, на 10 тыс. чел. населения	-	-	-	209,0	0,3	686	194,2	2,0	98	162,4	1,8	90
Доля затрат на НИОКР, % ВРП	5,02	0,01	815	4,80	0,01	616	5,94	0,01	781	5,64	0,01	629
Число используемых передовых производственных технологий на 10 тыс. чел. населения	55,1	0,2	216	69,1	0,1	532	80,4	0,4	204	78,4	0,4	176
Число организаций, занятых НИОКР, на 10 тыс. чел. населения	0,8	0,0	34	0,9	0,0	25	0,9	0,1	16	0,9	0,1	17
Уровень инновационной активности предприятий, %	-	-	-	34,3	0,8	43	24,0	1,6	15	33,7	0,2	189

Примечание: в таблице по каждому индикатору и за каждый год представлены максимальное и минимальное значение среди всех субъектов РФ, а также разрыв между этими значениями.
Источник: данные Росстата.

затрат на исследования и разработки в ВРП как в процентном, так и в рублевом выражении (в 2018 году она достигала 629 раз).

Число организаций, занятых НИОКР, в России более стабильно, при этом, несмотря на сокращение разрыва между ведущими регионами и аутсайдерами в два раза (с 34 до 17 раз), дисбаланс остается более чем серьезным.

Наблюдается и значительный разрыв показателя «число используемых передовых производственных технологий» (в 2018 году достигал 200 раз). С одной стороны, он логичен и объясним, т. к. не все субъекты РФ являются промышленно развитыми. В то же время темпы роста регионов-лидеров по данному индикатору значительно выше, чем на остальных территориях, что лишь усиливает дифференциацию. При этом в России все еще есть субъекты, уровень инновационной активности компаний в которых ниже 3% (в 2019 году – 5 регионов), т. е. в них, по сути, не происходят модернизационные процессы.

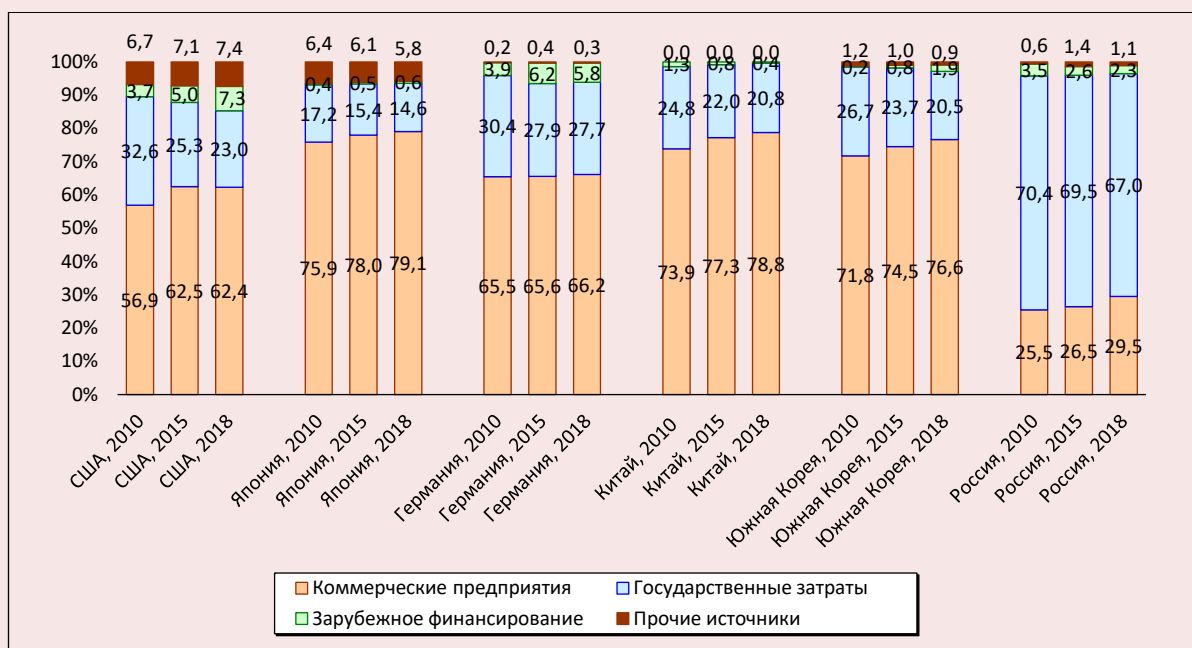
Таким образом, главной внутренней проблемой России является наличие значительных диспропорций во всех подсистемах научно-технологического пространства. Это вылива-

ется во вполне логичный перекося в научном, научно-техническом и инновационном развитии территорий. Сложившаяся ситуация лишь ускоряет негативные тренды: более ресурсообеспеченные регионы продолжают «стягивать» ресурсы других территорий, тем самым усугубляя диспропорции.

Как показывают исследования отдельных ученых [23–26] (в том числе зарубежных [27; 28]) и научных коллективов [29; 30], финансирование научной, научно-технической и инновационной деятельности является ключевым фактором в обеспечении интенсивного пути экономического развития. В связи с этим в рамках нашей работы сосредоточимся на финансовой подсистеме НТП России.

Сложившаяся в период плановой экономики система финансирования НИОКР в России не могла не сказаться на современном ее состоянии. В первую очередь речь идет о структуре финансирования. Основным игроком на рынке НИОКР России выступает государство, которое обеспечивает 2/3 всех затрат (рис. 2). Такая ситуация кардинальным образом отличается от положения в мире, где более 60% затрат приходится на коммерческий сектор. Общемировой

Рис. 2. Валовые внутренние расходы на НИОКР по источникам финансирования, %

Источник: данные ОЭСР. URL: <https://stats.oecd.org/>

тенденцией становится наращивание объемов финансирования НИОКР коммерческим сектором. В определенной степени это характерно и для России, однако доля частного капитала за 9 лет выросла лишь на 3 п. п. Безусловно, таких темпов недостаточно, но изменить ситуацию возможно. Примером является опыт Китая, перешедшего на рыночные условия хозяйствования примерно в то же время, что и Россия: в 2018 году на долю государственных затрат в нем приходилось лишь 20% всех затрат на исследования и разработки.

Сложившуюся структуру финансирования характеризует и тот факт, что в топ-1000 компаний мира по объемам затрат на НИОКР присутствует лишь одна российская компания (ПАО «Газпром»), а ее доля в общих затратах на НИОКР государства составляет 0,7% (табл. 7).

Мировая же картина свидетельствует о том, что большая часть затрат на НИОКР осуществляется крупнейшими национальными компаниями.

Несмотря на то что порядка 2/3 затрат на НИОКР в России являются бюджетными, наибольшая доля средств остается в государственных структурах. Так, господдержку на инновационную деятельность в 2017 году получили только порядка 1% МСП и 4% крупных компаний (рис. 3).

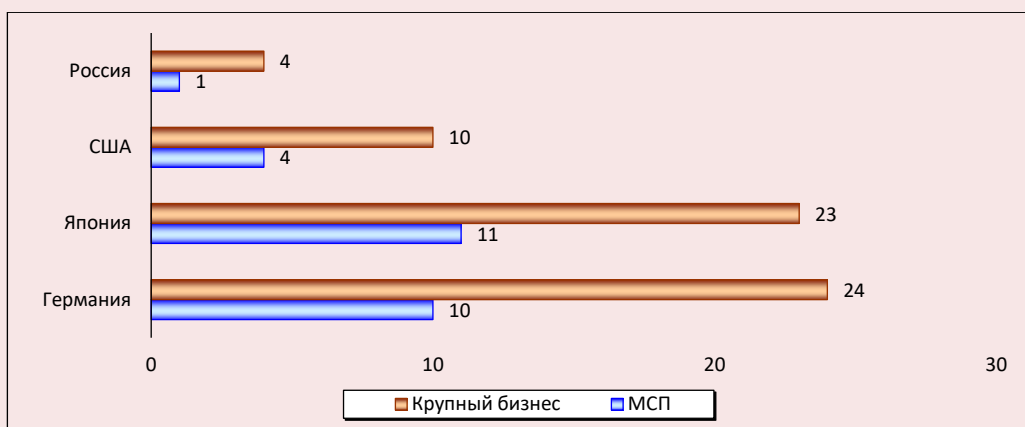
В результате компании испытывают недостаток ресурсов для разработки технологий и запуска инновационных проектов, что выражается в низком уровне инновационной активности в России. Согласно данным ОЭСР⁶, только 5% МСП и 25% крупных компаний в стране являются инновационно-активными (в США – 64 и 73% соответственно, Германии – 62 и 91%, Японии – 41 и 66%).

Таблица 7. Распределение стран по количеству компаний в мировом топ-1000 и их затраты на НИОКР в 2018 году

Страна	Количество компаний в рейтинге, ед.	Затраты компаний на НИОКР, млрд долл. США	Доля затрат компаний в общих затратах на НИОКР, %
Япония	160	116,8	68,2
США	320	328,84	56,5
Германия	44	66,5	49,5
Южная Корея	33	33,3	33,9
Китай	133	57,35	10,6
Россия	1	0,28	0,7

Источник: The Global Innovation 1000 study <https://www.strategyand.pwc.com/gx/en/insights/innovation1000.html>

Рис. 3. Доля предприятий, получивших государственную поддержку инновационной деятельности, %

Источник: данные ОЭСР. URL: <https://stats.oecd.org/>

⁶ Business innovation statistics and indicators 2019. URL: <https://www.oecd.org/innovation/inno/inno-stats.htm>

Как уже было отмечено выше, проблема финансирования на региональном уровне усугубляется существенными диспропорциями в финансовом обеспечении сферы НИОКР. Разница между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами составляет 140–150 раз. В 76% (62 из 81) субъектов РФ доля внутренних затрат на исследования и разработки составляет менее 1% ВРП (а в ряде субъектов – менее 0,1%, например, в Вологодской области – 0,07%). Лишь 7% регионов расходуют на эти цели более 2% ВРП. Такая ситуация значительным образом разнится с зарубежным опытом. Например, в Германии доля затрат на НИОКР в валовом региональном продукте 15 из 16 федеральных земель превышает 1,5%⁷ (в Саксонии-Анхальт – 1,49%). Разница между максимальным и минимальным значениями составила 6,2 раза.

В силу ограниченности бюджетных ресурсов в субъектах РФ основная доля финансирования сферы науки и технологий приходится на федеральный бюджет. В России безвозмездное финансирование проектов ученых и научных коллективов на конкурсной основе осуществляют Российский научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований, а также Совет по грантам Президента РФ. Финансированием стартапов и развития малых инновационных компаний занимаются Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и Фонд «Сколково». Инно-

вационные и научно-технические разработки средних и крупных компаний могут быть частично профинансированы через профильные министерства или организации-операторы их мер поддержки (например, АО «РВК», Фонд «Сколково», Российский фонд развития информационных технологий).

Льготные займы в качестве софинансирования проектов, направленных на внедрение передовых технологий, создание новых продуктов или организацию импортозамещающих производств, предоставляют Фонд развития промышленности (ФРП), а также Внешэкономбанк РФ. Субсидирование процентных ставок по кредитным и лизинговым договорам осуществляют Минпромторг РФ и Минэкономразвития РФ.

Совокупно по рассмотренным организациям инфраструктуры наблюдается положительная динамика бюджетов по программам поддержки научно-технологического развития. В частности, за 2015–2019 гг. бюджет РНФ и Минпромторга РФ вырос более чем в 2,3 раза (табл. 8), РФФИ – на 80%, ФСИ – на 29,4%. При этом бюджет АО «Роснано» за 2015–2018 гг. сократился более чем на 55%, а Фонда «Сколково» – на 25%. Совокупный объем займов, выданных по программам Фонда развития промышленности, составил в 2019 году 34,5 млрд руб., что на 55,6% выше уровня 2015 года.

Таблица 8. Бюджеты программ поддержки в 2015–2019 гг. в сопоставимых ценах 2019 г., млрд руб.

Бюджет программ поддержки	2015	2016	2017	2018	2019	Темп роста, 2019 к 2015 г., %
РНФ	8,82	16,3	20,2	22,36	20,8	235,81
РФФИ	12,2	10,9	10,82	19,7	22,2	182,17
Фонд содействия инновациям	9,86	6,61	6,45	8,24	12,8	129,75
Фонд «Сколково»	н/д	9,14	7,3	6,6	н/д	72,15
АО «Роснано»	н/д	29,38	9,55	12,87	н/д	43,8
Минпромторг РФ	153,06	166,41	163,15	315,64	360,31	235,4
ФРП	22,17	17,73	23,31	28,44	34,5	155,63

Источники: Годовые отчеты РНФ. URL: <http://www.rscf.ru/ru/documents/>; <http://www.rscf.ru/ru/archive/>; Годовые отчеты РФФИ. URL: <https://www.rfbr.ru/rffi/ru/documents>; https://www.rfbr.ru/rffi/ru/documents/n_770; Официальный сайт Фонда содействия инновациям URL: www.fasie.ru; Годовые отчеты АО «РОСНАНО». URL: <https://www.rusnano.com/about/highlights/annual-report>; Годовой отчет Фонда «Сколково». URL: http://sk.ru/foundation/results/annual_reports_ru/p/annual_report_2018.aspx; Официальный сайт Фонда развития промышленности URL: www.frprf.ru; Годовые отчеты АО «РОСНАНО». URL: <https://www.rusnano.com/about/highlights/annual-report>.

⁷ По данным Федеральной статистической службы ФРГ.

Фонд содействия инновациям действует в соответствии с утвержденным государственным заданием⁸, устанавливающим, что ежегодно доля субъектов РФ, юридические и физические лица из которых принимают участие в конкурсах Фонда, должна составлять 80%, а удельный вес финансирования региональных проектов (из субъектов Российской Федерации за исключением Москвы) – 60%.

Фонд «Сколково» финансирует только проекты своих резидентов (лица, зарегистрированные на территории Сколково, г. Москва). Финансовую поддержку со стороны Минпромторга РФ получают ежегодно 80% субъектов РФ, при этом доля бюджета, направляемая субъектам бизнеса, зарегистрированным в г. Москве, составляет в среднем 20–25% (в 2019 г. – 20,9%). Кроме того, путем анализа результатов отборов по программам Минпромторга РФ за 2016–2019 гг. выявлено, что ежегодно по различным направлениям поддержку получают преимущественно одни и те же предприятия. Это обусловлено сложностью и закрытостью процедур конкурсного отбора.

Такое распределение финансирования по субъектам РФ дополнительно подтверждает факт значительной дифференциации территорий страны по возможностям для научно-технологического развития, а также наличие ярко выраженного «полюса роста».

Причины указанной ситуации кроются в ряде факторов. Во-первых, в г. Москве зарегистрировано порядка 20%⁹ субъектов обрабатывающих производств и ИТ-сферы, что во многом обусловлено более комфортными условиями для ведения бизнеса, доступностью технологической инфраструктуры и кадров. Как следствие, именно Москва – один из лидеров по созданию инновационных компаний. Во-вторых, государство регулирует распределение средств между субъектами, однако допустимое соотношение: 84 субъекта РФ – 60% средств, 1 субъект РФ – 40% – не способствует научно-технологическому развитию территорий. В-третьих, в регионах

по-прежнему наблюдается недостаток информированности о действующих федеральных мерах поддержки и возможностях их получения.

Так, по данным опроса в Вологодской области¹⁰, несмотря на обилие мер поддержки и выделяемого государством финансирования, доля предприятий, использующих различные формы поддержки, не превышает 11%. В числе основных причин этого предприниматели отметили отсутствие соответствующих проектов (42,5%), неверие в возможность получения средств (28,8%), недостаток информированности о мерах поддержки (16,4%), отсутствие квалифицированных специалистов по подготовке документации (15,1%).

В этих условиях основная задача на местах заключается в активизации усилий для привлечения дополнительного финансирования, в том числе федерального, в качестве основного источника для сферы исследований и разработок. Расширение присутствия предприятий на различных отборах повышает конкуренцию за льготные средства и, как следствие, эффективность их распределения за счет выбора объективно лучших проектов, способствующих развитию экономики регионов и страны в целом.

Научно-технологические и инновационные проекты отличаются высоким уровнем рисков, связанных с недостижением показателей, что, в свою очередь, определяет возможный коммерческий успех исследований. Система государственного финансирования в России не предполагает неудачи проекта, исполнитель проекта, имея только идею или предварительные НИР, должен взять на себя обязательства по достижению технических параметров, продажам инновационного продукта и расширению кадрового состава компании. В связи с этим в развитых странах получил серьезное развитие инструмент венчурного финансирования инновационных проектов на предпосевной и посевной стадии. В РФ действует ряд венчурных фондов, однако преимущественно финансирование научно-технологических проектов осуществляют фонды с госучастием, а именно находящиеся в управлении АО «РВК».

¹⁰ По данным опроса «Мониторинг научно-технологической деятельности в Вологодской области», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2018 году среди руководителей предприятий Вологодской области. Количество респондентов – 100 чел.

⁸ Источник: официальный сайт Фонда содействия инновациям. URL: <http://fasie.ru/fund/normativnyedokumenty/> (дата обращения 09.09.2020).

⁹ Рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2019: стат. сб. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 18.08.2020).

Выручка указанной компании от основной деятельности в 2018 году составила 933,8 млн руб., что ниже уровня 2015 года на 63,6% (табл. 9). При этом на инвестиционные цели было направлено 942,2 млн руб., что ниже показателей 2017 года на 8%. Прочие доходы АО «РВК» от курсовых разниц, процентов к получению, целевых субсидий и пр. в 2018 году в 3,4 раза превысили выручку от основной деятельности, достигнув 3194,5 млн руб. (в 3,4 раза больше, чем в 2015 году). При этом прочие расходы соизмеримы с прочими доходами (в 2018 году 2514,8 млн руб.), что выше показателей 2015 года в 32,4 раза.

Таким образом, финансовые результаты деятельности АО «РВК» являются нестабильными. Так, в 2015 и 2017 гг. была получена чистая прибыль и выплачены дивиденды в размере 752,4 и 138,3 млн руб. соответственно. В 2016 и

2018 гг. наблюдался убыток, как следствие, дивиденды не выплачивались.

Источниками выручки АО «РВК» преимущественно являются проценты по депозитам, накопленный купонный доход по облигациям федерального займа, выплаты по паям (ЗПИФ). При этом на депозитах в 2018 году размещалось 5,9 млрд руб., что ниже показателей 2016 года в 2,6 раза¹¹. Размер субсидий, выделяемых из федерального бюджета, в 2017 году возрос в 20 раз, тенденция к увеличению сохранилась и в 2018 году.

Фонд оплаты труда персонала АО «РВК» к 2018 году по сравнению с 2015 годом увеличился на 55%, численность персонала выросла на 32% – до 181 чел. (табл. 10). Как следствие, среднемесячная заработная плата сотрудника АО «РВК» в 2018 году составила 274,2 тыс. руб., что выше показателей 2015 года на 17,5%.

Таблица 9. Результаты финансовой деятельности АО «РВК», млн руб.

№ п/п	Показатель	Год				Изменение, 2018 к 2015 гг., %
		2015	2016	2017	2018*	
1	Выручка, в т. ч.:	2 543,5	2 132,8	2 072,0	933,8	- 63,6
1.1	проценты по депозитам	н/д	н/д	1 300,4	86,7	–
2	Себестоимость	1 047,7	1 252,2	1 023,6	955,1	- 8,8
3	Доходы от участия в других организациях	–	–	–	95,0	–
4	Проценты к получению	27,4	62,0	468,0	725,8	+ в 26,5 раза
5	Прочие доходы	908,0	591,9	182,0	2 373,7	+ в 2,6 раза
6	Прочие расходы	77,7	1 279,7	748,2	2 514,8	+ в 32,4 раза
7	Чистая прибыль	1 504,8	- 243,3	276,6	- 140,8	- 109,4
8	Рентабельность деятельности, %*	143,6	–	27,0	–	–
9	Дивиденды	752,4	0	138,3	0	–

* Рассчитывается как отношение чистой прибыли (п. 7) к себестоимости (п. 2).
 Источник: данные годовой бухгалтерской отчетности АО «РВК» за 2016–2018 гг. URL: <https://www.rvc.ru/about/disclosure/> (дата обращения 15.08.2020).

Таблица 10. Фонд оплаты труда АО «РВК»

№ п/п	Показатели	Год				Изменение, 2018 к 2015 г., %
		2015	2016	2017	2018	
1	Численность персонала, чел.	137	168	193	181	+ 32,1
2	Фонд оплаты труда, млн руб.:	383,7	537,1	712,7	595,6	+ 55,2
2.1	затраты на оплату труда по основному виду деятельности, млн руб.	298,0	400,0	572,2	473,2	+ 58,8
2.2	вознаграждение управленческому персоналу (управленческие расходы), млн руб.	85,7	137,1	140,5	122,4	+ 42,8
3	Среднемесячная заработная плата, тыс. руб. / чел.	233,4	266,4	307,7	274,2	+ 17,5

Источник: данные годовых отчетов АО «РВК» за 2016–2018 гг. URL: <https://www.rvc.ru/about/disclosure/> (дата обращения 15.08.2020).

¹¹ Составлено по данным годовых отчетов АО «РВК» за 2016–2018 гг. URL: <https://www.rvc.ru/about/disclosure/> (дата обращения 15.08.2020).

Анализ результатов деятельности АО «РВК» показал значительное недофинансирование научно-технологической сферы вследствие «замораживания» средств на депозитах, в том числе валютных (более 9,7 млрд руб. на конец 2018 года). Формирование таких резервов сдерживает темпы научно-технологического развития и не способствует преодолению накопленных отставаний в данной сфере.

Важность развития механизмов прямого и венчурного финансирования научно-технологического развития была обозначена Президентом РФ в послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г. В частности, подчеркнута необходимость закрепить право предпринимателя на риск — неудачная реализация идеи автоматически не означает нецелевое использование средств с последующим возможным уголовным преследованием.

Предложения

Формирование региональных фондов научной, научно-технической и инновационной деятельности

На наш взгляд, в регионах должна формироваться сеть специализированных институтов ресурсного обеспечения прикладных исследований и разработок. В качестве одного из примеров может быть использован опыт Германии, где регионы (федеральные земли) выступают в качестве полноправных и активных участников управления научно-технологической и инновационной деятельностью. Так, «в компетенцию земель входит финансирование профессионального образования и фундаментальных исследований в вузах, а также региональных инновационных программ. Федеральное правительство отвечает за стратегический курс в развитии НИОКР, систему мер по поддержке на необходимом уровне инновационной активности предприятий, проводимой посредством государственных банков»¹².

Одним из действенных и легитимных методов для активизации финансирования науки в регионах России может стать создание региональных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности.

¹² Национальная инновационная система Германии // Официальный сайт альманаха «Управление производством». URL: http://www.up-pro.ru/library/innovations/national_innovative_organizations/nacyonalnaja-inn.html

Необходимые нормативно-правовые условия для формирования фондов в России имеются. Так, статья 262 Налогового кодекса РФ регулирует вопросы, связанные с учетом расходов предприятий на НИОКР. Согласно п. 2 ст. 262 к таким расходам относятся и отчисления на формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, созданных в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ, в сумме не более 1,5% доходов от реализации продукции.

В ст. 15.1 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» указано, что «...фонды могут создаваться Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, физическими лицами и (или) юридическими лицами в организационно-правовой форме фонда...».

Проведенные расчеты показывают, что формирование региональных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности за счет отчислений от выручки промышленных предприятий позволит увеличить внутренние объемы затрат на исследования и разработки в расчете на душу населения в среднем по субъектам РФ в объеме до 6,8 раза. Доля соответствующих затрат в структуре ВВП может быть увеличена с 0,99 до 2,42% (в случае отчисления 1% от выручки). Относительный объем затрат на исследования и разработки в структуре валового внутреннего продукта начнет приближаться к значениям ведущих стран мира. Увеличение объема внутренних затрат на исследования и разработки поможет резко сократить уровень дифференциации регионов по данному показателю. Разрыв между территориями с максимальным и минимальным душевыми размерами затрат может быть сокращен со 140–150 до 16 раз, между максимальным и средним — с 16,0 до 5,1 раза.

Безусловно, это решение требует дополнительной проработки. В текущем виде оно не учитывает специфику территориального развития в процессах создания региональных фондов научной деятельности, поскольку далеко не каждый регион может обеспечить достаточный уровень экспертизы, инфраструктурной базы и т. д. для организации таких инсти-

тутов поддержки НИОКР. Кроме того, не в каждом субъекте РФ есть потребность в аналогичных структурах и средствах. Этот, а также ряд других аспектов планируется исследовать и предусмотреть на следующих этапах исследования.

Повышение доступности федеральных источников финансирования НТР в регионах

В условиях ограниченности ресурсов региона для адресной поддержки разработчиков и предприятий требуется организовать систему обеспечения доступности федеральных бюджетных средств для научно-технологического развития территорий. Данная система, с одной стороны, должна обеспечивать активное взаимодействие региональных и федеральных органов власти с целью информирования об актуальных и перспективных формах поддержки, сроках и условиях их предоставления. С другой стороны – предусматривать работу непосредственно с субъектами инновационной деятельности, для того чтобы выявлять перспективные проекты, способствующие социально-экономическому развитию регионов. Для эффективной организации деятельности в данном направлении был создан алгоритм работы с предприятиями обрабатывающих производств, включающий пять шагов:

- 1) технологический аудит предприятий и разработчиков, анализ их финансового состояния;
- 2) подбор мер поддержки, подходящих для конкретного субъекта инновационной деятельности, разъяснение условий, возможностей и обязательств;
- 3) формирование концепции проекта и его «упаковка» по требованиям финансирующей организации;
- 4) координация работы участников проекта в ходе его реализации;
- 5) сопровождение реализации проекта на всех этапах.

Осуществление указанных направлений позволит предприятиям обрабатывающих производств привлекать необходимые ресурсы на оптимальных условиях, сокращать сроки реализации проектов и, как следствие, повышать эффективность деятельности, вклад в экономику, способствовать достижению национальных целей научно-технологического развития. Од-

нако для реализации этой инициативы требуется отдельное исследование, которое следует начать с изучения институциональных основ и нормативно-правового регулирования, что планируется в дальнейшей работе.

Повышение эффективности венчурной деятельности в РФ

Важнейшей задачей должно стать утверждение стратегии развития венчурного рынка РФ до 2030 года, работы над которой начаты еще в декабре 2018 года. Кроме того, необходимо законодательно закрепить допустимые нормы невозврата бюджетных средств при финансировании инновационных проектов (либо соотношение всего бюджета венчурного фонда к полученной от реализации стартапов прибыли), а также определить зоны ответственности (в том числе уголовной) как для разработчиков, так и для организаций инфраструктуры (фондов). Учитывается неопределенность рыночных, технологических перспектив при реализации инновационных проектов, которые могут повлечь потерю финансовых и иных ресурсов. Допустимые нормы целесообразно разделять в зависимости от стадии финансирования инновационных проектов: проведена стадия НИР, планируется ОКР – высокие риски, норма невозврата выше; осуществлены лабораторные исследования (ОКР), планируется создание промышленного образца и его испытания – риски ниже, соответственно, и норма невозврата тоже, и т. д. При этом нормы не подвергаются пространственной дифференциации и должны быть едиными во всех субъектах РФ.

Еще одним элементом изменения нормативной базы должно стать установление норматива объема средств для размещения на депозитах (например, не более 0,5–1% бюджета), включая закрепление ответственности за невовлечение целевых средств в хозяйственный оборот для государственных и государственно-частных организаций, предоставляющих финансирование (актуально в первую очередь для АО с госучастием). Определение видов ответственности и механизма привлечения к ней требует дополнительного изучения нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность венчурных организаций, которое будет проведено на следующих этапах исследования.

Важно также повышать прозрачность деятельности и условий финансирования, предлагаемых венчурными организациями. В последние годы в России активное развитие получили акселерационные программы, в рамках которых для команд организуется образовательный интенсив по реализации их проектов, а также проводятся презентации проектов перед потенциальными инвесторами. Условия программ устанавливаются до начала отбора проектов и доступны всем потенциальным участникам. В то же время программы финансирования отдельных венчурных фондов остаются не опубликованными в открытых источниках, информация о них не раскрывается специалистами фондов. Таким образом, данный рынок работает на условиях разработки предложений по финансированию под конкретный проект. Однако, по мнению авторов, недоступность конкретной и корректной информации о программах венчурного финансирования проектов тормозит развитие венчурного рынка (недостаток спроса).

Заключение

Резюмируя, стоит еще раз подчеркнуть, что научно-технологическое развитие России, в основе которого лежит концепция единого пространства, может стать главным драйвером и катализатором изменений в научной, научно-технической и инновационной деятельности в российских регионах, что будет способствовать повышению конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках, а следовательно, и устойчивому экономическому росту.

Представленное исследование имеет комплексный характер. Его результаты вносят вклад в расширение и систематизацию теоретических основ научно-технологического развития, в первую очередь в части применения пространственного подхода. Кроме того, разработаны прикладные решения, связанные с оптимизацией работы финансовой подсистемы научно-технологического пространства, которые могут быть использованы как в деятельности органов власти и управления, так и при корректировке нацпроекта «Наука» и иных документов стратегического характера.

Литература

1. Мазилов Е.А., Шэн Ф. Научно-технологический потенциал территорий России и Китая: оценка и направления развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 1. С. 70–83.
2. Проблемы экономического роста территории: монография / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова; под рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
3. Научно-технологическое пространство и прогнозирование его развития в условиях глобальной конкуренции : монография / К.А. Гулин, Е.А. Мазилов, Д.А. Алферьев, К.Б. Квитко. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 203 с.
4. Schumpeter J.A. The theory of economic development: An inquiry into profits, capital, credit, interest and the business cycle. *Harvard Economic Studies*, 1934, vol. 46.
5. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: избранные труды. М.: Экономика, 2002. 767 с.
6. Hägerstrand T. *Innovation diffusion as a spatial process*. Postscript and translation by A. Pred. Chicago and London: University of Chicago Press, 1967. 334 p.
7. Perry F. Diffusion of innovation and regional economic growth. *The Annals of Regional Science*, 1998, vol. 5.
8. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992.
9. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 255 с.
10. Porter M.E. Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*, 1998, vol. 76, no. 6, pp. 77–90.
11. Freeman C., Clark J., Soete L. *Unemployment and Technical Innovation: A Study of Law*. London, 1982. 214 p.
12. Lundvall B-Å. (ed.) *National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning*. London: Pinter Publishers, 1992. 317 p.

13. Nelson R.R. (ed.) *National Systems of Innovation: a Comparative Study*. Oxford: Oxford University Press, 1993. 541 p.
14. Милькина И.В. Теоретические основы формирования стратегии инновационного развития территорий // *Инновации*. 2007. № 10 (108). С. 81–87.
15. Ленчук Е.Б. Проблемы перехода к инновационной модели развития в странах постсоветского пространства // *Проблемы прогнозирования*. 2006. № 4. С. 126–145.
16. Игнатушенко Е.И. Общее европейское научно-техническое пространство и роль России. М.: МАКС Пресс, 2014. 180 с.
17. Соколов М.С., Сурилов М.Н. Проблемы формирования единого научно-технологического пространства Союзного государства России и Беларуси // *АНИ: экономика и управление*. 2018. № 3 (24). С. 263–266.
18. Иванов В., Марков А. Пути формирования единого научно-технологического пространства Беларуси и России // *Наука и инновации*. 2011. № 100. С. 46.
19. Гранберг А.Г. Экономическое пространство России: вечные проблемы, трансформационные процессы, поиск стратегий // *Экономическое возрождение России: периодическое научное издание*. 2004. № 1. С. 16–22.
20. Бияков О.А. Теория экономического пространства: методологический и региональные аспекты. Томск: Томский университет, 2004. 152 с.
21. Паринов С.И. К теории сетевой экономики. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. 168 с.
22. Мазилев Е.А., Саханевич Д.Ю. Структура и элементы научно-технологического пространства // *Корпоративная экономика*. 2020. № 2 (22). С. 4–13
23. Эриашвили Н.Д., Маилян С.С. Инвестиции и инновации в системе экономической безопасности // *Вестник Московского университета МВД России*. 2011. № 12. С. 71–77.
24. Асмолова М.С., Дедов С.В. Теоретический подход к институционализации форм управления ресурсным обеспечением инновационной деятельности // *Вестник ВГУИТ*. 2016. № 4. С. 422–426.
25. Вихорева О.М., Карловская С.Б. Финансовое обеспечение инновационного развития в современном мире // *Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика*. 2011. № 4. С. 98–109.
26. Аганбегян А.Г. Шесть шагов, необходимых для возобновления социально-экономического роста и преодоления стагнации, рецессии и стагфляции // *Деньги и кредит*. 2015. № 2. С. 7–13.
27. *Fostering Innovative Entrepreneurship. Challenges and Policy Options*. United Nations. Geneva, 2012. 68 p.
28. Takalo T., Tanayama T. Adverse selection and financing of innovation: Is there a need for R&D subsidies? *The Journal of Technology Transfer*, 2010, vol. 35, no. 1, pp. 16–41.
29. Финансовое обеспечение развития научно-технологической сферы / под общей ред. чл.-корр. РАН Л.Э. Миндели. М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2018. 216 с.
30. Грачев С.А., Фраймович Д.С., Доничев О.А. Направления ресурсного обеспечения инновационной деятельности социально-экономических систем // *Экономический анализ: теория и практика*. 2016. № 8. С. 108–119.

Сведения об авторах

Евгений Александрович Мазилев — кандидат экономических наук, заместитель директора, заведующий отделом, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eamazilov@mail.ru)

Арина Александровна Давыдова — заведующий центром трансфера и коммерциализации технологий, младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: arina.davydova.1992@mail.ru)

Mazilov E.A., Davydova A.A.

Scientific and Technological Development of Russia: State Assessment and Financing Problems

Abstract. Given the current conditions of rapid cyclical economic processes, the urgency of tasks related to ensuring sustainable economic growth is increasing. The available experience clearly indicates that sustainability can only be achieved by ensuring the proper level and pace of scientific and technological development. At the same time, the implementation of spatial development concept is entering into the foreground due to globalization, integration and digital technologies development. The purpose of the work is to assess the scientific and technological development of Russia in the context of international comparisons and to study the system of R&D financing in the country. Based on this purpose, the article considers the evolution of approaches to the scientific and technological development of territories, identifies the need to form a single scientific and technological space in Russia, which will reduce the existing imbalances and ensure the uniformity of regional development; substantiates the significance of the financial subsystem in the formation of a single space; analyzes its state. The conducted analysis has shown that the current system of research and development financing in Russia is contrary to the global trends. The research has revealed that a crucial role in the process of funding is still played by the state; it has demonstrated the low efficiency of the system of R&D financing and offered recommendations for its improving and optimizing, i.e. the formation of regional funds for scientific, scientific-technical and innovation activities; increasing the availability of federal funding sources of scientific and technological development in the regions and the efficiency of venture activity in Russia. Further stages of the research will involve studying other basic subsystems of the scientific and technological space (organizational, managerial, informational, educational, etc.), as well as working out practical recommendations for their development, efficiency and harmonious interaction and functioning.

Key words: unified scientific and technological space, factors, differentiation of territories, financing of scientific, scientific-technical and innovative activities; support funds, incentive tools.

Information about the Authors

Evgeniy A. Mazilov – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director, Head of Department, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eamazilov@mail.ru)

Arina A. Davydova – Head of the Center for Technology Transfer and Commercialization, Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: arina.davydova.1992@mail.ru)

Статья поступила 14.09.2020.

DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.4

УДК 338.264; ББК 65.050

© Борщевский Г.А.

Управленческие инструменты социально-экономического развития региона

**Георгий Александрович
БОРЩЕВСКИЙ**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 119571, пр. Вернадского, д. 82
E-mail: ga.borshchevskiy@igsu.ru
ORCID: 0000-0001-9099-9847; ResearcherID: J-6974-2014

Аннотация. Целью работы является оценка направленности существующих управленческих инструментов на социально-экономическое развитие (СЭР) субъекта РФ. Актуальность подобного исследования для практики вызвана общими проблемами регионального развития и необходимостью выработки методологических подходов к их решению. Используются качественные методы кросс-секторального анализа, анализа документов и количественные методы (главных компонент, расчет дисперсии, корреляций, регрессий, построение индексов). Новизна исследования связана с сопоставлением управленческих инструментов федерального и регионального уровней, а также проектированием численности управленческого аппарата на основе указанных инструментов. В результате проведенного исследования предложен способ оценки управленческих инструментов (стратегия СЭР, приоритетные проекты, государственные программы), апробирована методика расчета индексов СЭР и развития государственной службы, а также методика нормирования численности управленческих кадров с учетом приоритетов СЭР. Основной вывод: оценка достижения заявленных целей затрудняется низким уровнем соответствия программных документов показателям официальной статистики. Так как отраслевое распределение численности работников госаппарата не оптимально, предложена его корректировка, позволяющая ориентировать кадры управления на достижение приоритетов развития региона. Полученные результаты соотносятся с тенденциями рынка труда. При этом прикладное прогнозирование численности служащих ограничивается уровнем корректности целевых показателей стратегии СЭР и производительности труда. При разработке управленческих инструментов

Для цитирования: Борщевский Г.А. Управленческие инструменты социально-экономического развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 74–89. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.4

For citation: Borshchevskii G.A. Management tools for the region's socio-economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 74–89. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.4

регионам рекомендуется учитывать показатели статистики, которые сравнительно объективны и ориентируют исполнителей на достижение конечных общественно значимых результатов. Предложенная методика обладает потенциалом для тиражирования в субъектах РФ, решающих сходные задачи в сфере СЭР.

Ключевые слова: субъект Российской Федерации, социально-экономическое развитие, стратегия, национальный проект, государственная программа, государственная служба.

Введение

Усиливающиеся тенденции регионализации, декомпозиции центров принятия управленческих решений [1; 2] актуализируют проведение количественной оценки инструментов социально-экономического развития (далее – СЭР) на региональном уровне. В статье мы применяем ряд положений теории управления по результатам [3] и управления с опорой на данные [4]. Базовая гипотеза строится на предположении о том, что сформировавшаяся в РФ вертикаль власти [5] требует единства управленческих инструментов их реализации. Исследование проведено на материалах одного из субъектов РФ. Результаты прошли обсуждение с руководителями этого региона. Актуальность подобного исследования продиктована концептуальными изменениями в организации системы планирования в РФ, произошедшими в последние годы и выразившимися, в том числе, в принятии и последующем совершенствовании закона о стратегическом планировании (2014 г.)¹, а также «майского» указа Президента РФ и национальных проектов (2018 г.)².

В рамках статьи мы не оцениваем уровень достижения показателей СЭР и эффективность региональной власти. Наша цель – оценить направленность существующих управленческих инструментов на СЭР региона. Достижению названной цели служит решение следующих исследовательских задач:

1) оценить взаимосвязи управленческих инструментов СЭР на федеральном и региональном уровнях;

2) проверить согласованность структуры управленческого аппарата региона и действующих в нем стратегических документов;

3) провести статистическую оценку целевых показателей стратегических документов;

4) проверить степень взаимосвязи между управленческими инструментами и развитием кадров государственного и муниципального управления.

Результаты подобного анализа представляют интерес для всех субъектов РФ, так как последние имеют сопоставимый набор управленческих инструментов, а задача повышения эффективности власти стоит сегодня перед каждым регионом.

Обзор литературы

Для решения исследовательских задач и проверки базовой гипотезы сформулируем ряд рабочих гипотез.

Гипотеза Н.1 предполагает наличие четкой связи управленческих инструментов СЭР на федеральном и региональном уровнях. Россия – государство с высокой централизацией, проявляющейся в синхронизации управленческих практик [5], поэтому экономики большинства регионов зависимы от федеральных бюджетных трансфертов, а инструменты управления универсальны [3]. Модель «мягкого» федерализма, оставляющая решение многих вопросов на субфедеральном уровне, не отрицает необходимость вертикального планирования [6]. Оценка управленческих инструментов – непростая задача [7; 8; 9]. Трудность заключается в выделении из массива переменных, влияющих на развитие региона, ограниченного набора показателей для анализа. Для этой цели используются такие обобщающие индикаторы, как валовой региональный продукт, человеческий капитал. В России приоритеты долгосрочного развития фиксируются в стратегии СЭР [10].

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // СЗ РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I), ст. 3378.

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (в ред. указа от 21.07.2020 № 474) // СЗ РФ. 14.05.2018. № 20, ст. 2817.

Гипотеза Н.2 предполагает наличие связи между стратегическими документами и структурой управленческого аппарата региона. М. Дэнсон связывает региональное развитие с институциональными изменениями в системе государственной власти [11]. В.Н. Лексин и А.Н. Швецов показали различие в понятиях «оценка уровня развития региона» и «оценка эффективности управления регионом» [12]. А.Г. Барабашев [4] отмечает, что управление по результатам требует четкого следования общественно значимым приоритетам, персональной ответственности и отчетности в привязке к целевым показателям. Особое значение приобретает способность региональных администраций эффективно реализовывать стратегии, программы, проекты [13].

Гипотеза Н.3 основана на идее, заключающейся в том, что показатели статистического наблюдения соответствуют целевым показателям стратегических документов. Подобная постановка вопроса базируется на концепции управления с опорой на данные, в рамках которой панельные данные используются для анализа и прогнозирования регионального развития [14; 15; 16]. Соответственно, применение количественных методов допустимо в той степени, в которой приоритеты развития фиксируются в измеримых показателях [17; 18]. Недостоверность ведомственной статистики, наряду с неполнотой данных о СЭР, требует появления оперативных и объективных надведомственных статистических данных [19].

Гипотеза Н.4 предполагает взаимосвязь управленческих инструментов с развитием кадров государственного и муниципального управления. Распределение численности служащих госаппарата, вероятно, должно соответствовать приоритетам развития. При том что вопросам государственной кадровой политики уделяется большое внимание [8; 20], исследования, увязывающие распределение кадров с приоритетами СЭР [21], не получили пока широкого распространения. Нормирование численности служащих эксперты обычно осуществляют на основе трудозатрат [22; 23]. Однако для реализации концепции управления по результатам численность публичных служащих должна быть четко увязана с приоритетами СЭР. Характеристиками деятельности кадров управленческого аппарата являются не толь-

ко организационно-кадровые изменения, но и уровень доверия общества, граждан к публичным служащим. Оценкам уровня доверия к власти посвящен ряд исследований [24], выводы которых использованы нами в статье.

Данные и методы

Для проверки гипотезы Н.1 в качестве инструментов государственного управления на федеральном и региональном уровнях рассмотрены следующие документы:

Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» (в ред. указа от 21.07.2020 № 474, далее – Указ № 204), который задает приоритеты в виде 13 национальных проектов, реализуемых в большинстве народнохозяйственных сфер во всех регионах страны.

Указ Президента РФ от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти (далее – ОИВ) субъектов Российской Федерации» (далее – Указ № 193), который содержит 15 показателей, соответствующих различным отраслям, для оценки деятельности высших должностных лиц.

Стратегия СЭР субъекта РФ на период до 2030 г. (далее – Стратегия), утверждена в 2016 году, в настоящее время действует в редакции 2018 года и содержит 29 приоритетных направлений СЭР. Государственные программы и приоритетные проекты субъекта РФ разработаны в соответствии со Стратегией и являются управленческими инструментами ее реализации. Госпрограммы субъекта (23) рассчитаны до 2020–2025 гг., приоритетные региональные проекты (23) разработаны как в соответствии с национальными проектами, так и в рамках Стратегии.

В каждом из этих документов выделены целевые показатели, которые сопоставлены с целевыми показателями других документов. Данный метод напоминает корреляционный анализ, но проводится по качественным (формулировкам целевых показателей), а не количественным показателям. Высокая степень соответствия говорит о существовании согласованности. Служащие регионального аппарата

больше нацелены на реализацию правовых актов соответствующего субъекта РФ, нежели на документы федерального уровня. Разрыв в приоритетах затрудняет их эффективную реализацию.

При проверке гипотезы Н.2 приоритетные направления Стратегии, госпрограмм, региональных проектов сопоставлены со структурой ОИВ, т. е. управленческим аппаратом региона. Большинство направлений государственного управления предполагают межведомственную реализацию с участием нескольких ОИВ. Однако каждый приоритет должен быть закреплен за одним ответственным ведомством, организующим взаимодействие всех вовлеченных структур. Если какой-либо госорган не является ответственным ни за одно из приоритетных направлений, то деятельность такого ведомства носит обеспечивающий характер и слабо связана с достижением конечных результатов СЭР.

Проверка гипотезы Н.3 предполагала сопоставление целевых показателей Стратегии с показателями статистического наблюдения. Официальная статистика является инструментом планирования и обеспечения качества госуправления. Ведомственная статистика, кроме возможности манипулирования, во-первых, менее открыта и доступна для изучения, во-вторых, подвержена частым изменениям методологии по сравнению с государственной статистикой. Отдельные показатели государственной статистики предоставляют соответствующие ведомства, но такие показатели проходят внешнюю оценку в Росстате и могут быть сопоставлены с предыдущими данными. По этим причинам использование государственной статистики более предпочтительно по сравнению с ведомственной. Источником данных о статистических показателях является федеральный план статистических работ, а значения показателей взяты из сборников Росстата. Анализируются данные за период более 10 лет (2005–2018 гг.), так как в меньшем горизонте трудно судить о тенденциях развития. Низкий уровень соответствия целевых и статистических показателей означал, что оценка реализации Стратегии, госпрограмм и приоритетных региональных проектов осуществляется на основе ведомственной статистики либо что целевые показатели не подлежат статистической оценке. То и другое негативно сказывается на эффективности.

Проверяя гипотезу Н.4, мы сопоставили динамику приоритетных направлений развития региона с развитием управленческих кадров. Предполагается, что основные кадровые ресурсы должны концентрироваться на приоритетных направлениях СЭР.

Прежде всего рассчитан индекс СЭР субъекта РФ (I_a) по формуле (1):

$$I_a = \frac{\sum_{i=1}^N \left(\frac{X_{r,i}}{X_{b,i}} - 1 \right) \times 100}{N}, \quad (1)$$

где: $X_{b,i}$ – значение показателя i в базовый (первый анализируемый) год, $X_{r,i}$ – значение показателя i в отчетный (последний) год, N – число показателей.

Индекс (1) построен на основе набора макроэкономических показателей, непосредственно заданного в Стратегии. Он получен агрегированием показателей статистики, эквивалентных целевым показателям Стратегии. Перед агрегированием показатели нормированы – переведены в общие единицы измерения (проценты). Динамика большинства показателей оценивалась позитивно в случае роста, но для части (смертность, преступность и т. д.) позитивным считалось их снижение. Индекс построен по более 70 показателям, охватывающим все приоритетные направления.

Также рассчитан индекс развития управленческих кадров (2):

$$I_{pa} = \frac{1}{T} \sum_t \frac{1}{I} \sum_i \frac{\sum_{i \in a} X_{t,i}}{\sum_i X_{t,i}}, \quad (2)$$

где: a – регион; i – число показателей; $X_{t,i}$ – значение показателя i за год t ; T – число лет.

В качестве управленческих кадров рассмотрены государственные гражданские и муниципальные служащие (далее – служащие) субъекта РФ. Возможность построения индекса ограничена набором показателей, отвечающих критериям объективности, измеримости, сопоставимости, релевантности, статистической независимости. Имеющиеся в официальной статистике показатели касаются численности, уровня оплаты труда, социально-демографических характеристик (пол, возраст, стаж, уровень образования) служащих. В исходном виде они недостаточно информативны, поэтому для построения индекса трансформированы в удельные показатели.

Сопоставление индексов (1) и (2) позволило определить степень соответствия описываемых ими процессов в анализируемые годы. Ситуация роста обоих индексов при высокой степени их статистического соответствия считается оптимальной, а обратная ситуация – негативной. Значимость составляющих индексы показателей оценена методом главных компонент.

Взаимосвязь в динамике индексов оценили с помощью построения парной регрессии на панельных данных, где индекс (1) – зависимая переменная, а индекс (2) – объясняющая. Модель протестирована на гомоскедастичность по критерию Дарбина-Уотсона (формула 3), где ε_i – остатки регрессионной модели:

$$dw = \frac{\sum_{i=2}^n (\varepsilon_i - \varepsilon_{i-1})^2}{\sum_{i=1}^n \varepsilon_i^2} \quad (3)$$

Коэффициент автокорреляции первого порядка рассчитан по формуле (4):

$$r(1) = \frac{\sum_{i=2}^n (\varepsilon_i \varepsilon_{i-1})^2}{\sum_{i=1}^n \varepsilon_i^2} \quad (4)$$

Соотнеся приоритетные направления Стратегии с функциями ОИВ, мы выяснили, соответствует ли распределение штатной численности их служащих динамике развития соответствующих направлений. Несоответствие указывало на наличие резервов для перераспределения служащих из органов с избыточной численностью туда, где есть дефицит. В подобной ситуации предложено прогнозировать численность служащих, используя формулу (5):

$$X_i = \left(\frac{1}{|v_{ei}|} \sum_{v \in i} \left(\frac{1+w_v}{1+\pi_v} \right)^{t/\alpha} \right)^{1/t} - 1, \quad (5)$$

где: X_i – прогноз штатной численности i -го органа власти; $v \in i$ – регулируемые отрасли органа i ; w_v – индекс развития отрасли v ; π_v – рост производительности труда в отрасли v ; t – срок прогнозирования; α – коэффициент эластичности по труду.

Источником данных о прогнозных значениях развития приоритетных направлений служили целевые значения показателей Стратегии к 2030 году. Прогноз динамики производительности труда содержит Прогноз долгосрочного СЭР РФ на период до 2030 г. Производитель-

ность труда понимается нами в значении, используемом Минэкономразвития России³.

Диаграммы рассеяния построены по двум параметрам: динамика развития приоритетных направлений (показатель x) и доля численности служащих (показатель y). Интерпретация осуществлена при визуальном анализе полученных диаграмм рассеяния.

Результаты

В ходе проверки гипотезы Н.1 при детализированном изучении содержания стратегических документов выявлены следующие тенденции.

Во-первых, несогласованность приоритетов наблюдается уже на федеральном уровне: четыре показателя Указа № 193 не соответствуют национальным проектам, а пять нацпроектов – показателям Указа.

Во-вторых, уровень соответствия Стратегии приоритетам федерального уровня невысок: из 29 приоритетных направлений Стратегии 12 не отвечают показателям Указа № 193, для пяти показателей Указа нет близких направлений Стратегии, а нацпроектам не соответствуют семь направлений Стратегии.

В-третьих, управленческие инструменты созданы частично. Так, восемь приоритетных региональных проектов не соответствуют показателям Указа № 193. Удивляет отсутствие приоритетных проектов, соответствующих показателям в сфере привлечения инвестиций, производительности труда, борьбы с бедностью, повышения заработной платы, прироста населения, улучшения жилищных условий и качества окружающей среды. Региональные проекты не соотносятся с такими нацпроектами, как «Экология», «Цифровая экономика», «Демография», «Наука», «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры».

В-четвертых, девять региональных госпрограмм не отвечают показателям Указа № 193. Нет программ, соответствующих показателю «Естественный прирост населения», что странно для региона, где народосбережение объявлено стратегической целью. Семь программ разработаны в отрыве от нацпроектов.

³ Приказ Минэкономразвития России от 15.10.2019 № 659 «О внесении изменения в Методику расчета показателей производительности труда предприятия, отрасли, субъекта Российской Федерации...».

В-пятых, обращает на себя внимание высокий уровень соответствия между направлениями Стратегии и региональными проектами и госпрограммами.

Гипотеза Н.2 касалась проверки уровня вовлеченности ОИВ в СЭР региона. В субъекте РФ 39 ОИВ. Их соотнесение с направлениями Стратегии, приоритетными региональными проектами и госпрограммами осуществлено по их функциям (пример: приоритетное направление «Охрана здоровья населения» – нацпроект «Здравоохранение» – региональный проект «Электронное здравоохранение» – программа «Развитие здравоохранения» – Департамент здравоохранения).

Данные свидетельствуют о том, что:

1) за каждый показатель Указа № 193 и национальный проект ответственны от одного до трех ведомств, но функции лишь около половины из них связаны с реализацией положений данного указа и нацпроектов;

2) в сфере некоторых направлений Стратегии действует более одного государственного органа, но в ряде случаев одно ведомство осуществляет управление в двух приоритетных направлениях;

3) меньшая доля (36%) ведомств вовлечена в реализацию региональных проектов, хотя за каждым проектом закреплено до трех органов-исполнителей;

4) каждая государственная программа имеет ответственного исполнителя, за реализацию пяти программ отвечает более одного ведомства, однако ряд органов не вовлечен в реализацию госпрограмм.

Активно вовлечены в реализацию департаменты экономического развития, здравоохранения, образования, сельского хозяйства и продовольственных ресурсов, каждый из которых отвечает за несколько приоритетных направлений и проектов. Департамент строительства реализует два приоритетных проекта, а департамент труда и занятости населения ответственен за две региональные программы. В сфере нескольких приоритетных направлений (промышленность, наука, торговля) нет специализированного органа, и за них отвечает департамент экономического развития. Пять ведомств не вовлечены в СЭР. По девяти приоритетным направлениям действует более одного ответственного органа,

что может объясняться нечетким разделением функционала ведомств.

Гипотеза Н.3 предполагала оценку обеспеченности управленческих инструментов релевантными инструментами статистического наблюдения. Удалось выяснить, что лишь по двум приоритетным направлениям Стратегии все целевые показатели были полностью обеспечены статистическими показателями, два направления вообще не имеют статистических соответствий. Каждое направление описывается в среднем тремя статистическими показателями. Доля целевых показателей, полностью или частично отвечающих статистическим показателям, составила 48,6% (73 показателя). Формирование целевых показателей происходит в основном с опорой на ведомственную, а не государственную статистику.

Проверка гипотезы Н.4 потребовала расчета индекса СЭР региона по формуле (1). Значение индекса в 2005–2018 гг. увеличилось на 13 п. п., а динамика совпадала с общероссийскими тенденциями: спад в 2008–2009 гг., замедление в 2014–2015 гг., в целом за весь период – умеренный рост. Индексы развития 18 приоритетных отраслей за этот период увеличились. Ускоренный рост наблюдался в сферах ИКТ (118%), туризма (98%) и демографии (89%). Снижение индекса происходило по девяти направлениям, главным образом в сферах профессионального образования (-134%), финансов (-59%) и внешней торговли (-42%). Позитивные тенденции СЭР в горизонте 2005–2018 гг. можно рассматривать как следствие эффекта низкой базы после глобального спада 1990-х – начала 2000-х гг. За период с 2011 (начало деятельности нынешнего главы региона) до начала 2019 года прирост индекса СЭР составил 6,9%, негативная тенденция отмечена по 11 приоритетным направлениям.

В период с 2016 года (утверждение Стратегии) индекс СЭР увеличился на 7,6%, а спад зафиксирован в семи приоритетных направлениях. То есть положение экономики региона улучшилось, и это можно интерпретировать как восстановительный процесс после кризиса 2014–2015 гг.

Индекс развития управленческих кадров региона (2) рассмотрим в двух разрезах – для государственной гражданской и муниципальной службы (табл. 1).

Таблица 1. Применение метода главных компонент для макропеременных, связанных с развитием государственной гражданской службы субъекта РФ

Показатель	Доля численности служащих от численности населения ГК1	Доля зарплаты служащих от средней в регионе ГК2	Доля служащих с высшим образованием ГК3	Доля служащих в возрасте до 40 лет ГК4	Доля лиц, прошедших обучение в течение года ГК5	Доля лиц со стажем службы более 5 лет ГК6	Уровень доверия к служащим в обществе ГК7
Стандартное отклонение	3,583	0,781	0,439	0,031	0,055	0,012	0,000
Доля объясненной дисперсии	0,701	0,189	0,078	0,015	0,011	0,003	0,0003
Собственное значение	4,912	1,328	0,548	0,108	0,077	0,022	0,002
Объясненная дисперсия	0,701	0,892	0,969	0,985	0,996	0,999	1,000

Источник: составлено автором.

Один из способов отобрать главные компоненты для дальнейшего анализа – выбрать те, где собственные значения больше единицы. Этому критерию соответствуют первая («доля численности...») и вторая («доля зарплаты...») главные компоненты. Суммарно они объясняют 89% вариаций данных. Вместе с тем, если построить индекс развития государственной службы лишь по двум этим наиболее информативным главным компонентам, отбросив все остальные, то полученный набор индексов оказывается хуже коррелирующим с динамикой индекса СЭР по сравнению с индексом, построенным по всем семи главным компонентам. Это указывает на то, что даже при невысоком уровне значимости остальные главные компоненты позитивно влияют на модель.

Оценим взаимосвязь в динамике индексов, построив парную регрессию (табл. 2).

Уравнение регрессии: $y = 58,7 + 0,41x$.
Интерпретация модели: при увеличении индекса развития государственной службы на 1% значение индекса СЭР увеличивается на 0,41%. Коэффициент детерминации (R^2) равен 0,53, то есть модель объясняет более половины вариаций зависимой переменной (индекс СЭР). Коэффициент множественной корреляции (0,73) означает, что наблюдаемая теснота статистической связи между факторами находится на высоком уровне. Ошибка аппроксимации 2,7% означает высокую точность модели.

Оценка значимости модели проведена с использованием F-статистики Фишера. Расчетное значение коэффициента (13,676) больше табличного (0,004 при заданном уровне значимости 95% и 12 степенях свободы), то есть уравнение регрессии следует признать значимым,

Таблица 2. Результаты регрессии по индексу СЭР и индексу развития государственной гражданской службы субъекта РФ

Регрессионная статистика		Дисперсионный анализ						
Множественный R	0,729		Df	SS	MS	F	Значимость F	
R-квадрат	0,532	Регрессия	1	101,401	101,401	13,676	0,003	
Нормированный R-квадрат	0,493	Остаток	12	88,968	7,414			
Стандартная ошибка	2,722	Итого	13	190,369				
Наблюдения	14							
	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	58,704	11,157	5,261	0,000	34,393	83,019	34,3938	83,015
Индекс развития госслужбы	0,415	0,112	3,698	0,003	0,17	0,66	0,17	0,66

Источник: составлено автором.

его можно использовать для анализа и прогнозирования. Оценка значимости коэффициента уравнения регрессии проведена с использованием *t*-статистики Стьюдента. Расчетное значение коэффициента (3,994) больше табличного (2,178), следовательно, значения коэффициента значимы. *P*-значение *t*-статистики Стьюдента для этого коэффициента (0,003) меньше, чем уровень значимости $\alpha = 0,05$, что также говорит о значимости модели. Доверительный интервал для коэффициента, вычисленный с доверительной вероятностью 95%, не содержит ноль внутри себя, так как нижняя и верхняя 95%-ные границы доверительного интервала имеют одинаковые знаки.

Тестируя модель на гомоскедастичность, проверим выполнение условия независимости остатков с помощью критерия Дарбина-Уотсона по формуле 3. Значение критерия находится в интервале между табличными значениями: $1,045 < 1,082 < 1,350$. Имеет место критерий ситуации неопределенности, и гипотеза об отсутствии автокорреляции в ряду может быть как принята, так и отклонена. В подобных случаях прибегают к расчету коэффициента автокорреляции первого порядка по формуле 4. Значение коэффициента (0,313) свидетельствует об умеренной тесноте связи между соседними уровнями ряда остатков, то есть свойство независимости остатков выполняется.

Индекс развития гражданской службы региона, рассчитанный по формуле (2), в анализи-

руемый период увеличился на 15 п. п. Наибольший вклад в динамику индекса внесли показатели доли численности служащих, прошедших обучение (рост индекса на 70% в 2005–2018 гг.), и доли численности служащих от численности населения (снижение соотношения на 42%). Негативная тенденция отмечена лишь по уровню доверия: если в 2005 году региональной власти доверяли 63% граждан, то в 2018 – лишь 58%. Это указывает на направление дальнейшей трансформации системы власти – повышение открытости обществу и подотчетности.

Выявленное соответствие тенденций СЭР субъекта РФ и развития гражданской службы подтверждает гипотезу Н.4 о связи процессов развития региона и системы управления им. Вместе с тем распределение штатной численности гражданских служащих в ОИВ по приоритетным направлениям не демонстрирует статистически значимой зависимости от динамики СЭР.

Как было указано выше, в последний период (2016–2018 гг.) снизились значения индекса СЭР по семи приоритетным направлениям. При этом в органах управления по этим направлениям сконцентрировано 16% общей численности служащих, примерно такая же доля служащих занята в семи отраслях, показавших наибольший прирост. Кроме того, более 16% служащих занято в органах, не вовлеченных в реализацию приоритетных направлений (табл. 3).

Таблица 3. Фактическая и прогнозная штатная численность гражданских служащих по приоритетным направлениям развития субъекта РФ

Приоритетное направление СЭР	Экономический рост (2016–2018), %	Штатная численность (2019), ед.	Доля в штатной численности (2019), %	Прогноз экономического роста (2019–2030), %	Прогноз штатной численности (2030), ед.			Прогноз доли штатной численности (2030), %		
					консервативный	инновационный	форсированный	консервативный	инновационный	форсированный
Обеспечение экономики и социального сектора эффективными трудовыми ресурсами	2,1	8	0,3	131,3	4	2	1	0,2	0,2	0,1
Предпринимательство и развитие конкуренции	17,5	7	0,3	142,4	2	1	0	0,1	0,1	0,1
Обеспечение качества жизнедеятельности населения	2,8	138	6,1	129	24	12	5	0,9	0,9	0,8
Инвестиционная стратегия	21,9	33	1,4	179,1	4	2	1	0,2	0,1	0,1
Охрана здоровья населения	-9,7	74	3,3	120,8	31	15	7	1,1	1,2	1,0
Развитие физической культуры и спорта	9,1	13	0,6	185,3	30	15	7	1,1	1,2	1,0

Окончание таблицы 3

Приоритетное направление СЭР	Экономический рост (2016–2018), %	Штатная численность (2019), ед.	Доля в штатной численности (2019), %	Прогноз экономического роста (2019–2030), %	Прогноз штатной численности (2030), ед.			Прогноз доли штатной численности (2030), %		
					консервативный	инновационный	форсированный	консервативный	инновационный	форсированный
Семья и устойчивое народосбережение	32,1	162	7,2	163,9	167	81	37	6,1	6,5	5,3
Жилье и создание благоприятных условий проживания	22,8	96	4,3	152,4	13	8	3	0,5	0,7	0,5
Комплексное пространственное развитие территорий	0,7	5	0,2	145,5	1	1	0	0,1	0,1	0,0
Природные ресурсы и минерально-сырьевая база	8,3	106	4,7	168,5	169	66	53	6,2	5,3	7,8
Обеспечение экологического благополучия и создание основ «зеленого» региона	15,7	423	18,8	141,3	333	129	105	12,1	10,4	15,3
Развитие общего и дополнительного образования	3,2	28	1,2	140,7	22	10	5	0,8	0,8	0,7
Развитие профессионального образования и подготовка кадров	-10,5	28	1,2	143,2	23	11	5	0,8	0,9	0,7
Транспорт и дорожная сеть	14,1	65	2,9	163,1	70	29	24	2,6	2,3	3,4
Развитие научно-технологического потенциала и инновационной сферы	2,2	7	0,3	202	24	12	5	0,9	0,9	0,8
Информационные технологии	-5,7	9	0,4	333,3	160	66	54	5,8	5,3	7,9
Туризм и креативная индустрия	39,0	26	1,2	213,3	84	34	12	3,1	2,8	1,7
Культура и историко-культурное наследие	-0,9	45	2,0	225,2	226	109	49	8,2	8,8	7,1
Развитие конкурентоспособности экспорта и импортоопережения	27,0	7	0,3	100	0	0	0	0,0	0,0	0,0
Развитие политического самосознания, гражданской активности и самореализации населения	21,1	50	2,2	160,8	21	10	5	0,8	0,8	0,7
Безопасность проживания и самосохранение населения	-5,9	71	3,2	142,3	18	9	4	0,7	0,7	0,6
Агропромышленный и рыбохозяйственный комплексы	5,9	31	1,4	158,2	38	15	12	1,4	1,2	1,8
Торговля и потребительский рынок	-2,3	31	1,4	129,1	3	1	1	0,1	0,1	0,1
Развитие топливно-энергетической инфраструктуры	9,5	71	3,2	119,6	0	0	0	0,0	0,0	0,0
Эффективное управление земельно-имущественным комплексом	-38,2	108	4,8	332,6	829	400	188	30,2	32,2	27,3
Государственное и муниципальное управление	3,0	78	3,5	165,6	37	18	8	1,3	1,4	1,2
Обеспечение финансовой устойчивости региона	14,6	113	5,0	338,4	183	79	43	6,7	6,4	6,3
Промышленность	2,1	8	0,3	154,6	0	0	0	0,0	0,0	0,0
Связь и телекоммуникации	17,5	34	1,5	129,9	15	6	5	0,5	0,5	0,7
Не участвуют в Стратегии	7,6	376	16,7	173,2	211	102	48	7,7	8,2	6,9
<i>Итого</i>	<i>7,6</i>	<i>2251</i>	<i>100</i>	<i>173,2</i>	<i>2744</i>	<i>1241</i>	<i>687</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Источник: составлено автором.

Составим прогноз численности публичных служащих, необходимой для достижения приоритетов СЭР, рассчитав прирост значений целевых показателей по приоритетным направлениям Стратегии, и подставим их вместе с оценками роста производительности труда по отраслям в формулу (5). Результат показан в табл. 3. Обеспечено соответствие численности служащих в ОИВ прогнозу развития соответствующих отраслей, в чем состояла главная цель построения модели. Коэффициент корреляции между этими параметрами в зависимости от сценария варьирует от 0,77 до 0,82 при $p < 0,001$.

При консервативном сценарии роста производительности труда для обеспечения запланированных темпов СЭР в 2019–2030 гг. требуется увеличить штат служащих на 22%. Реализация подобного экстенсивного сценария представляется неоптимальной, так как повлечет рост управленческих расходов и репутационные риски, вызванные невысоким уровнем общественного доверия к региональной власти, с тенденцией к снижению.

При инновационном сценарии число кадров сократится к 2030 году на 45%. Запланированные результаты СЭР региона будут достигнуты путем повышения производительности труда. При данном сценарии уровень соответствия между численностью госслужащих и темпами роста экономики окажется максимальным, поэтому мы рассматриваем инновационный сценарий как оптимальный.

При форсированном сценарии аппарат управления можно сократить на 70%, при этом произойдет перераспределение служащих между органами власти. Так, в сфере земельно-имущественных отношений сконцентрируется до трети всей численности служащих, с 0,4 до 6% увеличится доля аппарата в сфере информационных технологий и с 2 до 8% – в сфере культуры. Напротив, произойдет сокращение в таких отраслях, как управление топливно-энергетическим комплексом, торговля, обеспечение жизнедеятельности, жилищная политика. Доля кадров ОИВ, не задействованных в реализации Стратегии, уменьшится до 7%. При этом следует обратить внимание, что результаты сокращения зависят от корректности определения уровня производительности труда и его прироста.

Выводы, обсуждение и дискуссия

Решая первую исследовательскую задачу, мы оценили содержательное, а не текстуальное соответствие федеральных и региональных документов, отражение национальных проектов в Стратегии, проектах и программах региона. Опыт реализации этих документов в 2018–2019 гг. показывает, что отсутствие подобных связей – распространенная причина неосвоения средств, выделяемых на реализацию нацпроектов регионам. Обобщенные результаты представлены в *таблице 4*.

Велико соответствие Стратегии и других управленческих инструментов (максимальное соответствие обеспечено в сферах здравоохра-

Таблица 4. Уровень соответствия управленческих инструментов СЭР, %

Категория сравнения	Показатели Указа № 193	Национальные проекты (Указ № 204)	Целевые показатели Стратегии субъекта РФ	Приоритетные региональные проекты	Государственные программы субъекта РФ	Исполнительные органы субъекта РФ
Показатели Указа № 193	1					
Национальные проекты (Указ № 204)	0,62	1				
Целевые показатели Стратегии субъекта РФ	0,52	0,72	1			
Приоритетные региональные проекты	0,65	0,83	0,96	1		
Государственные программы субъекта РФ	0,61	0,70	1	0,57	1	
ОИВ субъекта РФ	0,51	0,54	0,85	0,36	1	1

Источник: составлено автором.

нения, образования и жилищной политики, минимальное – в сферах инноваций и демографической политики). При этом не всегда наблюдается соответствие региональных приоритетов федеральным, что создает риски отставания региона в рейтингах качества управления. Таким образом, гипотеза Н.1 подтвердилась частично.

Решая вторую задачу исследования, мы выяснили, что лишь половина ОИВ анализируемого региона участвует в исполнении национальных проектов и показателей Указа № 193. Вовлеченность в выполнение региональной Стратегии уже гораздо выше (85%). Приоритетные региональные проекты реализует около трети госорганов. Это означает, что гипотеза Н.2 также лишь частично подтверждена данными. Налицо нечеткое разделение функционала ведомств.

При этом нельзя говорить об отсутствии взаимосвязи между развитием региона и процессами в управленческом аппарате. Расчет соответствующих индексов выявил наличие сильной статистической связи СЭР с развитием публичной службы. На *рисунке 1* взаимосвязи названных индексов показаны на фоне

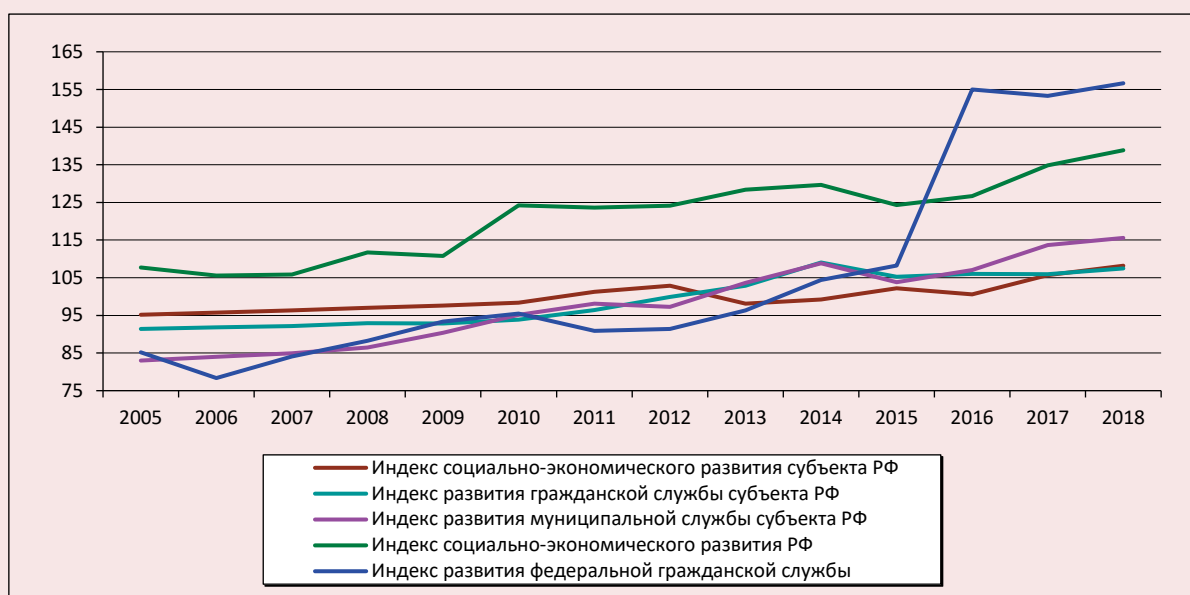
аналогичных процессов, происходящих на федеральном уровне.

При решении третьей задачи оценено статистическое соответствие анализируемых индексов (*табл. 5*). Оно указывает на наличие взаимосвязей между ними (в скобках – значимость связи).

Эти взаимосвязи можно интерпретировать следующим образом:

1. Связь СЭР региона с развитием муниципальной службы сильнее (0,84), чем с развитием гражданской службы (0,73). Это подтверждается расчетом парных регрессий. Если индекс развития гражданской службы в анализируемый период увеличился на 15%, то значение индекса развития муниципальной службы выросло на 30%. Негативная тенденция отмечена по уровню доверия населения: если в 2005 году региональной власти доверяли 63% граждан, то в 2018 – лишь 58%. Это указывает на направление дальнейшей трансформации системы власти – повышение открытости обществу и подотчетности. Без этого все внутренние улучшения в бюрократической среде не приводят к желаемому результату. Уровень доверия к муниципальным властям был и остается низким (им дове-

Рис. 1. Динамика индексов развития гражданской (муниципальной) службы, индексов СЭР РФ и субъекта РФ (2005–2018), %

Источник: составлено автором.

Таблица 5. Корреляционная матрица индексов

	СЭР субъекта РФ	Развитие гражданской службы субъекта РФ	Развитие муниципальной службы субъекта РФ	СЭР РФ	Развитие федеральной гражданской службы
СЭР субъекта РФ	1				
Развитие гражданской службы субъекта РФ	0,73 (0,003)	1			
Развитие муниципальной службы субъекта РФ	0,84 (0,0001)	0,95 (0,0000)	1		
СЭР РФ	0,85 (0,0001)	0,88 (0,0000)	0,97 (0,0000)	1	
Развитие федеральной гражданской службы	0,78 (0,001)	0,76 (0,002)	0,83 (0,0002)	0,76 (0,002)	1

Источник: составлено автором.

рует не более трети граждан), это означает, что количественные улучшения пока не приводят к качественному росту социальной эффективности власти на местах.

2. Существует значимая взаимосвязь в динамике индексов СЭР региона и страны в целом (0,85). Первичными можно считать изменения на уровне региона, так как при рассмотрении индекса для РФ в качестве зависимой переменной коэффициент корреляции

принимает значение 0,91 с временным лагом в год по отношению к динамике СЭР субъекта РФ.

3. Велика взаимосвязь процессов развития федеральной и региональной госслужбы (0,76). Эти процессы протекают сопряжённо. Линейные регрессионные модели, построенные по индексам развития гражданской и муниципальной службы, позволяют спрогнозировать динамику индекса СЭР субъекта РФ (рис. 2).

Рис. 2. Динамика и прогноз индекса СЭР субъекта РФ

Источник: составлено автором.

Интервальный прогноз на два года вперед по регрессионной модели развития гражданской службы построен с величиной достоверности аппроксимации (R^2) 0,88, а по регрессионной модели развития муниципальной службы – 0,96 (то есть модель для индекса развития муниципальной службы более точная). Для сравнения тот же тренд построен непосредственно по эмпирическим данным индекса СЭР субъекта РФ. Методом подбора для него получена максимальная точность 0,78 при использовании полиномиальной линии тренда. Инструменты регрессионного анализа позволяют обеспечить более высокую точность так как учитывают влияние скрытых регрессоров. Доверительный вариант прогноза значения индекса СЭР по итогам 2020 года варьирует от 105,1 до 109 с наиболее вероятным значением 106,5.

Таким образом, проверка гипотезы Н.3 показала, что доля целевых показателей Стратегии, полностью или частично соответствующих программе статистических наблюдений, составляет 48,6% (полностью эквивалентны лишь 22,8% показателей). При формировании целевых показателей для стратегического планирования часто используются ведомственные данные, которыми легко манипулировать. Следовательно, гипотеза о соответствии управленческих инструментов и статистических показателей не подтвердилась.

При разработке управленческих инструментов регионам рекомендуется ориентироваться на показатели статистики, которые сравнительно объективны и ориентируют исполнителей на достижение конечных общественно значимых результатов. Проблема с подобными показателями состоит в том, что они зачастую описывают процессы, выходящие за рамки компетенции региональных органов власти. В подобном случае правительству субъекта РФ рекомендуется предложить Росстату включить показатель в Федеральный план статистических работ. Другой проблемой является запаздывание статистической отчетности, но она носит технический характер. Когда оценка результатов на основе статистики станет общим принципом, нетрудно синхронизировать сроки получения статданных с отчетностью государственных органов. Большим потенциалом обладают

Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) и Государственная автоматизированная система «Управление» (ГАСУ).

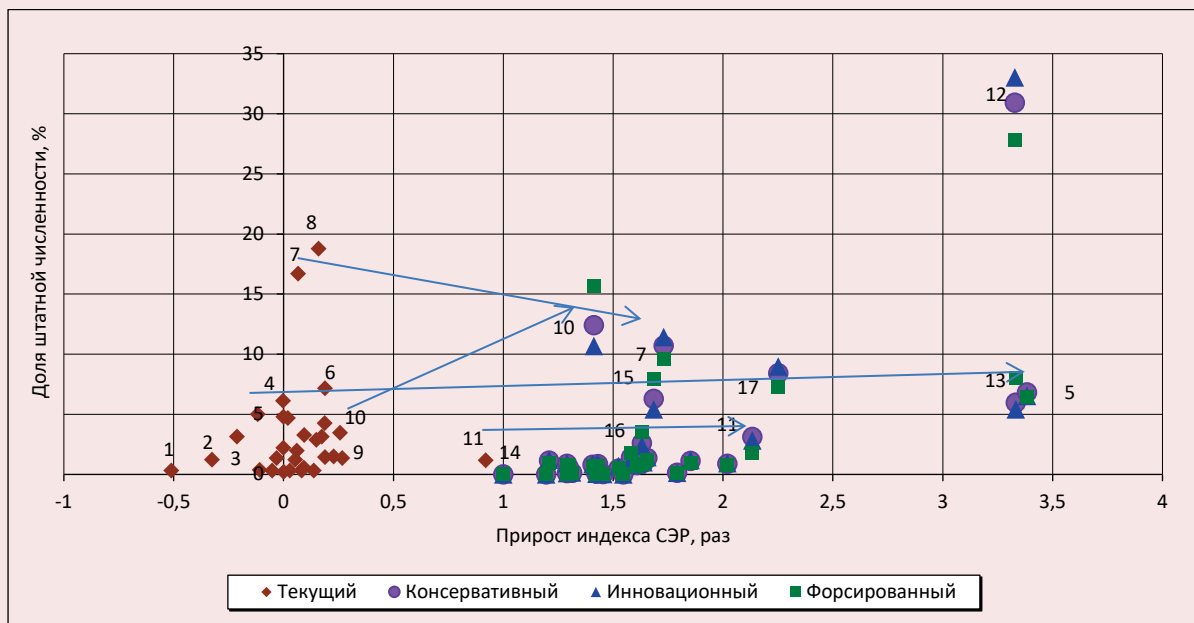
Решая последнюю, четвертую, поставленную задачу, мы выяснили, что распределение численности гражданских служащих в ОИВ почти не совпадает с приоритетными направлениями развития региона (гипотеза Н.4 не подтвердилась). Сокращение численности госслужащих также происходит без учета процессов в управляемых отраслях. Ориентация органов власти на достижение приоритетов развития имеет большое значение, ибо исторически многие приоритеты в полном объеме не достигаются из-за незаинтересованности бюрократии.

Для преодоления дисфункции предложена методика, связывающая проектируемый штат госорганов с динамикой СЭР и ростом производительности труда, что необходимо для ориентации аппарата управления на достижение социально значимых результатов. Прогноз распределения штатной численности служащих по отраслевым направлениям при консервативном, инновационном и форсированном сценариях производительности труда визуализирован на *рисунке 3*.

Точки обозначают отдельные приоритетные направления. Координаты точек по оси абсцисс при консервативном, инновационном и форсированном сценариях одинаковы, так как целевые показатели Стратегии установлены не на вариативной основе. Стрелки показывают примеры изменений в отдельных отраслях в 2019–2030 гг. Ограничение предложенной методики состоит в корректности значений целевых показателей Стратегии, на основании которых прогнозируется динамика СЭР региона. Произвольность или излишняя амбициозность целевых показателей может существенно повлиять на прогноз численности кадров. На вероятность такой ситуации указывает слабая увязка целей Стратегии с показателями статистики.

В большинстве отраслей прогнозируется сокращение аппаратов управления за счет роста производительности (очень существенно в промышленности, энергетике, внешней торговле, безопасности). Сократится штат органов, не участвующих в реализации Стратегии. Напротив, в быстро растущих сферах (земельные

Рис. 3. Фактическое и прогнозное распределение штатной численности гражданских служащих по приоритетным направлениям развития субъекта

Обозначения: 1 – профессиональное образование; 2 – потребительский рынок; 3 – топливно-энергетический комплекс; 4 – обеспечение жизнедеятельности населения; 5 – финансовый сектор; 6 – демографическая политика; 7 – не участвуют в Стратегии; 8 – государственное и муниципальное управление; 9 – агропромышленный комплекс; 10 – экология; 11 – туризм; 12 – земельно-имущественный комплекс; 13 – информационные технологии; 14 – экспорт; 15 – природные ресурсы; 16 – транспорт; 17 – культура.

Источник: составлено автором.

отношения, культура, информационные технологии) необходим рост числа госслужащих.

В этих условиях, вероятно, встанет вопрос об объединении органов в тех сферах, где будет высвобождаться значительная численность служащих. Мы рекомендуем прогнозировать потребности в штатной численности служащих по приоритетным направлениям и, с учетом изменения функций и структуры госорганов, устанавливать штаты в пределах общей численности по направлениям.

Полученные результаты соотносятся с тенденциями рынка труда. При этом прикладное прогнозирование численности служащих будет корректным, только когда формирование целевых показателей Стратегии станет обоснованным, а оценки динамики производительности труда – реалистичными. Субъекты РФ решают сходные задачи СЭР, и рекомендации исследования могут быть применимы в широком региональном контексте как в настоящее время, так и в перспективе.

Литература

1. Алексеев А.В., Кузнецова И.В. Сравнительная характеристика методик оценки уровня СЭР региональной социально-экономической системы // Новые технологии. 2018. № 2. С. 2–9.
2. Mishenin Y., Koblianska I., Medvid V., Maistrenko Y. Sustainable regional development policy formation: role of industrial ecology and logistics. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 329–341.
3. Lewis D.C., Schneider S.K., Jacoby W.G. Institutional characteristics and state policy priorities: The impact of legislatures and governors. *State Politics & Policy Quarterly*, 2015, vol. 15, no. 4, pp. 447–475.

4. Барабашев А.Г., Макаров А.А., Макаров И.А. О совершенствовании индикативных оценок качества государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 7–39.
5. Jensen D.N. How Russia is ruled. In: *Business and State in Contemporary Russia*. Ed. by P. Rutland. Abingdon: Routledge, 2018. Pp. 33–64.
6. Beer A., Ayres S., Clower T., Faller F., Sancino A., Sotarauta M. Place leadership and regional economic development: a framework for cross-regional analysis. *Regional Studies*, 2019, vol. 53, no. 2, pp. 171–182.
7. Rondinelli D.A. *Applied Methods of Regional Analysis: The Spatial Dimensions of Development Policy*. Abingdon: Routledge, 2019.
8. Faggian A., Modrego F., McCann P. Human capital and regional development. In: *Handbook of Regional Growth and Development Theories*. Ed. by R. Capello, P. Nijkamp. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. Pp. 149–171.
9. Куклин А.А., Коробков И.В. Выбор эффективной траектории СЭР региона // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 4. С. 1145–1155.
10. Новоселов А.С., Маршалова А.С. Актуальные проблемы разработки стратегии СЭР региона // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2017. № 3. С. 18–26.
11. Danson M., Halkier H., Cameron G. (Eds.). *Governance, Institutional Change and Regional Development*. Abingdon: Routledge, 2018.
12. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы: системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: URSS, 2012.
13. Vedung E. *Public Policy and Program Evaluation*. Abingdon: Routledge, 2017.
14. McLaughlin P., Sherouse O. RegData 2.2: A Panel Dataset on US Federal Regulations. *Public Choice*, 2019, vol. 180, no. 1–2, pp. 43–55.
15. Stöhr W., Tödting F. Quantitative, qualitative, and structural variables in the evaluation of regional development policies in Western Europe. In: *Regional Development*. Ed. by G. Demko. Abingdon: Routledge, 2017. Pp. 157–173.
16. Gorzelak G., Smętkowski M. Regional development dynamics in Central and Eastern European countries. In: *Regional Development in Central and Eastern Europe*. Ed. by G. Gorzelak, J. Bachtler, M. Smętkowski. Abingdon: Routledge, 2018. Pp. 34–58.
17. Кремлев Н.Д. Статистика как инструмент познания устойчивого регионального развития // Статистика и экономика. 2018. № 3. С. 4–13.
18. Нижегородцев Р.М., Пискун Е.И., Кудревич В.В. Прогнозирование показателей СЭР региона // Экономика региона. 2017. № 1. С. 38–49.
19. Волкова Е.Н. Проблемы интегральной статистической оценки СЭР региона // Статистика и экономика. 2015. № 3. С. 170–175.
20. Соян Ш.Ч., Уганза Д.А. Кадровая политика и кадровая работа в системе государственной и гражданской службы // Вектор экономики. 2019. № 5. С. 197–209.
21. Борщевский Г.А. Модели управления бюрократией с учетом экономического развития регионов // Управленческое консультирование. 2017. № 5 (101).
22. Фотина Л.В., Чапкин Н.С. Велика ли численность государственных чиновников в Российской Федерации? // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 1. С. 45–51.
23. Резер Т.М., Акшенцева О.А. Нормирование труда как проектирование профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего // Право и образование. 2018. № 1. С. 79–87.
24. Петухов Р.В. К проблеме социального содержания местного самоуправления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 131–146.

Сведения об авторе

Георгий Александрович Борщевский — доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор института, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82; e-mail: ga.borshchevskiy@igsu.ru)

Borshchevskii G.A.

Management Tools for the Region's Socio-Economic Development

Abstract. The purpose of the research is to assess the focusing of existing management tools on socio-economic development (SED) of the Russian Federation constituent entity. The practical rationale of the research is caused by general problems of regional development and the need to develop methodological approaches to their solution. The author used qualitative methods of cross-sectoral analysis, document analysis, and quantitative methods (those of principal components, variance calculation, correlations, regressions, and index construction). The novelty of the research is related to comparing management tools at the federal and regional levels, as well as to designing a number of administrative staff based on these tools. As a result of the study, the author proposes a method of management tools evaluation (SED strategy, priority projects, state programs), approves the methods of SED indices calculation and public services development, as well as the methods of rationing the number of managerial staff in line with SED priorities. The main conclusion is that the assessment of stated goals' achievement is complicated by a low level of program documents' compliance with official statistics indicators. Since the sectoral distribution of a number of state apparatus employees is not optimal, the author proposes its adjustment, focusing management personnel on achieving region's development priorities. The results obtained are correlated with the labor market trends. The applied forecasting of the employees number is limited by the correctness level of SED and labor productivity target indicators. When developing management tools, the regions are recommended to take into account statistical indicators that are relatively objective and to focus the performers on achieving final socially significant results. The proposed method has the potential to be replicated in the constituent entities of the Russian Federation addressing similar problems in the field of SED.

Key words: constituent entity of the Russian Federation, socio-economic development, strategy, national project, state program, public service.

Information about the Author

Georgy A. Borshchevskii – Doctor of Sciences (Politics), Candidate of Sciences (History), Professor of the Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: ga.borshchevskiy@igsu.ru)

Статья поступила 23.04.2020.

Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов

**Мария Андреевна
ГРУЗДЕВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8759-4953; ResearcherID: H-4981-2017

Аннотация. Проблематика цифрового неравенства и разработки методологии его измерения находится в фокусе внимания исследователей, представителей государственного управления, непосредственно компаний, занимающихся предоставлением услуг интернет-связи, и других заинтересованных лиц уже более двадцати лет. Данный вопрос стал актуальным с увеличением темпов распространения интернета в отдельных частях мира и, соответственно, отставанием других стран от них в конце 90-х годов прошлого и начале настоящего столетия. Эта сфера является одной из наиболее быстро меняющихся, вероятно, во многом поэтому до сих пор четко не определены теоретико-методологические основы исследования цифрового неравенства, что актуализирует проведение исследовательских изысканий в данном направлении и значимость мониторинга тенденций, складывающихся в мире и отдельных государствах. Целью нашей работы стало применение трехуровневой модели цифрового неравенства для оценки различий первого уровня среди населения стран мира и регионов России. В качестве теоретической основы используется модель трех уровней цифрового неравенства, разрабатываемая современными учеными. Предполагается, что результаты работы создадут предпосылки для продолжения изучения других уровней цифровой асимметрии среди населения России, что позволит выяснить не только факт его включенности в цифровую среду, но и уровень цифровых компетенций, а также возможностей, которые дает использование современных информационных технологий. Применен комплекс общенаучных методов, для измерения неравенства автор прибегает к расчетам коэффициента вариации, группировке стран мира и регионов по уровням проникновения ин-

Для цитирования: Груздева М.А. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5

For citation: Gruzdeva M.A. Inclusion of population in digital space: global trends and inequality of Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5

тернета. Сделаны выводы о наличии в мире цифрового неравенства первого уровня, несмотря на существенное снижение дифференциации стран по проникновению интернета. Выявлено, что Россия на фоне других государств демонстрирует существенный прирост доли интернет-пользователей, внутри российских регионов, даже при снижении коэффициентов вариации, присутствуют элементы цифрового разрыва. Научная новизна проведенного исследования заключается в оценке масштабов и динамики цифрового неравенства первого уровня среди населения на страновом и региональном уровнях, группировке стран мира и российских регионов по доле пользователей интернета и применению мобильных устройств для выхода в сеть.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, территориальное цифровое неравенство, проникновение интернета, уровни цифрового неравенства, технологические и экономические факторы цифрового неравенства, Россия.

Введение

Современный мир стоит на пороге четвертой промышленной революции, основой которой являются новые цифровые, биологические, физические и другие виды технологий. В связи с этим в научном и общественном дискурсе все чаще используются термины, тем или иным образом характеризующие влияние новых цифровых технологий на экономику и общество. Более чем за двадцатилетнюю историю использования терминов «интернет-экономика» и «цифровая экономика» и их производных они все еще не обрели четких очертаний, что, тем не менее, не мешает их широкому употреблению в бизнес-среде, СМИ, научных публикациях и других источниках [1]. Действительно, довольно сложно очертить и сделать общепринятыми границы того, что претерпевает постоянные изменения. Стремительное развитие современных цифровых технологий не позволяет четко «стабилизировать» проявления их влияния на экономику и общество: если в начальный период основное значение имел непосредственный доступ к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), то сейчас, когда интернет и другие средства ИКТ превратились в неотъемлемую часть повседневной жизни большинства населения планеты, все актуальнее становится вопрос, как производятся и для каких целей используются данные технологии.

Безусловно, внедрение цифровых технологий проходит неодинаково в различных регионах мира, странах и внутри них, что связано с уровнем и стратегией развития, техническими возможностями и восприимчивостью населения к происходящим изменениям. Неравенство в доступе населения к цифровым услугам и различные возможности их использования,

обусловленные множеством причин, от материальных до наличия навыков и мотивации, ставят во главу угла новые и малоизученные аспекты социального неравенства, могут стать причиной социальной эксклюзии целых социально-демографических групп из процессов цифрового развития. Это порождает новые исследовательские задачи, чему частично и посвящена данная работа. Об этом говорится и в многочисленных зарубежных и отечественных научных работах [2–7]. «Лидеры» научных исследований в данном направлении в России — представители научной школы НИУ «Высшая школа экономики», предложившие методический инструментарий оценки вклада интернет-экономики в ВВП [8], композитного индикатора для измерения величины и динамики цифрового неравенства в России [9] и другие методики. Они дали старт статистическому изучению цифровой экономики в России¹ и акцентируют внимание на том, что происходящие в обществе изменения в контексте перехода к цифровой экономике пока еще недостаточно изучены и требуют разработки и использования новых показателей, подходов и методик. Это предопределило актуальность проводимого исследования.

¹ С 2017 года в сотрудничестве с Росстатом НИУ ВШЭ выпускает сборники показателей, которые легли и в основу данного исследования: Информационное общество в Российской Федерации. 2018: стат. сб. / М.А. Сабельникова [и др.]; Росстат; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018; Информационное общество в Российской Федерации. 2019: стат. сб. / М.А. Сабельникова [и др.]; Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019.

Целью работы стало применение трехуровневой модели цифрового неравенства для оценки различий первого уровня среди населения стран мира и регионов России. Для достижения цели были поставлены и реализованы следующие задачи: рассмотрены теоретико-методологические подходы к изучению цифрового неравенства; проанализированы тенденции цифрового развития в мире, развитых и развивающихся странах, России; проведена оценка масштабов неравномерности стран мира и российских регионов по проникновению и использованию интернета; изучаемые объекты сгруппированы по уровням цифрового развития.

Научная новизна исследования заключается в оценке масштабов и динамики цифрового неравенства первого уровня среди населения на страновом и региональном уровнях, группировке стран мира и российских регионов по доле пользователей интернета и применению мобильных устройств для выхода в интернет.

Материалы и методы

В исследовании для реализации цели и задач использован комплекс научных методов, в частности сравнительный анализ, статистический анализ, социологические методы. Теоретической базой являются научные работы, в которых изучаются вопросы становления, развития и методов оценки цифровой экономики и цифрового неравенства.

Для измерения глобальных тенденций цифрового развития применяются данные по числу пользователей интернета, абонентов стационарных и мобильных телефонов, подписок на интернет, в том числе мобильный, публикуемые Международным союзом электросвязи (далее МСЭ), ввиду их достаточности для отражения общей ситуации с распространением. Для собственно оценки масштабов цифрового неравенства первого уровня рассмотрены данные по доле населения, использующего интернет.

Для измерения применен коэффициент вариации, его значения позволяют оценить наличие и масштаб различий между регионами, странами по тому или иному показателю в следующих границах:

< 17% – совокупность абсолютно однородная;

17–33% – совокупность достаточно однородная;

35–40% – совокупность недостаточно однородная;

40–60% – совокупность значительно неоднородная;

> 60% – совокупность абсолютно неоднородная.

С целью изучения распределения стран по проникновению интернета использована группировка статистических данных с закрытыми интервалами и определены три его уровня – выше среднего, средний и ниже среднего.

Период исследования в каждом случае ограничивается доступностью статистических данных. Для международных данных это 2001–2019 гг., для Российской Федерации сбор большей части показателей (за исключением наблюдений МСЭ по доле пользователей интернета, куда входили практически все страны мира) был начат сравнительно недавно, нежели в мировой статистике, в 2013 году (анализируется до 2018 года). Для российских регионов доступная информация собрана по 2016, 2017, 2018 гг.

Информационной базой исследования послужили официальные данные Международного союза электросвязи, сборники статистических показателей, издаваемые совместно Росстатом и НИУ «Высшая школа экономики»: «Индикаторы цифровой экономики», «Информационное общество в Российской Федерации» и «Информационное общество: основные характеристики субъектов Российской Федерации».

Результаты

Современные исследователи цифрового неравенства сходятся, во-первых, во мнении о необходимости его изучения и создания методических основ для его оценки, во-вторых, в том, что оно имеет дифференцированную структуру.

Изначально подход к анализу цифрового неравенства рассматривался преимущественно в географическом дискурсе, между странами, имеющими и не имеющими доступ к внедрению информационно-коммуникационных услуг, условно богатыми и бедными [10; 11]. Однако практически сразу научное сообщество пришло к мнению, что данные процессы более многогранны и не основываются только на доступе к ИКТ, в связи с этим стали выделять несколько уровней цифрового неравенства. В 2001 году Э. Харгитай предложил теорию двух видов цифрового неравенства: первый показывает неравные шансы в доступе к ис-

пользованию ИКТ, второй характеризуется непосредственно различиями в специфике использования интернета. Предполагалось, что второй вид неравенства возможен при более распространенном проникновении ИКТ в повседневную жизнь людей [12; 13].

Это положило основу изучению цифрового неравенства со стороны различных областей знания – социологии, экономики, политологии, медиа-среды, маркетинга [14]. И зарубежные, и отечественные исследователи рассматривали различные факторы неравного доступа к ИКТ и их использования, связанные с различиями в доходе² [15], уровне образования [16; 17; 18], возрасте [19], гендере³ [20] и т. д.

В настоящее время разрабатывается теория трех уровней цифрового неравенства, ставшая основой для комплексного изучения цифрового раскола именно с позиции человека [4; 21; 22]. Согласно ей цифровой раскол может проявляться на трех основных уровнях: 1) уровне доступа населения к интернету и другим ИКТ; 2) уровне цифровых компетенций пользователей и цифровой грамотности; 3) уровне социальных преимуществ, которые пользователи получают при грамотном и полноценном применении цифровых технологий в профессиональной и частной жизни.

Не обращаясь к такой терминологии, но рассматривая такие же характеристики цифровой стратификации общества, исследователи из Ульяновска О.В. Шиняева, О.В. Полетаева, О.М. Слепова [23] осуществляют поиск эффективных практик адаптации населения к ней, изучают мотивацию населения адаптироваться к изменениям для повышения собственной эффективности в эпоху цифровизации.

После изучения богатого опыта публикаций по тематике цифрового неравенства мы остаемся солидарны с позициями современных исследователей о многогранности и комплексности данного явления, необходимости построения эффективных методик для его измерения. Наше

² Вершинская О.Н. Цифровой раскол – новый вид экономического неравенства? // ВИПЕРСОН. Публикации. Эксклюзив. 2011. URL: <http://viperson.ru/articles/olga-vershinskaya-tsifrovoy-raskol-novyy-vid-ekonomicheskogo-neravenstva>

³ Смирнова О.В. Феминизация Интернета: тенденции и прогнозы // Медиаскоп. 2009. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/феминизация-интернета-тенденции-и-прогнозы>

исследование базируется на трехуровневой модели цифрового неравенства, получившей широкое распространение в зарубежных работах (один из ярких представителей направления – Massimo Ragnedda) и развивающейся в России (научная школа НИУ ВШЭ – М.Ю. Архипова, В.П. Сиротин; МГУ им. Ломоносова – А.А. Гладкова; Казанский федеральный университет – В.З. Гарифуллин; Ульяновский государственный университет – А.Р. Сафиуллин, О.А. Моисеева; Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН – Д.А. Гайнанов, Т.Ф. Шарифьянов).

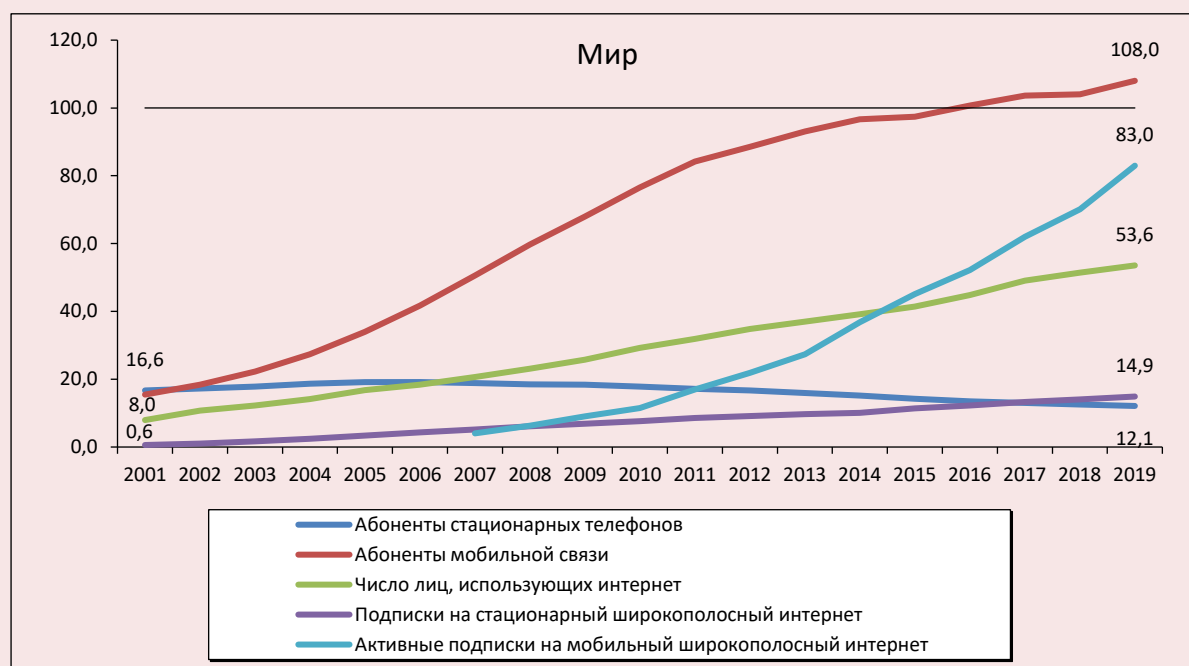
Речь пойдет по большей части о первом уровне неравенства – по доступности и использованию ИКТ населением; частично затронуты данные о причинах неиспользования сети Интернет в домашних хозяйствах. Второй и третий уровни неравенства, а именно характеристики развития цифровых компетенций и преимуществ, получаемых активными пользователями, глубоко и качественно могут быть изучены только при наличии существенной и, желательно, имеющей мониторинговый характер базы данных социологических исследований. По мнению ряда ученых, именно отсутствие таких данных является ограничивающим фактором для комплексных исследований цифрового раскола [4]. Углубленное изучение второго и третьего уровней цифрового неравенства на примере населения конкретного региона (а именно поселенческий, социально-демографический, социально-экономический и другие аспекты) составляет перспективу нашей дальнейшей работы.

Оценка цифрового неравенства в мире

В целом глобальные тенденции развития ИКТ в мире можно охарактеризовать стремлением к мобильности: повсеместно число абонентов стационарных телефонов снижается, мобильных телефонов – стремительно растет. В среднем по странам мира число абонентов мобильной связи с 2016 года превышает 100 единиц на 100 человек, то есть часть населения нуждается в доступе к мобильной сети более чем с одного устройства (в период 2001–2019 гг. значение выросло в 7 раз, ежегодный темп прироста 36,7% в год; *рис. 1*).

История появления и использования интернета берет начало в 60-х гг. XX века, однако, до того как он стал спутником среднестатистического человека, прошло не более 30 лет. О зна-

Рис. 1. Глобальные тенденции в цифровом развитии (в среднем по странам мира), количество в расчете на 100 жителей

Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

Здесь и далее количество абонентов мобильной сотовой связи с доступом для передачи данных (например, интернет) по широкополосной скорости передачи в прямом канале (здесь и далее определяется как большее или равное 256 Кбит/сек).

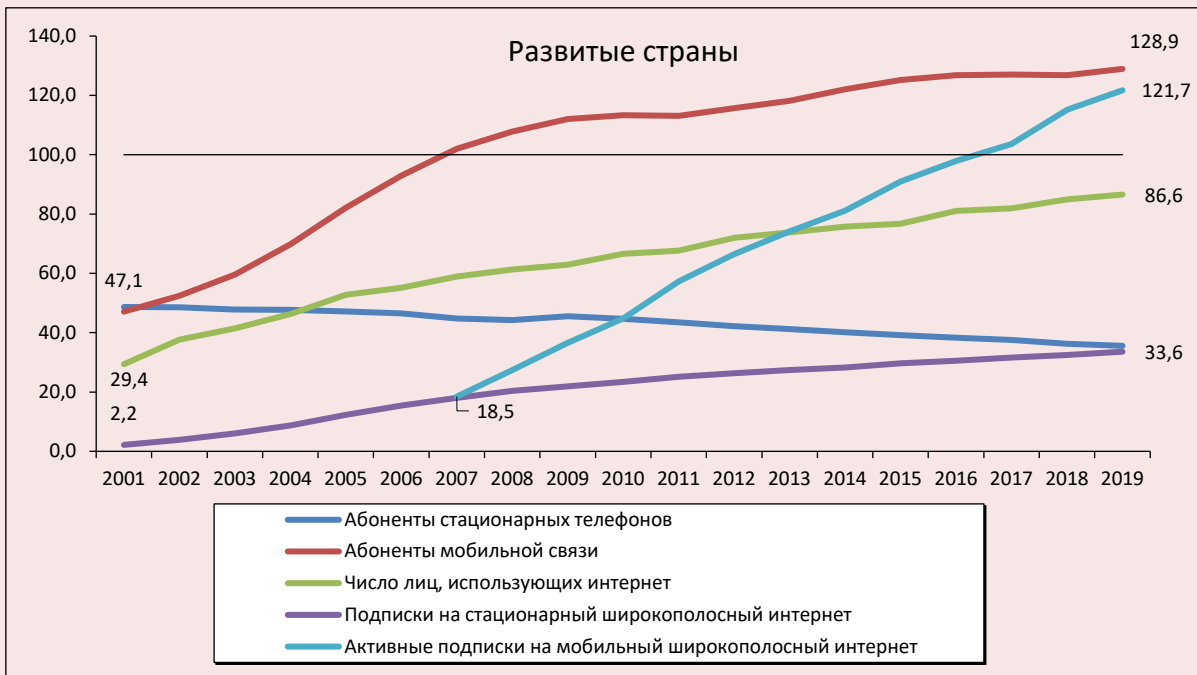
чительном массовом индивидуальном пользовании всемирной сетью можно говорить с конца 1990-х — начала 2000-х гг., именно тогда МСЭ и начал вести мониторинг доли пользователей. После этого проникновение интернета в повседневную жизнь и бизнес-процессы идет существенными темпами, однако потенциал для роста еще имеется: по предварительным оценкам МСЭ, в 2019 году интернетом пользовался каждый второй житель Земли (или 53,6 человека из 100). Здесь прослеживается та же тенденция — мобильный интернет более распространен, чем стационарный (в 2019 году активные подписки на мобильный интернет в 5,5 раза превышали число подписок на стационарный, в каждом случае речь идет о широкополосном интернете со скоростью передачи данных 256 Кбит в секунду и выше)⁴.

⁴ Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

Направленность тенденций использования ИКТ развитых и развивающихся стран схожа (рис. 2, 3), однако разными остаются масштабы.

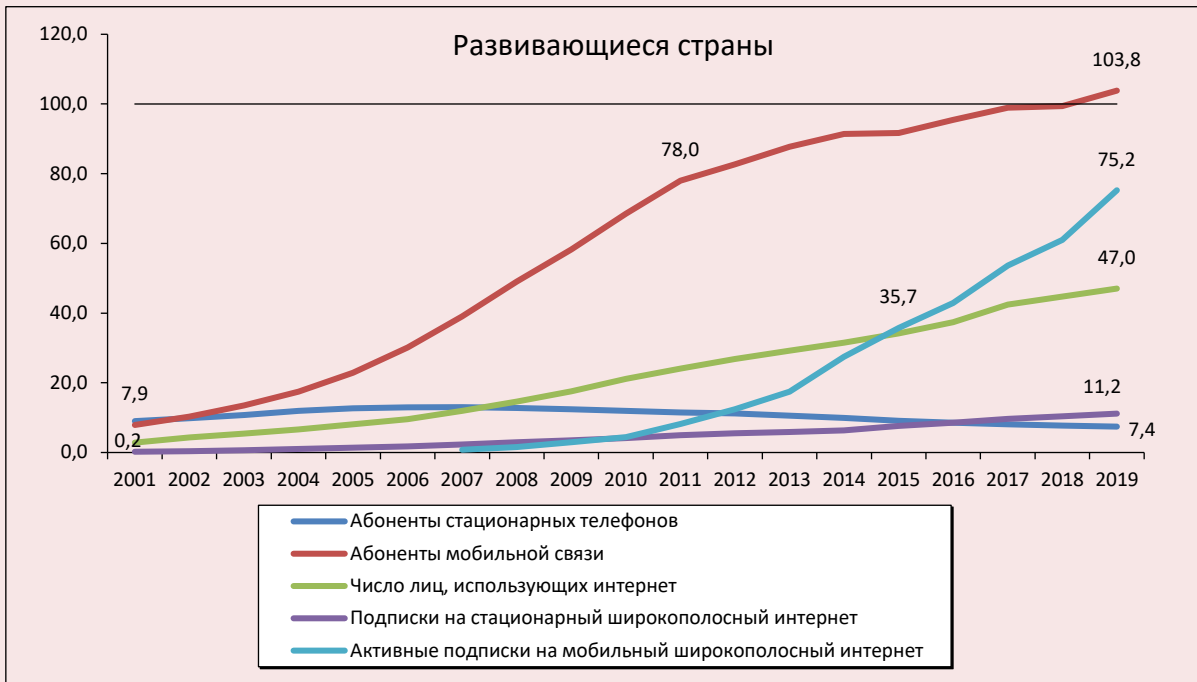
В развитых странах все показатели были выше и на начальном этапе массового индивидуального (в личных целях) использования интернета (с начала 2000-х гг.), в настоящее время эта ситуация сохраняется. Количество пользователей мобильной сети стало превышать численность населения уже в 2007 году, за период 2001–2019 гг. — значение показателя выросло в 2,7 раза, или на 14,4% ежегодно. В развитых странах более 86% населения пользуется интернетом, мобильный широкополосный интернет более востребован, чем стационарный (в 2019 году число подписок на мобильный интернет превышает число подписок на стационарный в 3,4 раза). Это говорит о том, что пользователи стремятся обеспечить постоянный доступ к сети независимо от места нахождения.

Рис. 2. Тенденции в цифровом развитии развитых стран (в среднем по развитым странам), количество в расчете на 100 жителей

Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

Рис. 3. Тенденции в цифровом развитии развивающихся стран (в среднем по развивающимся странам), количество в расчете на 100 жителей

Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

В отношении развивающихся стран можно говорить о еще более существенных темпах роста, особенно в последние годы. В начале 2000-х гг. позиции развитых и развивающихся государств оказались различными: в первых вовлеченность населения была весьма высока (вероятно, это связано с достаточным для введения новшеств уровнем жизни и образования населения), в последних – минимальна. Однако темпы проникновения интернета в развивающихся странах значительно выше. Так, за 2001–2019 гг. число мобильных абонентов выросло в 13 раз, или на 69% в среднем ежегодно. Интернетом пользуется каждый второй житель развивающихся стран, среди них 75 из 100 человек – мобильным и только 11 из 100 – стационарным.

В России подробная статистика о внедрении цифровых технологий в повседневную жизнь людей начала собираться значительно позже, данные публикуются с 2013 года. За шестилетний период можно проследить те же тенденции, что происходили в мире: снижение числа абонентов стационарных телефонов и рост пользователей мобильной сети и широкополосного интернета (рис. 4). Практически по

всем показателям Россия в тенденциях цифрового развития более близка к развитым странам, исключение составляет незначительное (по сравнению с лидерами цифрового развития) число абонентов мобильной сети.

Благодаря статистическим замерам Международного союза электросвязи, можно оценить масштабы цифрового неравенства первого уровня в мире. Доля пользователей интернета увеличивается повсеместно: в среднем по миру она выросла в период 2002–2019 гг. на 43,6 п. п., в развивающихся странах – на 42,6 п. п., в развитых – на 52 п. п. (рис. 5). В России доля пользователей интернета также стремительно возрастала – на 76 п. п. в исследуемый период.

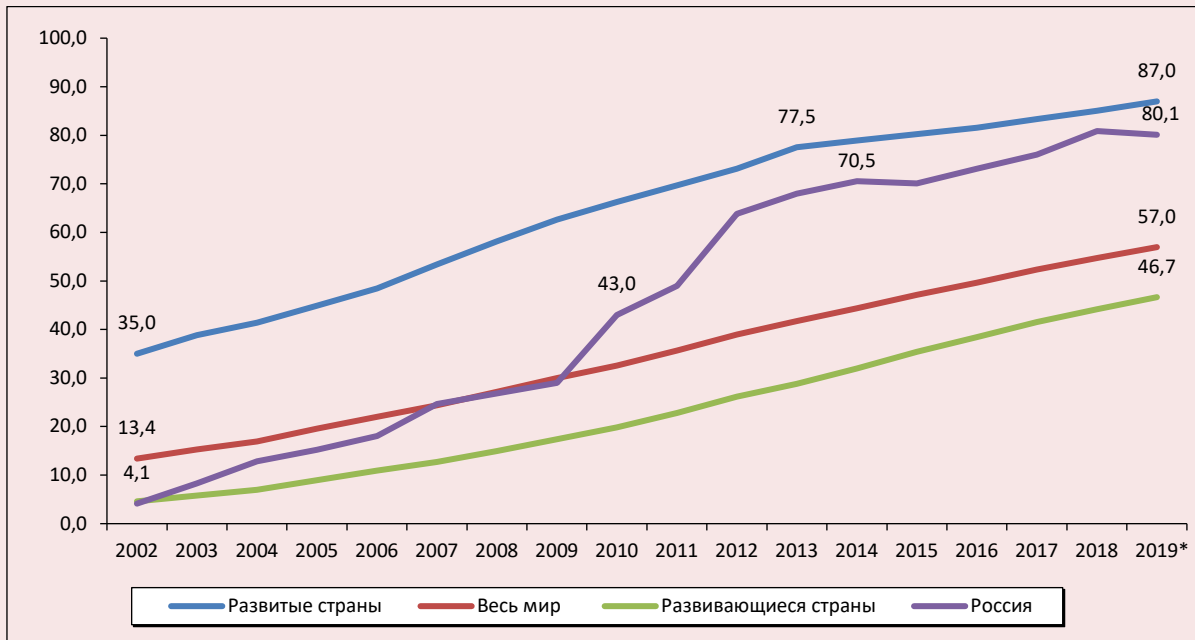
Для цифрового развития Российской Федерации 2010 год является переломным, именно с этого момента доля интернет-пользователей стала превышать среднемировой уровень. Если до 2009 года по включенности населения в пользование интернетом Россия была более близка к развивающимся странам, то с 2010 года – к развитым (рис. 6). На данный момент по вовлеченности населения в использование всемирной паутины она практически не отличается от развитых стран мира.

Рис. 4. Тенденции в цифровом развитии России, количество в расчете на 100 жителей

Источник: Информационное общество в Российской Федерации. 2018, 2019: стат. сборники.

Рис. 5. Доля лиц, использующих интернет, %

*2019 год – предварительные оценки.

Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

Рис. 6. Динамика коэффициента вариации по показателю «Доля лиц, использующих интернет» между Россией, развитыми и развивающимися странами мира, %

*2019 год – предварительные оценки.

Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

Таблица 1. Вариация показателя «Доля лиц, использующих интернет» по странам мира, %

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Темп прироста, 2017 к 2000
Максимальное значение	58,6	87,0	95,8	96,4	96,9	96,9	98,2	98,3	99,0	100,0	70,6
Минимальное значение	0,0059	0,0652	0,2500	0,7000	0,8000	0,9000	0,9900	1,0837	1,1771	1,3089	221 раз
Коэффициент вариации	146,1	107,5	78,6	73,4	70,2	67,7	63,1	58,5	56,1	50,8	-65,2

Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

Масштабы цифрового неравенства первого уровня в мире снижаются. При изучении показателя доли лиц, использующих интернет, выяснено, что коэффициент вариации стал меньше более чем на 65%. Однако совокупность стран мира по проникновению интернета остается неоднородной, в 2017 году значения колеблются от минимального в Восточной Африке,

Эритрее (1,3%) до максимального в Кувейте (100%; табл. 1).

Для того чтобы понять, как протекают процессы цифровизации в мире, страны были сгруппированы по трем уровням проникновения интернета, проанализировано изменение положения России в предложенной классификации.

Таблица 2. Положение России в группировке стран мира по показателю «Доля лиц, использующих интернет»

Уровень	2000	2005	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Выше среднего	Норвегия Канада Сан-Марино Новая Зеландия Швейцария	Исландия Швеция Дания Норвегия Нидерланды	Исландия Норвегия Нидерланды Люксембург Швеция	Исландия Норвегия Швеция Нидерланды Дания	Исландия Норвегия Швеция Дания Андорра ...	Исландия Норвегия Дания Андорра Лихтенштейн ...	Исландия Норвегия Дания Андорра Лихтенштейн ...	Исландия Андорра Норвегия Лихтенштейн Люксембург ...	Исландия Люксембург Лихтенштейн Бахрейн Андорра ...	Кувейт Исландия Лихтенштейн Катар Люксембург ...
Средний	Финляндия Лихтенштейн Сингапур Остров Вознесения Австрия	Гренландия Гонконг Китай Бельгия Монако Словакия	Гренландия Мальта Сент-Китс и Невис Польша Литва ...	Сент-Китс и Невис Россия Польша Хорватия Казахстан	Тринидад и Тобаго Антигуа и Барбуда Казахстан Польша Португалия	Саудовская Аравия Аргентина Португалия Малайзия Греция	Уругвай Французская Полинезия Венесуэла Пуэрто-Рико Албания	Армения Доминиканская Республика Иордания Италия Палестина	Палестина Гватемала Босния и Герцеговина Армения Турция	
Ниже среднего	Россия ... Судан Сомали Либерия Эфиопия Республика Конго	Россия ... Нигер Эфиопия Сьерра-Леоне Восточный Тимор Мьянма	Эфиопия Конго Эритрея Сьерра-Леоне Мьянма	Эритрея Нигер Бурунди Сомали Конго	Эритрея Нигер Бурунди Сомали Конго	Эритрея Нигер Бурунди Сомали Чад	Гвинея-Бисау Чад Нигер Сомали Эритрея	Нигер Центральная Африканская Республика Гвинея-Бисау Гвинея-Бисау Сомали Эритрея	Центральная Африканская Республика Гвинея-Бисау Бурунди Сомали Эритрея	

Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

Группировка проведена автором по данным о 207 странах мира, публикуемым МСЭ, в каждой группе показано по 5 стран и Россия.

Ранжировано: выше среднего и средний уровень – по убыванию, страны с наибольшими долями лиц, пользующихся интернетом. Уровень ниже среднего – по возрастанию, страны с наименьшими долями лиц, пользующихся интернетом.

За весь период в пятерку государств с наибольшей долей интернет-пользователей входили страны Европы, включая территории Великобритании за ее пределами (например, Бермудские острова, Фолклендские острова). Ряд карликовых европейских стран (Андорра, Люксембург, Лихтенштейн) попали в группу лидеров из-за небольшой численности населения (табл. 2). С 2016 года их ряды пополняют страны Персидского залива, основу экономики которых составляет нефтедобыча, Бахрейн и Кувейт, а также Катар, где добыча нефти и газа сделала его первой страной по размеру ВВП на душу населения в мире.

Что же касается группы стран с наименьшими долями интернет-пользователей, то и здесь наблюдается определенная стабильность. На протяжении последних 18 лет замыкают рейтинг страны Африки, ситуация в них остается практически неизменной, проникновение интернета – минимальным.

Исходя из группировки государств, также прослеживаются значительные темпы вхождения интернета в жизнь российских граждан: если в начале 2000-х гг. Россия входила, наряду с африканскими странами, в группу с уровнем проникновения ниже среднего (в 2000 году только 2% населения пользовались интернетом), то уже в 2010 году переместилась на средний уровень, а в 2012 – вошла в пятерку лидеров внутри данной группы, затем стала развиваться такими же темпами, как и развитые страны. На данный момент она входит в группу государств с уровнем пользования всемирной сетью выше среднего.

Оценка цифрового неравенства среди российских регионов

Для российских регионов характерно наличие диспропорций в развитии по самым различным аспектам. Данная проблематика успешно изучается в рамках региональной экономики. Основные причины неравенства заключаются в целом комплексе естественных и искусственных факторов и условий. Исходя из этого, возникает предположение, что и в процессах использования ИКТ обнаруживается асимметрия. При проверке данной гипотезы нами анализировались материалы статистических сборников, издаваемых Росстатом совместно с НИУ ВШЭ, что позволило изучить дифференциацию субъектов Российской Федерации по доле домохозяйств, имеющих доступ в интернет (в среднем, без уточнения стационарный или мобильный), а также доле населения, использующего мобильные устройства, включая смартфоны и другие гаджеты, для выхода в сеть. Анализ этих данных помогает оценить и масштабы цифрового неравенства первого уровня в стране, а также косвенно отследить, насколько население соответствует мировым трендам, связанным с преобладанием мобильного интернета над стационарным.

Стоит отметить, что расчет показателей вариации позволяет судить о конвергенции регионов как в среднем по проникновению интернета, так и по использованию его с мобильных устройств (коэффициент вариации в обоих случаях свидетельствует об абсолютной и достаточной однородности регионов, табл. 3).

Таблица 3. Вариации показателей по использованию интернета в регионах России, %

Показатель	2016	2017	2018	Темп прироста, 2018 к 2016
<i>Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет</i>				
Максимальное значение	88,6	88,1	87,4	-1,4
Минимальное значение	61,6	62,1	50,2	-18,5
Коэффициент вариации	7,6	7,4	10,0	31,6
<i>Доля использования мобильных устройств (мобильных телефонов или смартфонов, устройств для чтения электронных книг и др.) для выхода в сеть Интернет</i>				
Максимальное значение	70,5	79,3	Н.д.	12,5
Минимальное значение	22	37	Н.д.	68,2
Коэффициент вариации	22,2	16,2	Н.д.	-27,0
Источники: расчеты автора; Информационное общество в Российской Федерации. 2018, 2019.				

Вместе с тем, если рассмотреть значения показателей, картина представляется несколько иной. Так, например, в Чеченской Республике в 2018 году только каждый второй имел доступ в сеть (50,2%, табл. 4), что соответствует уровню развивающихся стран, а в регионе с высоким уровнем проникновения – Республике Бурятия – зафиксировано значение на уровне развитых стран – более 87%.

В данном случае группировку регионов сложно увязать с тенденциями их социально-экономического развития, так как лидеры и аутсайдеры меняются, не всегда отражается рост числа пользователей. Наоборот, в ряде регионов зафиксировано значительное снижение (не соответствующее увеличению численности населения, что могло бы сказаться на относительных показателях). Среди них Респу-

Таблица 4. Группировка регионов России по доле домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет

Уровень	2016	2017	2018
Выше среднего	г. Санкт-Петербург Чукотский автономный округ Магаданская область Республика Ингушетия Калининградская область	Республика Северная Осетия – Алания г. Санкт-Петербург Магаданская область Республика Ингушетия Республика Тыва	Республика Бурятия г. Санкт-Петербург Республика Алтай Тюменская область Республика Северная Осетия – Алания
Средний	Тульская область Республика Карелия Московская область Камчатский край Воронежская область	Краснодарский край Приморский край Сахалинская область Калининградская область Республика Калмыкия	Оренбургская область Республика Карелия Тамбовская область Иркутская область Челябинская область
Ниже среднего	Нижегородская область Вологодская область Рязанская область Томская область Республика Бурятия	Республика Мордовия Ярославская область Чувашская Республика Ульяновская область Кировская область	Республика Калмыкия Чукотский автономный округ Республика Дагестан Республика Тыва Чеченская Республика
Источник: Информационное общество в Российской Федерации. 2018, 2019: стат. сборники. Группировка проведена автором по данным о 85 субъектах РФ, в каждой группе показано по 5 регионов. Ранжировано: выше среднего и средний уровень – по убыванию, регионы с наибольшими долями лиц, пользующихся интернетом. Уровень ниже среднего – по возрастанию, регионы с наименьшими долями лиц, пользующихся интернетом.			

Таблица 5. Группировка регионов России по доле использования мобильных устройств (мобильных телефонов или смартфонов, устройств для чтения электронных книг и др.) для выхода в сеть Интернет

Уровень	2016	2017
Выше среднего	Чукотский автономный округ Магаданская область г. Москва Республика Татарстан Республика Саха (Якутия)	Магаданская область Республика Саха (Якутия) Карачаево-Черкесская Республика Мурманская область г. Москва
Средний	Краснодарский край Тюменская область Калининградская область Амурская область Свердловская область	Республика Ингушетия Московская область Республика Алтай Тюменская область Хабаровский край
Ниже среднего	Калужская область Костромская область Республика Мордовия Самарская область Республика Бурятия	Иркутская область Ульяновская область Ярославская область Красноярский край Орловская область
Источник: Информационное общество в Российской Федерации. 2018, 2019: стат. сборники. Группировка проведена автором по данным о 85 субъектах РФ, в каждой группе показано по 5 регионов. Ранжировано: выше среднего и средний уровень – по убыванию, регионы с наибольшими долями лиц, пользующихся интернетом. Уровень ниже среднего – по возрастанию, регионы с наименьшими долями лиц, пользующихся интернетом.		

блика Дагестан и Чеченская Республика (где зафиксировано снижение показателя на 17 и 25 п. п. в 2018 году по сравнению с 2017 годом соответственно), республики Саха, Тыва, Калмыкия, Краснодарский край (потерявшие от 15 до 30 п. п. в доле интернет-пользователей). Причинами таких тенденций могут быть как неточности статического учета, так и инфраструктурные аспекты (к примеру, невыгодные условия пользования стационарным интернетом и отсутствие возможности для пользования или низкое качество мобильного интернета).

Схожая ситуация прослеживается и в отношении использования мобильных устройств. Вариация незначительная и на доступных данных за 2016 и 2017 годы имеет тенденцию к сокращению, вместе с тем значения показателя колеблются от 37% в Орловской области до 79% в Магаданской (табл. 5). В целом использование мобильных устройств в российских регионах менее распространено, нежели в среднем по миру и даже по развивающимся странам.

Таким образом, цифровое развитие российских регионов проходит неравномерно, одни из них имеют уровень развития, сопоставимый только с развивающимися странами мира, другие уже превысили уровень развитых стран. Это вновь обнажает проблемы дифференциации российских регионов по комплексу характеристик. Наложение на этот срез личностных (индивидуальных) и средовых (региональных) детерминант позволит изучить поселенческие (город/село), социально-демографические, социально-экономические аспекты цифрового неравенства. Причинами цифрового неравенства становятся недостаточная развитость инфраструктуры, социально-культурные особенности регионов, различия в уровне жизни и наличии цифровых компетенций населения. Подробно эту информацию предполагается изучить в дальнейшем при оценке второго и третьего уровней неравенства.

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов. Выявлено, что, несмотря на значительное снижение дифференциации стран мира по проникновению интернета, в мире присутствует цифровое неравенство первого уровня и его масштабы велики. Ряд стран и целых регионов мира не имеет доступа к интернету, это одно из новейших проявлений со-

циального неравенства. Так, на протяжении последних 18 лет практически неизменной остается ситуация с интернетизацией Африки (за исключением Египта, ЮАР и Марокко), где доля пользователей не превышает и 2% населения. Страны с высокой вовлеченностью жителей в пользование интернетом представлены преимущественно европейскими государствами, с 2016 года их ряды начинают пополнять и нефтедобывающие страны Персидского залива, что подтверждает важность экономической детерминанты цифрового развития (по крайней мере его инфраструктурной составляющей).

При сравнении трендов цифровизации в развитых и развивающихся странах сделан вывод об их единой направленности: активные темпы проникновения интернета, переориентация на беспроводную связь и интернет. Безусловно, в развитых странах ИКТ используются более активно, однако для развивающихся государств характерны стремительные темпы роста показателя доступа к сети.

Выявлено, что Россия также демонстрирует существенный прирост доли интернет-пользователей: уже в 2010 году был превышен среднемировой уровень, и если в начале 2000-х гг. она входила в группу стран с уровнем ниже среднего наряду со странами Африки и по темпам роста информатизации приближалась к развивающимся странам, то с 2010 года сблизилась с развитыми.

Расчет вариации среди российских регионов не показывает разительных отличий в отношении использования интернета их населением. Вместе с тем можно констатировать наличие элементов цифрового разрыва первого уровня: в одних регионах интернетом пользуется только каждый второй, в других – только каждый восьмой-девятый человек. Есть территории, где вовсе происходит снижение доли интернет-пользователей.

Отстают российские регионы и по темпам внедрения мобильного интернета: в 31 регионе доля выходов в сеть через мобильные телефоны и другие гаджеты не превышает 52%, еще в 39 – 65%. При этом беспроводной интернет более доступен в материальном аспекте (средняя стоимость мобильных устройств снижается, их покупка обходится дешевле, чем покупка персонального компьютера, предложения мобильных операторов также являются более

выгодными для мобильного интернета, нежели доступа через стационарный компьютер/ноутбук). Основная проблема лежит в технической плоскости: например, для сельских жителей намного доступнее, с экономической точки зрения, мобильная сеть, но в некоторых районах либо доступа к ней нет, либо он затруднен из-за низкого качества соединения. Это может стать фактором их исключения из цифровой среды и, более того, проявления социальной эксклюзии.

Результаты проведенного исследования послужат основой для дальнейшего изучения цифрового неравенства населения в рамках трехуровневой модели на примере России и внутри отдельного региона (Вологодской области), в частности предполагается изучение различий в поселениях (крупные города, составляющие два противоположных полюса развития региона — деловая и культурная столица и промышленный центр, муниципальные образования, сельские территории), а также различий, детерминируемых возрастом, полом, уровнем образования и дохода, социокультурными характеристиками пользователя ИКТ и

цифровыми услугами. Тема исследования мультидисциплинарная, она привлекает внимание специалистов как из медиасферы, СМИ, философии, филологии, так и экономики, социологии и др. Результаты проведенного и будущих исследований по данной тематике находятся на стыке региональной экономики (изучения факторов регионального развития, в том числе социокультурных) и социологии (изучение адаптации, мотивации и изменения поведения населения в связи с распространением цифровых услуг). Материалы работы представляют собой актуальную информационную базу по оценке цифрового разрыва среди населения в мире и России, которая может быть использована в качестве основы для проведения исследований цифрового развития, в рамках преподавания в высшей школе и как основа для принятия управленческих решений, разработки стратегических программ региональными и федеральными органами власти по снижению всех без исключения проявлений социального неравенства населения, в том числе при реализации национального проекта «Цифровая экономика».

Литература

1. Ганичев Н.А., Кошовец О.Б. Как посчитать цифровую экономику: между реальностью и конструкцией // ЭКО. 2020. № 2. С. 8–36. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-2-8-36
2. Дубинина М.Г. Неравномерность развития цифровой экономики в федеральных округах Российской Федерации. Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14. № 3. С. 368–399. DOI: 10.33873/2686-6706.2019.14-3.368-399
3. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10
4. Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагнедда М. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 4. С. 41–72.
5. Nieminen H. Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions. *European Journal of Communication*, 2016, vol. 31 (1), pp. 19–32. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267323115614198>
6. Ragnedda M. Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 2018, vol. 35, pp. 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>
7. Ragnedda M., Kreitem H. The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2018, vol. 4, pp. 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1
8. Plaksin S., Abdrakhmanova G., Kovaleva G. Approaches to defining and measuring Russia's internet economy. *Foresight and STI Governance*, 2017, vol. 11, pp. 55–65. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.55.65
9. Архипова М.Ю., Сиротин В.П., Сухарева Н.А. Разработка композитного индикатора для измерения величины и динамики цифрового неравенства в России // Вопросы статистики. 2018. № 25 (4). С. 75–87.

10. Norris P. *The Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887>
11. Attewell P. The first and second digital divides. *Sociology of Education*, 2001, vol. 74 (3), pp. 252–259.
12. Hargittai E. *Second-level Digital Divide: Mapping Differences in People's Online Skills*. 2001. Available at: <https://arxiv.org/abs/cs/0109068>
13. DiMaggio P., Hargittai E. From the «digital divide» to «digital inequality»: Studying Internet use as penetration increases. *Working Papers from Princeton University*, 2001, no. 47.
14. Вартанова Е.Л. Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы // МедиаАльманах. 2018. № 5. С. 8–12. DOI: 10.30547/mediaalmanah. 5.2018.812
15. Положихина М.А. Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества // Экономические и социальные проблемы России. 2017. № 2. С. 119–141.
16. Alam S.S., Abdullah Z., Ahsan N. Cyber café usage in Malaysia: An exploratory study. *Journal of Internet Banking and Commerce*, 2009, vol. 14 (1), pp. 1–13.
17. Avila A. Underdeveloped ICT areas in Sub-Saharan Africa. *Informatica Economica*, 2009, vol. 13 (2), pp. 136–146.
18. Шиняева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61>
19. Israelashvili M., Kim T., Bukobz G. Adolescents' over-use of the cyber world – Internet addiction or identity exploration? *Journal of Adolescence*, 2012, no. 35 (2), pp. 417–424.
20. Davaki K. *The Underlying Causes of the Digital Gender Gap and Possible Solutions for Enhanced Digital Inclusion of Women and Girls*. 2018. 53 p. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOLE_STU\(2018\)604940_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/604940/IPOLE_STU(2018)604940_EN.pdf)
21. Ragnedda M. *The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities*. UK Routledge. 2017. 128 p.
22. Routledge; Ragnedda M. Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 2018, no. 35, pp. 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>
23. Шиняева О.В., Полетаева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>

Сведения об авторе

Мария Андреевна Груздева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru)

Gruzdeva M.A.

Inclusion of Population in Digital Space: Global Trends and Inequality of Russian Regions

Abstract. The issue of digital inequality and development of a methodology for measuring it has been at the center of attention of researchers, members of public administration, companies directly involved in the provision of Internet communication services, and other interested parties for more than twenty years. This issue became relevant with the increase of the rate of the Internet spread in certain parts of the world, and, accordingly, the lag of other countries behind them in the late 90s and early 21st century. The sphere of information and communication technologies is one of the most rapidly changing ones, which is probably why the theoretical and methodological foundations of the study of digital inequality are still not clearly defined, which actualizes research in this area and the importance of monitoring trends in the world and individual states. The purpose of our work is the usage of the three-level model of digital

inequality for assessing first-level differences among population of Third World countries and Russian regions. It is assumed that the research results will create prerequisites for continuing study on other levels of digital asymmetry among Russian population, which will allow revealing not just the fact of its inclusion in digital space but the level of digital competencies and opportunities provide by the usage of modern information technologies. We use a set of scientific methods; for measuring inequality, the author resorts to the calculation of the variation coefficient, grouping of countries or regions based on levels of Internet connectivity. Conclusions are drawn about the existence of the first-level digital inequality in the world, despite a significant decrease of the differentiation of countries by Internet connectivity. It is revealed that Russia, in comparison with other countries, shows a significant increase of the share of Internet users, and there are elements of digital divide within Russian regions even with the decrease of variation coefficients. The scientific novelty of the study is the assessment of the scale and dynamics of the first-level digital inequality among population at the country and regional levels, grouping of countries, and Russian regions by the share of Internet users and the usage of mobile devices to access the network.

Key words: information and communication technologies, territorial digital inequality, Internet connectivity, levels of digital inequality, technological and economic factors of digital inequality, Russia.

Information about the Author

Maria A. Gruzdeva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Head of the Laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru)

Статья поступила 17.04.2020.

Оценка развития регионального рынка жилья в северных и арктических субъектах РФ*

**Елена Евгеньевна
ЕМЕЛЬЯНОВА**

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра
Российской академии наук

Апатиты, Мурманская обл., Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 24а
E-mail: emelya@ier.kolasc.net.ru

ORCID: 0000-0003-4737-8265; ResearcherID: K-9654-2018

**Анастасия Николаевна
ЧАПАРГИНА**

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра
Российской академии наук

Апатиты, Мурманская обл., Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 24а
E-mail: achapargina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4399-4063; ResearcherID: I-9170-2018

Аннотация. Целью исследования выступает комплексная оценка развития рынка жилья на основе индексов, построенных на базе новой системы показателей, отражающей платежеспособность и спрос населения на жилищном рынке, экономическое развитие рынка жилья, с целью выявления трендов развития рынка жилья за длительный период и определения ключевых проблем, препятствующих развитию жилищного рынка в северных и арктических субъектах России.

* Работа выполнена в рамках государственных заданий ФИЦ КНЦ РАН № 0226-2020-0005_ИЭП «Комплексное междисциплинарное исследование и экономико-математическое моделирование социально-экономической трансформации и управления регионов и муниципальных образований Северо-Арктических территорий Российской Федерации» и № 0226-2020-0002_ИЭП «Научные основы формирования и реализации финансово-инвестиционного потенциала регионов Севера и Арктики».

Для цитирования: Емельянова Е.Е., Чапаргина А.Н. Оценка развития регионального рынка жилья в северных и арктических субъектах РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 105–120. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.6

For citation: Emelyanova E.E., Chapargina A.N. Assessing the regional housing market development in the Northern and Arctic regions of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, p. 105–120. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.6

В работе предложена методика оценки региональных рынков жилья, выполнен анализ индикаторов их экономического развития на Севере и в Арктике, оценены финансовые возможности и спрос населения на рынке жилья, отмечены основные изменения в жилищной сфере регионов, которые могут возникнуть на фоне мер, применяемых государством из-за пандемии коронавируса. Научная новизна работы определяется комплексным исследованием региональных рынков жилья северных и арктических регионов с помощью предложенных авторами индексов. Оно позволило сформировать ряд предложений по развитию рынка жилья в арктических и северных субъектах РФ. Результаты исследования могут быть использованы органами власти и управления при разработке политики в области обеспечения населения комфортным жильем и улучшения жилищного фонда регионов, при формировании программ, направленных на жилищное строительство, а также специалистами в сфере финансов, научными работниками. В будущем на основе сравнительного анализа развития жилищной сферы в регионах планируется представить прогноз развития региональных рынков жилья с учетом изменяющихся параметров платежеспособности населения и строительной отрасли, принимая во внимание специфику развития субъекта Федерации и эффективность принятых во время кризисного периода, вызванного пандемией, правительственных мер в отношении данной отрасли экономики.

Ключевые слова: рынок жилья, жилищные условия, регионы Севера и Арктики, платежеспособность населения, ранжирование регионов.

Введение

Российская строительная отрасль является комплексным смежным сектором экономики, определяющим развитие производственной и социальной сфер страны и ее регионов. Процесс развития строительной отрасли в значительной степени зависит от развития рынка жилой недвижимости и платежеспособного спроса на нее со стороны населения. В настоящее время вопросы развития рынка жилья и учет особенностей его развития в различных регионах становятся все более актуальными. Во главу угла на правительственном уровне ставится проблема обеспечения населения доступным качественным жильем на территории страны.

Целью нашего исследования выступает комплексная оценка регионального рынка жилья с помощью индексов, построенных на базе новой системы показателей, отражающей платежеспособность и спрос населения на жилищном рынке и экономическое развитие рынка жилья, для выявления трендов развития жилищного рынка за длительный период и определения ключевых проблем, препятствующих его развитию в северных и арктических субъектах России.

Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

1. Разработать комплексную методику оценки развития рынка жилья, отобрать показатели для расчета индекса платежеспособно-

сти населения на жилищном рынке и индекса экономического развития рынка жилья.

2. Ранжировать северные и арктические субъекты РФ по итоговому индексу развития рынка жилья и осуществить их кластеризацию, т. е. выделить однородные группы субъектов с высоким, средним и минимальным значениями индекса.

3. Проанализировать динамику итогового индекса развития рынка жилья, вычисляемого отдельно для каждого рассматриваемого субъекта, для каждого года исследуемого временного периода (2005–2018 гг.) с акцентом на современное состояние развития жилищной сферы.

Научная новизна заключается в разработке авторского методического инструментария для оценки развития региональных рынков жилья, выявлении трендов развития жилищного рынка в северных и арктических субъектах РФ за 2005–2018 гг. и определении ключевых проблем, препятствующих его развитию.

Особенности развития рынка жилья в регионах не только связаны с ценами на жилье, денежно-кредитной политикой и финансовой стабильностью в стране [1], но и в значительной мере зависят от региональных условий хозяйствования, носят ярко выраженный локальный характер [2, с. 41–51]. Например, экологические события, произошедшие в регионе, могут обесценить близлежащие объекты не-

движимости из-за причиненного фактического загрязнения путем наложения на эти дома «квази-стигмы» (негативного восприятия). Эффект стигматизации может быть достаточно стойким, впоследствии его трудно будет отменить, чтобы привлечь покупателей на региональный рынок недвижимости [3]. В связи с этим, к примеру, в Китае активно пропагандируется переход к экологически чистому жилищному строительству [4].

Изучая влияние неоднородности покупателей жилья на цены на него, ученые пришли к выводу, что неместные жители платят больше, чем местные. Так называемый «эффект привязки» проявляется для приезжающих из мест с более высокими ценами на жилье [5]. При этом цены на жилье, процентные ставки по ипотечным кредитам и страховые ставки взаимно независимы и равны ценам на изолированных рынках, что доказано исследователями при анализе агентов с противоречивыми интересами путем математического описания сложной (трехагентной) системы взаимодействий – рынок жилья, рынок ипотеки и страховой рынок [6].

Помимо этого, рынок жилья связан с развитием транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры в региональном разрезе [7]. Все чаще городская власть для прямого взаимодействия с сообществом и городской инфраструктурой, чтобы узнать, что происходит в городе и как он развивается, использует концепцию «умный город». С. Маалсен впервые ввел концепцию «умного жилья», оснащенного современными технологиями для достижения экологической, экономической и социокультурной устойчивости, представляющего собой новый тип рынка жилья, который формируется за счет роста «умности» городов [8, с. 1–7]. Исследования К. Бутрина и др. посвящены оценке современных трендов развития жилищного рынка, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие городов [9]. Работы М. Томала [10] отражают современные направления развития рынка недвижимости, в том числе инновационные модели и типы жилищного строительства, включая концепцию «умного жилья» и «умного города» на основе таких индикаторов, как спрос, уровень доходов, безработица и т. д.

В России, несмотря на появление в отдельных городах страны так называемых «умных домов», где используются интеллектуальные устройства и технологии для функционирования вещей внутри дома [11; 12], все же преобладает традиционный рынок жилья.

Регионы и муниципалитеты Севера и Арктики РФ, характеризующиеся спецификой функционирования, социального и экономического развития [13], определяют и особенности развития жилищного рынка в них. Специфике развития рынка жилья северного региона рассматривают О.С. Фавстрицкая, Е.И. Гаврилова, Е.А. Широкова [14; 15; 16]. Поднимая проблематику «северности» и ее влияния на все сферы жизни, в том числе жилищную, они говорят о необходимости учитывать неблагоприятное воздействие северных условий при принятии управленческих решений относительно уровня жизни, обеспечения населения комфортным жильем и использовать упреждающие, а не догоняющие меры в решении жилищного вопроса на Севере.

При этом цены на недвижимость, формируемые общим спросом, отражающим платежеспособность населения, и предложением, характеризующим экономическую активность, являются важным индикатором доходов населения и перспектив развития городов и регионов [17].

Кроме этого, анализ проблем развития жилищного рынка и обеспечения комфортных жилищных условий населению может проводиться через призму различных факторов, характеризующих непосредственно жизнь и деятельность человека [18], например, с позиции влияния на демографические показатели в регионе [19–23]. Доказано, что высокие ставки по ипотечным и жилищным кредитам в условиях ограниченных рынков аренды создают предпосылки, при которых жилищные условия ограничивают формирование самостоятельных домашних хозяйств и, соответственно, сдерживают рождаемость [24].

Ряд ученых связывают тенденции и перспективы развития рынка жилья с качеством жизни, миграцией населения и человеческим потенциалом [25; 26; 27]. Считается, что проблемы развития жилищного рынка отражаются на рынке труда, препятствуя мобильности до-

мохозяйств [28]. На основании практического исследования доказана взаимосвязь жилищной сферы и показателей народонаселения [29]. Кроме этого, плохие жилищные условия могут сказываться на здоровье населения [30; 31], увеличивая вероятность проявления психических расстройств из-за неудовлетворительных условий проживания [32; 33; 34].

Решение жилищных проблем, как правило, осложняется недостатком свободных денежных средств у населения регионов, а также различиями в уровне социально-экономического развития субъектов Российской Федерации [35].

В отличие от России в зарубежных северных странах (особенно в странах Скандинавии) для решения жилищных проблем используются фонды социального жилья – предоставление жилья нуждающимся гражданам на льготных условиях, а также активно развивается рынок аренды [36]. Политика социализации жилищной сферы в Скандинавии призвана обеспечивать население комфортными условиями проживания вне зависимости от социального статуса, не допуская расслоения общества [37].

Проблемный анализ литературы и других источников по заявленной теме показал, что одна часть исследований посвящена анализу непосредственно рынка жилья и его связям с внешней средой, а вторая – анализу жилищных условий населения и их влиянию на здоровье, в том числе в отдельно взятых регионах. В то же время комплексный анализ особенностей и тенденций развития региональных рынков жилья с учетом поведения и платежеспособности населения, проживающего на данной территории, практически не встречается.

Методика исследования. Обоснование выбора индикаторов

В рамках нашего исследования анализируется традиционный рынок жилья, под которым понимается совокупность участников (покупатели, продавцы, государственные регулирующие органы и т. д.) и сделок (покупка, продажа, аренда и т. д.), совершаемых со специфическим товаром – недвижимостью. Рынок арендодателей не рассматривается.

Жилищный рынок РФ и ее регионов, как правило, исследуется с помощью статистических данных по следующим направлениям: анализ состояния рынка и его развитие, динамика цен на недвижимость, оценка жилищных усло-

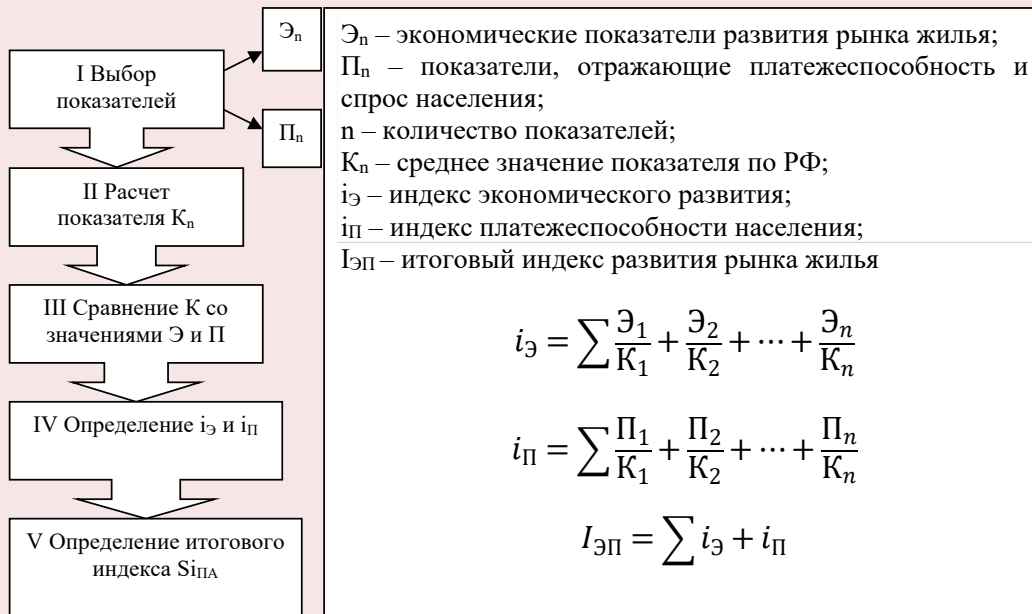
вий, ипотечный рынок жилья и др. В настоящее время не существует общепризнанных универсальных методик для оценки регионального жилищного рынка, которые бы давали комплексную характеристику его развития с позиций платежеспособности населения и экономических факторов на рынке недвижимости региона. Большинство разработанных методик (см., например, [38]) включает значительное количество показателей и параметров для оценки, что усложняет возможности их применения на практике, а используемые для оценки показатели не позволяют в полной мере и качественно оценить состояние регионального жилищного рынка в совокупности по двум заданным направлениям.

В связи с этим нами разработана и применена методика балльной оценки (*рис. 1*), базирующаяся на анализе параметров, зависящих от доходов населения и характеризующих его платежеспособность, и экономических показателей развития жилищного рынка в регионах.

Для оценки индикаторов развития рынка жилья использовалась шкала от 0 до 1, где за 1 принято максимальное значение; 0,5 – среднее; 0 – минимальное. Также были применены промежуточные значения в 0,25 и 0,75, присвоение которых осуществлялось, если значение показателя существенно выше (или ниже) среднего значения, что позволило более детально отразить их уровень. Сравнение показателей проводилось посредством масштабирования относительно средних значений по Российской Федерации, после чего каждому показателю присваивался индекс в заданных числовых интервалах (i_z и i_n). Стоит учесть, что показатели развития жилищного рынка бывают как «положительными» (например, уровень инвестиций), так и «отрицательными» (например, удельный вес аварийного жилья), в соответствии с чем и присваивались индексы (*табл. 1*).

Для всестороннего анализа регионального рынка жилья северных и арктических регионов РФ был выбран ряд показателей (индикаторов) по двум направлениям: экономические, характеризующие активность развития жилищной застройки, количество и качество предложений на рынке недвижимости, и показатели, определяемые уровнем платежеспособности населения в регионе и отражающие спрос на жилье со стороны населения (*табл. 2*).

Рис. 1. Алгоритм и методика оценки регионального рынка жилья

Источник: составлено авторами.

Таблица 1. Числовые интервалы и индексы присвоения показателей

Индекс	«Положительные» показатели	«Отрицательные» показатели
1	$i_{\Xi}; i_{\Pi} \geq 1,6$	$i_{\Xi}; i_{\Pi} < 0,4$
0,75	$1,2 \leq i_{\Xi}; i_{\Pi} < 1,6$	$0,4 \leq i_{\Xi}; i_{\Pi} < 0,8$
0,5	$0,8 \leq i_{\Xi}; i_{\Pi} < 1,2$	$0,8 \leq i_{\Xi}; i_{\Pi} < 1,2$
0,25	$0,4 \leq i_{\Xi}; i_{\Pi} < 0,8$	$1,2 \leq i_{\Xi}; i_{\Pi} < 1,6$
0	$i_{\Xi}; i_{\Pi} < 0,4$	$i_{\Xi}; i_{\Pi} \geq 1,6$

Источник: составлено авторами.

Таблица 2. Индикаторы оценки развития жилищного рынка

Экономические показатели	Показатели платежеспособности населения
Ввод в действие жилья, кв. м / чел.	Удельный вес семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, в общем числе семей региона, %
Удельный вес ветхого и аварийного жилья в общей площади жилищного фонда, %	Удельный вес семей, улучшивших жилищные условия, от общего количества семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, %
Инвестиции в основной капитал по виду основных фондов «жилища» (в фактически действовавших ценах), руб./чел.	Удельный вес расходов на оплату ЖКХ в потребительских расходах домохозяйств, %
Объем коммунальных услуг в расчете на 1 чел., руб.	Индекс доступности жилья в регионах**
Удельный вес благоустроенного жилья в общем жилищном фонде региона, %*	Объем жилищных и ипотечных жилищных кредитов физическим лицам, руб./чел. Среднегодовой уровень долговой нагрузки населения по жилищным и ипотечным кредитам***

* Рассчитан в среднем по показателям оснащенности жилищного фонда водопроводом, канализацией, центральным отоплением, газом, ванными (душевыми), горячим водоснабжением, напольными электрическими плитами.
 ** Отношение стоимости 1 кв. м к среднедушевым доходам населения. Чем ниже индекс, тем больше покупательская способность населения к приобретению жилья.
 *** Отношение задолженности по жилищным и ипотечным кредитам к среднедушевому доходу населения.

Источник: составлено авторами.

В область исследования попали 24 субъекта РФ, относящихся к районам Крайнего Севера или приравненных к ним, территории 9 из них также входят в Арктическую зону РФ. Временной интервал исследования составил 14 лет (с 2005 по 2018 год). Таким образом, выборка показателей включала 4032 значения (12 показателей по 24 субъектам РФ в течение 14 лет).

Методическое исследование регионов основано на изучении открытых источников: данные государственной статистики и отчетности, данные Центрального банка России, данные Федеральной службы государственной статистики, базы данных, разработанные авторами¹. Информационной базой послужили теоретические и практические научные исследования зарубежных и отечественных специалистов, информационные сайты органов власти, публикации в СМИ.

Результаты исследования. Специфика социально-экономического развития северных и арктических регионов, заключающаяся в повышенных затратах для обеспечения производства, работ, услуг, монопрофильности экономики, низкой плотности населения и его миграционной убыли, а также суровые природно-климатические условия определяют особенности развития рынка жилья в условиях Севера и Арктики (табл. 3), а именно:

- высокая стоимость строительства и благоустройства жилья,
- повышенный уровень расходов на оплату ЖКУ в расходах населения,
- наличие связи между местом производства (добыча полезных ископаемых) и уровнем цен,
- минимальная доля элитного и загородного жилья,

Таблица 3. Тенденции развития рынка жилья в северных и арктических регионах РФ

Показатель		2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018
Ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения, кв. м	РФ	304	409	576	583	547	540	515
	СиА*	213,2	294,6	417,6	435,9	391,3	375,0	330,4
Удельный вес аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %	РФ	0,4	0,6	0,7	0,5	0,6	0,7	0,7
	СиА	0,8	1,7	1,9	1,7	2,0	2,2	2,6
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м	РФ	20,8	22,6	23,7	24,4	24,9	25,2	25,8
	СиА	20,5	22,3	23,0	23,4	23,7	23,9	24,2
Удельный вес семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в общем числе семей, %	РФ	6,5	5,5	4,9	4,7	4,6	4,4	4,3
	СиА	9,3	8,3	7,6	7,2	7,1	7,4	6,9
Удельный вес семей, получивших жилые помещения, в числе семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, %	РФ	3,6	8,6	5,0	5,0	4,9	4,8	4,0
	СиА	7,9	10,2	8,0	7,4	7,4	7,6	6,0
Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату ЖКУ, % от общей суммы потребительских расходов	РФ	8,3	9,2	8,9	9,5	10,1	9,7	9,6
	СиА	8,5	10,1	9,4	10,2	10,8	10,9	10,8
Стоимость 1 кв. м общей площади квартир на первичном и вторичном рынках жилья, руб.	РФ	23780	54071	54899	53906	53635	54616	57155
	СиА	18334	41038	56181	56196	55878	54477	56028
*СиА – средние значения показателей по северным и арктическим регионам РФ. Источник: рассчитано и составлено авторами на основе Базы данных «Рынок жилья северных и арктических регионов России», Свидетельство о государственной регистрации № 2019621181 от 4 июля 2019 г.								

¹ Емельянова Е.Е., Чапаргина А.Н. База данных «Рынок жилья северных и арктических регионов России», Свидетельство о государственной регистрации № 2019621181 от 4 июля 2019 г.; Емельянова Е.Е., Чапаргина А.Н. База данных «Наиболее значимые показатели, характеризующие состояние муниципальных бюджетов, уровень жизни и уровень доходов населения городских округов АЗ РФ по основным социальным направлениям», Свидетельство о государственной регистрации № 2018621190 от 6 августа 2018 г.

- спрос на жилье формируется, как правило, местным работающим населением,
- снижение спроса на недвижимость ввиду переезда с севера по программам переселения,
- высокая доля ветхого и аварийного жилья, низкие темпы ввода жилья,
- невостребованность жилья в удаленных районах в связи с закрытием производств.

По ранее предложенной методике оценки для определения динамики и трендов развития жилищного рынка в регионах Севера и Арктики были рассчитаны итоговые индексы развития рынка жилья по всем вошедшим в выборку годам. Полученные результаты показывают вполне определенную тенденцию к снижению развития рынка жилья в большинстве север-

ных и арктических регионов относительно среднероссийских значений в период 2005–2018 гг. Обращает на себя внимание тот факт, что к 2018 году ни на одной из рассматриваемых территорий рост итогового индекса свыше 7 не наблюдается. При этом устойчивость понижательного тренда с 2010 года характерна практически для всех регионов. Только Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа не изменили свои позиции в 2018 году по сравнению с 2010 годом, а в республиках Саха, Карелия и Коми чуть улучшился итоговый индекс развития рынка жилья. Максимальное снижение итогового индекса за исследуемый период произошло в Красноярском крае (с 7,25 в 2005 году до 5,75 в 2018 году; рис. 2).

Рис. 2. Ранжирование и кластеризация северных и арктических субъектов РФ по итоговому индексу развития рынка жилья в 2005, 2010 и 2018 гг.

2005 год	2010 год	2018 год
<p>Высокий индекс (>=7) <i>Чукотский край (7,50)</i> <i>Красноярский край (7,25)</i> <i>Забайкальский край (7,25)</i> <i>Ненецкий АО (7,0)</i></p>	<p>Высокий индекс (>=7) <i>Красноярский край (7,25)</i> <i>Хабаровский край (7,0)</i></p>	<p>Высокий индекс (>=7)</p>
<p>Средний индекс (5-7) <i>Ханты-Мансийский АО (6,75)</i> <i>Магаданская область (6,75)</i> <i>Тюменская область (6,75)</i> <i>Хабаровский край (6,5)</i> <i>Республика Саха (6,5)</i> <i>Камчатский край (6,5)</i> <i>Томская область (6,25)</i> <i>Мурманская область (6,0)</i> <i>Республика Карелия (6,0)</i> <i>Амурская область (6,0)</i> <i>Пермский край (5,75)</i> <i>Ямало-Ненецкий АО (5,75)</i> <i>Приморский край (5,75)</i> <i>Республика Тыва (5,5)</i> <i>Иркутская область (5,5)</i> <i>Республика Коми (5,25)</i> <i>Сахалинская область (5,25)</i></p>	<p>Средний индекс (5-7) <i>Тюменская область (6,75)</i> <i>Магаданская область (6,75)</i> <i>Ненецкий АО (6,5)</i> <i>Республика Алтай (6,25)</i> <i>Камчатский край (6,25)</i> <i>Приморский край (6,25)</i> <i>Чукотский край (6,0)</i> <i>Мурманская область (6,0)</i> <i>Забайкальский край (5,75)</i> <i>Пермский край (5,75)</i> <i>Ханты-Мансийский АО (5,75)</i> <i>Иркутская область (5,75)</i> <i>Томская область (5,75)</i> <i>Республика Саха (5,75)</i> <i>Сахалинская область (5,75)</i> <i>Амурская область (5,25)</i></p>	<p>Средний индекс (5-7) <i>Тюменская область (6,75)</i> <i>Республика Саха (6,0)</i> <i>Ханты-Мансийский АО (5,75)</i> <i>Ненецкий АО (5,75)</i> <i>Пермский край (5,25)</i> <i>Красноярский край (5,75)</i> <i>Магаданская область (5,75)</i> <i>Хабаровский край (5,5)</i> <i>Иркутская область (5,25)</i> <i>Томская область (5,25)</i> <i>Забайкальский край (5,25)</i> <i>Сахалинская область (5,25)</i> <i>Республика Алтай (5,25)</i> <i>Чукотский край (5,0)</i></p>
<p>Низкий индекс (=<5) <i>Республика Алтай (4,75)</i> <i>Республика Бурятия (4,75)</i> <i>Архангельская область (4,5)</i></p>	<p>Низкий индекс (=<5) <i>Республика Бурятия (5,0)</i> <i>Архангельская область (4,75)</i> <i>Ямало-Ненецкий АО (4,5)</i> <i>Республика Карелия (4,25)</i> <i>Республика Коми (4,25)</i> <i>Республика Тыва (3,75)</i></p>	<p>Низкий индекс (=<5) <i>Камчатский край (5,0)</i> <i>Приморский край (5,0)</i> <i>Республика Карелия (4,5)</i> <i>Амурская область (4,5)</i> <i>Республика Коми (4,5)</i> <i>Мурманская область (4,5)</i> <i>Ямало-Ненецкий АО (4,5)</i> <i>Архангельская область (4,0)</i> <i>Республика Бурятия (3,75)</i> <i>Республика Тыва (3,25)</i></p>

Источник: составлено авторами.

Выявленные перемещения арктических и северных регионов в группы с минимальным и средним значением итогового индекса развития рынка жилья, отсутствие территорий с высоким значением индекса, с одной стороны, формируют предпосылки для сокращения дифференциации в уровне развития рынка жилья на Севере и в Арктике, но, с другой стороны, говорят об усугублении ситуации в жилищной сфере исследуемых субъектов.

Для объяснения причин, обуславливающих движение регионов из групп с более высоким итоговым индексом развития рынка жилья в группы с более низким, следует дезагрегировать этот индекс на два: индекс платежеспособности населения и индекс экономического развития рынка жилья (табл. 4).

Выполненные расчеты показали, что в оценке индекса платежеспособности населения наибольшее изменение продуцируют такие показатели, как «индекс доступности жилья в

регионе», «объем жилищных и ипотечных жилищных кредитов физическим лицам», «среднегодовой уровень долговой нагрузки населения по жилищным и ипотечным кредитам».

В оценке индекса экономического развития рынка жилья наиболее значимым оказался показатель «инвестиции в основной капитал по виду основных фондов „жилища“». Начисленные по нему баллы снизились практически во всех регионах, что и отразилось в большей степени на итоговом индексе. Практически не претерпели изменений в динамике по регионам баллы по показателям «общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя» и «благоустройство жилищного фонда».

Улучшение положения республик Саха, Карелия и Коми по итоговому индексу связано с увеличением индекса экономического развития рынка жилья, а именно с начислением баллов по показателю «ввод в действие жилых

Таблица 4. Динамика индекса экономического развития рынка жилья и индекса платежеспособности населения

Регион	Индекс экономического развития рынка жилья			Индекс платежеспособности населения		
	2005	2010	2018	2005	2010	2018
Республика Карелия	3	2	2,25	3	2,25	2,25
Республика Коми	1,75	1,25	1,5	3,5	3	3
Ненецкий АО	4,5	3,75	2,75	2,5	2,75	3
Архангельская область	1,75	1,75	1,75	2,75	3	2,25
Мурманская область	2	2	1	4	4	3,5
Пермский край	2,5	2,5	2,5	3,25	3,25	2,75
Ханты-Мансийский АО	3,25	3,25	2,5	3,5	2,5	3,25
Ямало-Ненецкий АО	2,75	1,75	1,5	3	2,75	3
Тюменская область	3,5	3,5	4,25	3,25	3,25	2,5
Республика Алтай	2,5	2,75	3,25	2,25	3,5	2
Республика Тыва	3	2,25	1,75	2,5	1,5	1,5
Красноярский край	3,25	3,5	2,5	4	3,75	3,25
Иркутская область	2,5	2,75	2,25	3	3	3
Томская область	3	3	2,5	3,25	2,75	2,75
Республика Бурятия	2,5	2,5	1,75	2,25	2,5	2
Республика Саха (Якутия)	2,5	2,5	2,75	4,25	3,25	3,25
Забайкальский край	3	2,5	2	4,25	3,25	3,25
Камчатский край	3	2,5	1,25	3,5	3,75	3,75
Приморский край	3	3,25	2,25	2,75	3	2,75
Хабаровский край	3,25	3,25	2	3,25	3,75	3,5
Амурская область	2,5	2,5	1,5	3,5	2,75	3
Магаданская область	2,5	2,5	1,25	4,25	4,25	4,5
Сахалинская область	2	2,5	2,25	3,25	3,25	3
Чукотский АО	4,25	2,5	1,5	3,25	3,5	3,5

Источник: рассчитано авторами.

домов». В Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском АО индекс экономического развития рынка жилья резко снизился в силу изменений по показателям «ввод в действие жилых домов», «инвестиции в основной капитал по виду основных фондов „жилища”» и «удельный вес аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда», однако для итогового индекса данная тенденция в этих субъектах была нивелирована заметным изменением в индексе платежеспособности населения.

Для наглядного детального анализа современного состояния жилищной сферы и специфики развития рынка жилья в регионах Севера и Арктики была построена матрица регионов (рис. 3), где платежеспособность и спрос населения отражаются по направлению оси у, а экономические параметры развития рынка жилья – по оси х. Совокупный индекс развития рынка жилья характеризует величина окружностей.

Квадрат А демонстрирует низкий уровень развития рынка жилья по всем заданным направлениям и индикаторам;

Квадрат В – высокий уровень платежеспособности населения в регионе при низких показателях экономических индикаторов развития рынка жилья;

Квадрат С – высокий уровень развития жилищного рынка в регионе по заданным направлениям;

Квадрат D – высокий уровень развития экономических индикаторов рынка жилья при низком уровне платежеспособности населения.

Представленная в виде матрицы на 2018 год информация очевидно демонстрирует отставание практически всех регионов (за исключением Республики Алтай и Тюменской области) по экономическим показателям развития жилищного рынка от среднероссийского уровня. В число регионов-аутсайдеров по данному типу показателей входят Мурманская и Магаданская области и Камчатский край, на территориях которых практически не ведется жилищная застройка, а уровень инвестиций в жилищную сферу – один из самых низких среди северных регионов.

Рис. 3. Матрица оценки рынка жилья в регионах Севера и Арктики (2018 г.)

Более светлым тоном выделены регионы, входящие в Арктическую зону РФ.

Источник: составлено авторами.

Регионы-лидеры, попавшие в квадрат D, по направлению экономических индикаторов развития (Тюменская область и Республика Алтай), где активно идет жилищное строительство (Тюменская область занимает первое место среди исследуемых субъектов по вводу в эксплуатацию жилья), а уровень аварийного и ветхого жилья незначителен (в Республике Алтай – самый низкий удельный вес аварийного жилья), по индикаторам платежеспособности населения значительно отстают от средних показателей по стране и остальных регионов Севера и Арктики. В связи с этим их рынок жилья является несбалансированным по покупательской способности и платежеспособности спроса населения. Отставание в Республике Алтай связано, прежде всего, с высокой долей семей, состоящих в качестве нуждающихся в жилье (это регион-антилидер после Ненецкого АО, где данный показатель в 4 раза превышает средние значения по стране), и низким показателем уровня среднедушевых доходов населения (19503 руб./чел. в 2018 году). По индексу доступности жилья регион также занимает одно из последних мест среди всех регионов Севера и Арктики.

В отличие от Республики Алтай Тюменская область, имея достаточно средние значения (в худшую сторону) от общероссийских по вышеприведенным показателям, находится на одном из последних мест среди регионов по удельному весу расходов домохозяйств на оплату ЖКУ (12,1%), что более чем на 25% превосходит средний показатель по стране. При достаточно низком уровне среднедушевых доходов населения и относительно высокой стоимости жилья в регионе отмечается значительный уровень закредитованности населения. Среднегодовой уровень долговой нагрузки населения по жилищным и ипотечным кредитам в Тюменской области (без АО) составляет порядка 4,4, что в 1,7 раза хуже, чем в целом по стране. Это наихудший результат среди регионов Севера и Арктики после Ханты-Мансийского АО.

Наиболее разбалансированный рынок жилья представлен шестью северо-арктическими регионами в квадрате А. Несмотря на то что Пермский край, Приморский край и Томская область попадают в данный квадрат, по совокупному индексу развития рынка жилья они занимают достаточно высокие позиции, свя-

занные с незначительными отклонениями в худшую сторону от средних значений по России по обоим направлениям оценки. Явными регионами-аутсайдерами по развитию жилищного рынка (наименьший совокупный индекс и значительное отставание по экономическим параметрам развития и платежеспособности населения) являются оставшиеся четыре региона квадрата А: республики Тыва, Бурятия, Карелия и Архангельская область.

Самый многочисленный по представительству (15 регионов) квадрат В, куда мы относим регионы, имеющие средние показатели, сигнализирует о достаточно хорошей платежеспособности населения и доступности жилья. Это связано, в первую очередь, с высокими доходами населения. В данную группу вошли семь дальневосточных регионов (Республика Саха (Якутия), Хабаровский, Забайкальский и Камчатский края, Амурская и Магаданская области и Чукотский АО), где действует федеральная программа по субсидированию ипотечных займов, благодаря которой регионы характеризуются низкой долговой нагрузкой на население по уплате жилищных и ипотечных кредитов.

В квадрат С, выступающий некоторым ориентиром сбалансированного по платежеспособности населения и экономическим показателям развития жилищного рынка на уровне или выше средних значений по стране, не вошел ни один северо-арктический регион. Наиболее близки к данному показателю рынка жилья в Ненецком АО и Республике Саха (Якутия), где платежеспособность населения и качество жилья выше или на уровне среднего значения, а экономические параметры немного ниже среднероссийских показателей.

Обсуждение

Рынок жилья является своеобразным индикатором социальной и экономической ситуации в стране и регионе, определяет уровень и перспективы развития территории. Жилищный рынок северных и арктических регионов характеризуется, с одной стороны, достаточно высокой степенью платежеспособности населения ввиду высокого уровня доходов в большинстве субъектов, с другой – низкими темпами жилищной застройки и высоким уровнем аварийного жилья из-за повышенного износа основных фондов в экстремальных климатических условиях Крайнего Севера. Кроме того, в се-

верных регионах с характерным преобладанием добывающего сектора в экономике нарастает тенденция вахтового метода работы на крупных градообразующих предприятиях. Привлечение работников из других регионов и стран ближайшего зарубежья в целях экономии на фонде заработной платы вызывает дисбаланс на рынке недвижимости в пользу арендного жилья и отказа от приобретения его в собственность, ведет к обезлюживанию территорий, особенно небольших монопрофильных городов и периферийных поселений, и, соответственно, сказывается на показателях активности жилищного строительства [39].

Миграционный отток населения с Севера и Арктики влияет как на спрос, так и на предложение на рынке жилья. С одной стороны, уменьшение численности населения приводит к невостребованности жилья в населенных пунктах северных и арктических регионов, с другой — увеличивает его доступность вследствие снижения спроса на недвижимость. Наибольший отток населения в другие регионы отмечается в Мурманской области и Ямало-Ненецком АО. В 2018 году коэффициенты миграционного прироста (убыли) на 10000 человек населения в них составляли -59 и -32 соответственно, следовательно, число выбывших не компенсируется прибывшими².

Проблема привлечения и закрепления человеческих ресурсов на обширных северных территориях (правда, только дальневосточных) отчасти решалась государством посредством разработки и внедрения федеральных программ («Дальневосточный гектар») и субсидирования части ипотечных ставок для данных регионов. Однако эти меры не охватывают проблемы других субъектов Севера и Арктики в решении вопросов развития человеческого ресурса. К тому же при реализации национальных проектов в жилищной отрасли в северо-арктических регионах РФ, характеризующихся значительным объемом аварийного жилищного фонда, более 20% финансирования будет направлено не на решение проблемы строительства жилья (в связи с высокой себестоимостью), а на снос аварийного. Вопросы замещения аварийного фонда и расселения из него предлагается

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

решать при помощи переселения людей в другие регионы страны³, что не будет способствовать развитию жилищного рынка Севера и Арктики.

Жилищный рынок чувствителен к изменениям макроэкономических показателей из-за тесной связи с такими отраслями экономики, как строительство, инвестиции, доходы населения и платежеспособный спрос [7]. Не успев восстановиться после мирового кризиса 2014 года, рынок жилья и в последующие годы еще в большей степени будет ощущать негативные тенденции в экономике, вызванные очередным падением цен на нефть, осложнившаяся эпидемиологической обстановкой из-за коронавируса и принимаемыми правительством мерами, которые уже привели к приостановке многих отраслей производственно-экономической деятельности, сферы услуг, малого и среднего бизнеса, росту безработицы и значительному снижению доходов и платежеспособности населения. В прогнозном периоде это обязательно скажется (и уже сказывается) на жилищном рынке.

Период начала кризиса в 2020 году характеризовался ажиотажным спросом на жилую недвижимость ввиду попыток населения сохранить свои сбережения. Однако нерабочие дни, объявленные в апреле Президентом РФ, уже привели к спаду реальных доходов граждан в связи с массовыми увольнениями и «отпусками за свой счет», что вызвало сокращение платежеспособного спроса на жилье. Сейчас, после всплеска спроса на недвижимость, отмечается спад продаж — люди, не уверенные в экономической ситуации и собственном уровне доходов, не готовы брать на себя долгосрочные обязательства по выплате жилищных и ипотечных кредитов, без которых редко обходится покупка недвижимости. Также можно спрогнозировать рост задолженности по ранее выданным жилищным кредитам. По данным Банка России⁴,

³ Специфика арктических регионов может быть учтена при расселении аварийного жилья // Минстрой России. Официальный сайт. URL: <https://www.minstroyrf.ru/press/spetsifika-arkticheskikh-regionov-mozhet-byt-uchtena-pri-rasselenii-avariynogo-zhilya/> (дата обращения 05.09.2020).

⁴ Задолженность по ипотечным и жилищным кредитам / Банк России. URL: <https://cbr.ru/statistics/pdco/Mortgage/ML/> (дата обращения 02.05.2020).

уровень задолженности населения имеет устойчивую положительную динамику со среднегодовым приростом порядка 15%.

Однако влияние и последствия указанных процессов полноценно можно будет оценить только в 2021–2023 гг., а восстановление жилищного рынка, учитывая повышенную волатильность национальной валюты и цены на нефть, обесценивание доходов населения и возрастающую безработицу, можно ожидать не ранее 2022 года.

На сегодняшний день на государственном уровне принят пакет мер для поддержки рынка жилья, например: программа субсидированного ипотечного кредитования жилья в новостройках со ставкой 6,5% (аналог программы 2014–2016 гг., но с меньшей ставкой); выкуп жилья госкомпанией «ДОМ.РФ» в проектах, где реализовано 30–80% от общего количества квартир (в будущем его планируется предоставлять льготникам, стоящим в очереди на жилье или продавать после восстановления спроса на рынке). Строительная отрасль одной из первых вышла из затяжных «нерабочих дней», а сами компании на рынке недвижимости провоцируют спрос путем предоставления скидок, льгот по уплате процентов по ипотечным кредитам за определенный период и т. д.

Реализуемые меры поддержки являются одними из самых масштабных за всю историю развития жилищного сектора. Однако все принятые законодательные инициативы направлены, в первую очередь, на поддержку первичного рынка жилья, как правило, в столичных регионах, а региональные жилищные рынки в большинстве своем пока остаются без поддержки.

Значимость проведенного научного исследования заключается в формировании научных положений по стимулированию региональных рынков жилья, разработке методического инструментария для их оценки, позволяющего определить уровень и тренды развития в различных регионах. Результаты исследования могут быть использованы органами власти и управления при разработке политики в области обеспечения населения комфортным жильем и улучшения жилищного фонда регионов, при создании программ, направленных на жилищное строительство, а также специалистами в сфере финансов, научными работниками. В

будущем с помощью сравнительного анализа развития жилищной сферы в регионах мы планируем представить прогноз развития региональных рынков жилья на основе изменяющихся параметров платежеспособности населения и строительной отрасли с учетом специфики развития субъекта Федерации и эффективности принятых во время кризисного периода, вызванного пандемией, правительственных мер в отношении данной отрасли экономики.

Заключение. Подготовка статьи стартовала в самом начале разгара санитарно-эпидемиологической ситуации, связанной с COVID-19, и, к сожалению, статистика в части экономических индикаторов и платежеспособности населения не позволяет актуально оценить действительность на рынке недвижимости и воздействие на него эпидемиологического фактора разрастания экономического кризиса, усугубившего очередное падение цен на нефть.

На данном этапе исследования была проведена оценка регионального рынка жилья северных и арктических субъектов РФ на основе системы показателей, отражающих экономические индикаторы развития жилищного рынка и платежеспособности населения с целью определения динамики и ключевых проблем, препятствующих развитию жилищного рынка в северо-арктических регионах страны в докризисный период. Согласно поставленным задачам разработана методика оценки регионального рынка жилья на основе анализа данных и определения наиболее существенных для нее показателей, отражающих уровень его развития в макрорегионах. При оценке состояния жилищного рынка в динамике по всем выбранным регионам с последующим ранжированием результатов выявлены, с одной стороны, предпосылки для сокращения дифференциации в уровне развития рынка жилья между субъектами Севера и Арктики, а с другой – усугубление ситуации в жилищной сфере исследуемых территорий в связи со снижением итогового индекса развития рынка жилья в большинстве северо-арктических регионов. Установлено, что к 2018 году на фоне устойчивого падения совокупного индекса с 2010 года ни один из рассматриваемых субъектов не вышел на высокие показатели развития рынка жилья относительно среднероссийских.

Наиболее сбалансированными по двум направлениям исследования — платежеспособности населения и экономическим показателям развития — несмотря на то что они «не дотягивают» до средних значений по стране, являются рынки жилья Республики Саха (Якутия) и Ненецкого АО. В эту же группу с несколько худшими результатами можно включить Ханты-Мансийский АО, Красноярский и Пермский края, Томскую область. Явными аутсайдерами как по сбалансированности рынка, так и по итоговому индексу развития стали Архангельская область (без Ненецкого АО), республики Тыва и Бурятия.

Исходя из результатов проведенной работы, проецируя экономическую ситуацию в стране, осложненную эпидемиологической ситуацией, для изменения существующей ситуации и поддержания регионального жилищного рынка в северо-арктических субъектах страны необходимо развивать следующие основные направления:

— создание благоприятных экономических, социальных и трудовых условий для привлечения постоянно проживающего населения в регионы Севера и Арктики, что предполагает значительное увеличение уровня доходов населения по сравнению с более южными регионами России, как это было в годы индустриального развития Севера, а также предоставление гарантии льгот и компенсаций работникам Крайнего Севера не только бюджетной сферы. Лишь при увеличении численности постоянно проживающего населения в северных регионах можно говорить о перспективах развития жилищного строительства и рынка недвижимости;

— увеличение платежеспособности и снижение долговой нагрузки на население путем уменьшения процентных ставок по жилищным и ипотечным кредитам. Кроме этого, в контексте пандемии представляются необходимыми государственное субсидирование доходов работников, попавших в состояние временного простоя, и государственная поддержка организаций и предприятий наиболее пострадавших отраслей экономики (транспорт, сфера культуры, досуга и развлечений, туризм и гостиничный бизнес, общественное питание и пр.). Это позволит сократить или не допустить значительного роста просроченной задолженности по уплате жилищных кредитов;

— для поддержки региональных жилищных рынков и эффективного распределения финансовой помощи от государства, стимулирующей развитие и охват всех субъектов РФ, необходимы реализация специальных федеральных и региональных жилищных программ (по аналогии с Дальним Востоком), распространенных на все регионы Севера и Арктики, и государственное субсидирование процентной ставки на приобретение недвижимости не только в новостройках, но и на вторичном рынке жилья.

Реализовать все три направления невозможно без активного участия государства в качестве регулятора рынка недвижимости и гаранта стабильности, увеличения доходов, компенсаций и льгот работникам Крайнего Севера, основного разработчика целевых программ развития и планов по восстановлению экономики в постпандемический период.

Литература

1. Pandey R., Jessica V.M. Determinants of Indian housing market: effects and counter-effects. *Property Management*, 2019, vol. 38, no. 2, pp. 199–218. DOI: 10.1108/PM-06-2018-0038
2. Łaszek J., Olszewski K. Regional development of residential and commercial real estate in Poland and the risk of real estate cycles. *Barometr Regionalny*, 2018, no. 51, pp. 41–51.
3. Wenze Yu., Chaoran N., Chuanhao T., Haizhen W., Li F. Impacts of an urban environmental event on housing prices: Evidence from the Hangzhou pesticide plant incident. *Journal of Urban Planning and Development*, 2020, vol. 146, no. 2. DOI: 10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000564
4. Jiang H., Payne S. Green housing transition in the Chinese housing market: A behavioural analysis of real estate enterprises. *Journal of Cleaner Production*, 2019, vol. 241. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.118381
5. Qiu L., Tu Y., Zhao D. Information asymmetry and anchoring in the housing market: A stochastic frontier approach. *Journal of Housing and the Built Environment*, 2019, vol. 35, pp. 573–591. DOI: 10.1007/s10901-019-09701-y
6. Geraskin M. Pricing analysis of interconnected markets of housing, mortgage lending and insurance. *Kybernetes*, 2020, vol. 1, no. 2. DOI: 10.1108/K-12-2019-0849

7. Ванина Т., Оболонкова А. Государственное влияние на рынок жилья // Белгородский экономический вестник. 2013. № 3 (71). С. 29–35.
8. Maalsen S. Smart housing: The political and market responses of the intersections between housing, new sharing economies and smart cities. *Cities*, 2019, no. 84, pp. 1–7.
9. Butryn K., Jasin'ska E., Kovalyshyn O., Preweda E. Sustainable formation of urban development on the example of the primary real estate market in Krakow. *E3S Web of Conferences*, 2019, no. 86. DOI: 10.1051/e3sconf/20198600010
10. Tomal M. Moving towards a smarter housing market: The example of Poland. *Sustainability*, 2020, vol. 683, no. 12, pp. 2–25. DOI: 10.3390/su12020683
11. Imran J., Ahmad S., Kim D. Design and implementation of thermal comfort system based on tasks allocation mechanism in smart homes. *Sustainability*, 2019, vol. 11. DOI: 10.3390/su11205849
12. Gu W., Bao P., Hao W., Kim J. Empirical examination of intention to continue to use smart home services. *Sustainability*, 2019, vol. 11. DOI: 10.3390/su11195213
13. Емельянова Е.Е., Чапаргина А.Н. Расходы муниципалитетов и доходы населения Российской Арктики // ЭКО. 2019. № 7 (541). С. 80–98.
14. Фавстрицкая О.С. Формирование инвестиционного механизма жилищных рынков в условиях депрессивной северной экономики (на примере Магаданской области) // Управление экономическими системами. 2016. № 4. С. 80–87.
15. Широкова Е.А. Формирование региональной стратегии обеспечения жильем населения северной территории: монография. Магадан: Изд-во СВГУ, 2013. 152 с.
16. Гаврилова Е.И. Управление развитием жилищной сферы в северных регионах России // Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 1. С. 145–154.
17. Коломак Е.А., Кукушкин Р.Г. Оценка влияния агломерационных процессов на рынок жилья // Мир экономики и управления. 2019. Т. 19. № 1. С. 55–63.
18. Зайнакова С.Р. Рынок жилья в России: современное состояние, проблемы и прогнозы // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2014. № 1. С. 58–62.
19. Асаул А.Н. Состояние и перспективы инвестиционно-строительной деятельности в Российской Федерации // Экономическое возрождение России. 2008. № 2. С. 3–9.
20. Стерник Г.М., Стерник С.Г., Апальков А.А. Новая методика оценки доступности жилья для населения // Урбанистика и рынок недвижимости. 2014. № 2. С. 31–49.
21. Бузырев В.В., Владимиров С.А., Бузырев А.В. Ускорение решения жилищной проблемы в регионах Российской Федерации на основе внедрения инноваций в строительстве // Жилищное строительство. 2017. № 10. С. 6–10.
22. Кузнецова И.Г., Молявко А.В. Закрепление молодых специалистов на селе как приоритетное направление региональной кадровой политики // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 5. С. 30–37.
23. Zeng S., Zhang X., Wang X. Population Aging, household savings and asset prices: A study based on urban commercial housing prices. *Sustainability*, 2019, vol. 11, no. 11. DOI: 10.3390/su11113194
24. Makszin K., Bohle D. Housing as a fertility trap: The inability of states, markets, or families to provide adequate housing in East Central Europe. *East European Politics and Societies: and Cultures*, 2020. DOI: 10.1177/0888325419897748
25. Kinder T. Social innovation in services: Technologically assisted new care models for people with dementia and their usability. *International Journal of Technology Management*, 2010, vol. 51, no. 1, pp. 106–120. DOI: 10.1504/IJTM.2010.033131
26. Гришанов В.И., Ноздрин Н.Н., Шнейдерман И.М. Роль жилья в миграционных процессах в России // Народонаселение. 2017. № 4 (78). С. 91–104.
27. Королькова Д.И. Повышение доступности жилья как фактор развития человеческого потенциала региона // Управление городом: теория и практика. 2018. № 3 (30). С. 65–70.
28. Brown J., Matsa D. Locked in by leverage: Job search during the housing crisis. *Journal of Financial Economics*, 2020, vol. 136, no. 3, pp. 623–648.
29. Mulder C.H. Population and housing: A two-sided relationship. *Demographic Research*, 2006, vol. 15, pp. 401–412. DOI: 10.4054/DemRes.2006.15.13

30. Pevalin D.J., Reeves A., Baker E., Bentley R. The impact of persistent poor housing conditions on mental health: A longitudinal population-based study. *Preventive Medicine*, 2017, vol. 105, pp. 304–310.
31. Braubach M., Ferrand A. Energy efficiency, housing, equity and health. *International Journal Of Public Health*, 2013, vol. 58, pp. 331–332. DOI: 10.1007/s00038-012-0441-2
32. Chung RY, Chung GK, Gordon D, et al. Housing affordability effects on physical and mental health: Household survey in a population with the world's greatest housing affordability stress. *Journal of epidemiology and community health*, 2020, vol. 74, pp. 164–172. DOI:10.1136/jech-2019-212286
33. Curl A., Kearn A., Mason P., Egan M., Tannahill C., Ellaway A. Physical and mental health outcomes following housing improvements: Evidence from the GoWell study. *Journal of Epidemiol. Community Health*, 2015, vol. 69, pp. 12–19. DOI: 10.1136/jech-2014-204064
34. Willand N., Ridley I., Maller, C. Towards explaining the health impacts of residential energy efficiency interventions – a realist review. Part 1: Pathways. *Social Science and Medicine*, 2015, vol. 61, pp. 191–201. DOI: 10.1016/j.socscimed.2015.02.005
35. Фавстрицкая О.С. Особенности рынка жилья северных депрессивных регионов Дальнего Востока // Экономика и управление. 2014. № 8 (106). С. 55–61.
36. Torstensen K.N., Roszbach K. Housing markets in Scandinavia: Supply, demand and regulation. In: Nijskens R., Lohuis M., Hilbers P., Heeringa W. (eds) *Hot Property*. Springer, Cham, 2019. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-11674-3_11
37. Nordahl B.I. Convergences and discrepancies between the policy of inclusionary housing and Norway's liberal housing and planning policy: an institutional perspective. *J Hous and the Built Environ*, 2014, no. 29, pp. 489–506. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10901-013-9357-2>
38. Бредихин В.В., Волкова А.В. Методологические аспекты оценки эффективности развития регионального рынка жилья // Регион: системы, экономика, управление. 2019. № 3 (46). С. 94–99.
39. Колодина Е.А. Исследование тенденций развития местного самоуправления в современной России // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 162–170.

Сведения об авторах

Елена Евгеньевна Емельянова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Кольский научный центр Российской академии наук, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: emelya@ier.kolasc.net.ru)

Анастасия Николаевна Чапаргина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Кольский научный центр Российской академии наук, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: achapargina@yandex.ru)

Emelyanova E.E., Chapargina A.N.

Assessing the Regional Housing Market Development in the Northern and Arctic Regions of the Russian Federation

Abstract. The purpose of the study is a comprehensive assessment of housing market development based on a new system of indicators reflecting the population's solvency and demand in the housing market, the economic development of the housing market, in order to identify trends in the housing market over a long period and reveal key problems hindering the housing market development in the Northern and Arctic regions of Russia. In this paper we propose a methodology to assess the regional housing markets, analyze the indicators of economic development in the North and the Arctic, estimate people's financial capacity and demand in the housing market, indicate major changes in the regions' housing sector that can occur on the background of the measures applied by the state due to the coronavirus pandemic.

The scientific novelty of the work is determined by a comprehensive study of regional housing markets in the Northern and Arctic regions using the indices proposed by the authors, which made it possible to formulate a number of proposals for developing the housing market in the Arctic and Northern regions of the Russian Federation. The study results can be used by the government and administrative authorities in developing policies in the field of providing the population with comfortable housing and improving the regions' housing stock, in working out the programs aimed at housing construction, as well as by specialists in the field of finance, researchers. In the future, based on a comparative analysis of the regions' housing development, the authors plan to predict the regional housing markets development taking into account the changing parameters of population solvency and construction industry, considering the specifics of the Federation subject's development and the effectiveness of government measures in this sector of the economy during the crisis period of the pandemic.

Key words: housing market, housing conditions, regions of the North and the Arctic, population solvency, regions ranking.

Information about the Authors

Elena E. Emelyanova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Luzin Institute for Economic Studies (24A, Fersman Street, Apatity, Murmansk Oblast, 184209, Russian Federation; e-mail: emelya@iep.kolasc.net.ru)

Anastasiya N. Chapargina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Luzin Institute for Economic Studies (24A, Fersman Street, Apatity, Murmansk Oblast, 184209, Russian Federation; e-mail: achapargina@yandex.ru)

Статья поступила 05.06.2020.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.7

УДК 330.59:004.942; ББК 60.526:32.81

© Гайнанов Д.А., Закиева Е.Ш.

Оценка качества жизни населения на основе применения интеллектуальных алгоритмов и динамического моделирования*

**Дамир Ахнафович
ГАЙНАНОВ**

Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, 450044,
пр-т Октября, д. 71
E-mail: 2d2@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-2606-2459; ResearcherID: O-5141-2015

**Елена Шавкатовна
ЗАКИЕВА**

Уфимский государственный авиационный технический университет
Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, 450000,
ул. К. Маркса, д. 12
E-mail: zakievae@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6921-7473; ResearcherID: D-4447-2017

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы исследования, моделирования и управления обществом как социетальной системой. Предложена методология исследования общества, основанная на системной композиции основных структур организации деятельности, а также интеграции общенаучных законов и подходов. Особенность методологии заключается в том, что общество представляется как системная целостность и единство экономической, политической, социальной и духовно-культурной подсистем. В качестве критерия развития общества и одновременно эффективности управления им рассматривается повышение качества жизни населения. Предложены модели оценки качества жизни как интегрального показателя качества

* Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01211-20-01 на 2020 г., а также при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-08-00796 А «Интеллектуальное управление промышленным комплексом как динамическим многоагентным объектом на основе методов когнитивного моделирования и машинного обучения».

Для цитирования: Гайнанов Д.А., Закиева Е.Ш. Оценка качества жизни населения на основе применения интеллектуальных алгоритмов и динамического моделирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 121–134. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.7

For citation: Gainanov D.A., Zakieva E.Sh. Assessing population's quality of life on the basis of intelligent algorithms and dynamic modeling. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 121–134. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.7

функционирования и развития общества, которые позволяют изучить структуру, провести оценку данного показателя и исследовать динамику его изменения. Разработан алгоритм управления качеством функционирования социетальной системы на основе оценки интегрального показателя. Особенностью алгоритма является комплексное применение методов интеллектуального анализа данных и динамического моделирования. Алгоритм включает два основных этапа. На первом этапе выполняются интеллектуальный анализ данных о качестве функционирования системы в выбранной сфере в региональном разрезе. Результаты анализа позволяют выделить кластеры регионов и определить их характерные особенности. На втором этапе разрабатывается структура интегрального показателя, динамическая модель оценки качества функционирования социетальной системы на основе расчета интегрального показателя, вырабатываются управляющие воздействия в виде изменения объема инвестиций с учетом характеристик построенных кластеров. Рассмотрен пример реализации разработанного алгоритма для управления качеством социальной инфраструктуры регионов РФ, который позволил определить рекомендуемое изменение объема инвестиций в развитие социальной инфраструктуры по кластерам регионов.

Ключевые слова: социетальная система, качество жизни, интегральный показатель, алгоритм управления, выборка, метод главных компонент, кластеры регионов, динамическая модель, качество социальной инфраструктуры.

Введение

Современный этап развития цивилизации характеризуется высокой степенью динамичности, неустойчивости и неопределенности, ускорением темпов взаимовлияния и взаимозависимости регионов мира, усилением процессов глобализации [1]. Мировое сообщество находится в принципиально новых условиях, позволяющих определять нашу эпоху как эпоху перемен, планетарной уязвимости и возникновения новых условий существования человечества. Глобальные трансформации и технологическое развитие привели к формированию нового мирового порядка, в котором лидирующее положение займут страны, перешедшие к постиндустриальному обществу [2]. Принципиальным отличием этого общества от предыдущих общественно-экономических формаций является то, что главной целью развития выступает повышение качества жизни человека на основе технологического прогресса и фундаментальной науки [3].

В этих условиях возрастает необходимость изучения общества как организованной системной целостности, как социетальной системы, под которой понимается система явлений и процессов, рассматриваемых на уровне общества в целом [4; 5].

Анализ особенностей социальных систем показал, что общество в целом и его отдельные сферы жизнедеятельности являются сложными динамическими объектами, которые могут в

определенные (фиксированные) моменты времени рассматриваться в статике, а при непрерывном изменении во времени — в динамике. Социальная статика отражает условия и законы функционирования общества, а социальная динамика описывает законы развития и изменения общества [6].

Моделирование динамики социальных систем — одна из наиболее сложных научных задач. Это обусловлено наличием большого количества параметров системы, динамической неустойчивостью социальных процессов, их многоуровневостью и разномасштабностью (микро- и макропроцессы), слабой формализуемостью параметров и структур, необходимостью учета многих факторов, слабой предсказуемостью поведения системы и другими причинами.

Целью настоящего исследования является изучение общества как сложной динамической системы, что предполагает разработку концептуальных основ исследования, комплекса моделей и алгоритмов поддержки принятия решений по управлению обществом. Научную новизну и значимость предлагаемого подхода к изучению общества составляет методология исследования, моделирования и управления обществом, которая позволяет изучить особенности его функционирования и развития и выработать рекомендации по управлению им.

Методология исследования, моделирования и управления обществом как социетальной системой

Предлагаемая методология включает в себя следующие основные компоненты:

- концепцию построения моделей социетальной системы, в основе которой лежит системная композиция основных структур организации деятельности, а также интеграция общенаучных подходов и законов [7];
- комплекс моделей (системных, когнитивных, динамических, имитационных) социетальной системы, ее подсистем, интегрального показателя качества функционирования системы и его компонентов;
- интеллектуальные алгоритмы поддержки принятия решений по управлению социетальной системой.

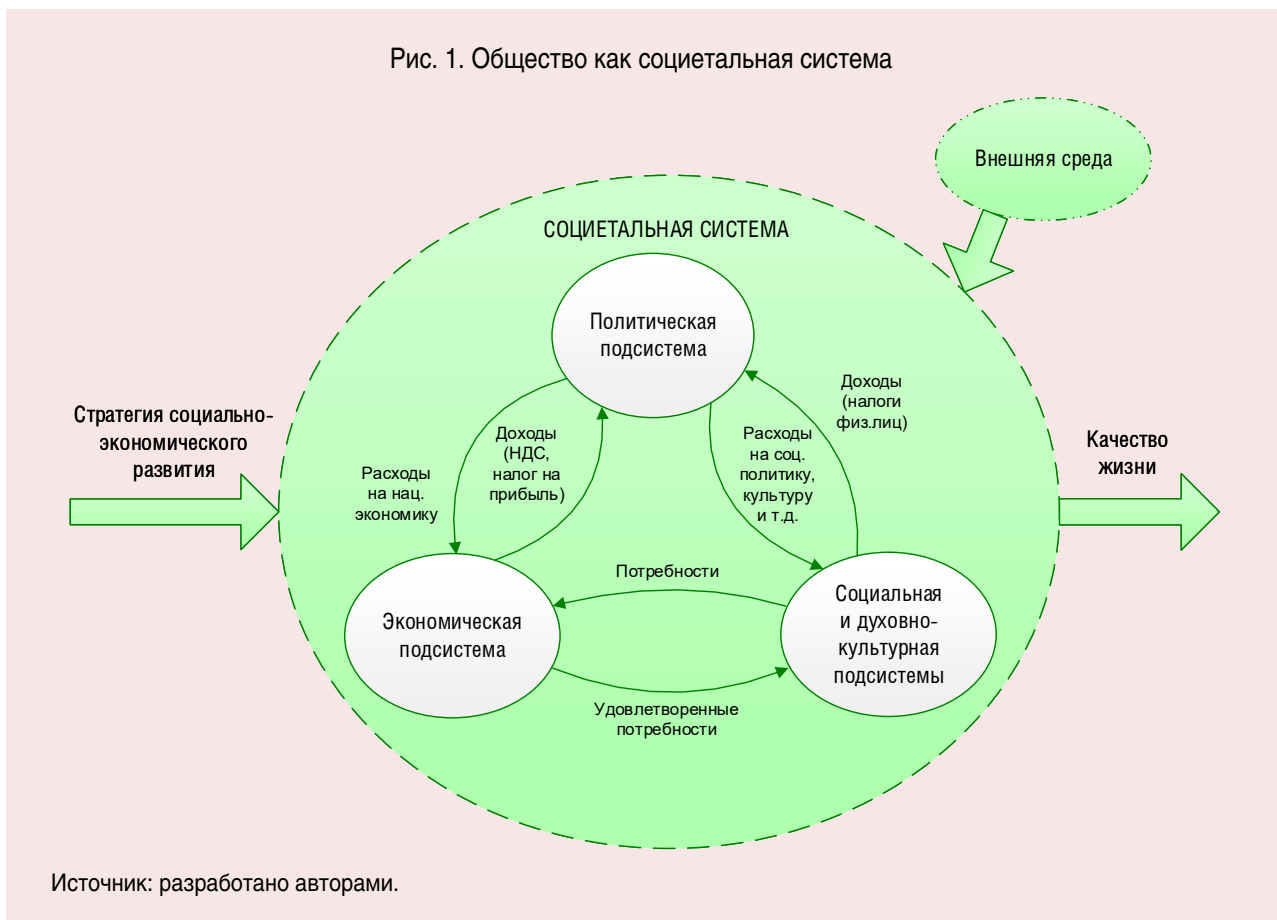
При изучении свойств общества авторы придерживались структурно-функционального подхода [8], в соответствии с которым общество рассматривается как социетальная система, способная к самоорганизации и представля-

ющая собой единство экономической, политической, социальной и духовно-культурной подсистем (рис. 1).

Каждая подсистема выполняет свои функции, при этом все они тесно связаны между собой и взаимодействуют, придавая системе новое качество, не сводимое к свойствам ее отдельных подсистем. Таким интегральным свойством является, например, свойство общества развиваться в условиях неопределенности.

В качестве основного показателя функционирования и развития общества рассматривается показатель качества жизни, на основе оценки которого государство определяет политику распределения ресурсов. Повышение качества жизни населения является важнейшей стратегической задачей государственного управления обществом. Показатель качества жизни служит одновременно критерием социально-экономического развития общества и критерием эффективности деятельности органов государственного управления [9].

Рис. 1. Общество как социетальная система

Источник: разработано авторами.

Модели оценки качества жизни

Понятие качества жизни используется в различных науках: медицине, философии, социологии, экономике, географии и других и носит междисциплинарный характер. Каждая из наук дает свою трактовку данного понятия. Наряду с многообразием определений качества жизни существует и большое число методик для его измерения [10–15]. Выделяют два основных подхода к оценке качества жизни: объективный подход, основанный на анализе статистических данных, и субъективный подход, основанный на обработке результатов социологических опросов [9; 16]. В международной практике также распространен комбинированный подход, согласно которому объективные и субъективные показатели рассматриваются как равнозначные [17].

Показатель качества жизни является интегральным и представляет собой сложную систему, состоящую из множества элементов и связей между ними. Для изучения его структуры целесообразно применять системный подход, в соответствии с которым интегральный показатель последовательно декомпозируется на совокупность взаимосвязанных компонент и представляется в виде их иерархии. Авторами предложена модель качества жизни в виде иерархии триад [18]. На каждом уровне расположена триада взаимосвязанных частных показателей, формирующих системный показатель соответствующего уровня. Выделено три уровня: нижний характеризует качество уровня жизни (J_1) и включает такие компоненты, как уровень доходов и расходов, жилищные условия, качество питания; средний характеризует качество жизненного потенциала (J_2) и включает такие компоненты, как уровень образованности, качество здоровья, уровень культуры; верхний уровень характеризует качество среды жизнедеятельности (J_3) и включает такие компоненты, как качество окружающей среды, качество социальной инфраструктуры, качество трудовой жизни. Системные показатели формируют интегральный показатель качества жизни (Q).

Для расчета интегрального показателя применяется взвешенная оценка, которая используется в большинстве существующих методик оценки качества жизни:

$$Q = \sum_{i=1}^3 \alpha_i J_i, \quad (1)$$

где α_i – коэффициент значимости системного показателя i -го уровня. Значения коэффициентов α_i определяются экспертным путем или на основе статистических данных, при этом $\sum_{i=1}^3 \alpha_i = 1$.

Нами рассмотрен другой взгляд на формирование интегрального показателя качества жизни, при котором данный показатель представляется в виде многосвязного многослойного динамического объекта, сохраняя переход от вертикальных связей в иерархической структуре к горизонтальным связям. Особенностью такой модели является то, что каждый системный и частный интегральный показатель обладает собственным механизмом самоорганизации, реализованным в виде соответствующих коэффициентов обратных связей. На основе данного подхода разработана динамическая модель оценки качества жизни, представленная в виде непрерывных нелинейных дифференциальных уравнений.

Динамика изменения интегрального показателя описывается дифференциальным уравнением вида:

$$\dot{Q} = -Q + \alpha_1 J_1 + \alpha_2 J_2 + \alpha_3 J_3. \quad (2)$$

Динамика изменения системных показателей описывается дифференциальными уравнениями вида:

$$\begin{cases} \dot{J}_1 = -A_1(z_1)J_1 + \lambda_{12}J_2 + \lambda_{13}J_3 + J_{10}, \\ \dot{J}_2 = -A_2(z_2)J_2 + \lambda_{21}J_1 + \lambda_{23}J_3 + J_{20}, \\ \dot{J}_3 = -A_3(z_3)J_3 + \lambda_{31}J_1 + \lambda_{32}J_2 + J_{30}, \end{cases} \quad (3)$$

где $J_{i0}, i = \overline{1,3}$ – начальные значения показателей J_i ; $\lambda_{ij}, i \neq j$ – весовые коэффициенты, отражающие взаимное влияние показателей J_i . Значения коэффициентов λ_{ij} определяются экспертами на основе анализа статистических данных; $A_i(z_i)$ – коэффициенты обратных связей системных интегральных показателей, которые зависят от административно-правовых управляющих воздействий z_i на уровне федеральных структур управления.

Начальные значения показателей J_i определяются как взвешенная сумма частных показателей i -го уровня x_{i1}, x_{i2}, x_{i3} :

$$J_{i0} = \beta_{i1}x_{i1} + \beta_{i2}x_{i2} + \beta_{i3}x_{i3}, \quad (4)$$

где β_{ij} – коэффициенты значимости частных показателей x_{i1}, x_{i2}, x_{i3} . Значения коэффициентов β_{ij} определяются экспертным путем или на основе статистических данных, при этом $\sum_{j=1}^3 \beta_{ij} = 1$.

Частные показатели x_{i1}, x_{i2}, x_{i3} вычисляются путем решения системы уравнений:

$$\begin{cases} \dot{x}_{i1} = -a_{i1}(z_{i1})x_{i1} + k_{12}x_{i2} + k_{13}x_{i3} + u_{i1}, \\ \dot{x}_{i2} = -a_{i2}(z_{i2})x_{i2} + k_{21}x_{i1} + k_{23}x_{i3} + u_{i2}, \\ \dot{x}_{i3} = -a_{i3}(z_{i3})x_{i3} + k_{31}x_{i1} + k_{32}x_{i2} + u_{i3}, \end{cases} \quad (5)$$

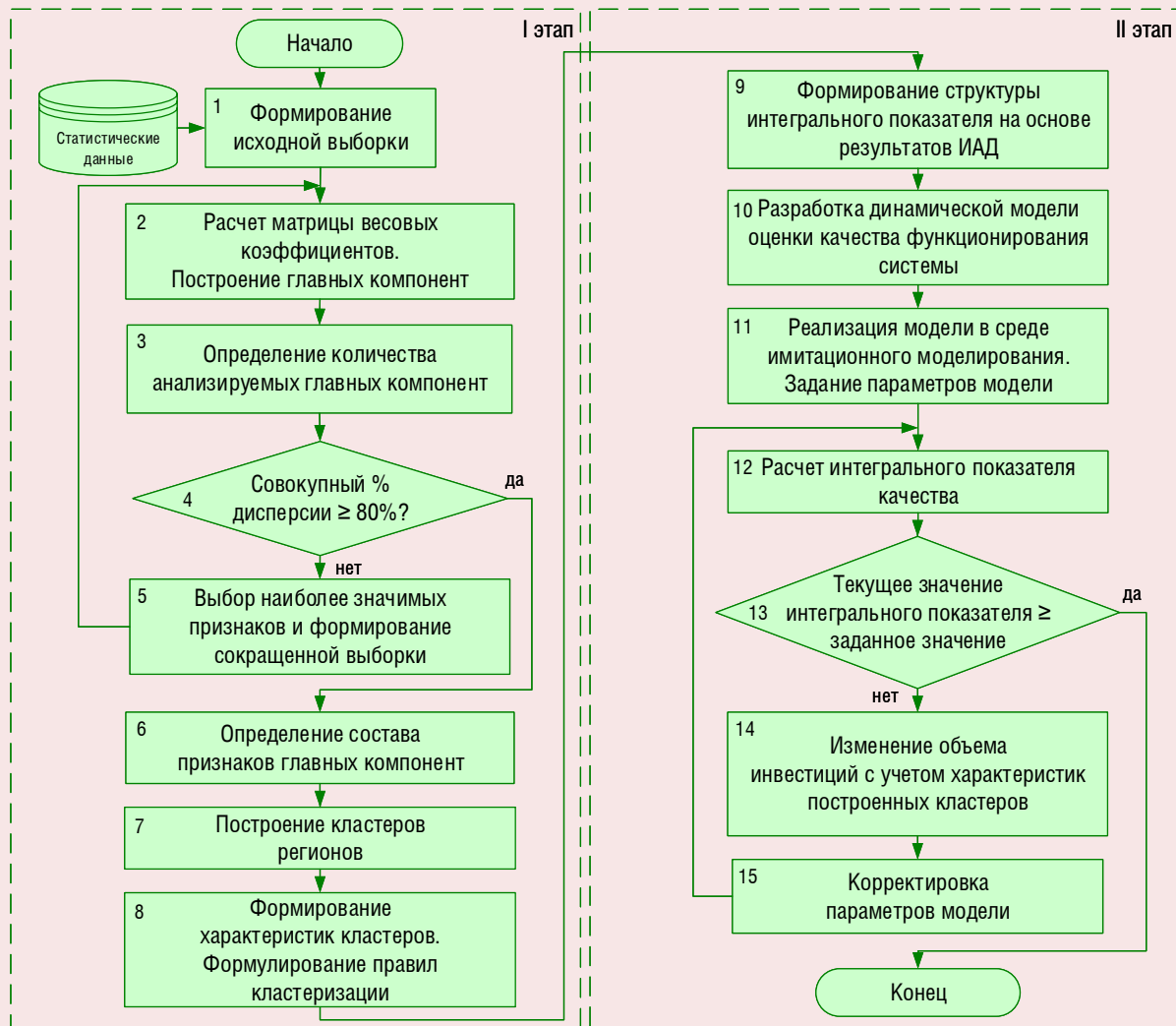
где $k_{ij}, i \neq j$ – коэффициенты взаимного влияния частных показателей x_{i1}, x_{i2}, x_{i3} . Числовые значения коэффициентов k_{ij} определяются экспертным путем; $a_{ij}(z_{ij})$ – коэффициенты обратных связей частных интегральных показателей, которые зависят от административно-правовых управляющих воздействий z_{ij} на уровне региональных структур управления; u_{i1}, u_{i2}, u_{i3} – финансово-экономические управляющие воздействия.

Предложенные модели качества жизни как интегрального показателя качества функционирования и развития социетальной системы позволили изучить структуру, провести оценку данного показателя и исследовать динамику его изменения.

Алгоритм управления качеством функционирования социетальной системы

Разработанный нами алгоритм предназначен для выработки рекомендаций по управлению социетальной системой на основе оценки интегрального показателя качества ее функционирования. Алгоритм включает два основных этапа (рис. 2).

Рис. 2. Схема алгоритма управления качеством функционирования социетальной системы

Источник: разработано авторами.

На *первом этапе* выполняется интеллектуальный анализ данных о качестве функционирования социетальной системы в региональном разрезе в выбранной сфере. На *втором этапе* разрабатывается динамическая модель оценки качества и происходит выработка рекомендаций по управлению социетальной системой в виде изменения объема инвестиций. Рассмотрим эти этапы подробнее.

На *первом шаге* алгоритма формируется исходная выборка данных о качестве функционирования социетальной системы в выбранной сфере.

На *втором шаге* проводится компонентный анализ исходной выборки с использованием пакета анализа статических данных *StatGraphics*: строится таблица весов признаков в главных компонентах; выделяются значимые признаки, имеющие большие по модулю весовые коэффициенты; определяется состав главных компонент на основе расчета коэффициентов информативности.

Выбор пакета *StatGraphics* обоснован такими его преимуществами, как сочетание научных методов обработки разнотипных данных с возможностью создания современной высококачественной интерактивной графики; широкие возможности взаимодействия с другими программными продуктами (электронными таблицами, базами данных); высококачественная двумерная и трехмерная графика и другое. Сравнительный анализ программных продуктов для статического анализа данных приведен, например, в работе [19].

На *третьем шаге* определяется количество анализируемых главных компонент.

На *четвертом шаге* проверяется, достигается ли требуемый суммарный процент дисперсии. Если данное условие не выполняется, то следует *пятый шаг*: анализируются весовые коэффициенты признаков и выбираются наиболее значимые признаки, имеющие наибольший вес. Далее выполняется компонентный анализ сокращенной выборки (шаги 2–4).

При выполнении условия осуществляется переход к *шестому шагу*: определению состава признаков главных компонент на основе расчета коэффициентов информативности.

На *седьмом шаге* строятся кластеры регионов.

На *восьмом шаге* формируется характеристика кластеров относительно главных компонент и относительно признаков. Формулируются правила отнесения регионов к кластерам.

На *девятом шаге* на основе построенных главных компонент и состава признаков формируется структура интегрального показателя качества функционирования социетальной системы: определяется количество подсистем, количество элементов подсистем и рассчитываются коэффициенты связей между элементами и подсистемами.

Количество подсистем соответствует количеству анализируемых главных компонент, количество элементов подсистем — количеству признаков соответствующих компонент.

Значения коэффициентов влияния i -й компоненты α_i на интегральный показатель качества функционирования системы рассчитываются по формуле:

$$\alpha_i = \frac{\Delta_i}{\Delta_\Sigma}, \quad (6)$$

где Δ_i — процент дисперсии i -й компоненты; Δ_Σ — совокупный процент дисперсии для построенных главных компонент.

Значения коэффициентов влияния j -го признака на i -ю компоненту β_{ij} вычисляются по формуле:

$$\beta_{ij} = \frac{w_{ij}}{\sum_{j=1}^m w_{ij}}, \quad (7)$$

где w_{ij} — весовые коэффициенты признаков i -й компоненты, m — количество признаков i -й компоненты.

На *десятом шаге* разрабатывается динамическая модель оценки качества функционирования социетальной системы на основе расчета интегрального показателя. Модель представляется в виде непрерывных дифференциальных уравнений и используется для проведения экспериментальных исследований по оценке качества функционирования социетальной системы в разных сферах, а также исследования динамики изменения интегрального показателя при управляющих и возмущающих воздействиях.

На *одиннадцатом шаге* на основе динамической модели разрабатывается имитационная модель, задаются ее параметры. Модель реализуется в пакете математического моделирова-

ния *MatLab Simulink*. Выбор данного пакета обусловлен тем, что в нем имеются широкий набор функций для построения графиков и наглядного представления результатов, возможность разработки пользовательского интерфейса, а также возможности для динамического моделирования и разработки систем управления. Сравнительный анализ программных продуктов для имитационного моделирования приведен, например, в работе [20].

На *двенадцатом шаге* рассчитывается интегральный показатель качества функционирования системы.

На *тринадцатом шаге* рассчитанное (текущее) значение интегрального показателя сравнивается с заданным (целевым) значением и вычисляется отклонение. Если отклонение больше нуля (текущее значение больше или равно целевому значению), то алгоритм заканчивает работу. Если отклонение меньше нуля, то выполняется переход к *четырнадцатому шагу* – изменению объема инвестиций с учетом характеристик построенных кластеров.

На *пятнадцатом шаге* параметры модели корректируются и выполняется переход к шагу 12.

Следует отметить, что предложенный алгоритм не ограничивает выбор инструментов его реализации, для проведения как статистического анализа данных, так и динамического моделирования могут использоваться и другие инструменты, имеющиеся в распоряжении исследователя.

Управление качеством социальной инфраструктуры

Рассмотрим применение предложенного алгоритма для управления качеством социальной инфраструктуры на основе оценки интегрального показателя и выработки рекомендаций в виде изменения объема инвестиций, вкладываемых в развитие социальной инфраструктуры.

В современных условиях инфраструктура играет важную роль в формировании единого экономического пространства и рассматривается как особый общественно-рыночный институт [21].

Выделяют производственную и непроизводственную (социальную) инфраструктуру. Под социальной инфраструктурой в широком смысле понимаются отрасли и виды экономической деятельности, которые обеспечивают удовлетворение потребностей населения в сохране-

нии здоровья, получении образования, проведении досуга и т. д. с целью формирования и накопления социального капитала, воспроизводства нематериальных активов для поддержки глобальной конкурентоспособности страны [22]. В узком смысле социальная инфраструктура включает в себя объекты здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, социального обслуживания населения, культуры и спорта, организации занятости населения. Таким образом, социальная инфраструктура обеспечивает необходимый уровень и качество жизни.

Одной из наиболее важных проблем в России на сегодняшний день является проблема финансирования социальной инфраструктуры. Главным инвестором, вкладывающим финансовые ресурсы в развитие социальной инфраструктуры, выступает государство. Анализ теоретических и методологических подходов к оценке эффективности государственных инвестиций в инфраструктуру приведен в работе [22]. Особо отмечены труды авторов [23], посвященные исследованию влияния государственных инвестиций на социальную инфраструктуру как наиболее сильного фактора, способствующего росту производительности труда, созданию новых рабочих мест, выравниванию темпов социально-экономического развития регионов.

Однако государственных средств для развития социальной сферы недостаточно, требуется привлечение средств частных инвесторов. С этой целью реализуются проекты государственно-частного партнерства, большинство из них – в сфере здравоохранения и образования, значительно меньше – в сфере туризма, культуры, физкультуры, спорта и социального обслуживания населения [24].

Учитывая сложную территориальную организацию Российской Федерации, ее значительную территориальную протяженность, целесообразно рассматривать социальную инфраструктуру как страны в целом, так и ее регионов. Следует отметить, что одним из ключевых приоритетов региональной политики является сбалансированное пространственное развитие, при этом решению данной задачи должно уделяться внимание как на федеральном уровне, так и на региональном [25]. Однако, как отмечают авторы исследования [26], на сегодняш-

ний день отсутствует системность в отношении развития инфраструктуры регионов России: нет четкого плана комплексного развития территорий, единой оценки состояния инфраструктуры, инвестиции определяются исходя из текущих потребностей, горизонт планирования не превышает двух-трех лет, стратегии развития часто не выполняются.

Нами подготовлена выборка данных, характеризующих состояние различных сфер социальной инфраструктуры в разрезе регионов РФ. Выборка сформирована на основе данных, публикуемых Федеральной службой государственной статистики РФ¹. Первоначально рассмотрены двадцать два признака, характеризующие состояние жилищно-коммунального хозяйства, образования, здравоохранения, культуры и искусства, информационных коммуникаций, розничной торговли.

Проведен компонентный анализ исходной выборки, на основе его результатов определены наиболее значимые признаки по каждой из сфер и сформирована сокращенная выборка. Затем осуществлен компонентный анализ сокращенной выборки и построены четыре главные компоненты (ГК). Весовые коэффициенты признаков построенных главных компонент представлены в *таблице 1*.

Определены значимые признаки, имеющие большие по модулю весовые коэффициенты (они выделены в таблице 1 жирным шрифтом). Рассчитаны значения коэффициентов информативности главных компонент, что позволило выявить их состав. В первую главную компоненту вошли следующие признаки: «Охват детей дошкольным образованием», «Число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена», «Число больничных коек», «Мощность амбулаторно-поликлинических организаций», «Число музеев», «Число спортивных залов». Все признаки имеют положительные коэффициенты. Во вторую главную компоненту вошли два признака с отрицательными коэффициентами («Объем коммунальных услуг на душу населения» и «Оборот розничной торговли на душу населения») и один признак с положительным коэффициентом («Число общеобразовательных организаций»). В третью главную компоненту вошли два признака с отрицательными коэффициентами («Общая площадь жилых помещений, в среднем приходящаяся на одного жителя» и «Число плоскостных спортивных сооружений») и один признак с положительным коэффициентом («Население, использо-

Таблица 1. Весовые коэффициенты признаков главных компонент

Признак	Весовые коэффициенты			
	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4
Общая площадь жилых помещений, в среднем приходящаяся на одного жителя	0,146	-0,321	-0,398	0,224
Объем коммунальных услуг на душу населения	0,218	-0,438	0,145	0,021
Охват детей дошкольным образованием	0,336	-0,277	-0,232	-0,018
Число общеобразовательных организаций	0,288	0,400	0,122	-0,097
Число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена	0,415	0,157	0,112	0,075
Число образовательных организаций высшего образования	-0,103	-0,195	0,383	0,505
Число больничных коек	0,363	-0,014	0,163	0,089
Мощность амбулаторно-поликлинических организаций	0,358	-0,137	-0,004	0,153
Число театров	-0,011	0,103	0,422	0,543
Число музеев	0,385	0,111	0,102	-0,071
Число плоскостных спортивных сооружений	0,016	-0,001	-0,469	0,437
Число спортивных залов	0,379	0,150	-0,068	-0,101
Население, использовавшее сеть Интернет	0,005	-0,293	0,377	-0,338
Оборот розничной торговли на душу населения	0,015	-0,506	0,104	-0,182

Источник: составлено авторами на основе результатов построения главных компонент.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

вавшее сеть Интернет»). В четвертую главную компоненту вошли два признака с положительными коэффициентами: «Число образовательных организаций высшего образования» и «Число театров». Знаки коэффициентов учитываются при выработке рекомендаций по изменению объема инвестиций в развитие инфраструктуры.

Построены двумерные и трехмерные диаграммы рассеяния в пространстве главных компонент, по результатам анализа которых выделено 9 кластеров регионов с разным уровнем развития социальной инфраструктуры. Характеристики кластеров относительно главных компонент представлены в *таблице 2*.

В кластеры регионов с наиболее развитой инфраструктурой вошли г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Камчатский край, Еврейская автономная область, Сахалинская область, Магаданская область и другие.

В кластеры со среднеразвитой инфраструктурой вошли Республика Башкортостан, Свердловская область, Челябинская область, Брянская область, Калужская область, Астраханская область, Волгоградская область, Новосибирская область и другие.

В кластеры с наименее развитой инфраструктурой попали Мурманская область, Тульская область, Республика Калмыкия, Республика Алтай, Забайкальский край, Республика Дагестан, Республика Ингушетия и другие.

Следует отметить, что при определении уровня развития инфраструктуры учтены знаки весовых коэффициентов признаков, входящих в главные компоненты. Так, в первую и четвертую главные компоненты входят при-

знаки, имеющие только положительные коэффициенты, поэтому чем выше их значения, тем выше уровень развития инфраструктуры. А во вторую и третью главные компоненты – признаки, имеющие отрицательные коэффициенты: «Объем коммунальных услуг», «Оборот розничной торговли», «Общая площадь жилья, приходящаяся на одного человека» и «Спортивные плоскостные сооружения». Следовательно, чем ниже значения этих признаков, тем выше уровень развития инфраструктуры.

На основе построенных главных компонент и состава входящих в них признаков сформирована структура интегрального показателя качества социальной инфраструктуры. Количество подсистем соответствует количеству главных компонент и равно четырем, количество элементов подсистем равно количеству признаков, входящих в соответствующую главную компоненту. Так, для первой главной компоненты количество признаков равно шести, для второй и третьей главных компонент – трем, для четвертой главной компоненты – двум.

Интегральный показатель качества социальной инфраструктуры I_s вычисляется аналогично интегральному показателю качества жизни как взвешенная сумма компонент K_i :

$$I_s = \sum_{i=1}^4 \alpha_i K_i, \quad (8)$$

где коэффициенты α_i находятся по формуле (6).

Динамика изменения интегрального показателя I_s описывается дифференциальным уравнением вида:

$$\dot{I}_s = -I_s + \alpha_1 K_1 + \alpha_2 K_2 + \alpha_3 K_3. \quad (9)$$

Таблица 2. Характеристика кластеров относительно главных компонент

Уровень развития	Номер кластера	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4
Наиболее развитая инфраструктура	4	низкое	низкое	высокое	среднее
	5	высокое	среднее	высокое	среднее
	9	высокое	низкое	высокое	высокое
Среднеразвитая инфраструктура	1	среднее	среднее	низкое	низкое
	2	среднее	среднее	среднее	низкое
	7	низкое	низкое	среднее	низкое
Наименее развитая инфраструктура	3	низкое	среднее	высокое	низкое
	6	среднее	высокое	высокое	среднее
	8	низкое	высокое	высокое	низкое

Источник: составлено авторами на основе результатов анализа расположения кластеров в пространстве главных компонент.

Динамика изменения компонент K_i описывается дифференциальными уравнениями вида:

$$\begin{cases} \dot{K}_1 = -\lambda_{11}K_1 + \lambda_{12}K_2 + \lambda_{13}K_3 + \lambda_{14}K_4 + K_{10}, \\ \dot{K}_2 = -\lambda_{22}K_2 + \lambda_{21}K_1 + \lambda_{23}K_3 + \lambda_{24}K_4 + K_{20}, \\ \dot{K}_3 = -\lambda_{33}K_3 + \lambda_{31}K_1 + \lambda_{32}K_2 + \lambda_{34}K_4 + K_{30}, \\ \dot{K}_4 = -\lambda_{44}K_4 + \lambda_{41}K_1 + \lambda_{42}K_2 + \lambda_{43}K_3 + K_{40}, \end{cases} \quad (10)$$

где $K_{i0}, i = \overline{1,4}$ – начальные значения компонент K_i ; $\lambda_{ij}, i \neq j$ – весовые коэффициенты, отражающие взаимное влияние компонент K_i . Значения коэффициентов λ_{ij} определяются экспертным путем на основе анализа статических данных.

Начальные значения компонент K_i определяются как взвешенная сумма значений признаков, входящих в соответствующую главную компоненту:

$$K_{10} = \beta_{11}x_{11} + \beta_{12}x_{12} + \beta_{13}x_{13} + \beta_{14}x_{14} + \beta_{15}x_{15} + \beta_{16}x_{16}, \quad (11)$$

$$K_{20} = \beta_{21}x_{21} + \beta_{22}x_{22} + \beta_{23}x_{23}, \quad (12)$$

$$K_{30} = \beta_{31}x_{31} + \beta_{32}x_{32} + \beta_{33}x_{33}, \quad (13)$$

$$K_{40} = \beta_{41}x_{41} + \beta_{42}x_{42}, \quad (14)$$

где коэффициенты β_{ij} вычисляются по формуле (7).

Динамика изменения признаков $x_{1j}, j = \overline{1,6}$ для первой главной компоненты описывается дифференциальными уравнениями вида:

$$\begin{cases} \dot{x}_{11} = -x_{11} + k_{112}x_{12} + k_{113}x_{13} + k_{114}x_{14} + k_{115}x_{15} + k_{116}x_{16} + u_{11}, \\ \dot{x}_{12} = -x_{12} + k_{121}x_{11} + k_{123}x_{13} + k_{124}x_{14} + k_{125}x_{15} + k_{126}x_{16} + u_{12}, \\ \dot{x}_{13} = -x_{13} + k_{131}x_{11} + k_{132}x_{12} + k_{134}x_{14} + k_{135}x_{15} + k_{136}x_{16} + u_{13}, \\ \dot{x}_{14} = -x_{14} + k_{141}x_{11} + k_{142}x_{12} + k_{143}x_{13} + k_{145}x_{15} + k_{146}x_{16} + u_{14}, \\ \dot{x}_{15} = -x_{15} + k_{151}x_{11} + k_{152}x_{12} + k_{153}x_{13} + k_{154}x_{14} + k_{156}x_{16} + u_{15}, \\ \dot{x}_{16} = -x_{16} + k_{161}x_{11} + k_{162}x_{12} + k_{163}x_{13} + k_{164}x_{14} + k_{165}x_{15} + u_{16}, \end{cases} \quad (15)$$

динамика изменения признаков $x_{2j}, j = \overline{1,3}$ для второй главной компоненты – дифференциальными уравнениями вида:

$$\begin{cases} \dot{x}_{21} = -x_{21} + k_{212}x_{22} + k_{213}x_{23} + u_{21}, \\ \dot{x}_{22} = -x_{22} + k_{221}x_{21} + k_{223}x_{23} + u_{22}, \\ \dot{x}_{23} = -x_{23} + k_{231}x_{21} + k_{232}x_{22} + u_{23}, \end{cases} \quad (16)$$

динамика изменения признаков $x_{3j}, j = \overline{1,3}$ для третьей главной компоненты – дифференциальными уравнениями вида:

$$\begin{cases} \dot{x}_{31} = -x_{31} + k_{312}x_{32} + k_{313}x_{33} + u_{31}, \\ \dot{x}_{32} = -x_{32} + k_{321}x_{31} + k_{323}x_{33} + u_{32}, \\ \dot{x}_{33} = -x_{33} + k_{331}x_{31} + k_{332}x_{32} + u_{33}, \end{cases} \quad (17)$$

динамика изменения признаков $x_{4j}, j = \overline{1,2}$ для четвертой главной компоненты – дифференциальными уравнениями вида:

$$\begin{cases} \dot{x}_{41} = -x_{41} + k_{412}x_{42} + u_{41}, \\ \dot{x}_{42} = -x_{42} + k_{421}x_{41} + u_{42}, \end{cases} \quad (18)$$

где k_{ijl} – весовые коэффициенты, отражающие взаимное влияние признаков. Числовые значения коэффициентов k_{ijl} определяются экспертным путем на основе анализа статических данных; u_{ij} – финансово-экономические управляющие воздействия (объем инвестиций).

На основе представленных в таблице 2 характеристик кластеров относительно главных компонент сформированы рекомендации по изменению объема инвестиций (U_i) в сферы социальной инфраструктуры по кластерам регионов (табл. 3). Стрелка вверх означает необходимость увеличения объема инвестиций в соответствующие области. Так, например, для кластера 8 значение ГК1 «низкое», следовательно, для повышения уровня развития социальной инфраструктуры кластера 8 следует увеличить объем инвестиций в те области (признаки), которые входят в состав указанной компоненты. При этом учитываются знаки весовых коэффициентов признаков, входящих в главные компоненты. Так, например, для кластера 7 значение ГК2 «низкое», но в нее входят признаки с отрицательным знаком и низкое значение признака означает высокий уровень развития данной области, поэтому дополнительных вложений не требуется.

Следует отметить, что для кластеров регионов с наиболее развитой инфраструктурой дополнительных вложений инвестиций не предусматривалось.

Проведено сравнение объема вложенных инвестиций в сферы социальной инфраструктуры в регионах РФ за 2016 и за 2017 годы, рассчитаны относительные изменения значений объема инвестиций в разные сферы по кластерам. С учетом рекомендуемых изменений объема инвестиций по кластерам регионов и рассчитанных относительных изменений объема инвестиций оценено качество социальной инфраструктуры (табл. 4).

Таблица 3. Рекомендуемое изменение объема инвестиций

№ кластера	Рекомендуемое изменение объема инвестиций			
	U_1	U_2	U_3	U_4
8 кластер	↑	↑	↑	↑
6 кластер		↑	↑	
3 кластер	↑		↑	↑
7 кластер	↑			↑
2 кластер		↑	↑	
1 кластер				↑

Источник: составлено авторами на основе полученных характеристик кластеров.

Таблица 4. Оценка качества социальной инфраструктуры

№ эксперимента	$\Delta U_1, \%$	$\Delta U_2, \%$	$\Delta U_3, \%$	$\Delta U_4, \%$	I_s	$\Delta I_s, \%$
Базовый эксперимент	-	-	-	-	1,123	-
Эксперимент 1 (для кластера 8)	0,45	0,39	0,64	0,1	1,526	36
Эксперимент 2 (для кластера 6)	-	0,23	0,11	-	1,298	15
Эксперимент 3 (для кластера 3)	0,01		0,08	0,1	1,239	10,3
Эксперимент 4 (для кластера 7)	0,06			0,1	1,199	6,7
Эксперимент 5 (для кластера 2)		0,13	0,06		1,192	6,1
Эксперимент 6 (для кластера 1)				0,1	1,137	1,2

Источник: составлено авторами на основе результатов экспериментов.

Результаты исследований показали, что при увеличении объема инвестиций в развитие социальной инфраструктуры ее качество повысилось, при этом наибольший рост качества $\Delta I_s = 36\%$ достигнут в кластере 8, в который входят такие регионы, как Республика Дагестан, Республика Ингушетия, наименьший рост $\Delta I_s = 1,2\%$ – в кластере 1, в который входят, например, Республика Башкортостан, Свердловская область. Для регионов кластера 6 (например, Республика Алтай, Забайкальский край) качество социальной инфраструктуры повысилось на 15%, для регионов кластера 3 (например, Мурманская область, Тульская область) – на 10,3%, для регионов кластера 7 (например, Астраханская область, Волгоградская область) – на 6,7%, для регионов кластера 2 (например, Брянская область, Калужская область) – на 6,1%.

Таким образом, разработанный алгоритм позволил построить кластеры регионов, характеризующихся разным уровнем развития социальной инфраструктуры, оценить качество со-

циальной инфраструктуры на основе расчета интегрального показателя и выработать управляющие воздействия в виде рекомендуемого изменения объема инвестиций, вкладываемых в развитие социальной инфраструктуры, по кластерам регионов.

Заключение

Предложенная методология исследования, моделирования и управления обществом рассматривает его как социетальную систему, представляющую собой организованную системную целостность и единство экономической, политической, социальной и духовно-культурной подсистем. В качестве критерия развития общества выделен интегральный показатель качества жизни, который является также и критерием эффективности деятельности органов государственного управления. Разработаны модели качества жизни, позволившие с позиций системного подхода изучить структуру интегрального показателя и представить ее в виде иерархии триад взаимосвязанных компонентов, представить

интегральный показатель в виде многослойного многосвязного объекта, обладающего свойством самоорганизации, и разработать динамическую модель его оценки. Предложен алгоритм управления качеством функционирования социетальной системы на основе оценки интегрального показателя, основанный на применении методов интеллектуального анализа данных и динамического моделирования. Рассмотрено применение алгоритма для управления качеством социальной инфраструктуры регионов РФ, результаты которого позволили построить кластеры регионов,

отличающихся уровнем развития социальной инфраструктуры, разработать структуру интегрального показателя и динамическую модель оценки качества социальной инфраструктуры, сформулировать управляющие воздействия в виде рекомендуемых изменений объема инвестиций с учетом характеристик построенных кластеров.

Полученные рекомендации могут использоваться федеральными и региональными органами власти при разработке стратегических документов, направленных на повышение качества жизни населения.

Литература

1. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999. 462 с.
3. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука. Изд. 3-е, стереотип. М.: Ленанд, 2018. 304 с.
4. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.
5. Морозов В.А. Структура общества, взаимодействие его подсистем и элементов // Экономические стратегии. 2017. № 6. С. 202–211.
6. Подвойский Д.Г. Предметно-методологическое самоопределение новой науки о человеческом обществе: Огюст Конт и его теория // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2002. № 1. С. 100–115.
7. Закиева Е.Ш. Анализ свойств общества как динамической системы на основе имитационного моделирования // Информатизация образования и науки. 2019. № 3 (43). С. 148–160.
8. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ.; под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
9. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения. М.: Наука, 2012. 432 с.
10. Sinha B.R.K. *Multidimensional Approach to Quality of Life Issues: A Spatial Analysis*. Springer Nature, 2019. 457 p.
11. Discoli C., Martini I., San Luan G., Barbero D., Dicroce L., Ferreyro C., Esparza J. Methodology aimed at evaluating urban life quality levels. *Sustainable Cities and Society*, 2014, no. 10, pp. 140–148.
12. Massam B.H. Quality of life: public planning and private living. *Progress in Planning*, 2002, no. 58, pp. 141–227.
13. Mellor D., Cummins R.A., Loquet T. Life quality and wealth: A qualitative and quantitative comparison of affluent and poor people. *Journal of Social Research and Policy*, 2012, vol. 3, no. 2, pp. 7–18.
14. Ruževičius J., Akranavičiūtė D. Quality of life and its components measurement. *Engineering Economics*, 2007, vol. 2, pp. 43–48.
15. Somarriba N., Pena B. Synthetic indicators of quality of life in Europe. *Social Indicators Research*, 2009, no. 94 (1), pp. 115–133.
16. Россошанский А.И., Чекмарева Е.А. Современное состояние и развитие теории и методологии исследования качества жизни населения // Проблемы развития территории. 2016. Вып. 1 (81). С. 145–159.
17. Cummins R.A. Objective and subjective quality of life: an Interactive model. *Social Indicators Research*, 2000, vol. 52, no. 1, pp. 55–72.
18. Объективно-субъективный подход к оценке качества жизни / Б.Г. Ильясов, И.Б. Герасимова, Е.А. Макарова, Е.Ш. Закиева // Качество. Инновации. Образование. 2016. № 2 (129). С. 47–57.

19. Горохов М.М., Саетова Л.Г. Сравнение программного обеспечения для статистического анализа данных // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2018. № 2 (33). С. 61–63.
20. Скородумов П.В. Имитационное моделирование экономических систем: программные средства и направления их совершенствования // Проблемы развития территории. 2015. Вып. 2 (76). С. 62–72.
21. Логачева Н.М. Социальная инфраструктура как фактор регионального развития // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 2 (15). С. 57–65.
22. Смирнова Т.Л. Тенденции бюджетного финансирования инфраструктуры в России // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 2093–2106. DOI: 10.18334/eo.9.3.40658
23. Chatterjee S., Gibson J., Rioja F. Public investment, debt, and welfare: a quantitative analysis. *Journal of Macroeconomics*, 2018, pp. 204–217. DOI: 10.1016/j.jmacro.2018.01.007
24. Воронина В.С. Особенности финансирования социальной инфраструктуры // Государственно-частное партнерство. 2016. Т. 3. № 4. С. 235–246. DOI: 10.18334/ppp.3.4.37415
25. Гайнанов Д.А., Биглова Г.Ф., Атаева А.Г. Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 2. С. 77–89. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.4
26. Инфраструктура России: индекс развития / А. Жундриков [и др.] URL: https://infraone.ru/analitika/Index_razvitiia_infrastruktury_Rossii_InfraONE_Research.pdf (дата обращения 08.06.2020).

Сведения об авторах

Дамир Ахнафович Гайнанов – доктор экономических наук, профессор, директор, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Институт социально-экономических исследований (450044, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Елена Шавкатовна Закиева – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры, Уфимский государственный авиационный технический университет (450000, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12; e-mail: zakievae@mail.ru)

Gainanov D.A., Zakieva E.Sh.

Assessing Population's Quality of Life on the Basis of Intelligent Algorithms and Dynamic Modeling

Abstract. The article deals with the issues of research, modeling and management of society as a societal system. The authors propose a methodology for studying society based on the system composition of the main structures of activities organization, as well as the integration of general scientific laws and approaches. The peculiarity of the methodology is that society is represented as system integrity and a unity of economic, political, social, spiritual, and cultural sub-systems. Improving population's quality of life is considered a criterion for society's development and, at the same time, the effectiveness of its management. The paper proposes the models for assessing the quality of life as an integral indicator of the society's quality of functioning and development, which allow evaluating this indicator, studying its structure, and the dynamics of its changes. An algorithm for managing the functioning quality of the societal system, based on the assessment of the integral index, is developed. A special feature of the algorithm is the complex application of data mining and dynamic modeling methods. The algorithm includes two main stages. At the first stage, data mining is performed on the quality of the system functioning in the selected area in the regional context. The results of the analysis allow identifying the clusters of regions and determining their characteristic features. The second stage involves developing the integral index structure and a dynamic model for assessing the functioning quality of the societal system on

the basis of the integral index calculation, producing control actions in the form of changes in the volume of investments taking into account the characteristics of the constructed clusters. The authors consider the case of the developed algorithm implementation for quality management of social infrastructure in the regions of the Russian Federation, which allowed determining the recommended change in the level of investment in social infrastructure development by the regional clusters.

Key words: societal system, quality of life, integral index, management algorithm, sampling, principal component method, regional clusters, dynamic model, social infrastructure quality.

Information about the Authors

Damir A. Gainanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Institute for Socio-Economic Research (71, October Avenue, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Elena Sh. Zakiyeva – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Associate Professor at the Department, Ufa State Aviation Technical University (12, Karl Marx Street, Ufa, 450000, Russian Federation; e-mail: zakievae@mail.ru)

Статья поступила 11.02.2020.

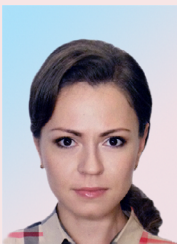
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.8

УДК 330.59; ББК 65.49

© Шаклеина М.В., Волкова М.И., Шаклеин К.И., Якиро С.Р.

Теоретические и методологические проблемы измерения социальной комфортности: результаты эмпирического анализа на российских данных*

**Марина Владиславовна
ШАКЛЕИНА**

Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские Горы, д. 1, корп. 61
E-mail: shakleina@mse-msu.ru
ORCID: 0000-0002-1947-8640; ResearcherID: AAS-5460-2020

**Мария Игоревна
ВОЛКОВА**

Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр., д. 47
E-mail: mvolkova@cemi.rssi.ru
ORCID: 0000-0001-8941-0548; ResearcherID: N-4341-2018

**Константин Игоревич
ШАКЛЕИН**

Открытое акционерное общество «Российские железные дороги»
Москва, Российская Федерация, 107174, ул. Новая Басманная, д. 2
E-mail: shakleinki@center.rzd.ru
ORCID: 0000-0003-3508-7372; ResearcherID: E-6910-2018

**Станислав Ростиславович
ЯКИРО**

Акционерное общество «Страховое общество газовой промышленности»
Москва, Российская Федерация, 107078, пр. Академика Сахарова, д. 10
E-mail: yakirosr@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2365-8043; ResearcherID: AAS-4494-2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-310-70037 «Стабильность».

Для цитирования: Теоретические и методологические проблемы измерения социальной комфортности: результаты эмпирического анализа на российских данных / М.В. Шаклеина, М.И. Волкова, К.И. Шаклеин, С.Р. Якиро // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 135–152. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.8

For citation: Shakleina M.V., Volkova M.I., Shaklein K.I., Yakiro S.R. Theoretical and methodological problems of measuring social comfort: results of empirical analysis based on Russian data. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 135–152. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.8

Аннотация. Исследование направлено на разработку теоретических аспектов латентной категории «социальная комфортность», поиск новых методик оценки, возможностей использования различных типов информационных ресурсов (больших данных, сплошных и выборочных обследований населения, государственной и административной статистики). Развитие аксиоматики новой категории и ее моделирование необходимы для определения реального уровня благосостояния населения в динамике, оценки истинного качества жизни людей. Целями научной работы являются развитие теоретических и методологических основ социальной комфортности как латентной категории в дискурсе социальных процессов и апробирование ее оценки с помощью метода обобщенных главных компонент. В числе основных результатов исследования можно определить уточнение коннотаций и развитие аксиоматики для новой категории «социальная комфортность»; систематизацию актуальных международных опросов и формирование надежных категорий, обеспечивающих валидность результатов; проведение оценки уровня социальной комфортности с помощью метода обобщенных главных компонент для пространственно-временной выборки – метода STATIS. Особенность используемого метода для пространственно-временной выборки заключается в возможности одномоментного исследования матриц объект-признак, относящихся к разным моментам времени, а также выявления тех параметров, которые в наибольшей степени определяют рассеяние объектов наблюдения, в нашем случае – регионов Российской Федерации, на плоскости главных компонент обобщенного (компромиссного) пространства. Научная новизна заключается в развитии аксиоматики новой категории «социальная комфортность», позволяющей измерять и исследовать человека с точки зрения его включенности в социум, семантической соотнесенности осуществления им различных видов деятельности со временем и внешней ситуацией, расширяя субъективный аспект в измерении качества жизни как одной из важнейших категорий социальной и экономической науки; в формировании новых подходов к моделированию и оценке социальной комфортности. Исследование представляет практический интерес для научных работников, его результаты могут быть использованы при создании программ социально-экономического развития регионов России.

Ключевые слова: социальная комфортность, аксиоматика, синтетическая латентная категория, качество жизни, STATIS.

Введение

Актуальность разработки теоретических аспектов латентной категории социальной комфортности, совершенствования методологии измерения ее компонентов обусловлена, прежде всего, тем, что используемых в настоящее время макроэкономических статистических показателей не достаточно, чтобы оценить реальный уровень благосостояния в динамике и измерить истинное качество жизни людей, с учетом не поддающихся непосредственному измерению, неявно выраженных ценностей в определенном социально-экономическом контексте. Данный тезис подтверждается результатами работы комиссии Стиглица-Сена-Фетусси, которая в 2009 году представила «Доклад об измерении экономического развития и социального прогресса», обосновывающий необходимость построения

более точного и адекватного статистического инструментария для измерения качества жизни. Опираясь на выводы комиссии, ОЭСР и Евростат в 2010 году утвердили ряд документов, в которых странам предлагается развивать комплексную систему индикаторов качества жизни, в полном объеме использующих имеющуюся статистическую информацию о взаимовлиянии между различными аспектами жизни человека и пригодных для измерения благосостояния в контексте каждой из областей повседневной активности индивидов. В России в настоящее время продолжается процесс реформирования социальной статистики в соответствии со стандартами и рекомендациями ОЭСР.

Проблеме измерения многоаспектных категорий посвящены работы многих зарубежных:

Р. Истерлин [1], Б. Фрэй [2], Н. Пудхави [3], М. Мирингофф [4], Р. Лэйн [5], Р. Лэйард [6] и др., а также российских ученых: С. Айвазян [7], О. Антипина [8], Л. Родионова [9] и др.

В настоящее время известно большое число самых разнообразных интегральных измерителей качества жизни, благосостояния населения и пр. Общей для используемых методик выступает линейная свертка входящих переменных, которые агрегируются без весовых значений, либо с равными весами, либо с весами, определенными экспертной группой. Распространенной проблемой при построении композитных агрегатных индикаторов является слабая обоснованность весов показателей, входящих в состав индикаторов.

Предложенные методики линейной свертки различаются также типом используемых данных. Известны интегральные индексы, построенные на основе статистических показателей [4; 7; 10–15], данных социологических опросов [16; 17 и пр.], а также совмещающие субъективистскую и объективистскую информацию [18–21 и пр.].

Большим потенциалом для измерения сложных многоаспектных латентных категорий обладают большие данные¹ [22–29]. Обсуждаются попытки использования данных Google при построении сводного индикатора благосостояния [30; 31]. В рамках проектов ОЭСР в марте 2016 года Я. Алган с коллегами с помощью больших данных построил «Индекс благосостояния Google» в Америке, чтобы понять, какие аспекты жизни связаны с негативными эмоциями, а какие – с позитивными. Многие исследования демонстрируют, что данные поисковых запросов, социальных сетей превосходят по качеству данные социологических опросов, так как исключают искаженные ответы респондентов [32; 33].

Преимущества данных Google Trends Data [34]:

1) доступны с высокой периодичностью (частотой); можно наблюдать, как меняются настроения, предпочтения пользователей каждый день;

¹ Большие данные можно охарактеризовать четырьмя измерениями: объем, разнообразие, скорость, ценность (Big data: related technologies, challenges and future prospects (vol. 96). Heidelberg: Springer, 2014).

2) поисковые запросы лучше выявляют установки индивида по сравнению с традиционными опросами. Многие респонденты отвечают на вопросы анкеты по альтруистическим причинам, так как нет мотива отвечать откровенно и глубоко [35]. Поисковые запросы способны раскрыть больше личной информации. Например, тема потери работы может быть весьма чувствительной для респондента, по ней он может не иметь желания общаться. С другой стороны, объем поиска по словам «найти работу», «поиск работы» показывает озабоченность этой проблемой для человека. Подчеркивается, что данные, полученные из поисковой системы, более объективны [36].

Для построения надежных категорий социальной комфортности необходимо отобрать данные, которые являются релевантными и не будут приводить к риску переобучения. Проблемы первичной обработки больших данных, сопоставимости, согласованности и адекватности обсуждаются в работах Н. Аскитаса, Х. Вэриана, С. Ремсбах, Д. Пенна, Д. Бенджамина, С. Бэйкера [37–42].

В «Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации», посвященном анализу и адаптации целей устойчивого развития (ЦУР) ООН к российским реалиям, подтверждается доминирование социальных целей над экономическими и экологическими. В парадигме устойчивого развития более важной становится роль реализации человеческого потенциала. В связи с этим возрастает необходимость проведения мониторинга реализации ЦУР, который зависит от развития статистической базы, массива больших данных, индикаторов и агрегированных индексов. Несмотря на то что самым популярным индексом для оценки человеческого потенциала является Индекс человеческого развития, рассчитываемый ООН, поиск наиболее универсального способа оценки благосостояния, качества жизни, удовлетворенности жизни и прочих латентных категорий продолжается.

Целями научной работы являются развитие теоретических и методологических основ социальной комфортности как латентной категории в дискурсе социальных процессов и апробирование ее оценки с помощью метода обобщенных главных компонент.

Для достижения указанной цели определены следующие задачи:

1) уточнение коннотаций и развитие аксиоматики для новой категории «социальная комфортность» в контекстуальных условиях регионов России;

2) систематизация актуальных международных опросов и формирование надежных категорий, обеспечивающих валидность результатов при построении системы семантического поиска информации о компонентах социальной комфортности;

3) анализ матричнозначных временных рядов на основе информации об уровне социальной комфортности в регионах России посредством метода STATIS.

Теоретико-методологический обзор

Термин «комфорт» в социальных теориях восходит к французскому *conforter/confort*, что означает физическую и эмоциональную поддержку, утешение, успокоение, и не связан с физическими или материальными удобствами. Именно в указанной коннотации, согласующейся с фундаментальной парадигмой достижения ЦУР, в центре которой находится Человек, следует анализировать категорию социальной комфортности и степень ее достижения для индивида в конкретном контексте социально-экономической, культурной и институциональной среды. Проследим, как менялась этимология категории «комфорт» (табл. 1).

Таблица 1. Этимология категории «комфорт»

Век	Значение
XVI	Р. Йосселин: «Термин „комфорт” характеризует состояние духовного единения с Богом» [43]
XVII	Правовые документы: «Термин „удобный” (<i>comfortable</i>), означающий необходимое материальное и физическое обеспечение, которое заключается в чистой одежде, правилах гигиены и пр.» [44]
	Дж. Уинстенли: «Комфорт – умственное и физическое благополучие. Комфорт «для тела и ума», по Дж. Уинстенли – это «конечный результат права, связанного с политической и экономической свободой» [45]
XVIII	Экономисты-теоретики: «Комфорт – мера выполнения стандартов удовлетворения человеческих потребностей. Создается „индекс десяти предметов”, который служит для оценки уровня обеспечения комфорта и чистоты. В состав этого индекса входит пользование следующими предметами: матрац, кровать, постельное белье, стол, один или несколько стульев, горшки для кипящей пищи, другая утварь для приготовления пищи, некоторые керамические изделия, столовые вилки и средства внутреннего освещения» [44]
	А. Смит: «Термин „удобство” – владение набором материальных благ» [46]
	Т. Мальтус: «Состояние комфорта – это счастье, которое достигается с повышением уровня жизни, ростом материального благополучия» [44]
XIX	Комфорт – стандарт добродетельной жизни, поддерживает нормы бережливости, морали и политической праведности [47]
	Развивается понимание термина «комфорт» с точки зрения материальной стороны вопроса [44]
XX	Поиск комфорта, или комфортных условий, является мотивом человеческой деятельности, признается, что комфорт может быть испытан несколькими способами: физически (облегчение боли), физиологически (непроизвольная реакция на дискомфортные условия окружающей среды, например кашель) и психологически (душевное спокойствие) [48]
	Коннотация комфорта означает все большую связь с новыми технологиями и инновациями, что напрямую влияет на модели поведения индивида, а следовательно, культура комфорта может быть изучена и продемонстрирована как признак социального прогресса [44]
	Комфорт представляет многомерную категорию, вмещающую три компоненты: физическую, физиологическую и психологическую [49]
	Создается дисциплина «Теория комфорта», используемая в практике ухода за больными в настоящее время. Комфорт – состояние полного благополучия, которое является результатом терапевтического ухода медсестер. Существует три уровня комфорта: облегчение, легкость, трансцендентность [50]
XXI	Широкое применение находят категории «экологическая комфортность», «комфортность ландшафта». Комфортность – совокупность положительных психофизиологических ощущений человека в результате взаимодействия с внешней средой [51; 52]
	Эколого-социальная комфортность – комплекс условий, удовлетворяющих основные физиологические потребности человека, территориальная организация социальной инфраструктуры [53]

Окончание таблицы 1

Век	Значение
XXI	Комфорт как стабильное сбалансированное состояние, которое иногда именуется «зоной комфорта» [54]
	Уровень комфорта зависит от пола, социальной компетентности, стиля жизни, национальной принадлежности [55]
	Комфорт как положительные эмоции, определяемые чувством непринужденности [56]
	Потребительский комфорт – условия, которые помогают потребителю совершать покупки [57]
	Социальный комфорт выходит за рамки индивидуального комфорта и рассматривается сквозь призму коллективного понимания испытываемого комфорта и совместного развития средств достижения комфорта, так как суждение о комфорте формируется на основе норм и стандартов, которые разделяются между членами социума. Область изучения комфорта выходит за рамки пассивного ощущения и восприятия [58]
	Комфортность – это процесс оптимизации, осуществляемый через активное взаимодействие индивида с социальной и физической окружающей средой посредством восприятия и ее изменения. Все действия индивида, в итоге, направлены на создание лучшей среды, в которой он достигает экологическую удовлетворенность и комфорт. Этот процесс рассматривается как непрерывный и циклический [59]
Источник: составлено авторами.	

Исследование эпистемологических основ термина «комфорт» показывает достаточно сложный характер данного явления. Социальная комфортность выступает латентной многомерной категорией, обладающей динамичным характером развития и сочетающей субъективные и объективные оценки [60; 61; 62].

Стремление индивида к комфортным условиям рассматривается в ряде дисциплин: психологии, социологии, медицине и др. В исследованиях по психологии утверждается, что поиск комфорта является основой человеческого поведения от рождения до смерти [49].

Таким образом, современное понимание концептуализирует комфорт как процесс оптимизации, осуществляемый посредством активного восприятия, интерпретации и изменения социально-физической среды. Однако у большинства исследователей может возникнуть вопрос о целесообразности введения в научный глоссарий категории «социальная комфортность», когда есть удовлетворенность жизнью, экономическое благополучие, качество жизни, уровень счастья, субъективное благополучие и т. д. В работе М.В. Лешайкиной [63] проводится разграничение трех категорий: социальная комфортность, качество жизни, уровень счастья – и рассматриваются проблемы их измерения как для отдельного индивида, так и конгломератов индивидов. Отличие заключается в структуризации входящих индикаторов и использовании подходов к оцениванию, что связано с различным составом опросных

листов, например, для изучения уровня счастья, на основе которых формируются компоненты итогового измерителя. В частности, если в оценке уровня счастья первостепенное значение придается исследованию внутреннего мира индивида, его психофизиологическим ощущениям, в оценке качества жизни – вопросам благосостояния, то в оценке социальной комфортности – контекстуальным условиям социальной жизни индивида, «мотивирующим к различным формам позитивной активности и выражающимся в балансе предпочтений, социальных свойств среды и склонностей индивида» [63]. Кроме того, вводимая категория определяется как оптимизационный процесс взаимодействия человека и внешней среды, направленный на максимизацию состояния комфорта. Если комфортность – это целевая функция, которую индивид максимизирует, то составляющие комфорта (различного рода активности индивида) – это параметры целевой функции. Задача – найти целевые значения параметров при действующих ограничениях на каждый вид активности. Максимум целевой функции социальной комфортности достигается не максимизацией отдельных активностей индивида, а посредством поиска оптимальных наборов данных активностей с учетом жизненных приоритетов индивида, встроенных в контекст его институциональной среды. Сложность вводимой категории подразумевает использование новых методов измерения и оценки.

Статистическая конкретизация социальной комфортности частично характеризуется свойствами смежных категорий «удовлетворенность жизнью», «качество жизни» и др., однако концептуально представляет непрерывный динамический процесс поиска оптимального набора жизненных приоритетов индивида в отличие от статичных категорий «удовлетворенность жизнью» или «качество жизни». В связи с этим социально-экономический контекст вводимой категории будет отличаться функциональной принадлежностью рассматриваемых показателей. Отмечается, что оценка социальной комфортности должна формироваться с учетом информации о социальных условиях жизни и инфраструктуре, в которую входят социальная, транспортная, информационная, технологическая, энергетическая и культурно-развлекательная составляющие [63]. Существенным ограничением работы, на наш взгляд, является отсутствие в иерархической структуре категории блока индикаторов, характеризующих финансовое благополучие индивида. Данную сторону вопроса нельзя упускать из внимания, так как одной из определяющих активностей индивида выступает процесс достижения материального благополучия. Т. Скитовский отмечает, что комфорт – это снятие напряжения, снижение возбуждения. Вследствие того что экономика – наука, изучающая распределение обществом ресурсов с целью снижения напряженности, вызванной их ограниченным количеством, непосредственно с комфортом связаны поведенческие аспекты потребления и производства [64].

Эмпирическая база исследования

Социальная комфортность – сложная многоаспектная категория, требующая новых подходов к оценке, а также актуализации, инновационности в выборе индикаторов. В связи с этим предлагается провести анализ существующих международных и российских баз данных. Систематизация актуальных опросов позволит сформировать надежные категории, обеспечивающие валидность результатов при построении системы семантического поиска информации о компонентах социальной комфортности.

Далее исследуем наиболее известные базы микроданных (табл. 2).

Кабинетный анализ состава переменных, содержащихся в программах выборочных наблюдений по социально-демографическим проблемам, позволяет произвести статистическую конкретизацию компонентов социальной комфортности. Отмечается, что контекстуальные условия окружающей среды являются не фоном, где происходят различные формы и виды человеческих активностей, а фактором, определяющим человеческие действия и суждения [59], в связи с чем расширяются направления изучения комфортности. Разбирая эпистемологические начала контекстуальности, следует сказать о невозможности достоверного обоснования постоянно существующего неизменно действующего набора факторов, определяющих ту или иную ситуацию в реальности [67]. Контекстуальные условия социальной комфортности должны оцениваться не только в данный момент времени, но и в динамике. Состав индикаторов социальной комфортности охватывает широкий спектр экономических, экологических, социальных, политических, институциональных и других условий в городе, регионе, стране в целом. На данном этапе исследования мы формируем компоненты социальной комфортности таким образом, чтобы они характеризовались комплексностью охвата контекстуальных условий и субъективных, психологических оценок индивида, в связи с чем используются ключевые компоненты условий жизни, личного самочувствия индивида из перечисленных баз данных. Дальнейшему анализу и формированию редуцированного набора индикаторов на макроуровне, а также на основе использования больших данных будут посвящены отдельные исследования. Обобщенный набор компонентов (или входящих категорий) изучаемой социальной комфортности можно представить в виде схемы (рис. 1). Необходимость использования субъективистской информации в последующей оценке и моделировании объясняется концептуальными особенностями и функциональной обусловленностью социальной комфортности.

Таблица 2. Систематизация актуальных международных и российских опросов

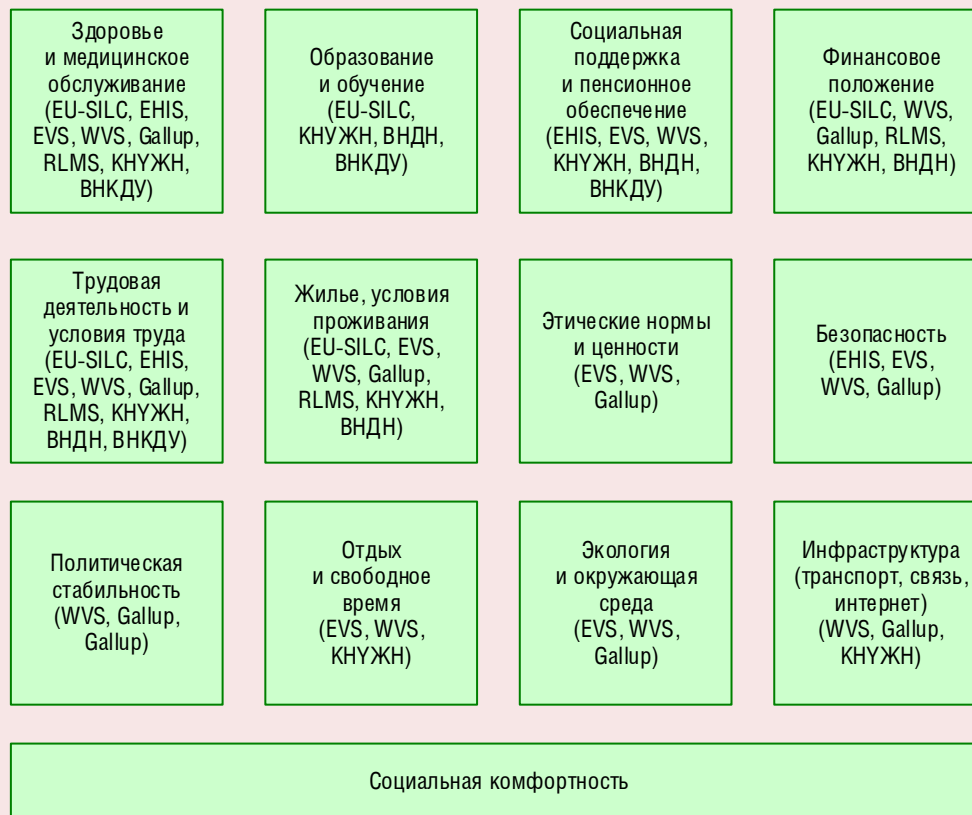
Название опроса / базы данных	Цель проводимого опроса	Волны	Страны / среднее число опрошиваемых	Охватываемые аспекты благосостояния / качества жизни
European Union Statistics on Income and Living Conditions (EU-SILC)	Сбор современных и сопоставимых поперечных и продольных многомерных микроданных о доходах, бедности, социальной изоляции и условиях жизни	С 2003 года проводятся ежегодно в разрезе сопоставимых поперечных данных и каждые 4 года в разрезе продольных	Страны Европы, Турция	Жилье, потребительские товары длительного пользования, стоимость жилья, занятость, пенсия, образование, здоровье, забота о детях, финансовая ситуация, источник дохода и материальная поддержка
European Health Interview Survey (EHIS)	Сбор информации о состоянии здоровья населения и связанных со здоровьем темах на основе ответов респондентов по репрезентативной выборке	2006–2009 гг. 2013–2015 гг.	Страны Европы, Турция. Размер выборки определяется каждой страной	Здоровье, несчастные случаи, отсутствие на работе, физические ограничения, деятельность по личной гигиене и самообслуживанию, боль, психическое здоровье, употребление медикаментов, профилактика, удовлетворенность институтом здравоохранения, физическая нагрузка, потребление овощей/фруктов, курение, употребление алкоголя, социальная поддержка, предоставление неформального ухода или помощи
European Values Study (EVS) (Европейский обзор ценностей)	Выявление общеевропейских ценностей и наблюдение за их изменением во времени	1981, 1990, 1999, 2008, 2017 (в процессе)	Страны Европы, Россия, США, Канада, Турция. 1000–1500 чел.	Использование СМИ, отношение к политике, доверие государственным и общественным институтам, отношение к иммигрантам, взгляды на преступность, оценка личного здоровья, религиозность, социальное благополучие, жизненные ценности, демографические параметры
World Values Survey (WVS) (Всемирный обзор ценностей)	Опрос пытается фиксировать мировоззрение и ценности людей	С 1981 года. На данный момент проходит 7 волна (2017–2021). 1981–1984; 1990–1994; 1995–1998; 1999–2004; 2005–2009; 2010–2014	100 стран, в т. ч. Россия. В каждой стране опрашивается не менее 1200 человек	Социальные ценности, взгляды, стереотипы, счастье и благополучие, социальный капитал, доверие, членство в организациях, экономические ценности, коррупция, миграция, безопасность, наука и технологии, религиозные ценности, этические нормы и ценности, политическая культура и политический режим, демография
Gallup	Проведение регулярных опросов населения по различным социальным, политическим, экономическим и др. проблемам	Ежегодные опросы с 1935 года	Более 160 стран мира. От 500 до 2000 человек в каждой стране	Закон и порядок, еда и жилье, институты и инфраструктура, работа, благополучие, доверие к полиции, свобода СМИ, предпринимательство, религия, коррупция и др.
RIMS (НИУ «Высшая школа экономики»)	Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения. Основные темы исследования – здоровье и благосостояние населения	С 1994 года по настоящее время, ежегодно	Россия	Семейная анкета: условия жизни, бытовые условия, обеспеченность товарами длительного пользования, сельскохозяйственная деятельность (подсобное хозяйство), доходы, расходы Индивидуальная анкета: миграция и национальность, работа, поиск работы, для незанятых – длительность беззанятости, причины увольнения с последнего места работы, образование, пользование компьютером и интернетом, пенсионное обеспечение, состояние здоровья, употребление алкоголя и курение, занятия спортом, пользование медицинскими услугами, состояние здоровья женщин и фертильность

Окончание таблицы 2

Название опроса / базы данных	Цель проводимого опроса	Волны	Страны / среднее число опрошиваемых	Охватываемые аспекты благосостояния / качества жизни
Комплексное наблюдение условий жизни населения (КНУЖН) (Росстат)	Получение статистической информации, отражающей фактические условия жизнедеятельности российских семей	2011–2018 гг.	Россия	Вопросы для домохозяйства: состав домохозяйства, условия проживания, обращение в органы государственного управления, финансовое положение домохозяйства, доступность социальной инфраструктуры для инвалидов Индивидуальный вопросник: семейное положение, мнение об условиях проживания в населенном пункте, транспортное обслуживание, трудовая деятельность и условия труда, социальное обеспечение, образование и обучение, использование интернета, отдых и свободное время, здоровье и медицинское обслуживание
Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН)	Получение статистической информации, отражающей роль оплаты труда, доходов от самостоятельной занятости и от собственности, пенсий и социальных пособий в обеспечении материального благосостояния семей	2011–2019 гг.	Россия	Вопросы для домохозяйства: состав домохозяйства, выплаты на детей в возрасте до 16 лет, социальные выплаты и иная помощь домохозяйству, условия проживания, доходы от собственности и налоги, сельскохозяйственная деятельность, финансовое положение домохозяйства Индивидуальный вопросник: социальное положение и образование, пенсионное обеспечение и социальная поддержка, работа и доходы от трудовой деятельности
Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сфере образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения (ВНКДУ) (Росстат)	Получение статистической информации, отражающей фактические потребности населения в получении образовательных и медицинских услуг, удовлетворенность населения объемом и качеством полученных услуг, их влияние на уровень благосостояния семей	2018–2020 гг.	Россия	Состав домохозяйства, образование, содействие занятости, здравоохранение, реабилитация и социальное обслуживание, медицинские услуги и социальное обслуживание

Источник: составлено авторами по данным европейских и российских социологических опросов.

Рис. 1. Входящие категории социальной комфортности

Источник: составлено авторами на основе зарубежных и отечественных баз данных.

Входящие категории социальной комфортности сформированы на основе европейской панели индикаторов, составляющей основную часть зарубежных опросов, адаптированы с учетом обследований условий и качества жизни, проводимых в России. Отдельно взятая база данных, применяемая для анализа, может раскрывать только некоторые аспекты явления. Например, European Health Interview Survey (EHIS) нацелена преимущественно на исследование здоровья населения. Категорию «социальная комфортность» в связи с этим стоит считать динамичной по составу компонент, с возникновением новых регистрируемых статистических индикаторов она будет уточняться.

Методология измерения

Для оценки уровня социальной комфортности в работе применяется инструментарий обобщенных главных компонент для простран-

ственно-временной выборки – метод STATIS (Structuring Three-way Data Sets in Statistics) [66; 67]. Его особенность состоит в возможности одномоментного исследования матриц объект-признак, относящихся к разному времени, а также определении тех параметров, от которых в наибольшей степени зависит рассеяние объектов наблюдения. Возможности STATIS для анализа многомерных данных широки. С его помощью можно анализировать статистические показатели любой природы, главное – соблюсти требование сохранения постоянного количества объектов наблюдения и рассматриваемых показателей, то есть переменной величиной является время. Области применения STATIS – экономика, социальные науки, метеорология и даже виноделие. В нашем случае анализируется положение регионов Российской Федерации на плоскости главных компонент обобщенного (компромиссного) простран-

ства. Исходные данные представляют собой матрицы значений p признаков ($j = 1, \dots, p$) по числу наблюдений ($i = 1, \dots, n$) для временного интервала лет ($t = 1, \dots, k$). Ввиду ограниченности информационно-статистической базы мы рассматриваем только три момента времени: $t_1 = 2014$ г., $t_2 = 2016$ г., $t_3 = 2018$ г.

В качестве исходных данных использованы результаты комплексных наблюдений условий жизни населения регионов России за 2014, 2016 и 2018 гг. (Росстат), моделирование проведено в среде Matlab.

В анализе участвуют признаки, характеризующие условия проживания, качество природоохранной территории, условия работы, состояние здоровья, то есть те параметры, которые, среди прочих, формируют оценку комфортной среды проживания. Стоит отметить, что ограниченный перечень индикаторов отражает не все аспекты изучаемой категории, поскольку сформирован на основе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. Вместе с тем в рамках проводимого исследования достаточность входящих компонент считаем обоснованной, так как экспериментальная оценка осуществляется на основе одной базы данных посредством метода обобщенных главных компонент для пространственно-временной выборки, где учитывается одно из важнейших свойств — динамичность контекстуальных условий социальной комфортности.

Инструмент анализа данных STATIS может быть представлен в виде итеративной процедуры.

На первой итерации определяется матричное произведение $S_t = X_t X_t^T, S_t (n \times n)$, где $X_t (n \times p)$ — матрица значений для года t , $t = 1, \dots, k$ [68], а $X_t^T (n \times p)$ — транспонированная матрица исходных значений. На втором шаге находим скалярное произведение $\langle S_t, S_{t'} \rangle_{H-S} = \text{trace}(S_t^T S_{t'})$, где $S_{t'} = X_{t'} X_{t'}^T$, $t' = 1, \dots, k - 1$. Затем вычисляются коэффициенты корреляции для определения пар моментов времени с наиболее тесной статистической связью и строится корреляционная матрица $C = UVU^{-1}$, где $U^{-1}U = I$ [69]. Элементами матрицы U являются собственные векторы корреляционной матрицы C , на диагонали матрицы V стоят собственные значения матрицы C . Отсюда можно определить координаты

исходных наборов данных в пространстве главных компонент корреляционной матрицы: $G = UV^{1/2} (n \times n)$.

Нормированные весовые коэффициенты $a_t = u_t / \sum_{t=1}^k u_t$ рассчитаны по компонентам собственного вектора U , соответствующего максимальному собственному значению корреляционной матрицы C .

Одним из основных этапов анализа данных с помощью инструмента STATIS является вычисление компонент обобщенной (компромиссной) матрицы $S_{comp} (n \times n)$ в виде линейной комбинации $S_{comp} = \sum_{t=1}^k a_t S_t$. Однако существуют и альтернативные методы, например, с помощью усреднения всех матриц S_t . Матрица счетов и матрица нагрузок определяются в результате спектрального разложения компромиссной матрицы: $S_{comp} = QLQ^{-1}$ [70].

Результаты исследования

Для оценки уровня социальной комфортности регионов Российской Федерации сформирован набор показателей, представленных на портале Федеральной службы статистической информации по результатам проведения Комплексного наблюдения условий жизни населения. Для достижения единообразия статистической базы за 2014, 2016 и 2018 гг. собран пласт показателей комфорта проживания и труда индивидов (табл. 3), которые согласуются с входящими категориями социальной комфортности, определенными в соответствии с европейской и российской панелями индикаторов социологических опросов.

Статистические связи между рассматриваемыми периодами ожидаемо сильны, однако наиболее ярко выражена связь между 2016 и 2018 гг. (0,995; табл. 4).

Недостаточно сильная изменчивость оценок представителей российских домашних хозяйств объясняется не только инертностью многих социально-экономических процессов, но и стабильным во времени отношением большинства индивидов к оценке комфортности среды проживания, характерным для 2014, 2016, 2018 гг., то есть на анализируемом временном отрезке наблюдается относительное постоянство оценок. На рисунке 2 представлена проекция исходных наборов данных на плоскость двух первых главных компонент корреляционной матрицы C .

Таблица 3. Исходный набор показателей

Обозначение	Показатель, % от числа опрошенных
$\chi^{(1)}$	Доля респондентов, вполне удовлетворенных заработком
$\chi^{(2)}$	Доля респондентов, вполне удовлетворенных режимом работы
$\chi^{(3)}$	Доля респондентов, вполне удовлетворенных условиями труда
$\chi^{(4)}$	Доля респондентов, вполне удовлетворенных расстоянием до работы
$\chi^{(5)}$	Доля респондентов, испытывающих профессиональное удовлетворение от работы
$\chi^{(6)}$	Доля респондентов, испытывающих моральное удовлетворение от работы
$\chi^{(7)}$	Доля респондентов, высоко оценивающих свое здоровье
$\chi^{(8)}$	Удельный вес домашних хозяйств, отмечающих наличие детских площадок в хорошем состоянии на придомовой территории
$\chi^{(9)}$	Домашние хозяйства, указавшие, что при проживании не испытывают стеснения
$\chi^{(10)}$	Респонденты, указавшие на достаточный уровень тепла в жилище
$\chi^{(11)}$	Респонденты, указавшие на отсутствие сырости, промерзания стен и полов в жилище
$\chi^{(12)}$	Респонденты, указавшие на отсутствие шума, загрязнения воздуха в месте проживания, пыли и сажи с улицы
$\chi^{(13)}$	Респонденты, указавшие на достаточную освещенность подходов к дому или в подъезде

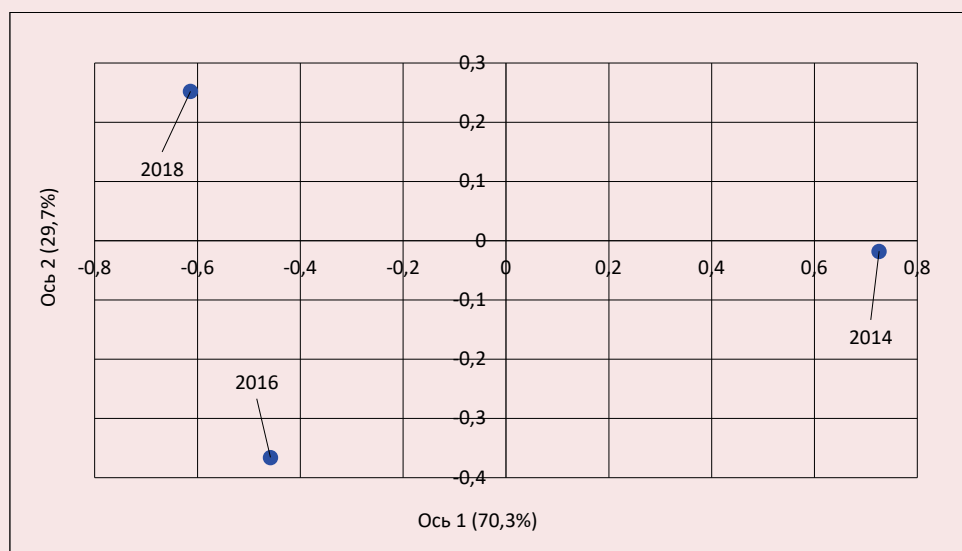
Источник: составлено авторами по Комплексному наблюдению условий жизни населения (Росстат).

Таблица 4. Корреляционная матрица С

Год	2014	2016	2018
2014	1	0,993	0,992
2016	0,993	1	0,995
2018	0,992	0,995	1

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Проекция наборов данных за 2014, 2016 и 2018 гг. на оси главных компонент матрицы С

Источник: составлено авторами.

С целью определить компоненты матриц нагрузок и счетов по имеющимся данным вычислена компромиссная (обобщенная) матрица, включающая в себя все три исходных набора объект-признак. Из всех возможных процедур вычисления компонент матрицы S_{comp} нами был выбран вариант взвешенных оценок, то есть $S_{comp} = \sum_{t=1}^k a_t S_t$, поскольку он позволил получить максимальное, по сравнению с прочими, значение критерия информативности компромиссной матрицы $Qual_{S_{comp}} = \lambda_1 / \sum_i \lambda_i$. В рассматриваемом случае $Qual_{S_{comp}} = 70,2\%$.

Весовые коэффициенты $a_t = |u_t| / \sum_{t=1}^k |u_t|$, вычисленные пропорционально компонентам собственного вектора, соответствующего максимальному собственному значению корреляционной матрицы C , имеют следующие значения: $a_{2014} = 0,403$, $a_{2016} = 0,254$, $a_{2018} = 0,341$.

Для оценки структуры обобщенной информации проведено спектральное разложение компромиссной матрицы: $S_{comp} = QLQ^{-1}$. В результате определены группы переменных, наи-

более тесно статистически связанные друг с другом и коррелированные с двумя первыми осями компромиссного пространства.

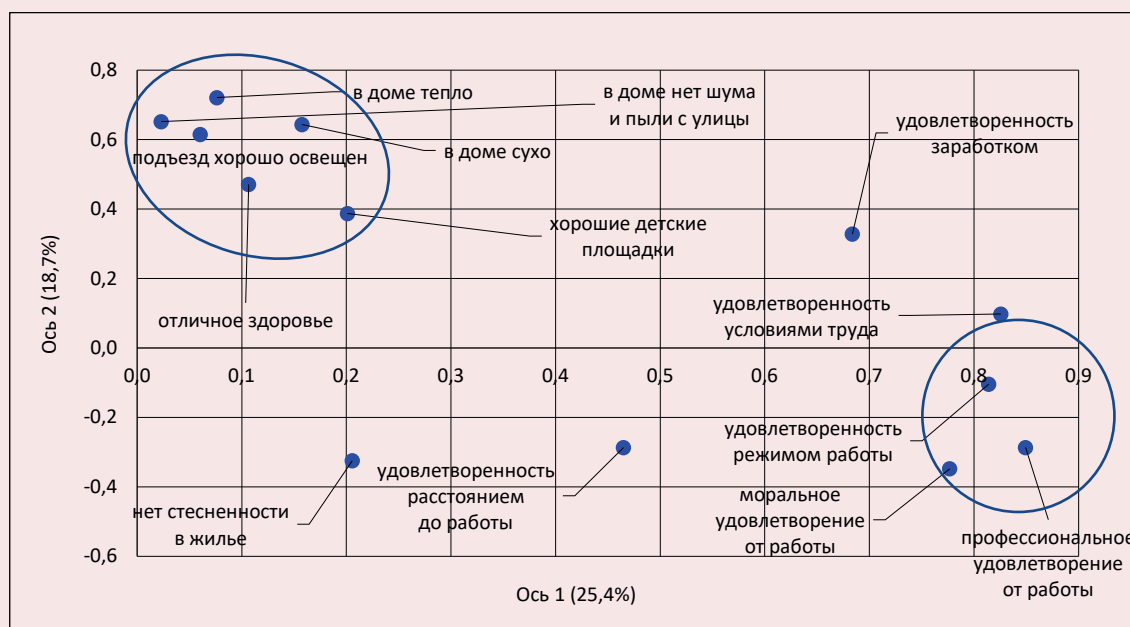
Первостепенное значение при формировании уровня социальной комфортности имеют характеристики удовлетворенности населения регионов России уровнем заработной платы и условиями труда (рис. 3).

Выделяется несколько групп переменных, наиболее тесно связанных между собой в контексте анализа обобщенного пространства:

- хорошее здоровье закономерно связано с качеством жилища, отсутствием неблагоприятных факторов, способных вызвать или усугубить имеющиеся хронические заболевания;
- оценки качества работы, такие как моральное и профессиональное удовольствие, связаны с режимом труда.

Наибольшую важность приобретает удовлетворенность условиями труда, а не заработком, что еще раз подтверждает тезис о необходимости введения и изучения таких латентных категорий, как социальная комфортность.

Рис. 3. Проекция элементов матрицы нагрузок на плоскость первых главных компонент компромиссного пространства

Источник: составлено авторами.

Проекция всех точек наблюдения (регионов РФ) на плоскость двух первых осей обобщенного пространства дает возможность оценить степень их удаленности друг от друга. С этой целью вычислены компоненты матрицы счетов, каждая строка которой – объект наблюдений, а столбцы – оси компромиссного пространства (рис. 4).

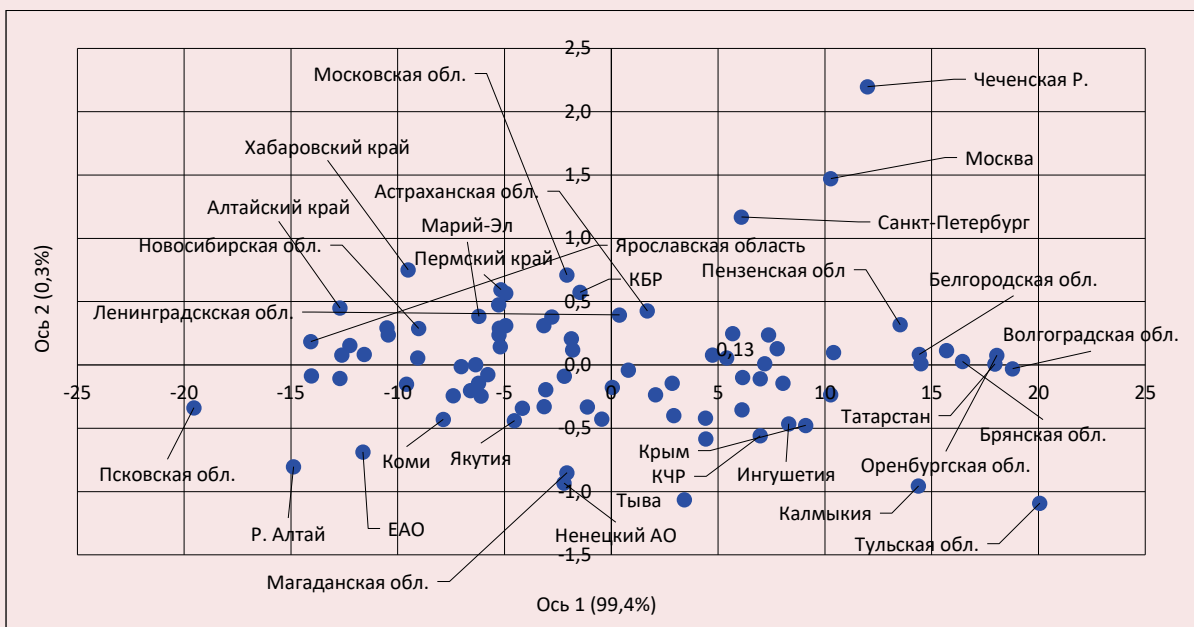
В результате применения метода STATIS для оценки уровня социальной комфортности по данным субъективного характера определены группы регионов, население которых в большей или меньшей степени удовлетворено условиями своей жизни. Среди лидеров находятся Москва, Санкт-Петербург и Чеченская Республика. Это объясняется не только более высокими (по сравнению с прочими территориями) оценками размера заработной платы, режима, условий труда, а также получения профессионального и морального удовлетворения от работы, но и благоустроенностью прилегающих территорий, в том числе наличием хороших детских площадок. Кроме того, сформированы группы регионов, схожие по уровню социально-эконо-

мического развития и, на наш взгляд, особенностям менталитета в конкретной местности. Это, например, южные территории России: республики Крым, Карачаево-Черкессия, Ингушетия; Пензенская, Волгоградская, Оренбургская области и Республика Татарстан.

Заключение

В настоящее время отмечается существенный разрыв между традиционными измерениями экономического роста, уровня занятости и другими важными социально-экономическими явлениями (уровень счастья, качество жизни). В некоторых странах подобный разрыв подрывает доверие населения к официальной статистике. Все это говорит о том, что действующая система измерений социально-экономических явлений несовершенна. Анализ, проведенный Дж. Стиглицом [71], показал, что существующих макроэкономических показателей явно не достаточно, чтобы оценить реальный уровень благополучия в стране, в связи с чем возникает потребность ввести новую категорию «социальная комфортность проживания населения».

Рис. 4. Проекция объектов на две первые оси компромиссного пространства

Источник: составлено авторами.

Обоснование и введение в научный оборот комплексной латентной категории «социальная комфортность» вносят значительный вклад в развитие теории качества жизни, позволяя измерять и исследовать человека с точки зрения его включенности в социум, семантической соотнесенности осуществления им различных видов деятельности со временем и внешней ситуацией, расширяя субъективный аспект в измерении качества жизни как одной из важнейших категорий социальной и экономической науки.

Систематизация и анализ актуальных международных и отечественных опросов (European Union Statistics on Income and Living Conditions (EU-SILC), European Health Interview Survey (EHIS), European Values Study (Европейский обзор ценностей), World Values Survey (Всемирный обзор ценностей), Gallup, RLMS (НИУ «Высшая школа экономики»), Комплексное наблюдение условий жизни населения (Росстат), Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (Росстат), Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сфере образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения (Росстат)) позволяют провести статистическую конкретизацию и сформировать надежную панель валидных индикаторов социальной комфортности, которая будет в дальнейшем редуцирована в соответствии с оцениваемым уровнем (отдельная группа, город, регион, страна) комфорта и возможностями гармонизации информационных ресурсов различного типа.

В силу своей актуальности, многоаспектности, высокой роли контекстуального фактора социальная комфортность требует новых подходов и методов ее оценки. В связи с этим в работе проанализированы матричнозначные временные ряды на основе информации об уровне социальной комфортности в регионах России посредством метода STATIS. Выявлены группы регионов, схожие по уровню социально-экономического развития и, на наш взгляд, по

особенностям менталитета в конкретной местности (республики Крым, Карачаево-Черкесия, Ингушетия; Пензенская, Волгоградская, Оренбургская области и Республика Татарстан).

Метод позволил рассмотреть всю совокупность исходной информации в одном блоке, найти ключевые параметры, формирующие главные оси обобщенного пространства, а также выявить особенности распределения регионов на плоскости его главных осей.

Приведенные результаты исследования являются первым этапом реализуемого проекта. Учитывая потенциал и перспективы использования больших данных в измерении сложных латентных категорий, предстоит решить задачу создания методологических подходов к обработке больших данных в части построения статистических рядов на их основе с соблюдением базовых принципов, обеспечивающих качество статистики – сопоставимости, согласуемости, точности и однородности данных; на основе взаимосвязки данных различного типа построить динамическую систему социальной комфортности с возможностью моделировать институциональный дизайн социально-экономической среды в зависимости от ожидаемых тенденций развития национальной экономики. Углубление анализа по рассматриваемой проблеме позволит расширить практическую значимость исследования. Его результаты могут быть использованы органами исполнительной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в части разработки организационно-распорядительных и программно-целевых документов для проведения социальной политики субъектов исполнительной власти на уровне, им соответствующем. Также они применимы при определении стратегических приоритетов социальной политики государства, а именно: на федеральном уровне появляется возможность типологизации субъектов Российской Федерации по уровню социальной комфортности в целях проведения целостно-ориентированной социальной политики государства.

Литература

1. Easterlin R.A. Explaining happiness. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2003, vol. 100, no. 19, pp. 11176–11183. DOI: 10.1073/pnas.1633144100
2. Frey B.S., Stutzer A. *Happiness and economics: How the Economy and Institutions Affect Human Well-being*. Princeton University Press, 2010. 220 p.

3. Powdthavee N. Unhappiness and crime: evidence from South Africa. *Economica*, 2005, vol. 72, no. 287, pp. 531–547. DOI: 10.1111/j.0013-0427.2005.00429.x.
4. Miringoff M., Miringoff M.L. *The Social Health of the Nation: How America is Really Doing*. Oxford University Press, 1999. 241 p.
5. Lane R.E. Quality of life and quality of persons: A new role for government? *Political Theory*, 1994, vol. 22 (2), pp. 219–252. DOI: 10.1177/0090591794022002002
6. Layard P.R.G., Layard R. *Happiness: Lessons from a New Science*. Penguin UK, 2011. DOI: 10.2307/20031793
7. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения: монография. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. 432 с.
8. Антипина О.Н. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 94–107. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-2-94-107
9. Родионова Л.А. Методологические аспекты измерения и моделирования уровня счастья // Экономика. Управление. Право. 2012. № 1–2 (25). С. 25–30.
10. Cobb C., Halstead T., Rowe J. *The Genuine Progress Indicator: Summary of Data and Methodology*. Redefining Progress, San Francisco, 1995. Т. 15.
11. Estes R.J. *Praxis: Resources for Social and Economic Development*. School of Social work & Practice, University of Pennsylvania, 1995.
12. Rahman T., Mittelhammer R.C., Wandschneider P. Measuring quality of life across countries: A multiple indicators and multiple causes approach. *The Journal of Socio-Economics*, 2011, vol. 40 (1), pp. 43–52. DOI: 10.1016/j.socsec.2010.06.002
13. Касапур Е. Are you middle class? *American Demographics*, 1996, vol. 18 (10), pp. 30–35.
14. Андреев Е.М., Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? М.: Поматур, 2005. 278 с.
15. Schmidt-Traub G, Kroll C., Teksoz K., Durand-Delacre D., Sachs D. National baselines for the Sustainable Development Goals assessed in the SDG Index and Dashboards. *Nature Geoscience*, 2017, vol. 10, pp. 547–555. DOI: 10.1038/NGEO2985
16. Ferrans C., Powers M. Quality of life index: Development and Psychometric properties. *Advances in Nursing Science*, 1985, vol. 8, pp. 15–24. DOI: 10.1097/00012272-198510000-00005
17. Raphael D., Waalen J., Karbanow A. Factor Analytic Properties of the Quality of Life Profile: Examination of the nine subdomain Quality of Life model. *Psychological Reports*, vol. 88 (1), pp. 265–276. DOI: 10.2466/pr0.2001.88.1.265
18. Hagerty M. et al. Quality of life Indexes for National Policy: review and agenda for research. *Social Indicator Research*, 2001, vol. 55 (1), pp. 1–97. DOI: 10.1023/A:1010811312332
19. Veenhoven R. Happy life expectancy: A comprehensive measure of quality of life in nations. *Social Indicators Research*, 1996, vol. 39 (1), pp. 1–58. DOI: 10.1007/BF00300831
20. Kahneman D., Deaton A. High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2010, vol. 107 (38), pp. 16489–16493. DOI: 10.1073/pnas.1011492107
21. OECD, *How's Life? 2020: Measuring Well-being*. Paris, OECD Publishing, 2020. DOI: 10.1787/9870c393-en
22. Prata D.N. et al. social data analysis of brazilian's mood from twitter. *International Journal of Social Science and Humanity*, 2016, vol. 6 (3), pp. 179. DOI: 10.7763/IJSSH.2016.V6.640
23. Nguyen Q.C. Leveraging geotagged Twitter data to examine neighborhood happiness, diet, and physical activity. *Applied Geography*, 2016, vol. 73, pp. 77–88. DOI: 10.1016/j.apgeog.2016.06.003
24. Yang C., Srinivasan P. Life satisfaction and the pursuit of happiness on Twitter. *PloS One*, 2016, vol. 11 (3), pp. 1–30. DOI: 10.1371/journal.pone.0150881
25. Wang W., Hernandez I., Newman D.A., He J., Bian J. Twitter analysis: Studying US weekly trends in work stress and emotion. *Applied Psychology*, 2016, vol. 65 (2), pp. 355–378. DOI: 10.1111/apps.12065
26. Liu P., Tov W., Kosinski M., Stillwell D.J., Qiu L. Do Facebook status updates reflect subjective well-being? *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 2015, vol. 18 (7), pp. 373–379. DOI: 10.1089/cyber.2015.0022
27. LiKamWa R., Liu Y., Lane N. D., & Zhong, L. Moodscope: Building a mood sensor from smartphone usage patterns. *Proceeding of the 11th Annual International Conference on Mobile Systems, Applications and Services*, 2013, pp. 389–402. DOI: 10.1145/2462456.2464449
28. Schwartz H.A., Sap M., Kern M.L., Eichstaedt J.C., Kapelner A., Agrawal M., Kosinski M. Predicting individual well-being through the language of social media. *Biocomputing 2016: Proceedings of the Pacific Symposium*, 2016, pp. 516–527. DOI: 10.1142/9789814749411_0047

29. Carlquist E., Nafstad H., Blakar, R., Ulleberg, P., Delle Fave A., Phelps J. Well-being vocabulary in media language: An analysis of changing word usage in Norwegian newspapers. *The Journal of Positive Psychology*, 2017, vol. 12 (2), pp. 99–109. DOI: 10.1080/17439760.2016.1163411
30. Algan Y., Beasley E., Guyot F., Higa K., Murtin F., & Senik, C. *Big data measures of well-being: Evidence from a Google well-being index in the United States*. OECD Statistics Working Papers, 2016, 38 p. DOI: 10.1787/5jlz9hpg0rd1-en
31. Fantazzini D., Shakleina M., Yuras N. Big Data for computing social well-being indices of the Russian population. *Applied Econometrics*, 2018, vol. 50, pp. 43–66.
32. Mavragani A., Tsagarakis K. YES or NO: Predicting the 2015 Greek Referendum results using Google Trends. *Technological Forecasting and Social Change*, 2016, vol. 109, pp. 1–5. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.04.028
33. Oliveira-Brochado A. Google Search-Based Sentiment Indexes. *IIMB Management Review*, 2019, pp. 1–38. DOI: 10.1016/j.iimb.2019.10.015
34. Da Z., Engelberg J., Gao P. The sum of all FEARS investor sentiment and asset prices. *The Review of Financial Studies*, 2015, vol. 28 (1), pp. 1–32. DOI: 10.1093/rfs/hhu072
35. Singer E. The use of incentives to reduce nonresponse in household surveys. *Survey Nonresponse*, 2002, vol. 51, pp. 163–177.
36. Vissing-Jorgensen A. Perspectives on behavioral finance: Does “irrationality” disappear with wealth? Evidence from expectations and actions. *NBER Macroeconomics Annual*, 2003, vol. 18, pp. 139–194. DOI: 10.1086/ma.18.3585252
37. Askatas N., Zimmermann K.F. *Google Econometrics and Unemployment Forecasting*. 2009. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1465341>
38. Varian H.R. Big data: New tricks for econometrics. *Journal of Economic Perspectives*, 2014, vol. 28 (2), pp. 3–28, DOI: 10.1257/jep.28.2.3
39. Reimsbach-Kounatze C. *The Proliferation of “Big Data” and Implications for Official Statistics and Statistical Agencies: A Preliminary Analysis*. Paris, OECD Digital Economy Papers, no. 245, OECD Publishing, 2015. DOI: 10.1787/5js7t9wqzvg8-en
40. Della Penna N., Huang H. *Constructing Consumer Sentiment Index for US using Google Searches*. Working Papers 2009-26, University of Alberta, 2009, 22 p.
41. Benjamin D.J. Beyond happiness and satisfaction: Toward well-being indices based on stated preference. *American Economic Review*, 2014, vol. 104, no. 9, pp. 2698–2735, DOI: 10.1257/aer.104.9.2698
42. Baker S., Fradkin A. The impact of unemployment insurance on job search: Evidence from Google search data. *Review of Economics and Statistics*, 2017, vol. 99 (5), pp. 756–768. DOI: 10.1162/REST_a_00674
43. Josselin R. *The Diary of Ralph Josselin, 1616–1683 (vol. 3)*. OUP Oxford, 1991, 707 p.
44. Crowley J.E. *The Invention of Comfort: Sensibilities and Design in Early Modern Britain and Early America*. JHU Press, 2003, 349 p.
45. Berens L.H. *The Digger Movement in the Days of the Commonwealth*, 2014, 315 p.
46. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. JJ Tourneisen; and JL Legrand, 1791. DOI: 10.1093/oseo/instance.00043218
47. Odile-Bernez M. Comfort, the Acceptable Face of Luxury: An Eighteenth-Century Cultural Etymology. *Journal for Early Modern Cultural Studies*, 2014, vol. 14 (2), pp. 3–21. DOI: 10.1353/jem.2014.0015
48. Scitovsky T. *The Joyless Economy: The Psychology of Human Satisfaction*. Oxford University Press on Demand, 1992, 449 p.
49. Slater K. *Human Comfort (vol. 1)*. Springfield, III., USA: CC Thomas, 1985.
50. Kolcaba K. *Comfort Theory and Practice: a Vision for Holistic Health Care and Research*. Springer Publishing Company, 2003, 201 p.
51. Тетиор А.Н. Экологическая гармония, красота, комфортность города (на базе экологической инфраструктуры). М.: ФГОУ ВПО МГУП, 2010. 312 с.
52. Тетиор А.Н. Экологическая инфраструктура и среда жизни. М.: РЭФИА, 2002. 102 с.
53. Меринов Ю.Н., Меринова Ю.Ю. Эколого-социальная комфортность жизни населения в юго-западной части Ростовской области // Актуальные вопросы и инновационные технологии в развитии географических наук. 2020. С. 328–331.

54. Cabanac M. *Pleasure and Joy, and Their Role in Human Life (Creating the productive workplace)*. E&FN Spon, 2006, pp. 40–50.
55. Lyons A.C., Spicer J. A new measure of conversational experience: The speaking extent and comfort scale (SPEACS). *Assessment*, 1999, vol. 6 (2), pp. 189–202. DOI: 10.1177/107319119900600206
56. Owens T. J., Stryker S., Goodman N. (ed.) *Extending Self-Esteem Theory and Research: Sociological and Psychological Currents*. UK: Cambridge University Press, 2001, pp. 198–222.
57. Spake D., Beatty S., Brockman B., & Crutchfield T. Consumer comfort in service relationships: Measurement and importance. *Journal of Service Research*, 2003, vol. 5 (4), pp. 316–332. DOI: 10.1177/1094670503005004004
58. Cole R.J. Re-contextualizing the notion of comfort. *Building Research & Information*, 2008, vol. 36 (4), pp. 323–336. DOI: 10.1080/09613210802076328
59. Shin J. Toward a theory of environmental satisfaction and human comfort: A process-oriented and contextually sensitive theoretical framework. *Journal of Environmental Psychology*, 2016, vol. 45, pp. 11–21. DOI: 10.1016/j.jenvp.2015.11.004
60. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*, 2009.
61. McGregor A., Sumner A. Beyond business as usual: what might 3-D wellbeing contribute to MDG momentum? *IDS Bulletin*, 2010, vol. 41 (1), pp. 104–112. DOI: 10.1111/j.1759-5436.2010.00111.x
62. Allin P., Hand D.J. *The Wellbeing of Nations: Meaning, motive and measurement*. UK: John Wiley & Sons, 2014. DOI: 10.1002/9781118917046
63. Лещайкина М.В. Межстрановой эконометрический анализ социальной комфортности проживания населения // Прикладная эконометрика. 2014. № 36 (4). С. 102–117.
64. Scitovsky T. *The Joyless Economy. An Inquiry into Human Satisfaction and Consumer Dissatisfaction*. London: Oxford University Press, 1976, 310 p.
65. Образцова О.И., Поповская Е.В. Опыт применения многомерного статистического анализа для характеристики контекстуальных условий предпринимательской деятельности в регионах РФ // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 93–106.
66. Escoufier Y. *L'analyse Conjointe de Plusieurs Matrices de Données*. In M. Jolivet (Ed.), *Biométrie et Temps*. Paris: Société Française de Biométrie, 1980, pp. 59–76.
67. Lavit C., Escoufier Y., Sabatier R., Traissac P. The ACT (STATIS method). *Computational Statistics & Data Analysis*, 1994, vol. 18, pp. 97–119. DOI: 10.1016/0167-9473(94)90134-1
68. Rivadeneira F.J., Figueiredo A.M.S., Figueiredo F.O.S., Carvajal S.M., Rivadeneira R.A. Analysis of well-being in OECD countries through STATIS methodology. *HOLOS*, 2016, vol. 7, pp. 335–351.
69. Nguyen L.H., Holmes S. Ten quick tips for effective dimensionality reduction. *PLoS Comput Biol*, 2019, vol. 15 (6). DOI: 10.1371/journal.pcbi.1006907
70. Corrales D., Rodriguez O. Interstatis: the stasis method for interval valued data. *Rev. Mat.*, 2014, vol. 21 (1), pp. 73–83.
71. Плато К. Два года спустя после доклада комиссии Стиглица-Сена-Фитусси: что нового в статистическом измерении благосостояния и устойчивого развития общества? // Вопросы статистики. 2011. № 11. С. 3–11.

Сведения об авторах

Марина Владиславовна Шаклеина – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, корп. 61; e-mail: shakleina@mse-msu.ru)

Мария Игоревна Волкова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: mvolkova@cemi.rssi.ru)

Константин Игоревич Шаклеин – кандидат экономических наук, главный специалист, Открытое акционерное общество «Российские железные дороги» (107174, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 2; e-mail: shakleinki@center.rzd.ru)

Станислав Ростиславович Якиро – главный специалист, Акционерное общество «Страховое общество газовой промышленности» (107078, Российская Федерация, г. Москва, пр. Академика Сахарова, д. 10; e-mail: yakirosr@yandex.ru)

Shakleina M.V., Volkova M.I., Shaklein K.I., Yakiro S.R.

Theoretical and Methodological Problems of Measuring Social Comfort: Results of Empirical Analysis Based on Russian Data

Abstract. The research is aimed at developing theoretical aspects of the latent category “social comfort”, searching for new assessment methods and opportunities for using various types of information resources (big data, continuous and sample population surveys, state and administrative statistics). Development of the axiomatics of a new category and its modeling are necessary to determine a real level of population’s well-being in dynamics, to assess true quality of people’s life. The purpose of the research is aimed at development of theoretical and methodological foundations of social comfort as a latent category in the discourse of social processes and the test of its assessment using the method of generalized principal components. The main results of the study include the clarification of connotations and development of axiomatics for the new category “social comfort”; systematization of relevant international surveys, and the formation of reliable categories that ensure the validity of the results; assessment of the level of social comfort using the method of generalized principal components for a space-time sample – the STATIS method. The peculiarity of the method, used for space-time sampling, is an opportunity to simultaneously study object-feature matrices, related to different time points, and the identification of the parameters that mostly determine the scattering of observation objects: in our case, the regions of the Russian Federation, on a plane of main components of the generalized (compromise) space. The scientific novelty of the research is development of the axiomatics of the new category “social comfort”, which allows measuring and studying a person from the point of view of his inclusion in society, semantic correlation of various types of activity with time and external situation, expanding the subjective aspect of measuring the quality of life as one of the most important categories of social and economic science; the formation of new approaches to modeling and evaluating social comfort. The study is of practical interest to researchers, and its results may be used for creating socio-economic development programs in Russian regions.

Key words: social comfort, axiomatics, synthetic latent category, quality of life, STATIS.

Information about the Authors

Marina V. Shakleina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University (build. 61, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: shakleina@mse-msu.ru)

Maria I. Volkova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: mvolkova@cemi.rssi.ru)

Konstantin I. Shaklein – Candidate of Sciences (Economics), Chief Specialist, OJSC “Russian Railways” (2, Novaya Basmannaya Street, Moscow, 107174, Russian Federation; e-mail: shakleinki@center.rzd.ru)

Stanislav R. Yakiro – Chief Specialist, JSC “SOGAZ” (10, Akademika Sakharova Avenue, Moscow, 107078, Russian Federation; e-mail: yakirosr@yandex.ru).

Статья поступила 06.07.2020.

Развитие социальных инноваций в России сквозь призму деятельности и взаимодействия органов власти, бизнес-структур и гражданского общества*

**Юлия Николаевна
МИРАУ**

Свободный университет г. Берлина
Берлин, Германия, 14195, Garystr. 55, каб. 115В
E-mail: julia.o.mierau@gmail.com

**Татьяна Сергеевна
СОЛОВЬЕВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького д. 56а
E-mail: solo_86@list.ru
ORCID: 0000-0003-1770-7566; ResearcherID: I-8418-2016

**Андрей Васильевич
ПОПОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького д. 56а
E-mail: ai.popov@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-4803-1354; ResearcherID: I-8785-2016

* Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00717.

Для цитирования: Мирау Ю.Н., Соловьева Т.С., Попов А.В. Развитие социальных инноваций в России сквозь призму деятельности и взаимодействия органов власти, бизнес-структур и гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 153–167. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.9

For citation: Mirau Yu.N., Soloveva T.S., Popov A.V. Development of social innovations in Russia in terms of activities and interaction of government bodies, business structures, and civil society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 153–167. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.9

Аннотация. В условиях нарастания глобальных социально-экономических и экологических вызовов (старение населения, изменение климата, поляризация общества и т. д.) в современном мире происходит переосмысление места и роли инноваций в преодолении угроз общественному развитию. Исследователи отмечают сдвиг инновационной парадигмы в сторону социальных инноваций, поскольку признается, что исключительно за счет технологических нововведений достичь кардинального улучшения ситуации не представляется возможным. В то же время многие существующие проблемы нельзя решить посредством усилий какого-то одного актора – необходимым условием становится межсекторальное сотрудничество. В отношении развития социальных инноваций этот аспект имеет ключевое значение. Цель исследования заключалась в анализе развития социальных инноваций в Российской Федерации на основе акторного подхода, предполагающего рассмотрение данного феномена сквозь призму деятельности различных субъектов и их взаимодействия. Использованы общенаучные методы: дискурс-анализ, обобщение, сравнение и т. д. Представлены сущностные основы и роль социальных инноваций в решении актуальных проблем общества. На примере государственных структур, крупного бизнеса и гражданского общества рассмотрены особенности становления социальных инноваций в России. Показано, что развитие социальных инноваций зависит от их интерпретации в общественном дискурсе, включенности в стратегии деятельности различных акторов, а также межсекторального сотрудничества в инновационном процессе. В заключение определены перспективы развития изучаемого феномена в контексте выявленных тенденций и специфики взаимоотношений обозначенных акторов. Полученные результаты могут быть использованы не только в качестве эмпирической основы для дальнейшего углубления исследования, но и представлять практическую значимость при разработке конкретных управленческих решений в данной сфере.

Ключевые слова: социальные инновации, межсекторальное взаимодействие, гражданское общество, социальное предпринимательство, социальная политика.

Введение

Усиление глобальных вызовов современности приводит к необходимости поиска новых, более эффективных, чем существующие, инструментов их преодоления. В связи с этим концепция социальных инноваций заняла прочное место среди приоритетных направлений развития социальной экономики европейских стран, в частности, она выступает центральным элементом стратегии «Европа 2020»¹, нацеленной на обеспечение разумного, устойчивого и инклюзивного роста. Научное сообщество также активно обратилось к изучению этого явления. За последние десятилетия было реализовано значительное количество исследовательских проектов по развитию теории и практики социальных инноваций (BENISI, CRESSI, SI-DRIVE, SIMPACT, TEPsie, TRANSITION² и др.; более подробно см. в [1]). В общественном дискурсе

укоренилась точка зрения о социальных инновациях как движущей силе социальных изменений, способствующих улучшению качества жизни населения. Широкое распространение получила дискуссия о возможностях вовлечения разнообразных акторов в инновационный процесс по преодолению острых социальных вызовов. В ходе этого обсуждения рассматриваются самые различные варианты межсекторального взаимодействия: от линейных попарных моделей до масштабных сетевых структур. При этом особое внимание уделяется формированию благоприятной среды для развития социальных инноваций, в рамках которой создаются стимулы для взаимовыгодного сотрудничества по типу природных экосистем [2, с. 11]. В результате обозначенных процессов сформировалась обширная инфраструктура поддержки.

¹ Europe 2020: A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth // European Commission. Available at: <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf>

² В 2012–2016 гг. Европейская комиссия поддержала 30 проектов, в аннотациях которых упоминались социальные инновации, на общую сумму более 90 млн евро.

Инновационный характер предлагаемых решений зачастую позволяет социальным проектам быть успешными в тех случаях, когда государство и рынок не могут продемонстрировать свою эффективность³. В деятельности правительств развитых стран все сильнее наблюдается тенденция к делегированию части своих социальных обязательств внешним исполнителям посредством механизмов социального аутсорсинга, государственно-частного партнерства и т. д. В итоге происходит деформация сложившихся взаимоотношений между государством и обществом в контексте обеспечения социальных гарантий. Возрастающее значение социальных инноваций и ожидания, с ними связанные, приводят к постановке фундаментальных вопросов о способности различных акторов противостоять современным вызовам, о необходимости и возможностях межсекторального взаимодействия для их преодоления, а также о разделении обязанностей между коллективом и индивидом в данном контексте [3]. Многие исследователи склонны считать, что концепция социальных инноваций отлично вписывается в современную политику социального государства [4], раскрывая потенциал гражданского общества для поддержки незащищенных слоев населения. При этом наиболее успешные практики могут институционализироваться, превращаясь в формальные нормы и правила. Существуют и противоположные точки зрения, когда развитие социальных инноваций связывают с переходом от принципов государства всеобщего благосостояния к индивидуальной и групповой ответственности за будущее социума [5]. В этом случае оптимизация бюджетных расходов на социальную политику происходит за счет перекладывания части обязательств на граждан.

Обозначенные вопросы актуализируют важность накопления эмпирического знания о развитии социальных инноваций для определения перспектив эволюции данного феномена в контексте преодоления угроз и вызовов современности. В то же время развитие социальных инноваций во многом зависит от соответствующего национального/регионального контекста. К примеру, в Германии в официальных страте-

гических документах (в частности в Национальной стратегии высоких технологий⁴) инновационная концепция представлена в расширенной форме и включает в себя не только технологические, но и социальные инновации. В данном случае продвижение социальных инноваций встроено в общую инновационную политику, предложено определение этого термина и обозначено стремление поддерживать их развитие на федеральном уровне. В России, напротив, отсутствует системное видение рассматриваемого феномена на государственном уровне, что отражается в четкой ориентации политического курса на развитие технологических инноваций, а социальные нововведения только вскользь упоминаются в нескольких документах. Тем не менее подобного рода практики получили весьма широкое распространение.

Целью настоящей статьи выступает анализ развития социальных инноваций сквозь призму деятельности и взаимодействия различных акторов на примере России. Согласно ст. 7 Конституции Российская Федерация является социальным государством, что предполагает направленность политики «на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»⁵. При этом специалисты отмечают отсутствие «устойчивого вектора движения к социальному государству» [6, с. 24] и двойственную направленность российской социальной политики (с одной стороны – неолиберализм, с другой – интервенционизм и патернализм) [7, с. 2]. В стране сохраняется множество острых общественных проблем [8] (вопросы сокращения бедности, качества и доступности образования и здравоохранения, трудоустройства социально уязвимых категорий граждан и т. д.). В то же время социальное государство должно стимулировать как государственный, так и частный и некоммерческий секторы к участию в решении разного рода общественных задач [9], так как бюд-

³ Fostering Innovation to Address Social Challenges. Workshop proceedings. OECD. Available at: <https://www.oecd.org/sti/inno/47861327.pdf>

⁴ Research and innovation that benefit the people. The High-Tech Strategy 2025. Federal Ministry of Education and Research. Available at: https://www.bmbf.de/upload_filestore/pub/Research_and_innovation_that_benefit_the_people.pdf

⁵ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Консультант-Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 01.10.2020).

жетные возможности существенно ограничены. С учетом потенциала социальных инноваций в устранении/нивелировании обозначенных проблем и сравнительно недавнего обращения управленческого и академического сообщества к данной тематике в России изучение вопросов межсекторального взаимодействия в рамках поддержки социальных нововведений в подобных условиях представляется весьма значимым направлением науки и практики.

Сущностные основы социальных инноваций

Активное развитие теории и практики в области социальных инноваций происходит в течение последних тридцати лет, однако их эволюция имеет давнюю историю. Социальные нововведения, призванные улучшить жизнь людей, предпринимались в разные эпохи. Однако возникновение самого понятия относится к началу XVIII века [1, с. 14]. С тех пор социальные инновации рассматривались под различным углом в зависимости от существующего политического, социального и экономического контекста или научного направления. К примеру, в первой половине XX века они интерпретировались как социальные изобретения, «не относящиеся к механическим и не являющиеся открытиями в естественных науках» [10, с. 859–860]. В контексте построения государства всеобщего благосостояния и в соответствии с периодами расцвета движений эмансипации, общинного развития территорий, социальной и солидарной экономики под социальными инновациями подразумевались новые модели участия, управления и самоуправления [1, с. 16].

В современном мире социальные инновации выступают в качестве отдельного направления государственной политики многих стран и предмета исследований в рамках различных научных подходов (например, устойчивого [11] или инклюзивного развития [12]) и попыток теоретического осмысления данного феномена. Кроме ожиданий, связанных с преодолением социальных вызовов, интерес к социальным инновациям обусловлен фундаментальным сдвигом в инновационной парадигме, проявляющемся в открытости инновационного процесса, его ориентации на общественные проблемы и более глубоком признании значимости нетехнологических инноваций [13, с. 15–19].

В связи с многоаспектностью социальных инноваций можно встретить различные определения термина: от широких трактовок («изменения в культурных, нормативных или регулирующих структурах общества, которые усиливают его коллективные ресурсы и улучшают экономические и социальные показатели» [14, с. 74]) до более конкретных («новые решения (продукты, услуги, модели, рынки, процессы и т. д.), которые одновременно отвечают социальным потребностям (более эффективно, чем существующие решения) и ведут к новым или улучшенным возможностям и социальным отношениям и/или более эффективному использованию активов и ресурсов»⁶). В результате исследователи не только предпринимают попытки систематизировать существующие трактовки [15], но и представляют социальные инновации как «квази-концепцию» [16]. При этом отмечается, что с позиции теории она все еще остается недостаточно развитой, а понимание сущности и перспектив социальных инноваций весьма ограничено и осуществляется, в первую очередь, исходя из практики и основанных на ней размышлений [17].

Вопросы, связанные с социальными нововведениями, под которыми подразумевались качественно новые образования, структуры, механизмы общественного производства, общества в целом либо их подсистемы, были отражены в работах ученых советского периода, [18, с. 9]. Как типичные примеры подобного рода проектов того времени рассматривались социалистическое соревнование, добровольные народные дружины, общественные объединения инвалидов и т. д. Активное обращение к тематике социальных инноваций в России на современном этапе связано с нерешенностью многих системных вызовов, а также изменениями сложившихся взаимоотношений между государством и обществом в контексте обеспечения реализации социальных прав. Кризис 2008 года усугубил имеющиеся проблемы, что повлекло за собой рост интереса к данному феномену в науке и практике [19, с. 15–16].

⁶ Social Innovation Overview: A deliverable of the project: “The theoretical, empirical and policy foundations for building social innovation in Europe” (TEPSIE) // The Young Foundation. Available at: <https://youngfoundation.org/wp-content/uploads/2012/12/TEPSIE.D1.1.Report.Defining.SocialInnovation.Part-1-defining-social-innovation.pdf>

При существующей в академической литературе вариативности подходов общей их чертой является признание коллаборативного характера социальных инноваций, подразумевающего взаимодействие различных акторов для достижения наибольшего эффекта в преодолении острых общественных проблем. Поскольку многие глобальные вызовы имеют комплексный характер и социальную природу [12, с. 13], поиск эффективных решений зачастую находится на пересечении деятельности нескольких субъектов, что определяет необходимость и даже неизбежность нахождения взаимных интересов.

Социальные инновации возникают в разных секторах (государственном, частном, некоммерческом и т. д.) и могут принимать всевозможные формы и масштабы: от инновационных проектов на микроуровне до системных преобразований в социально-экономическом устройстве государств; от различных продуктов и услуг до бизнес-моделей, платформ, рынков и т. д. Спектр воздействия таких инициатив также достаточно широк: от новых моделей ухода за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями до решения вопросов устойчивого потребления, доступности образования, экологических проблем, энергосбережения и т. д. Одним из самых распространенных способов реализации социальных инноваций выступает социальное предпринимательство, направленное на удовлетворение общественных потребностей за счет совмещения социальных и экономических целей, где приоритет отводится именно первым. Как правило, такая деятельность возникает в некоммерческом, частном и государственном секторах экономики или на их стыке [20, с. 371].

Развитие социальных инноваций в различных регионах мира происходит неодинаково, что во многом обусловлено особенностями той среды, в которых они возникают [21, с. 172–173]. Региональный контекст оказывает существенное воздействие на то, в каких сферах развиваются социальные инновации, как они интерпретируются отдельными акторами, как строится межсекторальное взаимодействие в процессе решения социальных проблем.

Материалы и методы

В рамках статьи анализ развития социальных инноваций в современной России осу-

ществлялся в контексте акторного подхода, что обусловлено не только важностью межсекторального сотрудничества для раскрытия их потенциала, но и различиями в восприятии нового феномена (от инструмента преодоления острых социальных проблем до модного тренда с сомнительной значимостью для общества) [22]. Применительно к условиям российской действительности ключевыми акторами являются государство, крупный бизнес и гражданское общество, они определяют вектор развития социальных инноваций в стране. При этом инициаторами подобного рода проектов могут выступать различные субъекты⁷. В представленной статье мы сделали акцент на «низовых» практиках гражданского общества как одного из основных источников социальных инноваций [23].

Информационную базу работы составили отечественные и зарубежные научные труды по изучаемой проблематике, нормативно-правовые документы, публичные отчеты и доклады профильных организаций (Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», Центр содействия инновациям в обществе «СОЛЬ» и т. д.). Для достижения поставленной цели использовались преимущественно общенаучные методы исследования (дискурс-анализ, синтез, обобщение, сравнение, индукция и т. д.). Вместе с тем важно понимать, что имеющиеся эмпирические данные о развитии социальных инноваций в России весьма ограничены. С одной стороны, относительная новизна и многоаспектность изучаемого феномена оборачиваются отсутствием официального статистического учета, в то время как имеющиеся источники зачастую основаны на технологии краудсорсинга, когда внесение проекта в каталог происходит по предложению самого обратившегося либо используются сведения об инициативах, участвовавших в различных программах и конкурсах. В результате многие локальные практики, известные лишь в узких

⁷ Примером социальных инноваций, инициированных государством, могут служить системы «Открытое правительство», проекты по партиципаторному бюджетированию «Народный бюджет», «Я планирую бюджет» и т. д. Бизнес зачастую внедряет социальные инновации внутри собственных структур, например, вводя новые практики на рабочих местах для формирования благоприятной производственной среды.

кругах, остаются «в тени». С другой стороны, большинство наблюдений, которые в той или иной степени могут быть применены для анализа социальных инноваций, охватывает исключительно социальных предпринимателей, оставляя без внимания иных акторов (органы власти, бизнес-структуры, гражданское общество и т. д.). Все это затрудняет формирование целостной картины развития социальных инноваций в современной России, в результате чего проведенное исследование не обладает исчерпывающим характером, однако стремится отобразить существующее многообразие трактовок изучаемого явления.

Социальные инновации в контексте государственной политики РФ

В России государство играет ведущую роль в решении социальных проблем и является важным актором в развитии социальных инноваций. Универсалистская система социального обеспечения была унаследована от СССР с его патерналистской моделью государства всеобщего благосостояния. В 1990-е гг. Правительство РФ начало курс на либерализацию, принимая шаги в направлении делегирования функции социального обеспечения рынку и обществу в целом, индивидуализации социальных рисков и сбыта услуг, которые ранее были бесплатными [24; 25]. В 2000-х гг. тенденция, связанная с пересмотром принципов управления социальной сферой, продолжилась: приоритет постепенно сместился от государственных функций производства к регулированию и посредничеству на рынке социальных услуг. Начался активный поиск негосударственных акторов для реализации функции социального обеспечения. В 2016 году официально была сформулирована цель до 2018 года передать негосударственным поставщикам — социально ориентированным некоммерческим организациям (СО НКО) или бизнес-структурам⁸ — 10% предоставляемых социальных услуг для повышения их качества и доступности, а также усиления конкуренции в данной области. Государственная политика поддержки социаль-

ных инноваций является отражением этих процессов, вписываясь в уже существующий тренд трансформации государства всеобщего благосостояния и нарастания присутствия негосударственных институтов в социальной сфере.

Впервые социальные инновации упоминаются в официальных федеральных документах в 2008 году (Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года⁹). Хотя основное внимание уделяется развитию технологических нововведений, в Концепции производство социальных инноваций рассматривается как дополнительный источник экономического роста. Следующее упоминание содержится в параграфе «Инновации в общественном секторе, инфраструктурных отраслях и социальной сфере» Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года¹⁰. В Стратегии не представлено определения социальных инноваций, но в то же время ставится цель разработать инновационные решения в сферах образования, здравоохранения, культуры, социальных услуг и т. д. С 2015 г. в Совете Федерации действует Совет по развитию социальных инноваций субъектов Российской Федерации. В настоящее время в половине российских регионов работают центры инноваций в социальной сфере (ЦИСС). Тем не менее этому термину до сих пор не было дано определение на официальном уровне. Более того, обозначенные выше документы остаются единственными федеральными нормативно-правовыми актами, в которых отмечаются социальные инновации.

Гораздо большее распространение в России получила концепция социального предпринимательства. Этот термин впервые появился в федеральных нормативных документах в 2011 году (Приказ Минэкономразвития РФ № 227 о конкурсном отборе субъектов РФ для предоставления субсидий в рамках оказания государственной поддержки малого и среднего

⁸ Об утверждении дорожной карты «Поддержка доступа некоммерческих организаций к предоставлению услуг в социальной сфере»: утв. Распоряжением Правительства РФ от 8.06.2016 № 1144-р.

⁹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р.

¹⁰ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р.

предпринимательства (МСП)¹¹). Необходимо отметить, что в российском общественном дискурсе понятия «социальные инновации» и «социальное предпринимательство» зачастую выступают как синонимы. Так, деятельность вышеупомянутых организаций, содержащих «социальные инновации» в своих названиях, направлена на две категории акторов – СО НКО и социальных предпринимателей¹². Именно на этих акторов делается ставка в процессе разгосударствления социальной сферы. Взаимозаменяемое использование двух терминов объясняется распространенным представлением о социальном предпринимательстве как о носителе социальных инноваций и инструменте их реализации. Социальные предприятия воспринимаются как априори имеющие элемент новизны [26, с. 145], поскольку они предлагают адаптированные и гибкие услуги по сравнению с государственными стандартизированными предложениями, направленными на усредненного потребителя. Другая точка зрения на источник инновационности социального предпринимательства заключается в том, что конкуренция с традиционным бизнесом и государственными структурами заставляет социальных предпринимателей использовать лучшие технологии для повышения производительности и качества продукции или услуг¹³.

На содержательное наполнение понятия «социальное предпринимательство» большое влияние оказало Минэкономразвития РФ, выступив в качестве движущей силы в определении его юридического статуса в российском

правовом поле, подготовив в 2016 году законопроект в виде поправок к ФЗ-209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». 26 июля 2019 года закон вступил в силу, официально закрепив понятия «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие» и наметив виды государственной поддержки¹⁴. Закон разрабатывался в рамках реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России до конца 2030 года и дорожной карты по поддержке доступа некоммерческих организаций к предоставлению социальных услуг¹⁵. Это иллюстрирует двойственную направленность государственной поддержки в области социального предпринимательства: с одной стороны – малый и средний бизнес, с другой – социально ориентированный некоммерческий сектор. Однако законодательное определение ориентировано, в первую очередь, на МСП, предлагая узкую трактовку социального предпринимательства и вынося за рамки официального статуса некоммерческие организации. Положения закона, как и предусмотренные формы поддержки, могут применяться к НКО только в случае, если они осуществляют свою деятельность в «смешанной» форме, объединяя некоммерческую и коммерческую структуры. Таким образом, закрепляется важность устойчивой бизнес-модели как определяющего критерия социального предпринимательства.

В рассматриваемом законе также обозначаются сферы деятельности социального предпринимательства, возможности распределения прибыли, состав сотрудников и т. д. Четко прописанные рамки ведения деятельности ограничивают предпринимательскую свободу, способствующую развитию инновационных подходов. Кроме того, в тексте закона не упоминается инновационность как необходимый критерий социального предпринимательства. Это может быть связано с превалированием технологи-

¹¹ Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2011 году предоставляются субсидии для финансирования мероприятий, осуществляемых в рамках оказания государственной поддержки малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: приказ Минэкономразвития РФ от 20.05.2011 № 227.

¹² Информация о работе Совета по развитию социальных инноваций субъектов Российской Федерации при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 2016 году. URL: <http://council.gov.ru/media/files/kGAif4xJTY1AFfhZiJAxRud29osHyIHg.pdf> (дата обращения 24.04.2020); Иванушкин Г. Артем Шадрин о дорожной карте доступа НКО к рынку социальных услуг // АСИ. URL: <https://www.asi.org.ru/article/2016/06/29/chernovik-artem-shadrin/> (дата обращения 24.04.2020).

¹³ Казанцев В. Социалка на аутсорсинге // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2016-10-04/9_social.html (дата обращения 24.04.2020).

¹⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие»: Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ.

¹⁵ Об утверждении дорожной карты «Поддержка доступа некоммерческих организаций к предоставлению услуг в социальной сфере: утв. Распоряжением Правительства РФ от 8.06.2016 № 1144-р.

ческого понимания инноваций и отсутствием дискуссии о содержании концепции социальных инноваций в российском общественном дискурсе [27, с. 37]. В то же время закон позволяет расширять спектр направлений социального предпринимательства в зависимости от условий на местах. Такой подход дает органам власти возможность на уровне регионов и муниципалитетов регулировать направления деятельности социальных предпринимателей и точно решать наиболее остро стоящие задачи. Таким образом, четко формулируя заказ на конкретные услуги и диктуя способы ведения деятельности, государство направляет усилия социальных предпринимателей на достижение конкретных результатов в социальной сфере, а не на изменение подходов к решению общественных проблем и преодоление причин их возникновения.

Социальные инновации в контексте корпоративной социальной ответственности крупного бизнеса

Появление в широком дискурсе термина «социальные инновации», а точнее понятия социального предпринимательства как одного из основных их проводников, связывается с деятельностью фонда региональных социальных программ «Наше будущее», основанного в 2007 году по инициативе президента ПАО «Лукойл» В.Ю. Алекперова. Стоит отметить, что фонд в значительной степени повлиял на формирование определения социального предпринимательства [28] как самокупаемого и устойчивого «бизнеса, нацеленного на смягчение или решение социальных проблем»¹⁶. Такое видение в целом совпадает с трактовкой в российском законодательстве. В то же время фонд не накладывает ограничений на возможные сферы деятельности социальных предпринимателей. При поддержке конкретных инициатив фонд руководствуется дополнительными критериями социального воздействия, тиражируемости и инновационности¹⁷. При этом инновационность проектов трактуется весьма широко как

«определенная степень новизны в подходе к решению социальных проблем» или инновационная составляющая, подтвержденная патентом. Социальное воздействие является для фонда количественным показателем: социально-предпринимательская деятельность должна охватывать не менее 1000 человек в год. Таким образом, поддержку в основном получают претенденты, предлагающие инновационные решения конкретных социальных задач, воздействие которых количественно измеряется. Направленность большого числа российских социальных предпринимателей на преодоление насущных проблем подтверждается и результатами исследования группы Циркон. Согласно этим данным, 54% социальных предпринимателей, участвовавших в опросе, запускали производство товаров или услуг, которых не хватало лично им или их семьям [27, с. 9].

Подать заявки на получение беспроцентных займов – основного инструмента поддержки социального предпринимательства фонда «Наше будущее» – могут как НКО, так и предприниматели, однако, исходя из описания поддержанных проектов, в основном этой возможностью пользуется бизнес. Решение поддерживать социальное предпринимательство, а не инвестировать в благотворительные проекты, является результатом дискуссии об эффективности корпоративной социальной ответственности (КСО) компании. С точки зрения бизнеса, эффективность инвестиций в социальное предпринимательство выше, поскольку, получив поддержку, инициативы становятся финансово независимыми и освободившиеся ресурсы могут быть инвестированы в другие проекты, в то время как благотворительные организации требуют постоянных финансовых вложений, что может привести к зависимости организации от спонсоров¹⁸.

Помимо ПАО «Лукойл» многие российские крупные компании (ПАО «ГМК „Норильский никель”», АО «ОМК», ОК «РУСАЛ», АО «СУЭК», АО «Атомредметзолото», ПАО «Сибур Холдинг» и др.) также внедрили работу с со-

¹⁶ Социальное предпринимательство: особенности, признаки, история // ФРСП «Наше будущее». URL: <http://konkurs.nb-fund.ru/social-entrepreneurship/> (дата обращения 24.04.2020).

¹⁷ Условия финансирования социальных проектов // ФРСП «Наше будущее». URL: <http://konkurs.nb-fund.ru/conditions/> (дата обращения 24.04.2020).

¹⁸ Наталия Зверева (Фонд «Наше будущее»): В социальном предпринимательстве мы задаем тренд // Банковское обозрение. URL: https://bosfera.ru/bo/nataliya-zvereva-fond-nashe-budushchee-v-socialnom-predprinimatelstve-my-zadaem-trend?_utl_t=fb (дата обращения 24.04.2020).

циальным предпринимательством в свои концепции КСО. В данном направлении крупный бизнес сотрудничает с органами власти различного уровня. Например, эксперты фонда «Наше будущее» активно участвовали в разработке дорожной карты «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере», а позднее – и законопроекта о социальном предпринимательстве. С 2014 года фонд входит в состав Совета по развитию социальных инноваций субъектов Российской Федерации при Совете Федерации. ОК «Русал» и ПАО «Северсталь» являются соучредителями региональных ЦИСС. Здесь, безусловно, следует отметить, что КСО крупного российского бизнеса рассматривается многими аналитиками как ответ на запрос, сформулированный государством. Это объясняет высокую схожесть подходов этих акторов к рассматриваемому явлению.

Кроме финансовой поддержки конкретных инициатив в форме беспроцентных займов, грантов и участия в капитале бизнес содействует популяризации и распространению успешных практик социального предпринимательства, организуя обучающие мероприятия, инкубационные программы, конференции. Однако поддержка социального предпринимательства крупным бизнесом (за исключением фонда «Наше будущее», работающего в 57 субъектах страны) в основном ограничивается регионами присутствия компаний.

Социальные инновации в рамках гражданского общества

Российское гражданское общество выступает одним из ключевых акторов, иницилирующих социальные инновации. Несмотря на его относительную слабость и неразвитость [29; 30], в этой среде присутствуют различные представления о социальных инновациях и социальном предпринимательстве, проявляющиеся в деятельности данных структур. В контексте социального обеспечения многие СО НКО и социальные предприниматели работают в рамках направлений, определенных государственной политикой. Они выступают как исполнители госзаказа по решению конкретных острых социальных вопросов и транслируют понимание социального предпринимательства, близкое к принятому на государственном

уровне. Однако и в этом контексте есть организации, к примеру, представляющие системный подход к вопросам социальной защиты и чаще всего не соответствующие законодательно принятому определению социального предпринимательства. К ним можно отнести благотворительный фонд помощи инвалидам и пожилым людям «Старость в радость», проект «Мама работает» благотворительного фонда социальной поддержки и защиты граждан «Дорога в жизнь», фонд помощи хосписам «Вера» и т. д.

Становлению социальных инноваций в сферах, не относящихся к государственным приоритетам в рамках развития социального предпринимательства, способствует существующая инфраструктура поддержки. Кроме уже описанной выше помощи крупных бизнес-структур и органов власти в России существуют альтернативные источники финансовой и нефинансовой поддержки. К ним относятся образовательные и инкубационные программы общей и узкой направленности (школы социального предпринимательства для НКО¹⁹, для предпринимателей среднего и старшего возраста²⁰, школы экологического предпринимательства²¹ и т. д.), конкурсы и премии (Social Impact Award для молодых социальных инноваторов, «Конкурс лидеров социальных инноваций» и др.), привлечение экспертов из бизнес-сообщества на основе pro bono-волонтерства и т. д.

Важную роль в развитии социальных инноваций играют некоммерческие организации, выполняющие функции медиаторов, расставляя свои акценты в трактовке рассматриваемого феномена. Например, Impact Hub Moscow²² разделяет видение социального предпринимательства, принятое международным сообществом Global Community of Impact Hubs, частью которого является. Согласно ему, социальное предпринимательство выступает способом

¹⁹ Социальный Акселератор // ЦРНО. URL: <http://spclub.crno.ru/sotsialnyiy-akselerator> (дата обращения 24.04.2020).

²⁰ Ready to Start // Impact Hub Moscow. URL: <http://www.impacthubmoscow.net/zayavka-na-uchasti-v-programme-ready-to-start/> (дата обращения 24.04.2020).

²¹ Школа экологического предпринимательства // ШЭПР. URL: <http://shepr.ru/> (дата обращения 24.04.2020).

²² Карта лидеров изменений в социальной сфере // СоцЧейн. URL: <http://soc-chain.ru/> (дата обращения 24.04.2020).

решения социальных проблем, основанным на финансово устойчивой бизнес-модели субъектов инновационной деятельности. В то же время Impact Hub добавляет к данному определению некоторые отличительные особенности, уделяя особое внимание инновационности предпринимательской деятельности и достижению глобальных целей устойчивого развития. Другая организация-медиатор – Центр содействия инновациям в обществе «СОЛЬ» – создана с целью поддержки инновационного социального предпринимательства и более гибко подходит к источникам его финансовой стабильности. Самым надежным из них считается выручка от предпринимательской деятельности, однако в долгосрочной перспективе способность находить и комбинировать различные ресурсы имеет куда большее значение. При этом определяющими признаками социального предпринимательства становятся инновационность проекта, масштаб его социального воздействия, системность решений и устойчивое развитие. Согласно отчету центра «СОЛЬ» в рамках проекта «Карта лидеров социальных изменений», большинство социальных инноваторов в России нацелено на преодоление последствий социальных проблем, а не на системное изменение подходов к их решению. В связи с этим деятельность организаций-медиаторов, поддерживающих системный подход, важна для будущего развития социальных инноваций.

В последние несколько лет социальные инновации получили распространение и в менее формализованной среде низового гражданского активизма. Здесь они зачастую раскрываются в отрасли гражданских технологий, которые ставят целью преодоление информационной асимметрии и вовлечение населения в общественную жизнь. В России с 2010 года возник целый ряд инновационных проектов, основанных на IT-технологиях. С их помощью граждане, например, могут привлекать волонтеров при преодолении последствий стихийных бедствий²³ и для поиска пропавших людей²⁴, узнать о загрязнении воздуха²⁵, налоговых деклараци-

ях чиновников²⁶, государственных закупках²⁷, более прозрачно и эффективно общаться с властями и общественными институтами²⁸, решать проблемы благоустройства²⁹ и т. д. Все эти инициативы созданы гражданскими активистами или объединениями граждан на волонтерской основе. Эффективное решение поставленных задач в данном случае зачастую не подразумевает наличие бизнес-модели, коммерциализацию деятельности или получение прибыли. Хотя многие из проектов нацелены на решение конкретной проблемы, вовлечение населения, лежащее в основе их технологий, имеет и дополнительный эффект: они помогают внести прозрачность в отношения между людьми и общественными институтами, усиливают голос граждан в принятии общественных решений. В этой сфере также существует организация-медиатор – Теплица социальных технологий, поддерживающая создание гражданских онлайн-приложений и агрегирующая информацию о существующих проектах, поэтому она играет важную роль в транслировании своего видения социальных инноваций, основанных на гражданских технологиях и имеющих системный характер³⁰.

Таким образом, выполненный анализ показал сосуществование различных трактовок социальных инноваций органами государственной власти, бизнес-структурами и гражданским обществом. Социальные инновации могут рассматриваться как инструмент преодоления локальных социальных проблем, институциональное решение системных вызовов, финансово-устойчивый социальный бизнес, проекты на основе волонтерства; как обладающие «определенной степенью новизны», так и уникальные способы решения проблем,

²³ Проект «Российские пожары». URL: <http://russianfires.ru/> (дата обращения 24.04.2020).

²⁴ Поисково-спасательный отряд «Лиза Алерт». URL: <https://lizaalert.org/> (дата обращения 24.04.2020).

²⁵ Breathe.Moscow. URL: <https://breathe.moscow/> (дата обращения 24.04.2020).

²⁶ Декларатор. URL: <https://declarator.org/> (дата обращения 24.04.2020).

²⁷ Госзатраты. URL: <https://clearspending.ru/> (дата обращения 24.04.2020).

²⁸ Открытое ЖКХ. URL: <http://openzhk.svobodainfo.org> (дата обращения 24.04.2020).

²⁹ Красивый Иркутск. URL: <http://www.красивый-иркутск.рф> (дата обращения 24.04.2020); РосЯма. URL: <https://rosyama.ru/> (дата обращения 24.04.2020).

³⁰ Сидоренко А. Civic tech – технологии, которые должны были разбудить в нас гражданскую культуру // Теплица социальных технологий. URL: <https://te-st.ru/2020/02/07/the-main-thing-about-civic-tech/> (дата обращения 24.04.2020).

в т. ч. с применением информационных технологий. Выбор конкретной интерпретации связан с целями и контекстом деятельности того или иного актора.

Предпосылки для межсекторного сотрудничества в ракурсе развития социальных инноваций в России

Раскрыть потенциал социальных инноваций невозможно без формирования тесных связей между их акторами. Не случайно в академической литературе все большую популярность приобретает концепция экосистем, акцентирующая внимание не только на рамочных условиях для развития социальных инноваций, но и на важности межсекторального взаимодействия [2]. Предпосылки такого сотрудничества во многом определяются параметрами внешней среды, а также различиями в понимании социальных инноваций и стоящих за ними интересами акторов.

Анализируя отношения между государством и гражданским обществом в современной России, прежде всего стоит отметить, что они характеризуются контролем и селективным подходом органов власти к некоммерческим структурам, что закреплено, например, ограничениями для привлечения международного капитала и четким разделением на социально ориентированные и прочие НКО [31; 32]. В последние годы правительство приложило немало усилий, чтобы привлечь «конструктивное» гражданское общество к процессу принятия и реализации политических решений [33]. Однако взаимодействие между этими двумя акторами имеет асимметричный характер, сформированный четкой иерархией, и явно работает в пользу органов власти [34]. Государство сотрудничает с гражданским обществом, определяя партнеров, сферы и границы кооперации [33].

В рамках государственной политики по развитию социального предпринимательства взаимодействие также выстроено в манере «сверху-вниз» или «заказчик — исполнитель услуг». Основная поддержка направлена тем, кто помогает решить безотлагательные задачи в сфере социального обслуживания (например, нехватка или отсутствие детских садов, больниц, реабилитационных учреждений, домов для престарелых и т. д.), определяемые органами власти. Такое целеполагание объясняет

и ставку на бизнес, который быстрее реагирует на изменение спроса и обладает необходимыми компетенциями для ведения финансово устойчивой деятельности, в то время как создание СО НКО, даже несмотря на рост профессионализации некоммерческого сектора, является более длительным процессом, в том числе за счет объединения и самоорганизации граждан вокруг определенной проблемы при отсутствии финансовой заинтересованности, наращивания членской базы и привлечения волонтеров.

Часть российских СО НКО, прежде всего те, которые привыкли полагаться на прямое государственное финансирование и другие формы поддержки в рамках советской модели социального обеспечения (профсоюзы, организации ветеранов, пенсионеров, людей с ограниченными возможностями и т. д., а также представляющие интересы больших групп населения), пытаются противостоять разгосударствлению социальной сферы и сохранить прямую поддержку и льготные условия для получателей своих услуг [35]. В свою очередь региональная и местная администрация стараются снизить социальную неудовлетворенность и продолжают прямое субсидирование определенных категорий граждан, воспроизводя механизмы перераспределения, характерные для патерналистской модели социального обеспечения, закрепляя неравное положение НКО [35, с. 298] и уменьшая стимулы к инновациям [36, с. 69].

В сферах, напрямую не относящихся к приоритетам государственной поддержки социального предпринимательства, организации гражданского общества, в основном, также решают конкретные насущные задачи. Для достижения этих целей тесное сотрудничество с государством не всегда необходимо. В качестве источника поддержки социальные инноваторы могут опереться на развитую инфраструктуру, включающую предложения крупного бизнеса, фондов или благополучателей. Исследователи отмечают улучшение возможностей НКО для мобилизации финансовых ресурсов за счет краудфандинга или донорских взносов [37]. В то же время, согласно исследованию группы ЦИРКОН, 43% респондентов в 2018 году ничего не слышали о государственных мерах поддержки социального предпринимательства, что может свидетельствовать о неэффективности,

недоступности или невостребованности последних [27, с. 24]. Кроме того, некоторые социальные предприниматели намеренно избегают взаимодействия с государством, поскольку не доверяют правительственным структурам или опасаются завышенных требований и бюрократических процедур, связанных с этими взаимоотношениями.

Что касается социальных инноваций в контексте гражданского активизма, то в этом случае взаимодействие часто становится неизбежным. Например, уже упомянутые онлайн-приложения для улучшения городской инфраструктуры не устраняют проблему самостоятельно, а лишь указывают на ее наличие. Привлекая большое количество пользователей и внимание общественности, подобные инициативы создают ситуацию, когда органы власти, чаще всего на муниципальном уровне, должны реагировать на существующие вызовы. Итоги полевых исследований, проведенных авторами, показывают, что в случае с гражданскими технологиями формы взаимодействия с государственными структурами варьируются от сотрудничества до конфликта³¹. Однако нужно отметить, что во всех рассмотренных примерах практики взаимодействия государственных структур и гражданского общества могут существенно различаться на региональном и местном уровнях, что подчеркивает актуальность локализации исследовательского фокуса.

Крупный российский бизнес, как правило, имеет близкие к государству позиции, в т. ч. по отношению к развитию социального предпринимательства. Эти акторы сотрудничают в рамках формирования инфраструктуры его поддержки, к примеру, при создании региональных центров инноваций социальной сферы. Взаимодействие бизнеса с гражданским обществом, в основном, ограничивается финансированием отдельных проектов в рамках корпоративной социальной ответственности компаний в местах их присутствия. Зачастую речь идет о моногородах, где крупные промышленные компа-

нии являются единственным работодателем и вынуждены принимать на себя ответственность за благосостояние и социальную стабильность в этих населенных пунктах. Заинтересованность бизнеса в диверсификации занятости в моногородах, расширении спектра социальных услуг и решении острых социальных проблем создают предпосылки для сотрудничества с местным гражданским обществом. Однако слабость последнего препятствует взаимодействию с бизнесом «на равных» и выработке решений для преодоления социальных вызовов. В то же время имеются отдельные случаи более тесного сотрудничества бизнеса и гражданского общества в рамках совместных программ по развитию социального предпринимательства, например совместная программа Impact Hub Moscow и Росбанка «Начни Иначе» для инклюзивных социально-предпринимательских проектов.

Таким образом, межсекторальное сотрудничество в области социальных инноваций во многом отражает характеристики среды, в которой они реализуются. Уточнение современных тенденций во взаимоотношениях между основными акторами и выявление особенностей, связанных с различиями в восприятии изучаемого феномена, позволяют констатировать наличие ряда ограничений, препятствующих развитию подобного рода практик в России. В ракурсе нашего исследования речь идет прежде всего об отсутствии реальных предпосылок для активного сотрудничества, что связано с интерпретацией социальных инноваций большинством субъектов в качестве инструмента преодоления последствий социальных проблем. В результате каждый стейкхолдер решает эту задачу с позиции собственных интересов (повышение эффективности государственного управления, реализация принципов корпоративной социальной ответственности, удовлетворение локального спроса на социальные услуги и т. д.) без налаживания тесных связей друг с другом. Социологические данные по отдельным регионам также демонстрируют неразвитость партнерского сотрудничества между акторами [22], вследствие чего сложно выработать системные подходы к преодолению многих социальных вызовов. В качестве перспектив, определяющих будущее концепции социальных инноваций в России, можно отметить

³¹ Исследование было основано на качественных методах (кейс-стади), проведено в 2017 году на муниципальном уровне в Москве, Иркутске, Омске и Екатеринбурге в форме 64 углубленных полуструктурированных интервью с социальными инноваторами, представителями органов власти и экспертами.

сохранение многогранного представления об их роли в общественном развитии, воплощаемого в различных, часто не пересекающихся, контекстах при низовом уровне межсекторного сотрудничества.

Вклад проведенного исследования в развитие теоретической науки заключается в накоплении эмпирического материала о развитии социальных инноваций в конкретных услови-

ях внешней среды, что вносит определенную ясность в понимание сущности изучаемого феномена с позиции отдельных акторов и их взаимоотношений. Полученные выводы могут быть использованы в деятельности органов власти при разработке конкретных управленческих решений, направленных на формирование благоприятной среды для раскрытия потенциала межсекторального сотрудничества.

Литература

1. Moulart F., Mehmood A., MacCallum D., Leubolt B. (eds.) *Social Innovation as a Trigger for Transformations – The Role of Research*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. 108 p.
2. Domanski D., Howaldt J., Kaletka C. A comprehensive concept of social innovation and its implications for the local context – on the growing importance of social innovation ecosystems and infrastructures. *European Planning Studies*, 2020, vol. 28 (3), pp. 454–474. DOI: 10.1080/09654313.2019.1639397
3. Baglioni S., Sinclair S. *Social Innovation and Social Policy: Theory, Policy and Practice*. Bristol: Policy Press, 2018. 136 p.
4. Pel B., Bauler T. *The Institutionalization of Social Innovation between Transformation and Capture*. TRANSIT. Available at: http://www.transitsocialinnovation.eu/content/original/Book%20covers/Local%20PDFs/179%20TRANSIT_WorkingPaper2_Governance_Pel141015.pdf
5. Fougère M., Meriläinen E. *Exposing Three Dark Sides of Social Innovation Through Critical Perspectives on Resilience*. Industry and Innovation, 2019. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13662716.2019.1709420>. DOI: 10.1080/13662716.2019.1709420
6. Ильин В.А., Морев М.В. «Российская Федерация – социальное государство»? Оценка 25-летних итогов реализации статьи 7 Конституции РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 9–25. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.1
7. Тарасенко А.В. Диверсификация сферы социальных услуг в России: факторы региональных различий. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 28 с.
8. Соболева И.В., Чубарова Т.В. Социальная политика в России – контуры новой модели. М.: Институт экономики РАН, 2017. 45 с.
9. Охотский Е.В., Богучарская В.А. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат // Труд и социальные отношения. 2012. № 5 (95). С. 30–44.
10. Ogburn W.F., Nimkoff M.F. *Sociology*. Boston: Houghton Mifflin Co, 1940. 953 p.
11. Millard J. How social innovation underpins sustainable development. In: J. Howaldt, C. Kaletka, A. Schröder (eds.). *Atlas of Social Innovation*. Dortmund: Sozialforschungsstelle, 2018. Pp. 40–43.
12. Богдан Н.И. Социализация инновационной политики: мировые тренды и вызовы для Беларуси // Белорусский экономический журнал. 2015. № 3. С. 4–22.
13. Howaldt J., Schwarz M. *Social Innovation: Concepts, Research Fields and International Trends*. Dortmund: TU-Dortmund, 2010. 83 p.
14. Heiskala R. Social innovations: Structural and power perspectives. In: T.J. Hämäläinen, R. Heiskala (eds.). *Social Innovations, Institutional Change and Economic Performance. Making Sense of Structural Adjustment Processes in Industrial Sectors, Regions and Societies*. Cheltenham: Edward Elgar, 2007. Pp. 52–79.
15. Rüede D., Lurtz K. *Mapping the Various Meanings of Social Innovation: Towards a Differentiated Understanding of an Emerging Concept*. Oestrich-Winkel: EBS Business School, 2012. 51 p.
16. Jenson J. Social innovation: redesigning the welfare diamond. In: A. Nicholls, J. Simon, M. Gabriel, C. Whelan (eds.). *New Frontiers in Social Innovation Research*. Palgrave Macmillan: Basingstoke, 2015. Pp. 89–106.
17. Mulgan G. Social innovation theories: Can theory catch up with practice? In: H.-W. Franz, J. Hochgerner, J. Howaldt (eds.). *Challenge Social Innovation*. Berlin: Springer-Verlag, 2012. Pp. 19–42.

18. Нововведения в организациях (общая часть исследовательской программы) / Н.И. Лапин, А.И. Пригожин, Б.В. Сазонов, В.С. Толстой // Структура инновационного процесса. М., 1981. С. 5–21.
19. Popov A.V., Solov'eva T.S. Social innovation in Russian scientific discourse. *European Public & Social Innovation Review*, 2018, vol. 3 (2), pp. 14–22. DOI: <https://doi.org/10.31637/epsir.18-2.2>
20. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2006, vol. 30(1), pp. 1–22. DOI: 10.1111/j.1540-6520.2006.00107.x
21. Попов А.В., Соловьева Т.С. Потенциал развития социальных инноваций в России и странах ЕС // Современная Европа. 2020. № 1. С. 170–181. DOI 10.15211/soveurope12020170181
22. Соловьева Т.С., Попов А.В. Оценка межсекторального взаимодействия по вопросам развития социальных инноваций на региональном уровне // Социальное пространство. 2019. № 4 (21). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28314>. DOI: 10.15838/sa.2019.4.21.2
23. Краснопольская И.И., Мерсиянова И.В. Гражданское общество как среда производства и распространения социальных инноваций // Форсайт. 2014. Т. 8. № 4. С. 40–53.
24. Cook L. *Postcommunist Welfare States: Reform Politics in Russia and Eastern Europe*. London: Cornell University Press, 2007. 288 p.
25. Данилова Е.Н. Трансформации социальной политики и дискурса социальной справедливости в России // Мир России. 2018. Т. 27. № 2. С. 36–61. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-36-61
26. Нещадин А.А., Кашин В.К., Тульчинский Г.Л. К вопросу о формах социального предпринимательства // Общество и экономика. 2014. № 9. С. 143–161.
27. Социальный предприниматель-2018. Автопортрет: краткий аналитический отчет по результатам исследования. М.: ЦИРКОН, 2018. 37 с.
28. Nefedova A.I. Social entrepreneurship in Russia: key players and development potentiality. *WP BRP*, 2015, vol. 51/STI/2015, 27 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.32653.44009
29. Evans A.B., Henry L.A., Sundstrom L.M. (eds.) *Russian Civil Society: A Critical Assessment*. New York: Routledge. 2005. 348 p.
30. Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS» / Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыхина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 60 с.
31. Chebankova E. The Evolution of Russia's civil society under Vladimir Putin: a cause for concern or ground for optimism? *Perspectives of European Politics and Society*, 2009, vol. 10 (3), pp. 394–415. DOI: 10.1080/15705850903105819
32. Рождественская Н.В., Богуславская С.Б., Боброва О.С. Оценка эффективности проектов некоммерческих организаций, социального предпринимательства и гражданских инициатив. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2016. 168 с.
33. Aasland A., Mikkil B.-N., Bogdanova E. Encouraged but controlled: Governance networks in Russian regions. *East European Politics*, 2016, vol. 32 (2), pp. 148–169. DOI: 10.1080/21599165.2016.1167042
34. Kropp S. Preface. In: S. Kropp, A. Aasland, B.-N. Mikkil, H.-H. Jørn, J. Schuhmann (eds.). *Governance in Russian Regions. A Policy Comparison*. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. pp. 73–104. DOI: 10.1007/978-3-319-61702-2
35. Tarasenko A. Russian welfare reform and social NGOs: strategies for claim-making and service provision in the case of Saint Petersburg. *East European Politics*, 2015, vol. 31 (3), pp. 294–313. DOI: 10.1080/21599165.2015.1023895
36. Tullock G. *Rent Seeking*. Cambridge: Edward Elgar Publishing Limited, Cambridge University Press, 1993. 98 p.
37. Sobolev A., Zakharov A. Civic and Political Activism in Russia. In: D. Treisman (ed.). *The New Autocracy: Information, Politics, and Policy in Putin's Russia*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2018, pp. 249–276.

Сведения об авторах

Юлия Николаевна Мирау – аспирант, Свободный университет г. Берлина, Институт восточно-европейских исследований (14195, Германия, г. Берлин, Garystr. 55, каб. 115B; e-mail: julia.o.mierau@gmail.com)

Татьяна Сергеевна Соловьева – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: solo_86@list.ru)

Андрей Васильевич Попов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Mirau Yu.N., Soloveva T.S., Popov A.V.

Development of Social Innovations in Russia in Terms of Activities and Interaction of Government Bodies, Business Structures, and Civil Society

Abstract. Due to growing global socio-economic and environmental challenges (population ageing, climate change, society polarization, etc.), there is a reevaluation of a position and role of innovations in overcoming threats to social development in the modern world. Researchers note a shift in the innovation paradigm toward social innovation, since it is assumed that it is not possible to achieve a drastic improvement of the situation solely through technological innovations. At the same time, many existing problems cannot be solved with efforts of a single actor – intersectoral cooperation becomes a necessity. This aspect is of key importance for development of social innovation. The purpose of the study was to analyze development of social innovations in the Russian Federation based on an actor approach, which involves an overview of this phenomenon through the prism of activities of various entities and their interaction. General scientific methods were used in the study: discourse analysis, generalization, comparison, etc. Essential foundations and the role of social innovations in solving current society's problems are presented. Using the example of government structures, big business, and civil society, the authors explore the features of social innovation development in Russia. It is shown that development of social innovations depends on their interpretation in public discourse, involvement in strategies of various actors, and intersectoral cooperation in the innovation process. In conclusion, the prospects for development of studied phenomenon are determined within identified trends and the specifics of interconnections between designated actors. The results obtained may be used not only as an empirical basis for further research, but they may also represent practical significance in development of specific management decisions in this area.

Key words: social innovations, intersectoral interaction, civil society, social entrepreneurship, social policy.

Information about the Authors

Yulia N. Mirau – Postgraduate Student, Freie Universität Berlin, Institute for East European Studie (room 115B, 55, Garystraße, Berlin, 14195, Germany; e-mail: julia.o.mierau@gmail.com)

Tatiana S. Soloveva – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: solo_86@list.ru)

Andrei V. Popov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

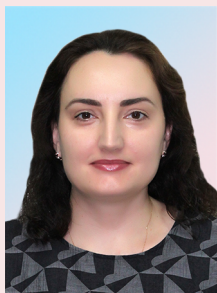
Статья поступила 20.05.2020.

Низкий уровень и качество жизни экономически активного населения: критерии идентификации и оценка распространенности*

**Вячеслав Николаевич
БОБКОВ**

Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: bobkovvn@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7364-5297; ResearcherID: U-6527-2019

**Елена Валерьевна
ОДИНЦОВА**

Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: odin_ev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7906-8520; ResearcherID: U-7061-2019

Аннотация. В статье представлены результаты проведенной идентификации в составе российского экономически активного населения групп с низкими уровнем и качеством жизни. Ее актуальность определяется уточнением национальных целей и целевых показателей развития России до 2030 года, снижением уровня и качества жизни населения с учетом социально-экономических последствий, связанных с мерами противодействия распространению COVID-19. Итоги работы дополняют другие публикации, посвященные исследованию многомерной бедности, социальной структуры общества, предлагая критерии и социальные стандарты идентификации нижних групп по уровню и качеству жизни в составе экономически активного населения.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме «Компоненты, социальные стандарты и индикаторы уровня и качества жизни населения в современной России: качественная идентификация и количественное оценивание в условиях социально-экономического неравенства» (№ 0137-2019-0032).

Для цитирования: Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Низкий уровень и качество жизни экономически активного населения: критерии идентификации и оценка распространенности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 168–181. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.10

For citation: Bobkov V.N., Odintsova E.V. Low level and quality of life among economically active population: identification criteria and assessment of occurrence. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 168–181. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.10

Предложены социальные стандарты для оценивания положения в сфере занятости, образования, материально-имущественной обеспеченности домохозяйств (денежных доходов, сбережений и недвижимого имущества), а также учитывающие самооценки уровня и качества жизни. При идентификации положения в сфере занятости предложено выявление ключевых и дополнительных признаков неустойчивой (прекаризованной) занятости с выделением наиболее уязвимых групп среди занятых. На основе анализа данных РМЭЗ получены оценки масштабов групп с низкими уровнем и качеством жизни в России в 2018 году, которые охватывают более 40% экономически активного населения. Среди них наиболее массово представлены неустойчиво занятые, при этом заметная их часть характеризуется концентрацией признаков неустойчивой занятости. Определена структура групп с низкими уровнем и качеством жизни, в их составе выделены ядро, расширенное ядро и периферия. Предложенная методология позволяет вырабатывать адресные меры социальной политики с учетом характерных проблем в сфере занятости, материально-имущественной обеспеченности и др. Продолжение исследований может быть связано с развитием методологии многокритериальной идентификации групп, характеризующихся более благополучной ситуацией по уровню и качеству жизни, в том числе с изучением распространенности среди них неустойчивой занятости.

Ключевые слова: низкий уровень жизни, низкое качество жизни, положение в сфере занятости, неустойчивая (прекаризованная) занятость, образование, денежные доходы, сбережения, обеспеченность недвижимым имуществом, самооценки уровня и качества жизни.

Введение

Целевые показатели, связанные со снижением уровня бедности и обеспечением темпа устойчивого роста доходов населения, определены в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹. Их актуальность с учетом социально-экономических последствий COVID-19 только усиливается.

В качестве официальной черты бедности для целей реализации государственной социально-экономической политики в России используется величина прожиточного минимума как индикатора абсолютной монетарной бедности. Зарубежная и российская практики предлагают и другие критериальные границы материально-имущественной обеспеченности для выявления бедности или низких уровня и качества жизни (УиКЖ), определенные: 1) монетарным (абсолютным или относительным) методом, в том числе на основе фиксированных величин доходов (расходов), что находит отражение в практике

Евростата², ОЭСР³, Всемирного банка⁴, Росстата⁵; 2) немонетарным методом, в том числе на основе лишений, деприваций [1; 2 и др.]. Данные методы широко применяются для решения конкретных исследовательских и практических целей⁶, однако при таком одномерном «срезе» проблемы за рамками рассмотрения остаются другие характеристики низких УиКЖ населения.

² *Living conditions in Europe*. 2018 edition. Statistical books. Eurostat. European Union, 2018. 143 p.; и др.

³ *Poverty rate*. OECDiLibrary. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/poverty-rate/indicator/english_0fe1315d-en?parentId=http%3A%2F%2Finstance.metastore.ingenta.com%2Fcontent%2Fthematicgrouping%2F7f420b4b-en (accessed 19.06.2020); и др.

⁴ *Poverty and Equity Data Portal*. The World Bank. Available at: <http://povertydata.worldbank.org/poverty/home/> (accessed 19.06.2020); и др.

⁵ Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже границ, установленных на основании фактического уровня денежных доходов населения (среднедушевого, медианного и модального), в целом по России и по субъектам Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/folder/13723> (дата обращения 19.06.2020); Доля населения, имеющего доходы ниже границы бедности, установленной на международном уровне с учетом паритета покупательной способности. URL: <https://www.gks.ru/folder/13723> (дата обращения 19.06.2020).

⁶ См., например: Руководство по измерению бедности / Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций. ООН, 2017. 197 с.

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения 19.08.2020).

В статье представлены результаты исследования на основе авторской методологии многокритериальной идентификации групп с низкими УиКЖ применительно к условиям России. Предмет исследования – УиКЖ занятых и безработных, а также их домохозяйств, определяемые с помощью оценивания положения в сфере занятости, уровня образования, характеристик материально-имущественной обеспеченности (уровня денежных доходов, сбережений, недвижимого имущества), а также самооценок.

Низкие УиКЖ в нашей работе рассматриваются в аспекте характеристик, идентифицирующих бедность среди экономически активного населения (ЭАН) через ее многокритериальное (многомерное) оценивание по выше обозначенным параметрам. Характеристики здоровья на данном этапе не включаются в оценивание, но могут быть учтены на следующих этапах исследования. За рамки анализа вынесены также компоненты УиКЖ, связанные со «средой жизнедеятельности» населения: ее безопасность, качество социальной инфраструктуры и окружающей среды.

Цель исследования состояла в многокритериальной идентификации из числа ЭАН групп занятых и безработных с низкими УиКЖ, определении масштабов групп и их структуры. Полученные результаты могут дополнить новыми данными необходимую основу развития социальной политики для адресного решения проблем низких УиКЖ, ориентируясь на целевые группы, характеризующиеся различным сочетанием признаков, лежащих в сфере занятости, материально-имущественной обеспеченности и др.

Современная исследовательская практика активно развивает комплексный подход к идентификации низких УиКЖ, или т. н. *многомерной бедности*, предлагает индикаторы, опирающиеся на различные параметры УиКЖ, которые подвергаются анализу. Так, например, индикатор, фиксирующий долю населения с риском бедности или социальной исключенности (*People at Risk of Poverty or Social Exclusion (AROPE)*), позволяет идентифицировать низкие УиКЖ при относительной монетарной бедности, серьез-

ной материальной депривации или очень низкой интенсивности занятости⁷. Он был апробирован исследователями и для российских условий [3; 4 и др.]. Другой индикатор – Глобальный индекс многомерной бедности (*The Global Multidimensional Poverty Index*) – основывается на оценивании УиКЖ по индикаторам для трех измерений: здоровье, образование и условия жизни⁸. Методология данного индикатора позволяет модифицировать его под национальные особенности и потребности, применять не только для целей мониторинга, но и для социальной политики⁹ [4, с. 25–30]. Методология выявления многомерной бедности для стран ЕС (*Multidimensional poverty measurement for EU-SILC countries*) охватывает более широкий перечень измерений – шесть¹⁰, включая занятость с оцениванием соотношения фактического и потенциального количества месяцев работы¹¹.

⁷ *People at risk of poverty or social exclusion*. Eurostat. Available at: http://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/en/sdg_01_10_esmsip2.htm (accessed 24.06.2020); Glossary: At risk of poverty or social exclusion (AROPE). Eurostat. Available at: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Glossary:At_risk_of_poverty_or_social_exclusion_\(AROPE\)](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Glossary:At_risk_of_poverty_or_social_exclusion_(AROPE)) (accessed 24.06.2020).

⁸ Alkire S., Kanagaratnam U., Suppa N. The Global Multidimensional Poverty Index (MPI) 2019. *OPHI MPI Methodological Note 47*. The Oxford Poverty and Human Development Initiative (OPHI), Oxford Department of International Development, University of Oxford. 2019. 28 p.; и др.

⁹ Руководство по измерению бедности / Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций. ООН, 2017. С. 138–142.

¹⁰ Другими измерениями, которые учитываются в методологии данного индикатора, являются: 1) доход (используется граница 60% медианного дохода, при оценивании учитывается эквивалентный располагаемый доход); 2) тяжелая материальная депривация (при наличии не менее 6 из 9 признаков лишений); 3) образование (оценивается уровень образования); 4) окружающая среда (оценивается по параметрам шума, загрязнения, криминальной обстановки, жилищных условий); 5) здоровье (субъективные оценки здоровья, наличие хронических или длительных заболеваний, ограничений из-за проблем со здоровьем, неудовлетворенных медицинских потребностей). См.: Alkire S., Apablaza M. Multidimensional Poverty in Europe 2006–2012: Illustrating a Methodology. *OPHI Working Paper No. 74*. University of Oxford. 2016. 20 p.

¹¹ Alkire S., Apablaza M. Multidimensional Poverty in Europe 2006–2012: Illustrating a Methodology. *OPHI Working Paper No. 74*. University of Oxford. 2016. 20 p.

Однако методология измерения многомерной бедности по данным индикаторам или не рассматривает компонент занятости, или при его наличии не предполагает оценку качества занятости, что, по нашему мнению, является одним из важнейших аспектов при исследовании УиКЖ.

Исследовательский подход, которого мы придерживаемся, методологически ближе не к концепции т. н. многомерной бедности, а к концепции многокритериальной идентификации социальной структуры общества и его отдельных групп [5, с. 286–312; 6; 7 и др.]. В ее основу положено сочетание объективных и субъективных параметров, материальных и нематериальных характеристик УиКЖ, используемых для определения социальной структуры и тех или иных групп (слоев) в ее составе.

Исследовательский подход, предлагаемый для идентификации нижних групп по УиКЖ, отличается опора на следующие основные положения. При задействовании критериев, учитывающих комплекс характеристик УиКЖ – объективных и субъективных, материальных и нематериальных – критериальные границы идентификации групп ЭАН, различающихся по УиКЖ, определяются нормативно, что предполагает применение и определение социальных стандартов, конкретизирующих критерии и позволяющих дать их количественную характеристику. При идентификации групп ЭАН в качестве ключевых характеристик УиКЖ выделяются те, что позволяют оценить положение в сфере занятости и влияют на все другие экономические и социальные характеристики ЭАН [8, с. 12–16].

При анализе положения в сфере занятости особое внимание мы уделяем выявлению признаков неустойчивой (прекаризованной) занятости (НЗ). Наличие (отсутствие) признаков НЗ не только характеризует УиКЖ по рассматриваемому критерию, но также, в свою очередь, обуславливает другие их параметры, в частности материальное положение домохозяйств занятых. Исследования, посвященные изучению НЗ, взаимосвязи НЗ и различных аспектов УиКЖ [9–20 и др.], показывают, что НЗ приводит к значительному снижению доходов как занятых, так и домохозяйств. Неустойчиво занятые, как правило (очень часто), зарабатывают

меньше, чем занятые в условиях устойчивой, защищенной занятости, и живут в низкодоходных домохозяйствах [10; 13; 18 и др.].

Основные теоретико-методологические положения исследования

Для проведения многокритериальной идентификации групп ЭАН с низкими УиКЖ предлагаются следующие нормативные критерии и социальные стандарты.

Нормативные критерии положения в сфере занятости и образования. Первая группа нормативных критериев предполагает анализ характеристик положения в сфере занятости, в том числе на наличие признаков НЗ, а также оценивание имеющегося уровня образования.

Социальный стандарт в рамках нормативного критерия образования учитывает минимальные требования к уровню образования, которым соответствует основное или среднее общее образование. Данный уровень образования лежит в основе первого (наиболее низкого) из четырех принятых уровней квалификации, используемых при классификации занятий или видов приносящей заработок (доход) трудовой деятельности, согласно Общероссийскому классификатору занятий (ОКЗ)¹².

Требования социального стандарта критерия положения в сфере занятости позволяют проводить оценивание по наличию (отсутствию) занятости, а при наличии занятости – анализировать ее характеристики, прежде всего, с точки зрения имеющихся признаков НЗ как применительно ко всем занятым, так и для наиболее массовой их группы – наемных работников. Этот стандарт определяется следующими требованиями:

- 1) наличие занятости;
- 2) отсутствие неустойчивой (прекаризованной) занятости;
- 3) при наличии занятости по найму – занятость, требующая основного или среднего общего образования (занятость в качестве неквалифицированных рабочих или военнослужащих рядового состава).

¹² ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 г. № 2020-ст). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=177953&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.30148655048200057#07080117216285722> (дата обращения 05.06.2020).

Признаки НЗ были определены, исходя из результатов ранее проведенных с участием авторов исследований [20 и др.]. Принимая во внимание широкое распространение НЗ в России, в т. ч. среди работников формального сектора [18; 20 и др.], в рамках данной работы для целей многокритериальной идентификации групп с низкими УиКЖ была введена *дифференциация признаков НЗ на ключевые и дополнительные для выделения в составе занятых наиболее уязвимых групп с учетом концентрации признаков НЗ*. Так, были определены:

1. *Ключевые признаки НЗ*: 1) отсутствие официального оформления занятости; 2) неофициальный (частично или полностью) доход от занятости; 3) доход от занятости, который в соотношении с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения (ПМтр) не достигает 4,1 ПМтр;

2. *Дополнительные признаки НЗ*: 4) отклоняющееся от стандартного рабочее время (чрезмерная или недостаточная продолжительность рабочего времени); 5) наличие задолженности по заработной плате; 6) уменьшение заработной платы или сокращение часов работы не по инициативе работника; 7) вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе администрации; 8) неудовлетворенность условиями занятости.

Первые два признака, выделенные в качестве ключевых, выявляют ту часть НЗ, которая находится «в тени». Такая занятость, во-первых, уязвима с точки зрения официальных гарантий для занятых, во-вторых, связана с уходом от уплаты соответствующих страховых взносов и налогов. Третий признак, выделенный в качестве ключевого для определения НЗ, характеризует ту ее часть, которая не позволяет достичь в домохозяйствах занятых нижней границы средних стандартов доходов, определяющих благополучное (устойчивое) материальное положение. Граница для дохода от занятости (4,1 ПМтр) была определена на основе результатов исследования, проведенного авторами и посвященного анализу влияния НЗ на материальную обеспеченность домохозяйств [20].

К наиболее уязвимым группам ЭАН с учетом концентрации признаков НЗ были отнесены те, у кого имеются два или все три ключевых признака. Они также могут сопровождаться и другими дополнительными признаками НЗ.

При анализе положения в сфере занятости и выявлении групп с низкими УиКЖ для наемных работников дополнительно было предусмотрено требование о занятости в качестве неквалифицированных рабочих или военнослужащих рядового состава. Именно для этих занятий, согласно ОКЗ, требуется первый (наиболее низкий) уровень квалификации, который соответствует основному и среднему общему образованию¹³. Применительно к наемным работникам, таким образом, обеспечивается взаимоувязанность требований к положению в сфере занятости и образованию, что соответствует общему методологическому подходу, выработанному для многокритериальной идентификации групп населения по УиКЖ и апробированному ранее при выявлении групп, характеризующихся средними УиКЖ, или т. н. средних классов [8 и др.].

При многокритериальной идентификации групп с низкими УиКЖ на основе требований к положению в сфере занятости и образованию в составе ЭАН рассматривались следующие группы.

1. *Безработные*. Эта группа в составе ЭАН характеризуется крайней формой НЗ – временным отсутствием занятости и, как следствие, отсутствием дохода от занятости.

2. *Занятые не по найму, у которых имеется два или три ключевых признака НЗ* (которые также могут сопровождаться одним и более из дополнительных признаков НЗ). Среди работающих не по найму нами рассматривается только та их группа, которая характеризуется наиболее уязвимым положением в сфере занятости с точки зрения признаков НЗ. Остальные из числа занятых не по найму, с учетом других идентификационных критериев, могут относиться к другим группам по УиКЖ.

3. *Наемные работники, имеющие образование не выше среднего общего, при этом занятые в качестве неквалифицированных рабочих или являющиеся военнослужащими рядового состава*. Эту группу образуют работающие по найму, которые удовлетворяют минимальным требова-

¹³ ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 г. № 2020-ст). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=177953&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.30148655048200057#07080117216285722> (дата обращения 05.06.2020).

ниям одновременно по двум рассматриваемым критериям — по своему положению в сфере занятости и уровню образования. Они могут быть отнесены только к группам с низкими УиКЖ, исходя из низкого образовательно-квалификационного потенциала.

4. *Наемные работники без профессионального образования, не занятые на позициях неквалифицированных рабочих и не являющиеся военнослужащими рядового состава, но при этом отличающиеся уязвимым положением с точки зрения НЗ*, т. е. имеющие два или три ключевых признака НЗ (которые также могут сопровождаться одним и более из дополнительных признаков НЗ).

5. *Наемные работники с профессиональным образованием, у которых имеется два или три ключевых признака НЗ* (также могут сопровождаться одним и более из дополнительных признаков НЗ). Как и в случае с занятыми не по найму, наемные работники с профессиональным образованием, с учетом многокритериального оценивания, могут быть представлены во всех группах по УиКЖ, но при положении в сфере занятости, отличающемся наличием, как минимум, двух и более из трех ключевых признаков НЗ, они рассматриваются в составе нижних групп ЭАН по УиКЖ.

Нормативные критерии материально-имущественной обеспеченности. В рамках исследования для целей многокритериальной идентификации нижних групп по УиКЖ были определены базовые критерии материально-имущественной обеспеченности, которые уже апробированы нами при выявлении групп, характеризующихся средними УиКЖ (т. н. средних классов) [8 и др.] — душевые денежные доходы, сбережения и обеспеченность недвижимым имуществом — для обеспечения преемственности методологии.

В качестве минимальных требований (социальных стандартов) к характеристикам материально-имущественной обеспеченности, которая формируется на уровне домохозяйств, выступают следующие:

1) *по критерию душевых денежных доходов (ДД)*: ДД в домохозяйстве соответствуют одному среднедушевому региональному прожиточному минимуму (ПМрег.);

2) *по критерию сбережений*: в домохозяйстве имеются сбережения для поддержания

привычного уровня потребления при потере всех источников доходов в течение нескольких месяцев;

3) *по критерию обеспеченности недвижимым имуществом*: жилище (основное) в домохозяйстве удовлетворяет следующим требованиям — размер жилой площади жилого помещения не менее 6 кв. м / чел.; наличие централизованного водоснабжения, центрального отопления и централизованной канализации. При этом у домохозяйства нет другого недвижимого имущества (других квартиры/дома, части квартиры/части дома, дачи и т. п.).

Недостижение данных требований идентифицирует *низкие УиКЖ в связи с 1) бедностью по доходам, 2) жилищной бедностью, 3) отсутствием или недостаточностью финансового резерва.*

Требования по критерию душевых денежных доходов соответствуют официальной границе бедности, а методологическую базу формирования требований стандартов двух других критериев составили ранее проведенные с участием авторов разработки. Так, стандарты по критерию обеспеченности недвижимым имуществом опираются на разработанную ранее систему социальных стандартов для идентификации обеспеченности недвижимым имуществом (жилище) [8, с. 100–117; и др.]. При определении требований по критерию сбережений учтены нормативы формирования социально приемлемой потребительской корзины, в которой предусмотрен финансовый резерв, позволяющий поддерживать минимальный базовый уровень потребления в течение нескольких месяцев при наступлении неблагоприятных жизненных ситуаций¹⁴.

На основе рассматриваемых критериев материально-имущественной обеспеченности при многокритериальной идентификации нижних групп по УиКЖ в составе ЭАН могут быть выделены группы, исходя из количества критериев, требования которых не достигаются в домохозяйствах занятых и безработных, т. е. по которым их можно считать неблагополучными: 1) по всем трем критериям, 2) по двум из трех критериев, 3) по одному из трех критериев.

¹⁴ Подробнее см., например: Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В., Сафронова А.М. Социально приемлемая потребительская корзина // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2 (212). С. 8–26. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10060

Если по всем трем критериям параметры материально-имущественной обеспеченности не ниже минимальных требований, то идентифицируется принадлежность ЭАН к другим группам по УиКЖ на основе материально-имущественной обеспеченности.

Субъективный критерий. Использование данного критерия позволяет дополнить объективные критерии оцениванием УиКЖ через субъективные оценки. Для формирования требований в рамках субъективного критерия была использована шкала самооценки «нищие – богатые», востребованная и при идентификации групп со средними УиКЖ (т. н. средних классов) [8, с. 117–124]. Принадлежность к нижним группам по УиКЖ предложено идентифицировать при самооценках по 9-балльной шкале «нищие – богатые» не выше 2 баллов.

Данные, методы и результаты исследования

Апробация предложенных критериев для выявления групп с низкими УиКЖ в составе ЭАН была проведена на основе данных 27-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ), собранных в октябре 2018 – январе 2019 года. Выборка РМЭЗ репрезентативна (по полу, возрасту и типу поселения) для населения России¹⁵.

Для выявления из числа ЭАН групп с учетом соответствия требованиям критериев положения в сфере занятости, образования, материально-имущественной обеспеченности, а также субъективному критерию, и проведения многокритериальной идентификации групп с низкими УиКЖ на основе данных 27-й волны РМЭЗ был получен массив данных, включающий: 1) данные из массива, содержащего репрезентативные данные по индивидам; 2) данные из массива, содержащего репрезентативные данные по домохозяйствам; 3) данные Федеральной службы государственной статисти-

стики о величине прожиточного минимума для трудоспособного населения и в среднем по населению в субъектах РФ, которые были востребованы при оценивании уровня доходов от занятости и денежных доходов в домохозяйствах занятых и безработных.

Для проведения количественных оценок получена выборка, включающая лиц в возрасте 15 лет и старше, являющихся безработными или занятыми (по найму и не по найму – по основной занятости) (всего – 5683 чел.).

Для идентификации в составе ЭАН групп с низкими УиКЖ на основе обработки данных 27-й волны РМЭЗ получено двухмерное распределение занятых и безработных: 1) по критериям положения в сфере занятости и образования; 2) по критериям материально-имущественной обеспеченности (денежные доходы, сбережения и обеспеченность недвижимым имуществом), на основе чего идентифицированы группы с низкими УиКЖ, определяемые объективными характеристиками – ядро, расширенное ядро и периферия (таблица).

Таким образом, нижние группы по УиКЖ, определяемые на основе объективных характеристик, согласно полученным оценкам на основе данных РМЭЗ, охватывают **42,7%** от численности ЭАН (2018 г.).

К ядру нижних групп (7,8% от ЭАН; 18,2% в структуре нижних групп) отнесены те из числа занятых и безработных, кто характеризуется низкими УиКЖ как по положению в сфере занятости и образованию, так и по материально-имущественной обеспеченности. В ядро включены безработные, наемные работники с низким образовательно-квалификационным потенциалом (удовлетворяющие минимальным требованиям по положению в сфере занятости и образованию), а также занятые не по найму и те из числа остальных наемных работников, кто характеризуется наиболее уязвимым положением с точки зрения имеющих признаков НЗ. При этом у домохозяйств выделенных групп занятых и безработных материально-имущественная обеспеченность не достигает минимальных требований по двум и более из рассматриваемых критериев.

Расширенное ядро групп с низкими УиКЖ (12,1% от ЭАН; 28,5% в структуре нижних групп) характеризуется переходным положением между ядром и периферией. Положе-

¹⁵ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Группы с низкими уровнем и качеством жизни, идентифицированные из числа экономически активного населения по положению в сфере занятости, образованию и материально-имущественной обеспеченности (2018 г.)

Нормативный критерий	Характеристика групп по уровню и качеству жизни
<i>Группа 1 – Ядро (7,8% от численности ЭАН)</i>	
Положение в сфере занятости и образование	1) Безработные; 2) наемные работники – неквалифицированные рабочие или военнослужащие рядового состава с образованием не выше среднего общего; 3) занятые не по найму, а также все остальные наемные работники по положению в сфере занятости и образованию – с двумя или тремя признаками НЗ из трех ключевых, которые также могут сопровождаться одним и более из дополнительных признаков НЗ
Материально-имущественная обеспеченность	Материально-имущественная обеспеченность не достигает минимальных требований по двум или трем из критериев: денежные доходы, сбережения, обеспеченность недвижимым имуществом
<i>Группа 2 – Расширенное ядро (12,1% от численности ЭАН)</i>	
Положение в сфере занятости и образование	1) Безработные; 2) наемные работники – неквалифицированные рабочие или военнослужащие рядового состава с образованием не выше среднего общего; 3) занятые не по найму, а также все остальные наемные работники по положению в сфере занятости и образованию – с двумя или тремя признаками НЗ из трех ключевых, которые также могут сопровождаться одним и более из дополнительных признаков НЗ
Материально-имущественная обеспеченность	Материально-имущественная обеспеченность не достигает минимальных требований по одному из тех критериев: денежные доходы, сбережения или обеспеченность недвижимым имуществом
<i>Группа 3 – Периферия (22,8% от численности ЭАН)</i>	
<i>Подгруппа 3.1</i>	
Положение в сфере занятости и образование	1) Безработные; 2) наемные работники – неквалифицированные рабочие или военнослужащие рядового состава с образованием не выше среднего общего; 3) занятые не по найму, а также все остальные наемные работники по положению в сфере занятости и образованию – с двумя или тремя признаками НЗ из трех ключевых, которые также могут сопровождаться одним и более из дополнительных признаков НЗ
Материально-имущественная обеспеченность	Материально-имущественная обеспеченность достигает или превышает минимальные требования по рассматриваемым критериям: денежные доходы, сбережения, обеспеченность недвижимым имуществом
<i>Подгруппа 3.2</i>	
Положение в сфере занятости и образование	Занятые не по найму, а также все остальные наемные работники по положению в сфере занятости и образованию – с отсутствием признаков НЗ, или с наличием одного и более признаков НЗ из дополнительных, или с наличием одного признака НЗ из трех ключевых, которые также могут сопровождаться одним и более из дополнительных признаков НЗ
Материально-имущественная обеспеченность	Материально-имущественная обеспеченность не достигает минимальных требований по двум или трем из критериев: денежные доходы, сбережения, обеспеченность недвижимым имуществом
Источник: оценка авторов на основе данных 27-й волны РМЭЗ. URL: http://www.hse.ru/rims (дата обращения 14.10.2019).	

нию в сфере занятости и образованию к нему отнесены те же группы из числа занятых и безработных, что и к ядру. Однако в данном случае материально-имущественная обеспеченность групп не соответствует минимальным требованиям только по какому-либо одному из трех критериев: денежным доходам, сбережениям или обеспеченности недвижимым имуществом.

Периферия (22,8% от ЭАН; 53,3% в структуре нижних групп) из числа ЭАН включает тех, для кого характерны низкие УиКЖ или по положению в сфере занятости и образованию, или

по материально-имущественной обеспеченности. Они находятся «на стыке» с другими группами по УиКЖ, и позитивное изменение в каком-либо из рассматриваемых параметров, по которому на данном этапе они отнесены к нижним группам, позволит им переместиться в более благополучные группы.

Остальные из числа занятых (57,3% от ЭАН) по положению в сфере занятости и образованию, а также материально-имущественной обеспеченности могут быть отнесены к более благополучным группам по УиКЖ.

Если рассматривать состав и структуру *групп в составе ЭАН с низкими УиКЖ* (ядро, расширенное ядро и периферия) по положению в сфере занятости, то можно выделить следующие их характеристики.

10,6% среди представителей ЭАН, отнесенных к группам с низкими УиКЖ, составляют безработные, 89,4% — занятые (более 40 групп занятий по уровню квалификации и специализации). Наибольший удельный вес среди них занимают водители и операторы подвижного оборудования, продавцы, средний специальный персонал по экономической и административной деятельности, работники сферы индивидуальных услуг, уборщики и прислуга.

Работники с низким образовательно-квалификационным потенциалом в составе нижних групп по УиКЖ составляют 12%. Основу же групп с низкими УиКЖ формируют неустойчиво занятые. Так, около 90% включенных в группы с низкими УиКЖ имеют те или иные признаки НЗ, а у более трети — положение в сфере занятости относительно признаков НЗ можно охарактеризовать как наиболее уязвимое: они имеют два или три из ключевых признаков НЗ (которые также могут сопровождаться и дополнительными признаками НЗ).

35,7% из числа отнесенных к группам с низкими УиКЖ находятся в «теневой» занятости — у них отсутствует официальное оформление занятости и/или они получают неофициальный (частично или полностью) доход от занятости.

Почти все занятые (89,7%) из тех, кто попал в группы с низкими УиКЖ, не имеют соответствующего стандарту (не ниже 4,1 ПМтр) дохода от занятости (третий из ключевых признаков НЗ), который бы обеспечивал благополучное (устойчивое) материальное положение, что с учетом иждивенческой нагрузки предопределяет их локализацию в нижних группах по УиКЖ.

Состав и структура *групп с низкими УиКЖ по материально-имущественной обеспеченности* характеризуется следующим образом. Более 90% из числа занятых и безработных, отнесенных к нижним группам по УиКЖ, не достигают минимальных требований по одному и более критериям: 64,3% — по двум или трем, т. е. они и их домохозяйства являются бедными по доходам, жилищной бедности и/или у них отсутствует или недостаточен финансовый резерв; еще 28,5% — по одному из трех указанных критериев.

Оценивание выделенных в составе ЭАН групп с низкими УиКЖ (ядро, расширенное ядро и периферия) на основе объективных нормативных критериев на соответствие минимальным требованиям по субъективному критерию показало следующее.

Среди представителей ядра нижних групп только 27% оценили свои УиКЖ как неблагополучные — не выше 2 баллов (что соответствует низким УиКЖ), остальные указали 3 балла (25%; ниже средних УиКЖ), 4–6 баллов (40%; средние УиКЖ) и выше (4%; выше средних и высокие УиКЖ) или затруднились ответить. При этом ядро групп с низкими УиКЖ включает тех, у кого материально-имущественная обеспеченность не достигает минимальных требований по двум (76% среди представителей ядра) или трем (24%) критериям: денежным доходам, сбережениям и/или обеспеченности недвижимым имуществом.

Несоответствие объективных характеристик УиКЖ и самооценок для представителей ядра, их «смещение» в сторону ниже средних (3 балла) и средних (4–6 баллов) УиКЖ может быть связано с нежеланием причислять себя к «нищим» и «бедным» или определяться желаемым более высоким статусом, например, с учетом занимаемой позиции в сфере занятости (что может иметь место для той части занятых, отнесенных к ядру, которые являются занятыми не по найму или наемными работниками, не занятыми неквалифицированным трудом). Также это может определяться представлениями об имеющемся уровне жизни (фактически неблагополучном по базовым параметрам материально-имущественной обеспеченности) как о «типичном», «распространенном», который с учетом вынужденно приобретенных навыков существования в таких условиях может восприниматься как «нормальный» [20], и сложившейся субъективной структурой российского общества, в которой массово представлен т. н. «нижний средний класс» [21].

В расширенном ядре только около 18% по субъективному критерию соответствуют минимальному требованию: самооценка не выше 2 баллов по шкале «нищие — богатые». Остальные указали на 3 балла и выше (81%) или затруднились с ответом и отказались отвечать. В данном случае несоответствие объективных и субъективных оценок может объясняться

наличием у представителей расширенного ядра только одного критерия материально-имущественной обеспеченности, не достигающего минимальных требований, что при наличии двух других критериев, по которым материально-имущественная обеспеченность более благополучная, не воспринимается как критическая ситуация и позволяет давать более позитивные оценки своего положения.

Среди представителей периферии в основном также преобладают самооценки выше 2 баллов. Для одной из групп периферии это оправдано, поскольку низкие УиКЖ связаны только с положением в сфере занятости и образованием. Для другой группы периферии низкие УиКЖ определяются материально-имущественной обеспеченностью: 2 или 3 критериями, по которым не достигаются минимальные требования (в основном – 2 критерия, как правило, это сбережения и обеспеченность недвижимым имуществом). В таких условиях, возможно, более благополучная ситуация с денежными доходами является основанием для более высоких самооценок, при этом локализуясь преимущественно в границах 3–6 баллов, т. е. соответствующих ниже средних и средним УиКЖ.

Обсуждение результатов исследования

Масштабы нижних групп по УиКЖ, выявленные на основе предложенной методологии многокритериальной идентификации, в составе ЭАН достигают почти **43% (2018 г.), или 22,1%**¹⁶ от численности населения. С учетом фактора семейной нагрузки на занятых и безработных, которые попали в нижние группы, общая численность населения, характеризующегося низкими УиКЖ на основе комплекса нормативных критериев и социальных стандартов, заметно превышает численность бедного населения, идентифицируемого абсолютным монетарным методом (12,6%, 2018 г.)¹⁷.

¹⁶ Оценка на основе данных 27-й волны РМЭЗ (<http://www.hse.ru/rims> (дата обращения 14.10.2019)) и Росстата (Численность населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 20.08.2020)).

¹⁷ Численность населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, и дефицит денежного дохода, динамические ряды. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 20.08.2020).

Данные, полученные в рамках других исследований, посвященных выявлению многомерно бедного населения по альтернативной методологии (ARОPE), показывают, что масштабы нижних групп варьируются в пределах от менее 5 до менее 25% населения (2017 г.) [3; 4, с. 32–42], в том числе по компоненте, идентифицирующей слабую интенсивность занятости – 4,6% [3, с. 170]. При этом всеми тремя компонентами индекса АROPE (относительная бедность, острая материальная депривация и слабая интенсивность занятости) затронуты только 2,3% от числа лиц, имеющих хотя бы один из трех признаков бедности или социальной исключенности (24,1%) [3, с. 171].

При использовании методологии АROPE применительно к условиям России недооцененным остается фактор качества занятости, а за рамками групп с низкими УиКЖ – занятые, имеющие условия занятости, которые позволяют охарактеризовать качество занятости как низкое: «теневая» занятость, официальная занятость, но имеющая признаки неустойчивости (прекаризации), в том числе низкооплачиваемая занятость, также влияющая на уровень материальной обеспеченности домохозяйств.

Предложенная авторами методология многокритериальной идентификации нижних групп по УиКЖ позволяет выявлять в их составе не только безработных, но и занятых с признаками НЗ, проводить их группировки с выделением наиболее уязвимых групп, исходя из имеющейся концентрации признаков НЗ, дифференцированных на ключевые и дополнительные.

Распространенность НЗ среди российских работников [18; 20 и др.] требует дальнейшего ее изучения, в том числе в контексте идентификации групп, различающихся по УиКЖ, для выявления локализации в них неустойчиво занятых с учетом различных форм занятости, включая новые нестандартные формы занятости, которые могут сопровождаться признаками НЗ. Необходимо расширять источники данных для изучения НЗ, развивать имеющиеся базы данных для более точной идентификации неустойчиво занятых. База данных РМЭЗ, в отличие от базы данных Росстата, позволяет проводить комплексное оценивание по различным компонентам УиКЖ, в том числе с учетом

признаков неустойчивых условий труда. Вместе с тем ее возможности ограничены при изучении вида договора, причин его выбора и вынужденности/добровольности занятости, что позволило бы повысить точность оценивания при исследовании НЗ.

Заключение

Проведена идентификация групп с низкими УиКЖ в составе ЭАН на основе предложенных критериев и социальных стандартов положения в сфере занятости (в том числе с учетом наличия признаков НЗ), образования и материально-имущественной обеспеченности. Выявлено, что к ним могут быть отнесены 42,7% ЭАН (2018 г.), или 32,5 млн чел.¹⁸ В составе нижних групп по УиКЖ ядро, отличающееся наиболее сложным положением по анализируемым критериям, достигает 18,2%, расширенное ядро – 28,5%, периферия – 53,3%. Выделенные группы отличаются неблагополучием как по положению в сфере занятости, так и по материально-имущественной обеспеченности.

Неблагополучное положение в сфере занятости представителей выделенных групп в составе ЭАН, определяющее низкие УиКЖ, связано с их исключенностью из сферы устойчивой занятости. Нижние группы по УиКЖ формируют безработные (10,6% представителей нижних групп, или 3,4 млн чел.) и занятые (89,4%, или 29,1 млн чел.), из которых практически все имеют те или иные признаки НЗ. Для более трети (11,2 млн чел.) отнесенных к группам с низкими УиКЖ концентрация имеющихся признаков НЗ определяет их положение в сфере занятости как наиболее уязвимое. Оно проявляется в наличии «теневой» (полностью или частично) занятости, дохода от занятости (менее 4,1 ПМтр), не обеспечивающего устойчивого материального положения домохозяйства, а также может сопровождаться другими проявлениями НЗ¹⁹.

В целом НЗ в нижних группах по УиКЖ, как показали результаты исследования, связана как с «теневой» занятостью (отсутствие официаль-

ного оформления занятости и/или наличие неофициального (частично или полностью) дохода от занятости (41% представителей нижних групп, имеющих признаки НЗ)), так и с легальной занятостью, но условия которой являются неустойчивыми (прекаризованными; 59% представителей нижних групп, имеющих признаки НЗ)²⁰.

Неблагополучная материальная обеспеченность групп с низкими УиКЖ определяется отсутствием доходов от занятости, а при их наличии – недостаточным их уровнем. Как следует из результатов исследования, подавляющее большинство занятых (89,7%, или около 26 млн чел.) в нижних группах не имеют дохода от занятости (4,1 ПМтр), который бы обеспечивал уровень благополучной (устойчивой) материальной обеспеченности домохозяйств, выводил бы их на уровень душевых доходов не менее 3,2 ПМ. В целом у большинства представителей нижних групп (64,3%, или около 21 млн чел.) неблагополучие материально-имущественной обеспеченности фиксируется по двум или трем из критериев: денежным доходам, сбережениям или обеспеченности недвижимым имуществом. Она проявляется в монетарной бедности домохозяйств, бедности по жилищной обеспеченности, а также в отсутствии или недостаточности финансового резерва, что делает их особенно уязвимыми при наступлении неблагоприятных материальных обстоятельств (например, потери дохода от занятости), предопределяет недоступность самостоятельного решения жилищных проблем²¹.

Предложенная авторская методология идентификации групп с низкими УиКЖ развивает имеющийся опыт многомерного измерения бедности и многокритериальной идентификации социальной структуры общества, в том числе методологию, разработанную и апробированную ранее с участием авторов применительно к группам из числа занятых со средними УиКЖ, или т. н. средним классам [8].

¹⁸ Оценка на основе данных 27-й волны РМЭЗ (<http://www.hse.ru/flms> (дата обращения 14.10.2019)) и Росстата (Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2019 г. URL: <https://www.gks.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения 24.03.2020)).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ На основе данных 27-й волны РМЭЗ (<http://www.hse.ru/flms> (дата обращения 14.10.2019)) и Росстата (Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2019 г. URL: <https://www.gks.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения 24.03.2020)).

Практическая значимость итогов исследования заключается в получении данных о масштабах, структуре и характеристиках групп в составе ЭАН с низкими УиКЖ, которые дополняют информационную основу для выработки научно-обоснованной социальной политики, включая проводимую в настоящее время корректировку актуальных национальных проектов и программ.

Результаты исследования показывают актуальность для экономической и социальной безопасности России снижения масштабов нижних групп в составе ЭАН, характеризующихся низкими УиКЖ, зависящими от исключенности из сферы устойчивой занятости, значительных масштабов неустойчивой («теневой» и легальной) занятости, неблагополучной ма-

териально-имущественной обеспеченности и др., и могут быть востребованы для целей развития социальной политики и выработки соответствующих адресных мер. Актуальность выработки и реализации мер для повышения УиКЖ в этих группах в условиях социально-экономических последствий, связанных с мерами противодействия распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19), только возрастает. С учетом увеличения численности безработных (в июне 2020 года 4,6 млн чел.²²), снижения трудовых доходов у значительной части занятых²³, реальных доходов населения²⁴ и др., нижние группы по УиКЖ по итогам 2020 года могут показать еще большие масштабы, чем были зафиксированы по результатам исследования (2018 г.).

Литература

1. Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009. 268 с.
2. Гришина Е.Е. Депривационный подход к оценке бедности семей с детьми в России и странах Европы // Финансовый журнал. 2017. № 4. С. 47–55.
3. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А. Европейский опыт измерения бедности и социальной исключенности: индекс AROPE // Народонаселение. 2019. № 3. С. 162–175. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00034
4. Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. М.: Дело, 2019. 52 с.
5. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 424 с.
6. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста / А.Е. Шаститко [и др.]. М.: Экон-Информ, 2008. 200 с.
7. Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындык А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 3. С. 109–138.
8. Средние классы в капиталистической России: научная монография / В.Н. Бобков [и др.]; гл. науч. ред. В.Н. Бобков. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2019. 208 с.
9. Benach J., Vives A., Amable M., Vanroelen C., Tarafa G., Muntaner C. Precarious employment: Understanding an emerging social determinant of health. *Annual Review of Public Health*, 2014, vol. 35, pp. 229–253. DOI: 10.1146/annurev-publhealth-032013-182500
10. Lewchuk W., Lafleche M., Dyson D., Goldring L., Meisner A., Procyk S., Rosen D., Shields J., Viducis P., Vrankulj S. *It's more than Poverty. Employment Precarity and Household Well-being*. Toronto: PEPSO, McMaster University, United Way Toronto, 2013. 115 p.
11. Lewchuk W., Procyk S., Lafleche M., Rosen D., Dyson D., Shields J., Goldring L., Viducis P., Meisner A., Vrankulj S. Is precarious employment low income employment? The changing labour market in Southern Ontario. *Just Labour*, 2014, vol. 22, pp. 51–73.

²² Занятость и безработица в июне 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 20.08.2020).

²³ Сбербанк зафиксировал падение зарплат у половины работающих россиян // РБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/10/07/2020/5f085bc89a794796d50c3017?from=from_main_5 (дата обращения 13.07.2020).

²⁴ Минэкономразвития ожидает снижения реальных располагаемых доходов россиян // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20200521/1571810701.html> (дата обращения 13.07.2020).

12. Lewchuk W., Laflèche M., Procyk S., Cook Ch., Dyson D., Goldring L., Lior K., Meisner A., Shields J., Tambureno A., Viducis P. *The Precarity Penalty: The Impact of Precarious Employment on Individuals, Households and Communities – And What to Do About It*. Toronto: PEPSO, McMaster University, United Way Toronto, 2015. 196 p.
13. Lewchuk W., Laflèche M., Procyk S., Cook Ch., Dyson D., Goldring L., Lior K., Meisner A., Shields J., Tambureno A., Viducis P. The precarity penalty: How insecure employment disadvantages workers and their families. *Alternate Routes*, 2016, vol. 27, pp. 87–108.
14. Pembroke S. *Precarious Work Precarious Lives: How Policy Can Create more Security*. Dublin: TASC, 2018. 117 p.
15. Preoteasa A.M.D., Sieber R., Budowski M., Suter Ch. Household role in coping with precarious work. Evidence from qualitative research in urban Romania and Switzerland. *Social Change Review*, 2016, vol. 14 (2), pp. 177–201. DOI: 10.1515/scr-2016-0027
16. Procyk S., Lewchuk W., Shields J. (eds.) *Precarious Employment. Causes, Consequences and Remedies*. Winnipeg: Fernwood Publishing, 2017. 200 p.
17. Вередюк О.В. Неустойчивость занятости: теоретические основы и оценка масштабов в России // Вестник СПбГУ. Экономика. 2013. Вып. 1. С. 25–32.
18. Кученкова А.В., Колосова Е.А. Дифференциация работников по характеру неустойчивости их занятости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 288–305. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.15
19. Попов А.В., Соловьева Т.С. Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 182–196. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.10
20. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Влияние неустойчивой занятости на материальную обеспеченность домохозяйств // Социально-трудовые исследования. 2020. № 39 (2). С. 30–41. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-39-2-30-41
21. Тихонова Н. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. 2018. № 1–2 (126). С. 17–29.

Сведения об авторах

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт социально-экономических проблем народонаселения (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: bobkovvn@mail.ru)

Елена Валерьевна Одинцова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт социально-экономических проблем народонаселения (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: odin_ev@mail.ru)

Bobkov V.N., Odintsova E.V.

Low Level and Quality of Life among Economically Active Population: Identification Criteria and Assessment of Occurrence

Abstract. The article presents the results of identification of groups with low level and quality of life among Russian economically active population. Its relevance is determined by the clarification of national goals and targets for Russia's development until 2030, as well as the reduction of population's level and quality of life considering socio-economic consequences associated with measures to counter the spread of COVID-19. The results of the research complement other publications devoted to the study of multidimensional poverty and the social structure of society, offering criteria and social standards for identifying the lower groups by the level and quality of life among economically active population. Social

standards for assessing the situation in the sphere of employment, education, material and property provision of households (monetary income, savings, and real estate), as well as self-evaluation of the level and quality of life, including the identification of key and additional signs of precarious (precarized) employment with the identification of the most vulnerable groups of employees, are overviewed. Based on the analysis of RLMS data, we obtained estimates of the scale of groups with low level and quality of life in Russia for 2018, which include more than 40% of economically active population. Among them, precariously employed people are the most widely represented, while a significant part of them is characterized by a concentration of signs of precarious employment. The structure of groups with a low level and quality of life is determined, and the core, extended core, and periphery are identified in their composition. The proposed methodology makes it possible to develop targeted social policy measures taking into account typical problems in the area of employment, material and property provision, etc. Further research may be linked to development of a methodology for multi-criteria identification of groups that are characterized by a more prosperous situation in terms of the level and quality of life, including the study of the prevalence of precarious employment among them.

Key words: low level of life, low quality of life, employment situation, precarious (precarized) employment, education, monetary income, savings, real estate provision, self-evaluation of the level and quality of life.

Information about the Authors

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Laboratory, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Economic Studies of Population (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: bobkovvn@mail.ru)

Elena V. Odintsova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Economic Studies of Population (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: odin_ev@mail.ru)

Статья поступила 24.08.2020.

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.11

УДК 30(075.4); ББК 67

© Маркин В.В., Силин А.Н., Вершинин И.С.

Здоровье людей в Арктике: социально-пространственный дискурс (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа)*

**Валерий Васильевич
МАРКИН**

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
E-mail: markin@isras.ru
ResearcherID: B-5161-2016

**Анатолий Николаевич
СИЛИН**

Тюменский индустриальный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625000, ул. Володарского, д. 38
Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Ленина, д. 16
E-mail: Sm-2004@rambler.ru
ResearcherID: S-4074-2018

**Иван Сергеевич
ВЕРШИНИН**

Законодательное собрание Ямало-Ненецкого автономного округа
Салехард, Российская Федерация, 629000, ул. Республики, д. 72
E-mail: filosof-888@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект 19-29-07355 «Человеческий капитал арктического региона в концепции пространственного развития России»).

Для цитирования: Маркин В.В., Силин А.Н., Вершинин И.С. Здоровье людей в Арктике: социально-пространственный дискурс (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 182–199. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.11

For citation: Markin V.V., Silin A.N., Vershinin I.S. Human health in the Arctic: socio-spatial discourse (case study of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 182–199. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.11

Аннотация. Цель представленного в статье исследования – изучение отношения различных социальных групп жителей Крайнего Севера – Арктической зоны Российской Федерации к здоровью с учетом экстремальных природно-климатических условий. На геопространственные условия накладывается социопространственный вектор развития российской Арктики, в котором должны быть согласованы неоиндустриальное освоение определенных частей этой зоны, формирование новой транспортно-логистической системы, воспроизводство агропромышленного комплекса. В каждом из выделенных направлений сложились группы акторов, осуществляющих на арктических территориях свою деятельность на постоянной или временной основе, что делает вопросы здоровья северян весьма специфичными, требующими комплексного, в том числе социологического, анализа. Научная новизна исследования и его результатов, представленных в статье, состоит в сочетании гео- и социопространственных подходов в изучении отношения к здоровью различных социальных групп северян, анализе их специфики в арктических условиях. Базовым для исследования регионом стал Ямало-Ненецкий автономный округ, в системе здравоохранения которого имеются как некоторые позитивные результаты, так и нерешенные вопросы в деле здоровьесбережения населения. Показаны возможности ее дальнейшего совершенствования с опорой на социологические и междисциплинарные исследования с системных позиций, с учетом того, что основными ресурсами здоровьесбережения являются образ жизни, питание, качественное медицинское обслуживание, экологическая среда. При этом ситуация значительно различается в крупных и малых городах Заполярья, селах и вахтовых поселках, у кочевников в тундре. Анализируются материалы статистики, массовых репрезентативных опросов и экспертных оценок в их сопоставлении. Приведенные результаты исследований иллюстрируют выявленные возможности для улучшения здоровья разных групп арктического населения и свидетельствуют о необходимости значительно усилить комплексное научное обеспечение арктических проектов, включая социологический мониторинг. Материалы и результаты работы получают особую актуальность в связи с предстоящим председательством России в международном Арктическом совете.

Ключевые слова: Арктика, здоровье, социальное пространство, факторы здоровьесбережения, социологические исследования.

Введение

Успешное осуществление реализуемых и намечаемых инвестиционных мегапроектов по неоиндустриальному освоению ресурсов Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) в значительной мере зависит от эффективного использования накопленного и наращиваемого человеческого потенциала высокого качества, соответствующей образовательной и профессиональной подготовки как непосредственных участников этих проектов, так и других групп населения, в том числе представителей коренных малочисленных народов Севера (кмнс), о чем мы ранее упоминали в статьях по арктической тематике [1–3]. Не меньшее значение имеют проблемы здоровья живущих здесь и приезжающих сюда на работу людей, снижения смертности, увеличения продолжительности здоровой жизни. Численность постоянно населения АЗРФ на 01.01.2019 г. составила

2397,5 тыс. человек. При этом все последние годы сохраняется устойчивая тенденция снижения этого показателя, главным образом за счет миграционного оттока, однако на ряде территорий и в результате естественной убыли населения¹.

¹ Социально-экономическое положение Ямало-Ненецкого автономного округа в январе 2019 года: краткий стат. доклад / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. С. 33–34. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/togs/1172/2019-01.pdf (дата обращения 13.10.2019); Социально-экономическое положение Ямало-Ненецкого автономного округа в январе 2018 года: краткий стат. доклад / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. С. 33–34. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/togs/1172/2018-01.pdf (дата обращения 13.10.2019).

В арктических пространствах люди (особенно это касается пришлого населения, живущего здесь достаточно продолжительное время) перманентно ощущают специфическое полярное напряжение, вызванное ослаблением резистентности организма в суровых природно-климатических условиях. Исследования, проведенные еще в девяностые годы прошлого века, зафиксировали следующий факт: в высоких широтах истощаются приспособительные резервы организма, уже в молодом возрасте возникают хронические заболевания, происходит преждевременное старение человека. Синдром полярного напряжения – признанный социобиопсихологический феномен Севера. Его основными составными частями являются расстройства метаболизма, эндокринной системы, иммунная недостаточность, психоэмоциональное напряжение и другие нарушения здоровья. В практике наблюдаются длительные психические нарушения у людей, попавших в экстремальные погодные условия². Не случайно в законодательном, правовом и нормативном регулировании труд и жизнедеятельность в целом на арктических территориях имеют особые режимы и определенные преференции.

С другой стороны, наблюдаемое в арктических и субарктических регионах повышение среднегодовых температур приведет, согласно прогностическим исследованиям, к росту эпидемиологических последствий деградации пространств вечной мерзлоты, к расширению традиционных ареалов активности переносчиков и возбудителей паразитарных и инфекционных заболеваний. Это тем более необходимо учитывать, имея сегодняшний опыт противодействия пандемическим ситуациям.

Вполне обоснованно можно утверждать, что в контексте крупномасштабных задач нового освоения охрана здоровья социально-территориальных сообществ арктических регионов, включая разработку мер по его сбережению и укреплению, стала фундаментальной пространственно-социетальной проблемой. Важность ее решения обозначена в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на

период до 2025 года»³, Указе Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁴, соответствующем национальном приоритетном проекте «Здоровье», Указе Президента РФ от 15.03.2020 г. «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»⁵, Указе Президента РФ от 21.07.2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁶.

Начиная с советских времен, в российской медицинской науке сформировалось новое научное направление – полярная медицина⁷. В сфере российской полярной медицины были реализованы научные проекты, признанные самыми масштабными в мире. Эти работы осуществлялись сотрудниками Института клинической и экспериментальной медицины, Института физиологии (Новосибирск), Института медицинских проблем Севера и Института Крайнего Севера (Красноярск, Надым), других научных организаций Сибирского отделения Российской академии наук, медицинских институтов и университетов, и ныне продолжающими свои исследования в новых социально-экономических и научно-организационных условиях. Вместе с медиками проблемы здоровья северян в своих предметных областях изучают представители многих других научных отраслей. Трудно назвать какую-либо область

³ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUfT08o60RktoOXI22JJaE7irNxc.pdf> (дата обращения 20.07.2020).

⁴ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 20.07.2020).

⁵ Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения 20.07.2020).

⁶ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года.: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. 2020. 22 июля, фед. вып. 159 (8213).

⁷ Хаснулин В.И. Введение в полярную медицину. Новосибирск: СО РАМН, 1998. 337 с.; Казначеев В.П. Клинические аспекты полярной медицины. М.: Медицина. 1986. 208 с.

² Хаснулин В.И. Введение в полярную медицину. Новосибирск: СО РАМН. 1998. 337 с.; Казначеев В.П. Клинические аспекты полярной медицины. М.: Медицина. 1986. 208 с.

знания, которая так или иначе не выходила бы на проблематику здоровья людей Севера. Указанные вопросы стали популярны и в зарубежных исследованиях [4–8].

В исследованиях, для которых важнейшее значение имеет согласованная методология и понятийный аппарат, прежде всего сама ключевая фундаментальная категория — здоровье, все больше утверждается междисциплинарный подход⁸. В Уставе ВОЗ указано: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов»⁹. Это определение, помимо расширительной и идеализированной трактовки данного важнейшего человеческого и социального феномена, практически не учитывает геосоциопропространственный контент, столь необходимый для существенно различных природно-климатических условий, тем более таких экстремальных для человека, как арктические. В связи с этим перед нами встала задача оценить степень воздействия различных факторов на здоровье людей, осуществляющих свою жизнедеятельность на высокоширотных территориях, и возможности нейтрализации наиболее токсичных из них. Учитывая ограниченность имеющихся источников государственной и медицинской статистики, отражающих субъект-объектные отношения, в рамках исследования были проведены массовые опросы различных групп населения и углубленные интервью экспертов в сфере здоровья, акцентирующие субъект-субъектные отношения, в том числе субъективное отношение различных групп людей к своему здоровью, самооценку его состояния, удовлетворенность организацией здравоохранения, медициной, физкультурно-оздоровительной работой и т. д.

Современная ситуация в сфере здоровья очень неоднозначна и дифференцирована по территориям АЗРФ. На нее существенное влияние оказывают социально-экономические факторы. Новый этап социально-экономического

развития арктического пространства обусловлен, прежде всего, освоением открытых углеводородных и других природных ресурсов в ряде регионов, перспективами облегчения доступности сухопутных и морских путей коммуникации в заполярных широтах, что способствует существенному удешевлению их эксплуатации по сравнению с более ранними периодами времени. Налаживаемая регулярная коммерческая эксплуатация восстанавливаемого Северного морского пути, почти вдвое сокращающего путь судов и товаров из Европы на Дальний Восток и в Азиатско-Тихоокеанский регион и обратно, с одной стороны, открывает колоссальные возможности для оптимизации и интенсификации торговых отношений между этими частями мира, а с другой — делает необходимым воссоздание и развитие соответствующей инфраструктуры на пути следования, привлечение большого числа квалифицированных специалистов для работы как на море, так и на суше.

Целью представленного в статье исследования выступает изучение отношения к здоровью различных социальных групп жителей Крайнего Севера — Арктической зоны Российской Федерации — с учетом экстремальных природно-климатических условий. Основным полигоном исследования стала территория Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), по сути главной, как в настоящий, так и перспективный периоды, нефтегазодобывающей базы страны, где разворачиваются новые инвестиционные мегапроекты по добыче углеводородного сырья, сжижению и транспортировке природного газа и др.; осуществляются грандиозные проекты: разработка нефтяных и газовых месторождений Карского шельфа, Обской губы, введение в строй и выход на полную мощность крупнейшего завода сжижения природного газа в поселке Бованенково, транспортных путей сообщения, аэропорта и морского порта в поселке Сабетта («Ворота Арктики») и т. п. Новые предприятия строятся и в других районах Ямала. В связи с этим возникают и преодолеваются не только особые технические и технологические трудности, но и характерные именно для полярного региона социальные проблемы, в частности согласование неоиндустриального мейнстрима с традиционной жизнедеятельностью коренных малочисленных народов Севера — ненцев, ханты, селькупов и др.

⁸ Лебедева-Несевря Н.А., Гордеева С.С. Социология здоровья: учеб. пособ. для студ. вузов / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2011. 238 с.; Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М.: Гэотармедиа, 2009. 512 с.; Annandale E. The Sociology of Health and Medicine: A Critical Introduction. Cambridge: Polity Press, 1998. P. 212.

⁹ Устав ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/about/who-we-are/constitution> (дата обращения 20.07.2020).

В системе здравоохранения региона отмечаются и позитивные, и негативные тенденции. Так, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в ЯНАО по состоянию на 2018 год оказалась наибольшей для населения АЗРФ — 74,4 года. Здесь же и самый низкий уровень общей смертности по АЗРФ — 4,7 случая на 1 тыс. человек населения¹⁰. В ЯНАО наблюдается наибольший естественный прирост населения (8,6 на 1 тыс. чел.), в то время как в европейских регионах АЗРФ происходит естественная убыль (-12,8 на 1 тыс. чел. в 2018 году). При этом ЯНАО является территорией наибольшего риска по первичной заболеваемости взрослого населения (старше 18 лет) по всем классам болезней. Лишь по злокачественным новообразованиям «лидируют» арктические районы Архангельской области (559,9 случая на 100 тыс. чел. населения), по хроническому алкоголизму — Чукотский автономный округ (ЧАО) и Республика Саха (Якутия)¹¹.

В АЗРФ значительно выше, чем в России в целом, уровень заболеваемости инфекционными и паразитарными заболеваниями. Так, по острым кишечным инфекциям наиболее высокий уровень в 2018 году наблюдался именно в ЯНАО (234,7 случая на 100 тыс. чел. населения, что почти втрое превышает российский показатель). Округ также неблагоприятен по заболеваемости описторхозом, где уровень заболеваемости составил 155,6 случая на 100 тысяч (по РФ 13,0). При этом, судя по опросам экспертов, реальная заболеваемость значительно выше показателей официальной регистрации¹².

Сочетание гео- и социопространственных подходов в исследовании отношения к здо-

¹⁰ Социально-экономическое положение Ямало-Ненецкого автономного округа в январе 2019 года: краткий стат. доклад / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. С. 33–34. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/togs/1172/2019-01.pdf (дата обращения 13.10.2019); Социально-экономическое положение Ямало-Ненецкого автономного округа в январе 2018 года: краткий стат. доклад / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. С. 33–34. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/togs/1172/2018-01.pdf (дата обращения 13.10.2019).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

ровью различных социальных групп северян и анализ их специфики, связанной с экстремальными природно-климатическими условиями, составили научную новизну предлагаемых результатов. Изучая здоровье людей в Арктике в междисциплинарном геосоциопространственном дискурсе, мы воспользовались концептуальными подходами региональной социологии, в частности социологической диагностикой рассматриваемых проблем отдельных регионов. При этом социологическая диагностика наиболее значимого (наряду с уровнем образования и профессиональной подготовки) элемента человеческого капитала — здоровья людей, реализуемая нами для арктического региона России, потребовала изучить факторы, определяющие здоровье северян (включая природно-климатические и экологические, вызванные антропогенной деятельностью, условия, питание, состояние медицинской помощи и др.), динамику изменения ситуации в разных социальных группах арктического населения (старожилы и новоселы, коренные малочисленные этносы Севера, вахтовый персонал), возможности реализации инновационных здоровьесберегающих технологий.

Подходы, методология и методика

В современном общественном знании в отношении региональных структур и определенных социальных явлений в них, в данном случае — здоровья, сложились два общеметодологических основания. Одним из них выступает геопространственный подход, предметом которого является физическое пространство как основа территориального способа существования геообъектов, связанных с различными сферами жизнедеятельности людей. Собственно геопространственный подход имеет огромный эвристический потенциал, дающий возможность изучать здоровье в региональном аспекте как геопространственный сегмент социальной реальности, рассматривая его с определенных сторон. Выделилось даже особое научное направление — медицинская география [9].

Другой подход опирается на социологическую теорию пространства, основы которой были заложены еще в начале прошлого века Георгом Зиммелем. В ней особый упор был сделан на социальной дифференцированности пространства, субъект-субъектных отноше-

ях в его сегментах (городах и регионах) [10]. Наиболее концентрированно современная классика социологической теории пространства выражена в концепции социального пространства П. Бурдьё (действия акторов (агентов) на различных социальных полях, позиции, диспозиции, габитус и т. д.), хотя собственно региональный (социально-территориальный) контент в ней не развернут [11].

В отечественной науке также получили развитие самые разнообразные идеи, имеющие как гео-, так и социопространственные контексты, тесно связанные с региональной проблематикой, в которой эмпирически взаимодействовали географы, экономисты, социологи, политологи, правоведы, психологи, историки, культурологи, выходя на сотрудничество с представителями профильных технических и естественно-научных отраслей знания. В отношении междисциплинарного изучения проблем здоровья практически в каждой отрасли сложились связи с медицинской наукой, образуя особое направление, например, социологию медицины.

Интеграции названных подходов были посвящены две программы фундаментальных исследований Президиума РАН: «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.) [12] и «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (2012–2014 гг.) [13]. Намечились перспективы междисциплинарного синтеза гео- и социопространственных подходов в отношении территориальных образований, в том числе макрорегионов, регионов, городов и других поселений [14]. Такой «зонтичный» подход покрывает все расширяющееся поле пространственно-территориальных исследований, эмпирически локализует их в синтезе отдельных содержательных аспектов (экономическом, политическом, культурном и т. д.), темпорально учитывая во внешнем контуре тенденции глобализации и виртуализации, во внутреннем — акцентируя социальную субъектность человеческих индивидов и их групп.

Геосоциопространственный подход прямо связывается с исследованием современных трансформаций, в том числе и в сфере здоровья как национально-социетального, так и ре-

гионального плана¹³ [15–18]. При этом отдельные вопросы здоровья населения на северных (арктических и субарктических) территориях получили освещение в специальных публикациях, главным образом медицинского и экологического характера [19–26]. Исследуются также психологические [27] и правовые аспекты [28].

В социологической литературе наряду с указанными выше трудами фундаментального характера¹⁴ [15; 16; 17 и др.], выделяются работы, содержащие глубокий анализ эмпирических исследований [29; 30; 31 и др.]. В междисциплинарном плане на социологической основе подготовлена монография, посвященная здоровьесбережению участников нового этапа освоения Арктики [32]. С одной стороны, фиксируется усложнение всего комплекса отношений по поводу сбережения и укрепления здоровья людей Севера, возможностей развития региональных структур здравоохранения, на которое оказывает существенное влияние неопределенность складывающихся в них и вокруг них социальных ситуаций, их многофакторность и многовекторность. С другой — аргументированно утверждается, что в социальных полях арктического пространства на здоровье населения влияют различные стейкхолдеры, акторы и агенты из институтов власти, бизнеса и гражданского общества, имеющие наряду с общими свои специфические интересы в использовании пространства (территории, недр, воздуха, воды и суши, накопленного социально-экономического и социокультурного потенциала), за которыми, так или иначе, стоят вопросы здравоохранения и здоровьесбережения различных социальных групп.

Социально-пространственный дискурс изучения ситуации, касающейся здоровья людей в арктическом регионе, предполагает выявление и социологическое измерение позиций различных социальных групп северян

¹³ Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М.: Гэотар-медиа, 2009. 512 с.; Медик В.А., Юрьев В.К. Общественное здоровье и здравоохранение. М.: Професионал, 2009. 432 с.

¹⁴ Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М.: Гэотар-медиа, 2009. 512 с.; Annandale E. The Sociology of Health and Medicine: A Critical Introduction. Cambridge: Polity Press, 1998. P. 212.

(старожилы, в т. ч. представители аборигенных этносов (кмнс), новоселы — прожившие в Арктике менее трех лет, вахтовики, приезжающие на работу из других регионов), действующих в разных пространственных позициях (европейский — азиатский секторы АЗРФ, регионы, город — село, большой — малый город, центр — периферия округа и др.).

Для достижения цели исследования перед нами встала задача выявить совокупность проблем, связанных с необходимостью сохранения здоровья людей, живущих в Арктике и вновь приехавших, оценить их значимость с системных позиций, установить взаимосвязи, альтернативные пути решения и риски. В эмпирических исследованиях, которые приняли мониторинговый характер с 2005 года, был реализован традиционный социологический инструментарий: массовые опросы представителей разных социальных групп северян, глубинные интервью экспертов, фокус-группы, контент-анализ СМИ, включая социальные сети, и др. Привлекались материалы учреждений здравоохранения и отдельные данные государственной и медицинской статистики.

Формирование выборки для массовых опросов основывалось на пространственных и социальных критериях отбора единиц наблюдения и состояло из двух этапов. Вначале осуществлялся отбор населенных пунктов исходя из их статуса и типа поселения. Далее происходил отбор респондентов в соответствии с социальной структурой данного поселения. Критерии отбора использовались как традиционные (пол и возраст), так и значимые для нашего исследования (этническая принадлежность и северный стаж). При этом специфические условия Арктики (неопределенность ситуации из-за природно-климатических условий, мобильность производства и т. д.) значительно затрудняли предварительное планирование и отбор респондентов, в связи с чем обеспечение репрезентативности выборки требовало ее обязательных корректировок.

В феврале — сентябре 2019 года с целью изучения общественного здоровья, влияющих на него факторов и возможностей его сохранения в условиях неоиндустриального освоения нефтегазовых ресурсов АЗРФ нами был организован и осуществлен новый «срез» обществен-

ного и экспертного мнения, результаты которого анализируются в представленной статье.

Выборка массового опроса по анкете много-ступенчатая, репрезентирующая население Ямала с учетом половозрастных факторов, северного стажа, этноса, сферы деятельности с ошибкой по одному признаку не выше 3,5%. Всего в 2019 году было опрошено 1554 респондента в Приуральском и Шурышкарском районах, городах Салехард, Надым, Н. Уренгой, Ноябрьск ЯНАО. Из числа респондентов 16,1% заняты на предприятиях нефтегазового комплекса, 61,7% в других сферах экономики и социальной сфере, 6,7% занимаются традиционными видами деятельности аборигенных этносов, 15,5% не работают.

Кроме массового анкетного опроса населения ЯНАО в 2019 году нами проведен углубленный опрос 146 экспертов. Большинство из них (58,8%) представляли сферу здравоохранения (главные врачи и их заместители в медучреждениях), 28,1% — нефтегазовые компании, остальные 13,1% — государственные и муниципальные органы власти. Основная часть экспертов имеет солидный северный стаж: работают в АЗ РФ от 16 до 30 лет 61,5%, от 6 до 15 лет — 23%, более 30 лет — 5,1% и лишь 10,3% — менее 5 лет. Собственное здоровье они оценили следующим образом: удовлетворительное — 57,9%, хорошее — 21,1%, почти столько же, как «неважное».

Результаты исследования

Отношение к здоровью северян выяснялось в структуре других жизненно важных вопросов. В анкете респондентам предлагалось оценить их важность по 10-балльной шкале в порядке возрастания. В иерархии на первое место вышли финансовые проблемы, непосредственно за ними следуют вопросы, связанные с собственным здоровьем и здоровьем своих близких, качеством медобслуживания, и лишь затем проблемы жилья, образования, экологии, досуга и др. (табл. 1). Такое соотношение и связь личных (семейных) финансов и здоровья вполне закономерны в современных условиях, поскольку даже при страховой медицине людям приходится оплачивать целый ряд услуг, без которых теряется лечебный эффект, лекарства и вспомогательные средства. При этом большинство опрошенных отвели значимости здоровья по ранжировке первые пять позиций. Хотя

Таблица 1. Наиболее актуальные проблемы северян (гендерный аспект), % от числа опрошенных

Ранг значимости	Недостаток финансовых средств, доходов семьи	Рост расходов	Безработица, возможность потери работы	Отсутствие жилья, возможности улучшить жилищные условия	Рост платы за жилье и коммунальные услуги	Здоровье свое и близких, низкое качество медобслуживания	Образование и воспитание детей	Безопасность, криминальная ситуация, коррупция	Ухудшение экологической ситуации	Невозможность интересного и здорового проведения досуга	Другое	Итого
Мужчины												
1	12,5	15,5	12,3	10,6	14,1	10,8	6,5	3,8	6,8	6,3	0,7	100
2	7,8	11,2	9,0	11,6	6,7	8,2	12,3	10,4	12,7	10,1	0,0	100
3	15,5	7,2	10,5	8,8	9,4	10,5	9,4	6,6	13,8	8,3	0,0	100
4	10,4	9,6	11,9	10,4	7,4	8,1	11,9	13,3	8,1	8,9	0,0	100
5	12,6	2,2	9,6	10,4	11,9	11,1	12,6	11,1	9,6	8,9	0,0	100
6	4,0	4,0	9,3	10,7	4,0	13,3	16,0	13,3	17,3	8,0	0,0	100
7	4,3	5,8	8,7	8,7	8,7	10,1	15,9	11,6	17,4	8,7	0,0	100
8	5,4	6,5	4,3	16,3	5,4	9,8	8,7	22,8	8,7	12,0	0,0	100
9	0,0	0,0	14,8	6,6	9,8	8,2	11,5	16,4	11,5	21,3	0,0	100
10	8,8	9,6	4,8	6,4	9,6	7,2	8,0	16,8	7,2	21,6	0,0	100
Женщины												
1	13,2	15,3	10,1	8,4	13,7	11,9	7,7	4,7	7,4	6,9	0,8	100
2	9,7	7,2	10,2	10,9	9,0	7,7	13,2	10,2	12,7	9,2	0,0	100
3	10,5	7,0	11,2	12,6	9,4	8,7	10,1	11,2	10,1	9,1	0,0	100
4	8,7	5,2	8,7	11,4	10,0	11,8	9,6	10,0	14,0	10,5	0,0	100
5	4,9	8,0	12,0	12,9	6,7	7,6	8,9	15,6	12,0	11,6	0,0	100
6	4,3	6,1	11,3	16,5	5,2	13,0	11,3	11,3	12,2	8,7	0,0	100
7	5,6	6,5	6,5	12,1	1,9	6,5	20,6	15,0	13,1	12,1	0,0	100
8	3,8	4,8	6,7	8,6	3,8	8,6	16,2	19,0	17,1	11,4	0,0	100
9	7,5	1,1	5,4	7,5	1,1	4,3	6,5	23,7	19,4	23,7	0,0	100
10	8,5	8,5	8,9	8,1	9,8	8,5	9,4	15,7	5,5	17,0	0,0	100

Источник: данные опроса 2019 года.

следует отметить, что почти треть мужчин и более четверти женщин поставили эти вопросы на 6–8 места, а 15,4% мужчин и 12,8% женщин – на 9–10. Конечно, такое распределение прямо связано с возрастом респондентов: чем они старше, тем выше рейтинг значимости здоровья. Однако приведенные данные свидетельствуют о резервах профилактической работы среди населения, особенно молодежи.

В целом считают себя совершенно здоровыми 12,5% опрошенных; оценивают свое здоровье как удовлетворительное 58,2%; часто болеют, но хронических заболеваний не имеют 11,1% респондентов; здоровье плохое, есть хронические болезни у 15,5%; инвалиды – 2,7% опрошенных.

При этом с ростом «северного стажа» ухудшается самооценка здоровья опрошенных (табл. 2).

Известно, что удовлетворенность (или, напротив, недовольство) своей работой значительно влияет как на физическое, так и психическое здоровье. Выяснилось, что большей части опрошенных северян их работа в той или иной степени нравится (14,5% – «очень нравится», 56,3% – «нравится»), почти четверть (23,7%) оценили ее «так себе» и лишь 5,5% – «совсем не нравится». Из последних большинство имеет стаж жизни на Севере менее 3 лет и вряд ли там останется. Наиболее высока удовлетворенность у представителей кмнс старших возрастов и молодых вахтовиков.

Таблица 2. Самооценка здоровья в зависимости от «северного стажа», % от числа опрошенных

Состояние здоровья	Живу на Севере		Вахтовик из другого региона
	Менее 5 лет	Более 5 лет	
Совершенно здоровы	14,8	11,7	34,0
Здоровье удовлетворительное	70,4	57,3	32,3
Часто болеют, но хронических заболеваний нет	3,7	12,0	12,5
Здоровье плохое, имеют хронические болезни	11,1	15,9	21,2
Инвалиды	0,0	3,1	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: данные опроса 2019 года.

Не менее, чем работа, для сохранения здоровья важны формы проведения досуга. Очевидна зависимость между физической активностью и состоянием здоровья (табл. 3). Опрос северян показал, что лишь 13,6% из них в свободное время физически активны, занимаются спортом, бегают, регулярно выполняют гимнастические упражнения и т. д. 86,6% респондентов считают свой отдых вполне полноценным, но при этом 18,5% большей частью отдыхают пассивно: лежат, читают, смотрят телевизор, сидят за компьютером. Правда, 61,1% все же ответили «по-всякому». 5,8% опрошенных утверждают, что у них вообще «нет досуга». При этом у 13,4% респондентов имеются

обстоятельства, мешающие им спокойно отдохнуть дома, что, естественно, сказывается на самочувствии.

Обращает на себя внимание значительный удельный вес тех, кто считает свое здоровье удовлетворительным при пассивном проведении досуга. Эта группа требует дополнительного изучения, поскольку имеет перспективу получить проблемы в дальнейшем. Также заслуживает более глубокого анализа и группа «трудоголиков», у которых «практически нет досуга».

В гендерном плане мужчины традиционно оценивают свое здоровье выше, чем женщины (табл. 4).

Таблица 3. Состояние здоровья (самооценка) в зависимости от проведения досуга, % от числа опрошенных

Состояние здоровья	Проводят досуг			
	Физически активно	Пассивно	По-всякому	Практически нет досуга
Совершенно здоровы	33,3	8,8	9,4	6,5
Здоровье удовлетворительное	46,7	55,9	62,1	54,8
Часто болеют, но хронических заболеваний нет	10,7	9,8	11,5	12,9
Здоровье плохое, имеют хронические болезни	8,0	20,6	14,4	25,8
Инвалиды	1,3	4,9	2,6	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: данные опроса 2019 года.

Таблица 4. Самооценка здоровья, гендерные различия, % от числа опрошенных

Оценка здоровья	Пол	
	Мужчины	Женщины
Практически здоровы	18,8	9,2
Здоровье удовлетворительное, но иногда болеют	59,9	57,5
Часто болеют, но хронических заболеваний нет	10,7	11,3
Здоровье плохое, имеют хронические болезни	7,6	19,7
Инвалиды	3,0	2,3
Итого	100,0	100,0

Источник: данные опроса 2019 года.

Однако такая самооценка требует критического анализа. Конечно, здесь сказываются ментальные особенности «сильного» или «слабого» пола, диспропорции в половозрастной структуре населения округа и т. д. Вместе с тем важно учитывать разницу самооценок в демографической политике, особенно в отношении наиболее фертильных возрастов.

Естественно, более всего заметны различия в самооценке здоровья у людей различных возрастных когорт (табл. 5).

Понятна высокая самооценка в молодежной и «серединной» группах, с некоторыми нюансами. Но интересны, по меньшей мере, три показателя в старших группах. Первый – резкий подъем самооценки («совершенно здоров») среди респондентов 60+ (до 12,5%), по сравнению с группой от 51 до 60 лет (5,4%). Что это – действительно обретение «второго дыхания» или желание сохранить «завоеванные» позиции? Второй и третий моменты касаются соотношений «хроников» в тех же группах: резкое повышение удельного веса (с 7,1 до 16,7%) часто болеющих, но без хронических заболеваний, и в то же время существенное снижение доли (с 23,2 до 16,7%)

имеющих хронические болезни. Ответы на эти вопросы мы планируем получить в дальнейших исследованиях, учитывая условия идущей пенсионной реформы.

В целом сравнение полученных в 2019 году результатов самооценки здоровья ямальцев с итогами проведенных нами в предыдущие годы опросов [2] подтвердило явную тенденцию к резкому снижению положительных оценок (табл. 6).

За прошедшие почти 5 лет произошли действительно серьезные изменения в системе здравоохранения страны, которые, конечно, отразились и на состоянии медицинского обслуживания в округе. Качеством медицинского обслуживания в настоящее время удовлетворены лишь 16,9% опрошенных северян. Негативно оценили его 72,3% респондентов, 10,8% ответили, что никогда не обращались в медицинское учреждение. Главным недостатком северного здравоохранения люди считают отсутствие современного диагностического и лечебного оборудования, далее по значимости идет сложность попасть на прием к врачу. На третьем месте – отсутствие или дороговизна необходимых лекарств.

Таблица 5. Самооценка здоровья, возрастные отличия % от числа опрошенных

Оценка здоровья	Возраст, лет			
	От 21 до 30	От 31 до 50	От 51 до 60	60 и старше
Практически здоровы	23,7	9,4	5,4	12,5
Здоровье удовлетворительное, но иногда болеют	59,3	59,0	60,7	37,5
Часто болеют, но хронических заболеваний нет	5,9	13,4	7,1	16,7
Здоровье плохое, имеют хронические болезни	11,1	15,5	23,2	16,7
Инвалиды	0,0	2,7	3,6	16,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: данные опроса 2019 года.

Таблица 6. Самооценка здоровья в динамике, % от числа опрошенных

Оценка здоровья	Год			
	2006	2010	2015	2019
Практически здоровы	37	40	38	13
Здоровье удовлетворительное, но иногда болеют	40	36	35	58
Часто болеют, но хронических болезней нет	8	10	12	11
Здоровье плохое, имеют хронические болезни	8	8	8	15
Инвалиды	1	3	2	3
Затруднились ответить	5	3	5	-
Итого	100	100	100	100

Источник: данные опроса 2019 года в сравнении с данными авторских опросов 2006, 2010, 2015 гг.

Вопросы о качестве медицинской помощи в арктическом регионе обсуждались нами и с экспертами. Выяснилось, что наиболее значимым недостатком северного здравоохранения большинство всех экспертов также считает сложность попасть на прием к врачу в связи с оптимизацией медицинских учреждений. Далее, по мере снижения актуальности, следуют отсутствие в местных медучреждениях современного диагностического и лечебного оборудования, отсутствие либо дороговизна необходимых лекарств, необходимость разработки профилактических и лечебных технологий, учитывающих специфику арктического региона. Эксперты, занятые в сфере здравоохранения, особо отметили недостаток современного оборудования и высокотехнологической помощи; представители властных структур не видят проблем, связанных с возможностью попасть на прием к врачу.

Отмечая влияние экологических проблем на здоровье, в первую очередь опрошенные называли загрязнение водоемов и ухудшение качества употребляемой воды и рыбы (48%), загрязнение почвы и мусорные свалки (31%), отчуждение земли под промышленные объекты и коммуникации (18%). Горожан особенно беспокоят свалки промышленного и бытового мусора. Северные ветры разносят накапливающиеся в них токсичные вещества по значительной территории, нанося серьезный вред здоровью людей и окружающей среде. Представители аборигенных этносов обращают внимание на то, что все меньше земли в тундре остается для выпаса оленей и отдыха людей.

Мнение экспертов по этому вопросу практически совпало с оценками населения. Среди экологических проблем, характерных для арктического региона, наиболее значимое влияние на здоровье северян, считают эксперты, оказывают загрязнение водоемов, ухудшение качества употребляемой воды, воздействие загрязнений на рыбу и экосистему в целом. На второй позиции находятся загрязнение почвенного покрова и воздушного бассейна, мусорные свалки, являющиеся источниками различных токсинов. Далее следует все большее отчуждение земли под промышленные объекты и коммуникации, уменьшение площади для рекреационных целей.

Медико-биологические исследования, проведенные Научным центром изучения Арктики (г. Салехард, г. Надым), показали, что наиболее эффективным методом здоровьесбережения людей в АЗРФ является регулярное употребление в пищу местных дикоросов, строганины сырой рыбы, крови и внутренних органов оленя¹⁵.

Это в известной степени подтверждается и результатами нашего опроса (табл. 7). К сожалению, в последние годы по ряду социально-экономических и экологических причин такие возможности для многих северян становятся все недоступнее, и на момент последнего опроса в 2019 году постоянно употребляли в пищу указанные продукты лишь 17,9% респондентов; употребляли, но не часто – 30,2%; очень редко – 24,9% и практически не имели возможностей – 27,1% опрошенных ямальцев.

Таблица 7. Соотнесение самооценки здоровья с частотой употребления традиционной пищи, % от числа опрошенных

Оценка здоровья	Питаются традиционной пищей			
	Постоянно	Не часто	Редко	Никогда
Совершенно здоровы	17,9	14,4	10,1	9,7
Здоровье удовлетворительное	61,1	58,2	59,6	53,8
Часто болеют, но хронических заболеваний нет	10,5	14,0	8,1	11,7
Здоровье плохое, имеют хронические болезни	8,4	12,8	17,0	21,4
Инвалиды	2,1	0,6	5,2	3,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: данные опроса 2019 года.

¹⁵ Состояние санитарно-эпидемиологического благополучия населения, проживающего на территории АЗ РФ, в 2018 году: информационный бюллетень. СПб.: Северо-Западный научный центр гигиены и общественного здоровья, 2019. 39 с.

Вместе с тем необходимо иметь в виду и вероятное негативное влияния массового употребления пищи из местных источников. В настоящее время эти продукты становятся основным источником поступления в организм северян стойких органических загрязнителей [33]. Кроме того, употребление традиционной пищи без надлежащей термической обработки (строганина) чревато риском возникновения паразитарных болезней (описторхоз, трихинеллез и др.).

Конечно, возможностей питаться традиционной северной пищей у представителей кмнс значительно больше, чем у остальных жителей ЯНАО, однако она все-таки в большей мере характерна для находящихся в касланиях (кочевых перемещениях в тундре) и лесных поселениях, нежели в городах (табл. 8).

Как показали исследования Научного центра изучения Арктики, белково-жировая составляющая в питании ямальских оленеводов занимает около 70%. Однако регулярное употребление пищи с высоким содержанием животных жиров не всегда подходит людям, приехавшим в Арктику из других регионов. Для них более оптимальна другая структура питания: белки – 16%, жиры – 40%, углеводы – 44% (у аборигенов, соответственно, 20:50:30, в центральных регионах России – 10:26:64) [34].

Наше исследование носило аналитико-проектный характер. В ходе массовых и экспертных опросов выяснялось отношение не только к существующим проблемам, но и к способам их решения в стратегическом плане. Так, в массовом опросе особый блок был посвящен оценке факторов сохранения здоровья людей (здоровьесбережения) на Севере. Здесь, так же как и в проблемной аналитике, выделялись эт-

нический и гендерный аспекты, как наиболее социально основательные, особенно для Арктики. В табл. 9 и 10 отражены ранговые значения (по 10-балльной шкале) предпочтений респондентов относительно тех или иных факторов, их значимости в общей структуре (по строке) и балльным пропорциям.

Прежде всего виден большой разброс (еще больший, чем при оценке проблем) балльных оценок. Даже если принять во внимание нерешительность респондентов при выставлении количественных оценок и избегание крайних значений, очевиден приоритет экологии, доступности здравоохранения, санаторно-курортного лечения и т. д. У представителей кмнс, также поставивших на первое место экологию, второе место заняли здоровые продукты питания, возможность употреблять традиционную для северян пищу и, соответственно, третье – доступность здравоохранения, особенно в условиях кочевья.

Выяснилось, что при солидарном выборе самых важных для сохранения здоровья факторов ямальцы в целом считают наиболее значимыми хорошую экологию и доступное, качественное здравоохранение. При этом мужчины большее значение придают здравоохранению, а женщины уделяют внимание причинам болезней – экологии.

Основная часть экспертного пула считает, что в наибольшей степени на здоровье людей в Арктике влияют качество медицинской помощи и образ жизни. При этом эксперты, занятые в сфере здравоохранения, особое значение придают нейтрализации негативного влияния перепадов температуры и атмосферного давления, представители власти и нефтегазодобывчики – качеству питьевой воды и экологической ситуации.

Таблица 8. Частота употребления традиционной северной пищи, % от числа опрошенных

Частота употребления	Национальность		
	Кмнс	Русский	Другая
Постоянно	59,3	9,7	13,1
Не часто	32,1	29,5	32,1
Очень редко	7,4	28,4	27,4
Практически никогда	1,2	32,4	27,4
Итого	100,0	100,0	100,0
Источник: данные опроса 2019 года.			

Таблица 9. Факторы сохранения здоровья (этнический аспект), % от числа опрошенных

Ранг значимости	Хорошая экология	Жилище и одежда	Здоровые продукты питания	Доступное здравоохранение	Санаторно-курортное лечение	Занятия физкультурой и спортом	Отказ от вредных привычек	Другое	Итого
Коренные малочисленные народы Севера									
1	19,2	12,5	18,8	15,4	10,8	9,2	12,1	2,1	100,0
2	17,6	19,1	16,2	11,8	14,7	11,8	8,8	0,0	100,0
3	17,8	13,3	20,0	20,0	13,3	11,1	4,4	0,0	100,0
4	5,7	11,4	14,3	14,3	17,1	20,0	17,1	0,0	100,0
5	15,8	21,1	2,6	13,2	21,1	13,2	13,2	0,0	100,0
6	4,0	4,0	8,0	12,0	16,0	40,0	16,0	0,0	100,0
7	0,0	30,0	0,0	0,0	15,0	15,0	40,0	0,0	100,0
8	33,3	0,0	0,0	33,3	0,0	33,3	0,0	0,0	100,0
9	25,0	0,0	25,0	0,0	25,0	0,0	25,0	0,0	100,0
10	12,9	12,9	16,1	12,9	12,9	16,1	16,1	0,0	100,0
Русские									
1	18,2	11,1	15,6	19,1	13,0	8,7	12,0	2,3	100,0
2	10,0	17,1	12,5	8,4	15,2	19,8	17,1	0,0	100,0
3	13,4	15,3	17,1	13,4	13,0	16,2	11,6	0,0	100,0
4	8,7	18,0	16,0	9,3	16,7	20,0	11,3	0,0	100,0
5	9,6	19,8	12,4	6,2	18,1	20,9	13,0	0,0	100,0
6	8,9	16,8	9,9	5,0	17,8	20,8	20,8	0,0	100,0
7	5,5	21,9	4,1	2,7	9,6	26,0	30,1	0,0	100,0
8	12,5	17,5	12,5	15,0	12,5	17,5	12,5	0,0	100,0
9	13,3	23,3	3,3	13,3	20,0	16,7	10,0	0,0	100,0
10	14,2	11,1	15,4	16,7	14,2	13,0	15,4	0,0	100,0
Другая этническая принадлежность									
1	22,6	11,1	14,9	18,3	12,0	8,7	10,6	1,9	100,0
2	19,4	19,4	23,6	6,9	9,7	11,1	9,7	0,0	100,0
3	8,5	11,3	22,5	21,1	7,0	19,7	9,9	0,0	100,0
4	10,0	17,5	10,0	22,5	17,5	12,5	10,0	0,0	100,0
5	5,6	13,9	8,3	5,6	41,7	11,1	13,9	0,0	100,0
6	3,1	25,0	6,3	3,1	15,6	34,4	12,5	0,0	100,0
7	0,0	15,8	0,0	5,3	13,2	28,9	36,8	0,0	100,0
8	5,9	17,6	11,8	11,8	11,8	17,6	23,5	0,0	100,0
9	33,3	33,3	0,0	0,0	0,0	33,3	0,0	0,0	100,0
10	18,6	14,0	9,3	14,0	16,3	7,0	20,9	0,0	100,0

Источник: данные опроса 2019 года.

Таблица 10. Факторы сохранения здоровья (гендерный аспект), % от числа опрошенных

Ранг значимости	Хорошая экология	Жилище и одежда	Здоровые продукты питания	Доступное здравоохранение	Санаторно-курортное лечение	Занятия физкультурой и спортом	Отказ от вредных привычек	Другое	Итого
Мужчины									
1	17,8	11,1	15,9	19,5	11,8	9,4	11,8	2,6	100,0
2	14,2	18,3	12,2	8,6	16,8	17,8	12,2	0,0	100,0
3	17,0	14,2	21,3	12,8	9,9	14,9	9,9	0,0	100,0
4	8,7	19,6	14,1	9,8	23,9	12,0	12,0	0,0	100,0
5	12,2	20,0	12,2	8,9	14,4	18,9	13,3	0,0	100,0
6	7,5	11,9	10,4	6,0	16,4	25,4	22,4	0,0	100,0
7	5,7	22,6	0,0	7,5	13,2	18,9	32,1	0,0	100,0
8	0,0	16,7	11,1	22,2	11,1	22,2	16,7	0,0	100,0
9	21,4	28,6	0,0	0,0	14,3	21,4	14,3	0,0	100,0
10	16,7	9,5	15,5	16,7	14,3	10,7	16,7	0,0	100,0
Женщины									
1	19,4	11,4	15,8	18,0	12,9	8,6	11,8	2,0	100,0
2	10,9	17,7	16,1	8,4	12,9	17,4	16,7	0,0	100,0
3	9,9	14,1	16,7	18,2	13,5	17,2	10,4	0,0	100,0
4	8,3	15,0	15,8	13,5	12,0	23,3	12,0	0,0	100,0
5	8,8	18,8	9,4	6,3	25,0	18,8	13,1	0,0	100,0
6	6,7	20,0	7,8	5,6	17,8	26,7	15,6	0,0	100,0
7	1,3	20,8	3,9	0,0	10,4	29,9	33,8	0,0	100,0
8	16,2	16,2	13,5	10,8	13,5	13,5	16,2	0,0	100,0
9	13,0	17,4	8,7	17,4	21,7	13,0	8,7	0,0	100,0
10	13,7	13,1	13,7	15,0	14,4	13,1	17,0	0,0	100,0

Источник: данные опроса 2019 года.

Обсуждение и заключение

Резюмируя полученные в ходе социологических исследований результаты, можно констатировать, что ситуация в сфере сохранения здоровья арктического населения по большинству параметров ежегодно ухудшается. При этом она значительно дифференцирована в пространственном и социальном дискурсах. От средних показателей по регионам АЗРФ в лучшую сторону отличается ЯНАО, хотя и в нем есть свои острые «болевы́е точки» общих для всех северных территорий проблем. В частности, здесь зафиксирован наибольший риск по первичной заболеваемости взрослого населения (особенно в вахтовых поселках, что еще раз недавно выразилось в показателях заражения коронавирусом в условиях пандемии), наивысший уровень заболеваемости описторхозом по АЗРФ, связанный с нарушениями медико-санитарных норм при-

готовления пищи из рыбы, и т. д. В то же время в округе по сравнению с другими северными субъектами РФ на протяжении последнего десятилетия фиксируются такие важные достижения, как наибольшая ожидаемая продолжительность жизни, наибольший естественный прирост населения и другие позитивные тенденции здоровьесбережения.

Это обусловило интерес авторов к ситуации в сфере здоровья и влияющим на нее факторам именно в этом регионе. В 2019 году нами были проведены основные исследования в ЯНАО. В 2020 и последующих годах планируем продолжать работу в ЯНАО, а также осуществить полевые исследования в других регионах (Архангельской области и Чукотском автономном округе), реализуя междисциплинарный гео-социопро-странственный подход в изучении социальных проблем Арктики.

Именно этот подход, составляющий научную новизну проводимых исследований, позволяет глубже и основательнее понять специфику практически всех основных сторон жизнедеятельности, прежде всего здоровья, людей в экстремальных природно-климатических условиях Крайнего Севера. Методико-инструментальным выражением этого подхода служит применяемая нами миксметодология сочетания количественных и качественных методов анализа и оценки изучаемого явления, измерения его в теоретическом и практическом плане.

В ходе массовых опросов населения и углубленного интервьюирования экспертов в ЯНАО мы выявляли оценку людьми своего здоровья и степень влияющих на него факторов: северного стажа, структуры досуга, качества питания, медицины, экологической ситуации и др. Респонденты обращали внимание на наиболее эффективные, с их точки зрения, здоровьесберегающие стратегии и технологии, требующие дополнительного междисциплинарного изучения и обоснования.

В ответах на открытые вопросы анкеты респонденты предлагают для сохранения и улучшения здоровья северян целый ряд конкретных мер: сделать доступным санаторно-курортное лечение, обеспечить медучреждения профильными специалистами и необходимым оборудованием, улучшить экологическую ситуацию, внедрить современные технологии переработ-

ки мусора и очищения почвенного покрова, очистки воды, коренным образом улучшить лекарственное обеспечение, расширить местное производство качественных продуктов питания и др. Некоторая часть опрошенных проявила и пессимистические настроения: «Север губит здоровье, ничего не поделаешь. Главное — заработать и вовремя уехать». Однако большинство убеждено, что здоровье северян вполне поддается регулированию, если на него будут обращать серьезное внимание, изучать, предлагать и реализовывать региональные программы здоровьесбережения населения в рамках приоритетного национального проекта, включая не только медицинские, но и социально-экономические и социокультурные, в том числе образовательные, мероприятия.

Анализ данных исследования показал значительную схожесть массового и экспертного мнений не только при оценке проблем, связанных с жизнью на Крайнем Севере, но и в плане общих позиций для выработки стратегических решений. Результаты доведены до сведения органов законодательной и исполнительной власти округа, используются в их деятельности. Это тем более важно, поскольку в 2021 году Россия должна принять на себя председательство в международном Арктическом совете, где координация усилий стран, входящих в него, может получить дополнительный импульс сотрудничества и научное обоснование в решении общих проблем.

Литература

1. Маркин В.В., Силин А.Н. Циркумполярный регион в контурах социально-пространственной трансформации территории (на примере Ямала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 28–52. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.2
2. Маркин В.В., Силин А.Н. Человеческий и социальный потенциал неоиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 75–88. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.5
3. Маркин В.В., Силин А.Н., Воронов В.В. Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный дискурс // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 141–154. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.9
4. Young K. Arctic health in Russia. *Int J Circumpolar Health*, 2013, 72: 20724.
5. Jensen P.E., Hennessy T.W., Kallenborn R. Water, sanitation, pollution, and health in the Arctic. *Environ Sci Pollut Res Int.*, 2018, 25 (33): 32827–32830.
6. Donaldson S., Adlard B., Odland J.Ø. Overview of human health in the Arctic: conclusions and recommendations. *Int J Circumpolar Health*, 2016, 75: 33807.

7. Weihe P., Debes F., Halling J., Petersen M.S., Muckle G., Odland J.Ø., Dudarev A., Ayotte P., Dewailly É., Grandjean P., Bonfeld-Jørgensen E. Health effects associated with measured levels of contaminants in the Arctic. *Int J Circumpolar Health*, 2016, 75: 33805.
8. Weihe P., Bjerregaard P., Bonfeld-Jørgensen E., Dudarev A., Halling J., Hansen S., Muckle G., Nøst T., Odland J.Ø., Petersen M.S., Rautio A., Veyhe A.S., Wennberg M., Bergdahl I. Overview of ongoing cohort and dietary studies in the Arctic. *Int J Circumpolar Health*, 2016, 75: 33803.
9. Прохоров Б.Б. Медицинская география как наука. Л.: Наука, 1989. 198 с.
10. Зиммель Г. Социология пространства. Избр. В 2 т. М., 1996. Т. 2. 287 с.
11. Бурдые П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М., 1993. 333 с.
12. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / под ред. В.М. Котлякова. М.: Медиа-Пресс, 2012. 662 с.
13. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. М.: Новый хронограф, 2015. 600 с.
14. Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений) / кол. авт., под науч. рук. М.К. Горшкова и В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 446 с.
15. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 406 с.
16. Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении / под общ. ред. Н.М. Римашевской. М.: Социальный проект, 2007. 204 с.
17. Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества / Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2006. 238 с.
18. Ковалева А.А. Самоохранительное поведение в системе факторов, оказывающих влияние на состояние здоровья // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 2. Т. 11. С. 179–191.
19. Агбалян Е.В., Шинкарук Е.В., Кобелев В.О. 25-летний тренд первичной заболеваемости населения ЯНАО // Научный вестник ЯНАО. 2018. Вып. № 4 (101). С. 49–55.
20. Акимов А.М., Гафаров В.В., Силин А.Н. Отношение к здоровью мужчин неорганизованной популяции в зависимости от их социального статуса // Профилактическая медицина. 2014. № 2. С. 5–11.
21. Аметистова Л.Е., Книжников А.Ю. Экологические аспекты СПГ-проектов в арктических условиях. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF). 2016. 48 с.
22. Артериальная гипертония в условиях Тюменского Севера. Дисинхроноз и гиперреактивность организма как факторы формирования болезни / Л.И. Гапон, Н.П. Шуркевич, А.С. Ветошкин, Д.Г. Губин. М.: Медицинская книга, 2009. 208 с.
23. Голубчиков С.Н., Хименков Н.А., Ерохин С.В. Медико-экологические проблемы улучшения жизненной среды северян // Энергия. 2003. № 4. С. 54–57.
24. Квашнина С.И. Здоровье населения на Севере России (социально-гигиенические и экологические проблемы): монография. Ухта: УГТУ, 2001.
25. Ишемическая болезнь сердца, особенности клинического течения в условиях Крайнего Севера / Л.С. Поликарпов [и др.]. Красноярск: КрасГМУ, 2011. 310 с.
26. Характеристика основных факторов риска нарушений здоровья населения, проживающего на территории активного природопользования в Арктике / В.П. Чашин [и др.] // Экология человека. 2014. № 1. С. 3–12.
27. Попова Т.Л., Попов А.И. Социально-психологические факторы, определяющие здоровье и образ жизни жителей Арктического региона ЯНАО // Научный вестник ЯНАО. 2016. № 4 (93). С. 133–138.
28. Право на охрану здоровых коренных народов российской Арктики: «коллизийное поле» и поиск новых решений / Е.Н. Богданова [и др.] // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 210–217.
29. Козырева П.М., Смирнов А.И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. Т. 46. № 4. С. 70–81. DOI: 1031857/SO13216250009116-0
30. Канева М.А., Байдин В.М. Гетерогенность ответов при самооценке здоровья россиян // Прикладная эконометрика. 2018. Т. 51. С. 102–125.

31. Морев М.В. Здоровье и образ жизни молодежи: гендерный аспект (по результатам опроса студентов г. Вологды и г. Люблина) // Народонаселение. 2012. № 4. С. 100–114.
32. Здоровьесбережение участников освоения арктического нефтегазового региона: монография / А.М. Акимов [и др.]; отв. ред. А.Н. Силин, В.В. Маркин. Тюмень: ТИУ, 2019. 171 с.
33. Загрязнения окружающей среды стойкими токсичными веществами и профилактика их вредного воздействия на здоровье коренного населения АЗ РФ / О.Г. Хурцилава и др. // Гигиена и санитария. 2017. Т. 96. № 5. С. 409–414.
34. Влощинский П.Е., Панин Л.Е. Структура питания, состояние энергетического обмена и эндокринный статус в организованном коллективе на Крайнем Севере // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2014. № 2 (48). С. 11–15.

Сведения об авторах

Валерий Васильевич Маркин – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт социологии (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5; e-mail: markin@isras.ru)

Анатолий Николаевич Силин – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Тюменский индустриальный университет (625000, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38), Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Западно-Сибирский филиал (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: Sm-2004@rambler.ru)

Иван Сергеевич Вершинин – депутат, Законодательное собрание Ямало-Ненецкого автономного округа (629000, Российская Федерация, г. Салехард, ул. Республики, д. 72; e-mail: filosof-888@mail.ru)

Markin V.V., Silin A.N., Vershinin I.S.

Human Health in the Arctic: Socio-Spatial Discourse (Case Study of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)

Abstract. The purpose of the research presented in the article is to study the attitude of various social groups of residents of the Far North – the Arctic zone of the Russian Federation to health, taking into account extreme natural and climatic conditions. Geospatial conditions are imposed by the socio-spatial vector of development of the Russian Arctic, which should coordinate neo-industrial development of certain parts of this territory, the formation of a new transport and logistics system, and the reproduction of the agro-industrial complex. There are groups of actors in each of the identified areas, who carry out their activities in the Arctic territories on a permanent or temporary basis, which makes the northerners' health issues highly specific and requiring a comprehensive analysis, including the sociological one. The scientific novelty of the research and its results presented in the article consists in a combination of geo- and socio-spatial approaches to studying the attitude to health among various social groups of northerners, and analysis of their specifics in Arctic conditions. The Yamalo-Nenets Autonomous Okrug is the base region of the study. Its health care system has both positive results and unresolved issues in the field of population health. The authors reveal the possibilities of its further improvement based on sociological and interdisciplinary research from a systemic perspective, taking into account the fact that the main resources of health saving are lifestyle, nutrition, quality medical care, and the environment. The authors note that the situation significantly differs in large and small cities of the Arctic, villages and shift settlements, and among nomads in the tundra. The materials of statistics, mass representative

surveys, and comparative expert assessments are analyzed. The research findings illustrate the identified opportunities for improving the health of different groups of the Arctic population and indicate the need to significantly strengthen the comprehensive scientific support of Arctic projects, including sociological monitoring. The materials and results of the work are particularly relevant due to the upcoming Russia's presidency in the international Arctic Council.

Key words: Arctic, health, social space, health-saving factors, sociological research.

Information about the Authors

Valerii V. Markin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Center for Regional Sociology and Conflictology Studies, Leading Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (24/35, Krzhizhanovsky Street, building 5, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: markin@isras.ru)

Anatolii N. Silin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Leading Researcher, Tyumen Industrial University (38, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation); West Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: sm-2004@rambler.ru)

Ivan S. Verшинin – Deputy of the Legislative Assembly of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (72, Respubliki Street, Salekhard, 629000, Russian Federation; e-mail: filosof-888@mail.ru)

Статья поступила 27.07.2020.

Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация*

**Владимир Николаевич
АРХАНГЕЛЬСКИЙ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 46
Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и
медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы
Москва, Российская Федерация, 115184, ул. Большая Татарская, д. 30
E-mail: archangelsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7091-9632; ResearcherID: T-4845-2017

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького д. 56а
E-mail: onk82@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4681-4344; ResearcherID: I-9562-2016

Аннотация. В статье представлены результаты исследования возрастной модели рождаемости по первенцам в России за доступный для расчетов период – 1960–2019 гг. Показана сопоставимость данных о первых рождениях из разных источников, проведен расчет показателя «средний возраст матери при рождении первого ребенка» методами продольного и поперечного демографического анализа (для реальных и условных поколений). Выявлено, что возраст матери при рождении первенца в период с 1960-х гг. до 1994 года снижался с 24,4 до 22,5 года, затем рос и в 2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Для цитирования: Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 200–217. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.12

For citation: Arkhangel'skiy V.N., Kalachikova O.N. Maternal age at first birth: dynamics, regional differences, determination. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 200–217. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.12

году составил 25,9 года. В «молодых» реальных поколениях возраст рождения первенцев ниже, чем в условных, в 2018–2019 гг. – 25,9 года, но ни в одном из реальных поколений женщин 2000 года рождения и старше досчитанная итоговая величина этого показателя не достигает такого уровня. Это свидетельствует о наличии тайминговых сдвигов во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг., после чего, вероятно, и произошла реализация отложенных рождений, обусловившая рост рождаемости. Осуществлен расчет среднего возраста матери при рождении первенцев для всех регионов России, показавший разброс от 23 до 28 лет, в большей их части – 25–26 лет. Минимальные значения показателя демонстрируют республики Тыва (23,4 года), Дагестан (23,5) и Чечня (23,7), Забайкальский край (23,9), максимальные – Санкт-Петербург (28,0) и Москва (27,7). Основными детерминантами возраста материнства являются уровень образования и брачное поведение, что свидетельствует о важности социально-экономической самостоятельности при формировании репродуктивного поведения. Новизна исследования заключается в применении авторского подхода, в рамках которого учтены сильные и слабые стороны продольного и поперечного демографического анализа, что обеспечивает получение достоверных данных о возрасте матери при рождении первого ребенка. С практической точки зрения оценка возраста материнства позволяет обосновать важность повышения эффективности молодежной и демографической политики.

Ключевые слова: возраст матери при рождении первого ребенка, возрастная модель рождаемости, возраст материнства.

Введение

Текущие параметры демографической ситуации в России и ее регионах во многом обусловлены трансформацией демографического поведения населения. В частности, репродуктивное поведение обладает признаками малодетного типа с характерной ориентацией на одного, максимум двоих детей, что подкрепляется превалированием психологических репродуктивных мотивов. Репродуктивное и брачное поведение эволюционировали параллельно [1] и к началу XXI века обрели ключевой признак – свободу выбора: партнера, возраста и времени заключения брака или его незаключения при супружеских отношениях де-факто, сохранения брака или развода, заключения повторных союзов, числа и сроков появления детей или отказа от их рождения. Удлинение периода обретения социально-экономической самостоятельности детей, обусловленное в том числе увеличением средней длительности обучения, стремление «пожить для себя» привели к «старению» брачности и материнства: возраст вступления в брак повысился с 19 до 25 лет у женщин и с 23 до 27 – у мужчин по сравнению с серединой 1990-х гг., возраст матери при рождении первенца – с 19 до 25–27 лет [2]. Для решения задачи по увеличению рождаемости, определенной в стратегических документах российской демографической политики, аспект возраст-

та материнства является одним из ключевых. В условиях перспективного снижения численности когорт женщин репродуктивного возраста роста рождаемости можно добиться путем увеличения детности семей, для чего откладывание рождения первенцев – существенный риск.

При анализе тенденций рождаемости важно применять достоверные и точные данные. В рамках статьи поставлена цель представить авторские расчеты возраста матери при рождении первенца для условных и реальных поколений в динамике, региональном разрезе, определить его детерминанты.

Опыт изучения возраста материнства и методологический аспект исследования

Вначале оговоримся о применимости понятия «возраст материнства» к предмету нашего исследования. С точки зрения демографии рождение ребенка – это демографическое событие, меняющее статус женщины, мужчины или семьи по критерию «детность». С рождением первого ребенка они не только становятся однопородными, но и обретают социально-демографический статус «мать»/«отец», «родитель». Т. е. мы подразумеваем время приобретения данного статуса, а поскольку оно рассчитывается по возрасту матери, речь идет о материнстве и, по сути, является синонимом возраста матери при рождении первенца, лишь акценти-

руя внимание на его социальном содержании. Социальный контекст при оценке демографической динамики необходим, в первую очередь, для определения ее детерминации.

Возраст матери при рождении первенца — маркер не только собственно репродуктивного поведения, но и контрацептивного, самосохранительного, брачного. Концептуальные основания значимости исследования всех видов демографического поведения во взаимосвязи изложены в работе А.А. Шабуновой, Т.К. Ростовской [3]. Параллель эволюции брачного и репродуктивного поведения рассмотрена нами и коллегами ранее [1], она свидетельствует об «откладывании» и первых браков, и первых рождений.

Данная тенденция отражена также в концепциях второго и третьего демографического перехода [4; 5; 6]. В них определена детерминирующая роль демографического поведения в динамике населения на современном этапе развития, учтены трансформации организации жизнедеятельности людей, в том числе смещение периода социальной зрелости и экономической самостоятельности на более старшие возрасты.

«Старение» материнства характерно для ряда стран, причем не только развитых, вступивших в четвертую стадию демографического перехода. Сравнительный анализ когортных показателей возраста матери при рождении первого ребенка по ряду экономически развитых стран представлен в работе Т. Frejka и J.-P. Sardon [7]. Е.М. Щербакова отмечает: «Средний возраст матери при рождении первого ребенка повысился во всех странах СНГ, кроме Азербайджана» [8]. Повышение среднего возраста матери при рождении первого ребенка в Украине в сравнении с другими европейскими странами подробно проанализировано в ряде статей С.Ю. Аксеновой [9–11].

Несомненный интерес представляют ее работы, посвященные анализу взаимосвязи среднего возраста матери при рождении первого ребенка и уровня рождаемости [11]. Отметим и более раннюю публикацию Д.М. Эдиева [12]. Указанные исследования подтверждают наличие связи между возрастом материнства и рождаемостью, доказывая значимость этого вопроса при разработке и реализации демографической политики.

С помощью статистической и социологической информации анализирует изменения в возрасте начала деторождения в России (в т. ч. в сравнении с зарубежными странами) Р.Т. Фахрисламова [13]. Среди детерминант возраста материнства и рождаемости особо выделяется уровень образования. Относительно большая частота откладывания рождения первого ребенка женщинами с более высоким уровнем образования выявлена и нами, и коллегами ранее [14; 15].

Методика и эмпирическая база исследования. Для расчетов в нашей работе использованы методы продольного и поперечного демографического анализа. Средний возраст матери при рождении первого ребенка для условных поколений в России рассчитан в статье на основе возрастных коэффициентов рождаемости, а не абсолютных чисел родившихся, т. е. не зависит от возрастной структуры женщин репродуктивного возраста.

Информация о возрасте матери при рождении первого ребенка в реальных поколениях в России может быть получена из трех источников.

Во-первых, при переписи населения 2010 года впервые задавался вопрос о дате рождения первого ребенка (месяц, год). Однако в опубликованных и представленных на сайте Росстата итогах переписи распределение женщин по возрасту рождения первого ребенка дано, в основном, в пятилетней возрастной группировке (исключение составляют только возрастные группы 15–17 и 18–19 лет). Рассчитывать на их основе средний возраст матери при рождении первого ребенка нецелесообразно. Это можно было бы сделать с помощью базы микроданных переписи населения 2010 года, но она в настоящее время недоступна.

Во-вторых, возраст матери при рождении первого ребенка может быть рассчитан на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости по первым рождениям как для календарных лет (эти данные рассмотрены выше), так и для реальных поколений женщин. В Human Fertility Database данные о среднем возрасте матери при рождении первого ребенка представлены для поколений 1944–1964 гг. рождения (ограничение поколением 1964 года рождения обусловлено тем, что динамический ряд календарных показателей рождаемости по

России в этой базе данных пока ограничивается 2014 годом). Использование возрастных коэффициентов рождаемости по первым рождением, рассчитанных по информации Росстата, позволяет оценить средний возраст матери при рождении первого ребенка и для более молодых поколений.

В-третьих, возраст матери при рождении первого ребенка может быть выявлен по результатам социологических опросов.

В целом по России для анализа изменения возраста матери при рождении первого ребенка в реальных поколениях наиболее предпочтителен второй источник, т. е. расчет на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости по первым рождением. Он позволяет рассчитывать как средний возраст, так и распределение по возрастным группам. Кроме того, в данном случае эти характеристики могут быть рассчитаны за послепереписной период. В то же время такой подход к оценке характеристик возраста матери при рождении первого ребенка имеет очень значительные ограничения применительно к субъектам Российской Федерации. Если в целом по стране динамический ряд однолетних возрастных коэффициентов рождаемости по очередности рождения доступен с 1959 года, то по регионам — только с 1989 года¹, в связи с чем в регионах показатели рождаемости для реальных поколений могут быть рассчитаны только начиная с поколения 1974 года рождения. На начало 2020 года этим женщинам было 46 лет и они еще не закончили процесс деторождения, хотя число тех из них, у кого еще появится первый ребенок, чрезвычайно мало и не может заметно повлиять на средние и относительные показатели по первым рождением. С несколько большей степенью условности это, вероятно, отмечается и для всех поколений женщин второй половины 1970-х гг. рождения. Для более молодых поколений сравнительный межрегиональный анализ возможен, но только с использованием показателей, рассчитанных к достижению женщиной того или иного возраста, однако они не будут итоговыми. Кроме того, следует иметь

в виду, что по большинству субъектов Российской Федерации динамический ряд однолетних возрастных коэффициентов рождаемости по очередности рождения с 1989 года не будет полным, так как с 1998 года в записях актов о рождении, в связи с принятием нового закона «Об актах гражданского состояния»², отсутствуют сведения о том, какой по счету ребенок у матери. Однако в ряде регионов эта информация продолжала собираться, и для них возможен расчет возраста матери при рождении первого ребенка для поколения женщин 1974 года рождения и моложе.

Прежде чем использовать данные переписи населения 2010 года и/или основываться на данных текущей статистики, необходимо оценить, в какой степени они совпадают. Если степень совпадения достаточно высока, то можно использовать оба источника информации. Если информация существенно различается, то необходимо отдать предпочтение одному из источников, но при этом оба они будут вызывать сомнения. Так как по опубликованным данным переписи населения 2010 года средний возраст матери при рождении первого ребенка корректно рассчитан быть не может (нет необходимой для этого однолетней возрастной группировки), сравнивать можно распределения женщин тех или иных поколений по возрасту матери при рождении первого ребенка. В опубликованных результатах переписи населения 2010 года это распределение дано в следующей возрастной группировке: моложе 15 лет, 15–17, 18–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45 лет и более. В Human Fertility Database возрастные коэффициенты рождаемости представлены начиная с возраста 12 лет. Однако, если для расчета показателей рождаемости в реальных поколениях использовать и возрастные коэффициенты рождаемости в 12, 13 и 14 лет, то, учитывая, что эти данные есть только с 1959 года, показатели могут быть рассчитаны исключительно для женщин начиная с 1947 года рождения, а не с 1944, как при применении возрастных коэффициентов рождаемости начиная с 15 лет (именно так и приводятся показатели рождаемости в реальных поколениях в Human

¹ Российская база данных по рождаемости и смертности. Центр демографических исследований Российской экономической школы, Москва (Россия). URL: http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data

² Об актах гражданского состояния: Федеральный закон № 143-ФЗ от 15 ноября 1997 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9052520>

Fertility Database). С учетом сказанного, а также принимая во внимание то, что доля женщин, родивших первого ребенка в возрасте моложе 15 лет, по данным переписи населения 2010 года, в России составляла 0,08%, целесообразно для сопоставления использовать распределение по возрасту при рождении первого ребенка для женщин, родивших его в возрасте 15 лет и старше.

Возрастные группы женщин, для которых представлены данные о распределении по возрасту матери при рождении первого ребенка, в основном, пятилетние (20–24, ..., 65–69), кроме самых младших (15–17 и 18–19) и старших (70 и более). Группировка женщин по году рождения в этом случае в опубликованных результатах отсутствует, поэтому использовать данные о распределении по возрасту матери при рождении первого ребенка в поколениях женщин, выделенных по году рождения, можно лишь с определенной долей условности.

При расчете показателей рождаемости в реальных поколениях на основе возрастных коэффициентов рождаемости они применяются в однолетней группировке. Для сопоставления со сведениями переписи населения 2010 года, опубликованными в более укрупненной груп-

пировке, доля первых рождений по возрастным группам матери по каждой группе поколений рассчитывается как средневзвешенная величина из этих долей для одногодичных поколений, входящих в группу. В качестве весов представляется возможным использовать численность женщин, родивших хотя бы одного ребенка, по одногодичным поколениям по переписи населения 2010 года. Уточним, что при расчете показателей рождаемости в реальных поколениях на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости эти коэффициенты брались не за полный 2010 год, а за период до переписи населения (годовые величины коэффициентов умножались на 0,79).

И, конечно, следует иметь в виду, что если, по данным переписи населения 2010 года, распределение по возрасту матери при рождении первого ребенка основано на абсолютных числах женщин, то при расчете с использованием возрастных коэффициентов рождаемости — собственно на этих коэффициентах. Однако, учитывая, что численность каждого из поколений женщин (которая является знаменателем при расчете этих коэффициентов) сравнительно мало меняется в репродуктивном возрасте, распределения представляются сопоставимыми (табл. 1).

Таблица 1. Распределение по возрасту матери при рождении первого ребенка в реальных поколениях женщин в России (по результатам переписи населения 2010 года и оценки на основе возрастных коэффициентов рождаемости), %

Год рождения женщин	Возраст по переписи населения 2010 года (лет)	Возраст при рождении первого ребенка (лет)							
		15–17	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45 и более
1991–1992	18–19								
по данным переписи населения 2010 г.		43,4	56,6	–	–	–	–	–	–
оценка по возрастным коэффициентам рождаемости		36,7	63,3	–	–	–	–	–	–
1986–1990	20–24								
по данным переписи населения 2010 г.		10,3	30,7	59,0	–	–	–	–	–
оценка по возрастным коэффициентам рождаемости		9,4	28,8	61,8	–	–	–	–	–
1981–1985	25–29								
по данным переписи населения 2010 г.		5,3	16,3	58,1	20,3	–	–	–	–
оценка по возрастным коэффициентам рождаемости		5,0	15,9	56,8	22,3	–	–	–	–
1976–1980	30–34								
по данным переписи населения 2010 г.		6,1	16,6	47,9	24,0	5,3	–	–	–
оценка по возрастным коэффициентам рождаемости		5,7	17,1	46,9	24,4	5,9	–	–	–
1971–1975	35–39								
по данным переписи населения 2010 г.		5,7	21,0	48,2	17,3	6,4	1,4	–	–
оценка по возрастным коэффициентам рождаемости		5,4	21,6	48,4	16,9	6,3	1,5	–	–

Окончание таблицы 1

Год рождения женщин	Возраст по переписи населения 2010 года (лет)	Возраст при рождении первого ребенка (лет)							
		15–17	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45 и более
1966–1970	40–44								
по данным переписи населения 2010 г.		4,2	19,2	56,2	13,9	4,6	1,6	0,3	–
оценка по возрастным коэффициентам рождаемости		4,0	20,1	56,0	13,7	4,4	1,6	0,3	–
1961–1965	45–49								
по данным переписи населения 2010 г.		3,2	16,3	57,8	16,7	4,3	1,3	0,3	0,0
оценка по возрастным коэффициентам рождаемости		3,0	17,4	58,6	15,6	3,9	1,2	0,2	0,0
1956–1960	50–54								
по данным переписи населения 2010 г.		2,7	15,1	57,4	17,6	5,5	1,4	0,3	0,0
оценка по возрастным коэффициентам рождаемости		2,3	16,0	59,1	16,3	4,8	1,2	0,2	0,0
1951–1955	55–59								
по данным переписи населения 2010 г.		2,3	13,8	58,0	17,6	6,0	2,0	0,4	0,1
оценка по возрастным коэффициентам рождаемости		1,8	14,1	60,4	16,8	4,9	1,7	0,2	0,0
1946–1950	60–64								
по данным переписи населения 2010 г.		2,4	12,5	57,9	18,9	5,7	2,1	0,5	0,1
оценка по возрастным коэффициентам рождаемости		1,8	12,5	59,8	19,0	4,9	1,7	0,3	0,0

Источники: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 10. Рождаемость. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Human Fertility Database. URL: <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>; данные Росстата.

Сравнение данных о распределении женщин по возрасту при рождении первого ребенка, полученных по итогам переписи населения 2010 года и по результатам расчета на основе возрастных коэффициентов рождаемости, показывает, что между ними, на наш взгляд, нет принципиальных различий. Исключение составляют только женщины 1991–1992 гг. рождения, в отношении которых различия существенны. Для остальных поколений женщин нет ни одной разницы в величине показателя, превышающей 3 процентных пункта, и только в двух случаях она превышает 2 процентных пункта (возрастная группа 20–24 года при рождении первого ребенка у женщин 1951–1955 и 1986–1990 гг. рождения) (см. табл. 1).

Следовательно, параллельно можно использовать оба источника информации. Применение однолетних возрастных коэффициентов рождаемости позволяет рассчитывать средний возраст матери при рождении первого ребенка и анализировать динамику в одногодичной группировке по году рождения. Однако возможности анализа региональных различий здесь существенно ограничены. Как отмечалось выше, по регионам оценка на основе возрастных коэффициентов рождаемости может быть сделана только для поколений 1974 года

рождения и моложе. Кроме того, по значительной части регионов возраст матери при рождении первого ребенка расчетным путем вообще не может быть определен из-за отсутствия за несколько календарных лет, начиная с 1998 года, данных по очередности рождения. В связи с этим для анализа региональных различий в возрасте матери при рождении первого ребенка в реальных поколениях целесообразно использовать главным образом сведения по результатам переписи населения 2010 года.

Информационную базу исследования составили данные Росстата, в том числе специально Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения; данные, генерируемые в базе Human Fertility Database; итоги первой волны всероссийского мониторинга «Демографическое самочувствие населения регионов России», в разработке методологии, организации и проведении которого авторы приняли непосредственное участие. В 2020 году опрошено 5616 человек в 10 регионах России (республики Башкортостан и Татарстан, Ставропольский край, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Московская, Нижегородская и Свердловская области, Москва). Подробное описание методологии представлено в статье Т.К. Ростовской, О.В. Кучмаевой [16].

Результаты

Динамика среднего возраста матери при рождении первого ребенка отражает изменения в возрастной модели рождаемости по первым рождениям. Средний возраст матери при рождении первого ребенка, рассчитанный для условных поколений, в России в 1960–1980-х гг. и первой половине 1990-х гг. неуклонно снижался. В 1960 году он составлял 24,40 года, в 1965 – 24,03, в 1970 – 23,64, в 1975 – 23,29, в 1980 – 22,99, в 1985 – 22,91, в 1990 – 22,65. В 1994 году он достиг минимальной величины, составив 22,53 года³.

В последующие годы средний возраст матери при рождении первого ребенка неуклонно повышался, причем темпы его повышения оказались существенно большими, чем темпы снижения в предшествующий период. В 1995 году он был равен 22,67 года, в 2000 – 23,54, в 2005 – 24,11. В 2008 году его величина превысила уровень 1960 года, составив 24,44 года, в 2010 – 24,90, а в 2013 году – превзошла рубеж 25 лет (25,14 года). В 2015 году средний возраст матери при рождении первого ребенка составил 25,46 года, в 2018 – 25,91, в 2019 – 25,94⁴.

Несмотря на существенное повышение, средний возраст матери при рождении первого ребенка в России остается одним из самых низких среди экономически развитых стран. Для сравнения, в 2017 году в США он равнялся 27,24 года, Литве – 27,47, Эстонии – 27,70 (в 2000 году его величина в Литве (23,90) и Эстонии (23,95) была лишь на 0,35–0,40 года больше, чем в России, а в 2017 году разница составляла, соответственно, 1,68 и 1,91 года), Венгрии – 28,04, Чехии – 28,23, Хорватии – 28,54, Словении – 28,77, Финляндии – 29,11, Норвегии – 29,26, Швеции – 29,31, Австрии – 29,32, Германии – 29,56, Японии – 30,12, Италии – 31,05. По ряду государств последние доступные на сайте Human Fertility Database данные относятся к 2016 году: Польша – 27,15 года, Великобритания – 28,77, Дания – 29,24,

³ Здесь и далее средний возраст матери при рождении первого ребенка для условных поколений рассчитан на основе возрастных коэффициентов рождаемости, а не абсолютных чисел родившихся, т. е. не зависит от возрастной структуры женщин репродуктивного возраста.

⁴ Human Fertility Database. URL: <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si>; расчет по данным Росстата.

Канада – 29,25, Нидерланды – 29,76, Швейцария – 30,68, Испания – 30,80. Наиболее высокий средний возраст матери при рождении первого ребенка – в Южной Корее (в 2018 году – 31,60 года), где в XXI веке отмечено самое существенное его повышение: на 4 года по сравнению с 2000 годом (27,55)⁵.

В первой половине 1960-х гг. в России снижались коэффициенты рождаемости по первым рождениям во всех возрастных группах до 40 лет. Если в возрасте 15–19 лет снижение прекратилось в 1963 году, а в 20–24 года – в 1965, то у 25–29-летних женщин оно продолжалось до 1969 года, у 30–34-летних – до 1974, у 35–39-летних – до 1979 (*табл. 2*).

При этом в возрастной группе 15–19 лет коэффициент рождаемости по первым рождениям неуклонно повышался с 1964 по 1990 год и в 1977–1998 гг. был выше, чем в возрасте 25–29 лет. У 20–24-летних женщин коэффициент рождаемости по первым рождениям увеличивался в 1966–1971 гг., а затем почти ежегодно снижался до 1985 года. Снижение этого показателя у 25–29-летних в 1960-е гг. прервалось в 1970–1972 гг. и вновь продолжилось до 1984 года. В возрастной группе 30–34 года длительное снижение коэффициента рождаемости по первым рождениям (до 1983 года) прерывалось только в 1975–1977 гг.

Кратковременный период повышения коэффициентов рождаемости по первым рождениям в начале второй половины 1980-х гг. сменился продолжением их снижения после 1988 года. Только в возрастной группе 15–19 лет этот показатель повышался до 1990 года.

Как уже отмечалось, с 1995 года начал увеличиваться средний возраст матери при рождении первого ребенка. Изменялась возрастная модель рождаемости по первым рождениям. Если в возрастной группе 15–19 лет снижение коэффициента рождаемости по первым рождениям продолжилось до 2001 года, а в возрасте 20–24 года – до 1999, то в возрасте 25–29 лет этот коэффициент начал повышаться уже в 1994 году.

И в дальнейшем в возрастной группе 25–29 лет коэффициент рождаемости по первым рождениям неуклонно рос до 2013 года. В возраст-

⁵ Human Fertility Database. URL: <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>

Таблица 2. Возрастные коэффициенты рождаемости по первым рождением в России, 1959–2019 гг.

Год	Родившиеся первыми живыми на 1000 женщин в возрасте, лет						
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
1959	28,8	113,4	49,8	15,6	5,6	1,1	0,1
1965	23,5	98,4	43,9	12,2	4,4	1,2	0,1
1970	27,6	118,6	32,7	11,8	3,7	1,0	0,1
1975	33,0	115,4	36,7	8,5	3,0	0,7	0,0
1980	41,2	112,6	31,0	9,4	2,4	0,5	0,0
1985	43,4	105,4	30,5	9,1	3,2	0,4	0,0
1990	51,3	104,9	27,4	9,1	3,1	0,7	0,0
1995	41,9	83,5	25,0	6,8	2,2	0,4	0,0
2000	25,8	73,1	30,3	8,5	2,4	0,5	0,0
2005	24,9	68,8	38,8	11,1	2,8	0,4	0,0
2010	24,5	64,8	49,0	16,2	4,5	0,8	0,0
2015	21,0	58,7	50,6	19,9	6,1	1,1	0,1
2016	19,0	57,7	50,0	20,5	6,5	1,2	0,1
2017	15,9	52,5	44,7	19,2	6,2	1,2	0,1
2018	13,8	49,8	41,4	18,7	6,4	1,3	0,1
2019	12,7	48,1	39,8	17,7	6,3	1,3	0,1

Источники: Российская база данных по рождаемости и смертности. Центр демографических исследований Российской экономической школы, Москва (Россия). URL: http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data (дата обращения 26.06.2020); данные Росстата.

ных группах 30–34 года и 35–39 лет его повышение продолжалось до 2016 года. В последние годы он немного снизился, но в обеих этих возрастных группах, а также у 40–44-летних женщин коэффициент рождаемости по первым рождением сейчас выше, чем в 1959 году. Отметим, что в 2016–2019 гг. коэффициент рождаемости по первым рождением среди женщин в возрасте 30–34 года оказался выше, чем в 15–19 лет. После некоторой стабилизации в 2000–2012 гг. в последние годы коэффициент рождаемости по первым рождением в возрастной группе 15–19 лет существенно снижается.

У 25–29-летних женщин коэффициент рождаемости по первым рождением, так же как и в более старших возрастах, в 2012–2016 гг. был выше, чем в 1959 году.

В отличие от возрастной группы 25–29 лет повышение коэффициента рождаемости в возрасте 20–24 года имело место только в 2000–2003 гг. В 2005–2009 гг. он оставался стабильным, а в последнее десятилетие существенно снижается (см. табл. 2).

Повышение среднего возраста матери при рождении первого ребенка происходит не только по календарным показателям для так называемых условных поколений, но и в реальных поколениях женщин.

Расчеты свидетельствуют, что в целом в России, по состоянию на начало 2020 года, можно говорить об итоговой величине среднего возраста матери при рождении первого ребенка для поколений женщин 1971 года рождения и старше (табл. 3).

Вероятно, начиная с поколений женщин конца 1940-х гг. рождения происходит снижение среднего возраста матери при рождении первого ребенка (точнее это можно было бы оценить, имея данные для поколений женщин более старших, чем 1944 года рождения). Если у женщин 1947 года рождения средний возраст при рождении первого ребенка составляет 23,59 года, то у тех, кто на 10 лет моложе (1957 года рождения), он на 0,5 года меньше (23,09 года), а у женщин, родившихся еще на 10 лет позже (1967 года рождения) – меньше еще на 0,4 года. В поколении женщин 1967–1969 гг. рождения, вероятно, была достигнута минимальная (после снижения) величина среднего возраста матери при рождении первого ребенка – 22,69 года (см. табл. 3). Выше отмечалось, что в 1960–1980-х гг. и первой половине 1990-х гг. снижалась величина этого показателя по календарным годам, т. е. для условных поколений. Понятно, что его величина складывается под влиянием возраста

Таблица 3. Средний возраст матери при рождении первого ребенка в поколениях женщин 1944–1971 гг. рождения в России, лет

Год рождения	Средний возраст матери при рождении первого ребенка	Год рождения	Средний возраст матери при рождении первого ребенка	Год рождения	Средний возраст матери при рождении первого ребенка	Год рождения	Средний возраст матери при рождении первого ребенка
1944	23,46	1951	23,35	1958	23,03	1965	22,76
1945	23,43	1952	23,32	1959	22,97	1966	22,71
1946	23,48	1953	23,26	1960	22,93	1967	22,69
1947	23,59	1954	23,20	1961	22,90	1968	22,69
1948	23,50	1955	23,17	1962	22,88	1969	22,69
1949	23,46	1956	23,13	1963	22,84	1970	22,74
1950	23,39	1957	23,09	1964	22,79	1971	22,84

Источники: Human Fertility Database. URL: <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si>; данные Росстата.

Таблица 4. Средний возраст матери при рождении первого ребенка в поколениях женщин 1972–1985 гг. рождения в России (на начало 2020 г.), лет

Год рождения	Средний возраст матери при рождении первого ребенка	Год рождения	Средний возраст матери при рождении первого ребенка	Год рождения	Средний возраст матери при рождении первого ребенка
1972	22,97	1977	23,93	1982	24,53
1973	23,11	1978	24,13	1983	24,59
1974	23,28	1979	24,29	1984	24,57
1975	23,44	1980	24,36	1985	24,47
1976	23,67	1981	24,44		

Источники: Human Fertility Database. URL: <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si>; данные Росстата.

при рождении первого ребенка у женщин разных поколений. Но следует обратить внимание на то, что женщины 1967–1969 гг. рождения, в среднем, рожали первого ребенка в 1989–1992 гг. и средний возраст матери при рождении первого ребенка в 1989 году был равен 22,78 года, в 1990 – 22,65, в 1991 – 22,60, в 1992 – 22,60⁶. Эти величины очень близки к среднему возрасту при рождении первого ребенка у женщин 1967–1969 гг. рождения (22,69 года), что косвенно свидетельствует об отсутствии тайминговых сдвигов при рождении первого ребенка в тот период. Обращаем на это внимание, так как в последующие годы, как будет показано далее, средний возраст матери при рождении первого ребенка существенно различался в реальных поколениях и в соответствующих календарных годах.

⁶ Human Fertility Database. URL: <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si>

Начиная с поколения 1970 года рождения средний возраст матери при рождении первого ребенка повышается. Это опять же достаточно хорошо коррелирует с началом повышения величины этого показателя по календарным годам с 1995 года. Об итоговой величине среднего возраста матери при рождении первого ребенка можно сейчас говорить только применительно к поколениям 1970 и 1971 гг. рождения. Однако дальнейшее его повышение можно проследить и по более молодым поколениям (табл. 4), имея в виду, что величина этого показателя у них еще повысится (понятно, что снизиться она уже не может).

По состоянию на начало 2020 года (т. е. с учетом возрастных коэффициентов рождаемости по первым рождениям до 2019 года включительно) средний возраст матери при рождении первого ребенка в России повышается до значения поколения 1983 года рождения, достигая уровня 24,59 года. На начало 2020 года этим женщинам было 36 лет, и до конца репродук-

тивного периода величина показателя у них, вероятно, существенно повысится. При условии сохранения возрастных коэффициентов рождаемости по первым рождением на уровне 2019 года средний возраст при рождении первенцев у женщин 1975 года рождения может составить 23,46 года, 1980 года рождения – 24,50 года, 1985 года рождения – 25,07 года. В последующих поколениях, при заданном условии расчета, величина этого показателя стабилизируется и только начиная с поколения 1993 года рождения (25,14 года) вновь начинает повышаться, достигая 25,23 года у женщин 1995 года рождения и 25,86 года у женщин 2000 года рождения.

Выше отмечалось, что средний возраст матери при рождении первого ребенка у женщин 1967–1969 гг. рождения был близок, к тому, который имел место в России в начале 1990-х гг. В последующие годы ситуация несколько менялась. Средний возраст при рождении первого ребенка у женщин, начиная с поколения 1978 года рождения, превышает 24 года (см. табл. 4). Однако по календарным годам (условные поколения) этот рубеж был превзойден только в 2005 году (24,11 года). При этом в поколениях женщин, начиная с 1980 года рождения, итоговая величина среднего возраста при рождении первого ребенка, вероятно, будет не меньше 24,50 года. В величине этого показателя по календарным годам данный рубеж был пройден только в 2009 году (24,61 года). Такие различия в величине показателя по календарным годам и в реальных поколениях, видимо, могут свидетельствовать о наличии тайминговых сдвигов, проявлявшихся в откладывании первых рождений во второй половине 1990-х и начале 2000-х гг. Понятно, что в текущей статистике учитывается возраст при рождении первого ребенка только у тех женщин, кто родил его в данном году. В нее не могут попасть те, кто откладывал рождение первого ребенка. Существенно более низкая величина среднего возраста матери при рождении первого ребенка в календарных годах по сравнению с его величиной в реальных поколениях, находившихся в этот период в возрасте активного рождения первых детей, может, видимо, говорить об откладывании первых рождений. Об этом косвенно свидетельствует и

значительное снижение суммарного коэффициента рождаемости по первым рождением в 1990-е гг. (в 1990 году – 0,996, в 1995 – 0,803, в 1999 – 0,678⁷).

В последние годы, наоборот, средний возраст матери при рождении первого ребенка по календарным годам выше, чем в реальных поколениях, находившихся в этот период в возрасте с наиболее высокими показателями рождаемости по первым рождением. В 2013 году он составлял 25,20 года, что больше, чем досчитанная итоговая величина среднего возраста матери при рождении первого ребенка в реальных поколениях 1987–1994 гг. рождения (25,07–25,18; в более старших поколениях она еще меньше). В 2015 году средний возраст матери при рождении первого ребенка был равен 25,46 года, а в реальных поколениях досчитанная итоговая величина этого показателя достигает такого или более высокого уровня только в поколениях женщин 1997 года рождения и моложе. В 2018–2019 гг. средний возраст матери при рождении первого ребенка оказался больше 25,9 года. Ни в одном из реальных поколений женщин 2000 года рождения и старше досчитанная итоговая величина этого показателя не достигает такого уровня (1990 год рождения – 25,06; 1993 – 25,14; 1996 – 25,37; 1998 – 25,59; 2000 – 25,86). Если во второй половине 1990-х и начале 2000-х гг., скорее всего, имели место откладывания рождения первого ребенка, то более высокая величина среднего возраста матери при рождении первого ребенка в последние годы по сравнению с соответствующими реальными поколениями может свидетельствовать о реализации откладывавшихся рождений. Пока это, вероятно, можно выдвинуть в качестве гипотезы, для подтверждения или опровержения которой нужны дополнительные, прежде всего социологические, исследования.

Региональные различия в возрасте матери при рождении первого ребенка могут быть рассмотрены для условных поколений по календарным годам и для реальных поколений по данным переписи населения 2010 года.

⁷ The Human Fertility Database. URL: <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si>.

Для условных поколений по регионам может быть рассчитан средний возраст матери при рождении первого ребенка. В 2019 году величина этого показателя в целом по России составляла 25,94 года.

Наименьший средний возраст матери при рождении первого ребенка в 2019 году наблюдался в Республике Тыва (23,44 года). Еще в четырех субъектах Российской Федерации он был менее 24 лет: республики Дагестан (23,52; о возможных факторах низкого среднего возраста матери в этом регионе см. статьи К.И. Казенина и В.А. Козлова [17; 18]) и Чеченская (23,72), Забайкальский край (23,97), Чукотский автономный округ (23,94).

В диапазоне от 24 до 25 лет величина этого показателя в республиках Алтай, Бурятия, Саха (Якутия) и Хакасия, Астраханской и Кемеровской областях, Еврейской автономной области и Ненецком автономном округе.

От 25 до 25,5 лет средний возраст матери при рождении первого ребенка в 2019 году составлял в республиках Адыгея, Ингушетия, Кабардино-Балкарская и Калмыкия, Алтайском, Приморском и Ставропольском краях, Амурской, Владимирской, Волгоградской, Иркутской, Курганской, Магаданской, Оренбургской и Тамбовской областях.

37 из 85 субъектов Российской Федерации входят в группу со средним возрастом матери при рождении первого ребенка в 2019 году от 25,5 до 26 лет: республики Карачаево-Черкесская, Коми, Крым, Марий Эл, Мордовия, Удмуртская и Чувашская, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский и Хабаровский края, Белгородская, Брянская, Вологодская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Новгородская, Новосибирская, Омская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Саратовская, Сахалинская, Смоленская, Тверская, Тульская, Тюменская, Ульяновская и Челябинская области, Ханты-Мансийский – Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа.

В 15 регионах средний возраст матери при рождении первого ребенка в 2019 году составлял от 26 до 26,5 года: республики Башкортостан и Татарстан, Архангельская, Воронежская, Калининградская, Кировская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Ря-

занская, Самарская, Свердловская, Томская и Ярославская области. Еще в трех регионах он несколько выше: республики Карелия (26,67 года) и Северная Осетия – Алания (26,57), Севастополь (26,91).

Наиболее поздно, в среднем, рожают первого ребенка жительницы Москвы (27,76 года) и Санкт-Петербурга (28,06)⁸.

Распределение по возрасту матери при рождении первого ребенка, по данным переписи населения 2010 года, целесообразно проводить по субъектам Российской Федерации для поколений, завершивших репродуктивный период или близких к его завершению. У них вероятность рождения первого ребенка невелика.

Относительно более ранний средний возраст при рождении первого ребенка у женщин, которым на момент переписи населения 2010 года было 40–44 года, имел место в большинстве регионов Сибири и Дальнего Востока. Причем это не связано, как можно было бы предполагать, с уровнем рождаемости. Наибольшая доля родивших первого ребенка в возрасте 25 лет и старше среди сибирских и дальневосточных регионов в республиках Саха (Якутия) и Тыва (в которой один из самых высоких уровней рождаемости в России). С другой стороны, в среднем более позднее рождение первого ребенка у женщин этого поколения имело место не только, ожидаемо, в Москве и Санкт-Петербурге, но и во всех республиках Северного Кавказа, в т. ч. с относительно высоким уровнем рождаемости.

В Забайкальском крае, Амурской области и Еврейской автономной области свыше трети женщин, которым на момент переписи населения 2010 года исполнилось 40–44 года, родили первого ребенка в возрасте до 20 лет. Немногим меньше, но более 30%, таковых было в Камчатском и Хабаровском краях, Магаданской и Сахалинской областях, Чукотском автономном округе. С другой стороны, менее 20% первых рождений у женщин моложе 20 лет в этом поколении в республиках Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Марий Эл, Татарстан и Чувашская, в Москве и Санкт-Петербурге, а менее 15% – в Северной Осетии – Алании (14,2%).

⁸ Источник: данные Росстата.

Таблица 5. Доля никогда не состоявших в браке женщин в возрасте 20–34 года в России, %

Возраст (лет)	2002	2010	2015
20–24	52,6	57,2	53,9
25–29	21,8	26,3	24,1
30–34	10,9	14,7	13,6

Источники: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31>; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. С. 294–295. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-01.pdf; Итоги микропереписи населения 2015 года. Раздел 1. Возрастно-половой состав населения, принявшего участие в микропереписи, и состояние в браке. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

Только в Республике Ингушетии на возрастной период от 20 до 25 лет пришлось в этом поколении меньше половины первых рождений (44,1%). Во всех остальных регионах в этом возрасте более чем у половины женщин появлялся первый ребенок. Наибольшая доля таковых оказалась в Вологодской (60,3%), Кировской (60,3%) и Костромской (61,3%) областях, республиках Башкортостан (60,9%), Чувашская (61,3%) и Марий Эл (61,9%).

Наименьшая доля родивших первого ребенка в возрасте 25 лет и старше в поколении женщин, которым на момент переписи населения 2010 года исполнилось 40–44 года, наблюдалась в Еврейской автономной области (12,1%), Амурской области (12,9%), Забайкальском крае (13,4%). С другой стороны, свыше четверти первых рождений у женщин этого поколения пришлось на возраст 25 лет и старше в республиках Карачаево-Черкесская и Чеченская, в Москве и Санкт-Петербурге, а свыше трети – в республиках Северная Осетия – Алания (33,8%) и Ингушетия (40,1%).

Детерминанты возраста материнства. Большинство первых рождений происходит в зарегистрированном браке. В последние годы их доля в общем числе первых рождений составляет свыше 75%: в 2014 году – 75,5%, 2015 – 76,4%, 2016 – 77,1%, 2017 – 77,4%, 2018 – 76,8%, 2019 – 76,9%⁹. В связи с этим от среднего возраста матери при рождении первого ребенка в зарегистрированном браке существенно зависит его величина в целом для всех первых рождений.

Средний возраст матери при рождении первого ребенка в зарегистрированном браке определяется двумя компонентами: средний возраст регистрации первого брака у женщин и интер-

вал между регистрацией брака и рождением первого ребенка (протогенетический интервал).

В период между переписями населения 2002 и 2010 гг. средний возраст вступления в первый брак в России повышался, о чем свидетельствует увеличение доли никогда не состоявших в браке среди женщин в возрасте от 20 до 35 лет (табл. 5).

Доля никогда не состоявших в браке среди женщин по переписи населения 2010 года, по сравнению с переписью населения 2002 года, в возрастной группе 20–24 года была больше на 4,6 процентных пункта, в 25–29 лет – на 4,5 п. п., в 30–34 года – на 3,8 п. п.

Однако данные микропереписи населения 2015 года показали несколько меньшую, чем по переписи населения 2010 года, долю никогда не состоявших в браке женщин в этих возрастных группах (см. табл. 5). Косвенно это может свидетельствовать о некотором снижении, в среднем, возраста вступления в первый брак у женщин в период между 2010 и 2015 гг. Микроперепись населения 2015 года выявила и более высокую, по сравнению с переписью населения 2010 года, долю женщин, состоящих в зарегистрированном браке: 20–24 года – на 1,4 п. п.; 25–29 лет – на 1,5 п. п.; 30–34 года – на 2,3 п. п.¹⁰ Следует, конечно, иметь в виду, что речь здесь идет о состоящих в зарегистрированном бра-

¹⁰ Источники: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31>; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. С. 294–295. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-01.pdf; Итоги микропереписи населения 2015 года. Раздел 1. Возрастно-половой состав населения, принявшего участие в микропереписи, и состояние в браке. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

⁹ Источник: данные Росстата.

ке вообще, а не обязательно в первом. Однако к трактовке результатов сравнения данных переписи населения 2010 года и микропереписи населения 2015 года следует подходить с осторожностью, имея в виду их некоторую несопоставимость, так как микроперепись охватила лишь 1,5% населения.

Данные текущей статистики показывают небольшое повышение среднего возраста женщин при регистрации первого брака в период после переписи населения 2010 года. По расчетам С.В. Захарова на основе данных Росстата, средний возраст женщин при регистрации первого брака, среди зарегистрировавших его в возрасте до 50 лет, в 2016 году по сравнению с 2011 годом был выше на 0,34 года: в 2011 году – 24,97 года; 2012 – 25,06; 2013 – 25,17; 2014 – 25,26; 2015 – 25,24; 2016 – 25,31 [19]. В 2017 году средний возраст регистрации первого брака у женщин составил 25,44 года, в 2018 – 25,46, в 2019 – 25,55¹¹, что значительно выше, чем, например, в 1995 году (21,99 года)¹².

Вторым компонентом, определяющим средний возраст матери при рождении первого ребенка в зарегистрированном браке, является интервал между регистрацией первого брака и рождением первого ребенка (протогенетический интервал). К сожалению, статистических данных о величине этого интервала нет. Ежегодно разрабатывается статистическая форма р246 «Число брачных рождений по длительности брака», но только по всем рождениям без дифференциации по очередности.

Протогенетический интервал может быть рассчитан на основе микроданных записей ак-

тов о рождении. Имеющиеся в нашем распоряжении базы таких микроданных по Москве показывают существенное различие среднего интервала между регистрацией брака и рождением в нем первого ребенка у женщин с разным уровнем образования (табл. 6).

Женщины с высшим профессиональным образованием в среднем чаще и на более длительный срок после регистрации брака откладывают рождение первого ребенка. Средний интервал между двумя этими демографическими событиями у них существенно больше, чем у имеющих более низкий уровень образования (см. табл. 6).

Протогенетический интервал у женщин в Москве различается и в зависимости от возраста регистрации брака¹³ (табл. 7).

У тех женщин, которые зарегистрировали брак до 18 лет, средний интервал между регистрацией брака и рождением первого ребенка сравнительно невелик (в 2019 году – 21,4 месяца). У тех, кто зарегистрировал брак в более старшем возрасте, средний протогенетический интервал больше. В 2015 году он был наибольшим у зарегистрировавших брак в 20–21 год, а в 2016–2017 и 2019 гг. – 22–23 года. Чем старше возраст регистрации брака, тем меньше средний протогенетический интервал. У зарегистрировавших брак после 30 лет он меньше, чем у тех, кто сделал это до 18 лет (см. табл. 7).

Отмеченный выше рост среднего возраста матери при рождении первого ребенка в поколениях 1970-х – 1980-х гг. рождения (см. табл. 4) показывают и результаты социологических исследований. Так, например, по данным

Таблица 6. Средний интервал между регистрацией брака и рождением первого ребенка (протогенетический интервал) у женщин с разным уровнем образования в Москве, месяцев

Уровень образования	2014	2015	2016	2017	2019
Высшее профессиональное	27,6	28,9	29,1	29,7	32,3
Неполное высшее профессиональное	16,6	15,9	15,6	17,8	16,9
Среднее профессиональное	19,9	21,1	20,3	20,5	20,8
Среднее (полное) общее	16,3	17,9	17,7	18,2	18,6
Основное общее	14,7	18,3	14,8	15,4	14,5

¹¹ Источник: данные Росстата.

¹² С 1997 по 2010 год в России отсутствовала необходимая статистическая информация для корректного расчета среднего возраста регистрации брака.

¹³ В данном случае речь идет не обязательно о возрасте регистрации первого брака. Имеется в виду брак, в котором у женщины родился первый ребенок.

Таблица 7. Средний интервал между регистрацией брака и рождением первого ребенка (протогенетический интервал) в зависимости от возраста регистрации брака в Москве, месяцев

Возраст регистрации брака, лет	2015	2016	2017	2019
моложе 18	19,9	23,2	21,7	21,4
18–19	30,6	29,7	31,2	30,8
20–21	35,9	33,5	33,7	34,6
22–23	33,7	34,5	34,7	36,0
24–25	28,4	29,5	31,7	35,2
26–27	24,0	25,3	26,7	31,0
28–29	21,2	21,8	22,8	26,4
30–34	18,6	18,9	19,3	21,2
35–39	14,9	15,2	16,4	16,8
40–44	12,3	10,8	14,8	12,4

социологического опроса, проведенного исследовательским коллективом под руководством доктора социологических наук, профессора Т.К. Ростовской в конце 2019 – начале 2020 года (далее – социологический опрос 2019–2020)¹⁴, у женщин 1970–1974 гг. рождения он составляет 23,75 года, 1975–1979 – 24,07, 1980–1984 – 24,38. У женщин 1985–1989 гг. рождения его величина пока ниже (23,85 года), но на момент опроса им исполнилось только 30–35 лет, и к концу репродуктивного периода средний возраст при рождении первого ребенка в этом поколении женщин значительно повысится.

Результаты исследования показывают существенно больший средний возраст при рождении первого ребенка у женщин с высшим и послевузовским профессиональным образованием (24,33 года). У имеющих неполное высшее профессиональное образование он составляет 23,08 года; среднее профессиональное – 23,16; начальное профессиональное, среднее (полное) общее и более низкое образование – 21,81.

Аналогичные различия в среднем возрасте матери при рождении первого ребенка были выявлены и по результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проведенного Росстатом в 2012 году¹⁵. У жен-

щин, имеющих высшее и послевузовское профессиональное образование, он составляет 24,05 года; неполное высшее профессиональное – 22,49; среднее профессиональное – 22,44; начальное профессиональное – 22,16; среднее (полное) общее – 21,41; основное общее и более низкое – 20,49.

Получение образования как один из факторов откладывания рождения первого ребенка отмечали женщины, участвовавшие в социологическом исследовании методом полуструктурированных биографических интервью, проведенном в 2014 году Лабораторией методологии федеративных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ [20].

По данным социологического опроса 2019–2020 гг., у женщин с высшим и послевузовским профессиональным образованием выше средний возраст регистрации первого брака (23,32 года; неполное высшее профессиональное образование – 21,96; среднее профессиональное – 22,17; начальное профессиональное, среднее (полное) общее и более низкое образование – 22,42) и несколько больше средний интервал между регистрацией брака и рождением первого ребенка (19,6 месяца; неполное высшее профессиональное образование – 14,1; среднее профессиональное – 19,5; начальное профессиональное, среднее (полное) общее и более низкое образование – 6,6)¹⁶.

Результаты «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения – 2012» также выявили более поздний возраст регистрации

¹⁴ Опрошено 5616 человек в 10 регионах (республики Башкортостан и Татарстан, Ставропольский край, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Московская, Нижегородская и Свердловская области, Москва).

¹⁵ Подробнее об этом исследовании см. https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html; соответствующие расчеты по результатам аналогичного обследования 2017 года не могут быть произведены, так как на момент подготовки статьи база его микроданных закрыта.

¹⁶ Показатели рассчитаны для состоящих в первом браке и имеющих детей только от нынешнего брака.

первого брака и большой протогенетический интервал при более высоком уровне образования. Женщины с высшим и послевузовским профессиональным образованием регистрировали первый брак, в среднем, в 22,79 года; с неполным высшим профессиональным – 22,17; средним профессиональным – 21,72; начальным профессиональным – 21,68; средним (полным) общим – 21,29; основным общим и более низким – 20,15. Средний интервал между регистрацией брака и рождением первого ребенка у имеющих высшее и послевузовское профессиональное образование составляет 17,2 месяца; неполное высшее профессиональное – 9,1; среднее профессиональное – 10,7; начальное профессиональное – 12,9; среднее (полное) общее – 8,8; основное общее и более низкое – 2,4¹⁷.

Однако интерпретация связи между уровнем образования и возрастом материнства, вступления в брак требует более глубокого осмысления. Это, вполне вероятно, не столь существенные различия в жизненных целях и потребности в детях, сколько объективная разница периода достижения экономической самостоятельности, обусловленная сроком обучения. Женщины, получающие высшее образование, как правило, учатся на два года дольше в школе и/или на два года дольше получают профессиональную подготовку.

Выводы

Возраст материнства как один из параметров демографического поведения населения является ярким маркером периода социально-экономической зрелости. Поскольку хотя бы одного ребенка планирует иметь абсолютное большинство россиян, детерминация срока его рождения заключается в оценке благоприятности условий. Нуклеаризация семьи, ослабление функциональных межпоколенческих связей [21], не всегда системная социальная поддержка молодых семей, высокие требования к условиям воспитания детей, представление об их затратности, доступность методов планирования семьи ведут к формированию повышенной личной ответственности за решение о рождении первенца. Это в целом по-

зитивный тренд, но он объективно влечет за собой жесткую увязку с достижением экономической самостоятельности молодой семьи. Возраст материнства растет параллельно со сроком длительности получения образования. И это общемировая тенденция. Демографические риски «старения» материнства были бы не столь высоки, если бы россияне имели устойчивые среднетенные ориентации. Теоретически это привело бы к сокращению интергенетических интервалов. Однако уверенное большинство ориентировано на 1–2 детей, родить и воспитать которых «вполне успеется» и нужно сначала «встать на ноги». Расчет среднего возраста матери при рождении первого ребенка для условных и реальных поколений показал, что в последние 20–30 лет его значение растет, но внутри поколений все не столь однозначно. В реальных поколениях молодых женщин он ниже, а значит, демографическая политика способствовала реализации их репродуктивных планов. Однако при имеющихся невысоких предпочитаемых числах детей это не обеспечит дальнейшего роста рождаемости. Региональная дифференциация возраста материнства, казалось бы, может дать подсказку о его детерминантах. Самые «молодые» регионы по показателю для условных поколений имеют относительно высокие показатели рождаемости. Это, ожидаемо, республики Кавказского региона, Тыва. Однако анализ ситуации в реальных поколениях, в том числе по национальностям, не дает однозначного подтверждения данной закономерности. Ведущими факторами, определяющими возраст материнства, остаются брачность (возраст вступления в брак) и уровень образования. Эти детерминанты отражают социально-экономическую зрелость потенциальных родителей, готовность взять на себя ответственность за воспитание ребенка, изменить свою жизнь. В условиях фактически массового высшего образования, отсутствие которого может существенно ограничить конкурентоспособность работника на рынке труда и карьерные перспективы, ставка на бакалавриат и среднее профессиональное образование, способное ускорить экономическую самостоятельность, даст позитивный результат только в случае обеспечения достойно оплачиваемых рабочих мест.

¹⁷ Показатели рассчитаны для состоящих в первом браке и имеющих детей только от нынешнего брака.

Литература

1. Калачикова О.Н., Короленко А.В. Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. 2018. № 4. С. 110–122. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-10
2. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата) // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.1
3. Шабунова А.А., Ростовская Т.К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 38–57. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.2
4. Lesthaeghe R, van de Kaa DJ. Twee demografische transitities? In: *Bevolking: groei en krimp*. Deventer: Van Loghum Slaterus, 1986. Pp. 9–24.
5. Van de Kaa D. Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*, 1993, vol. 42 (1). 55 p.
6. Coleman D., Rowthorn R. Who's afraid of population decline? A Critical examination of its consequences. *Population and Development Review*, 2011, vol. 37 (demographic transition and its consequences), pp. 217–248.
7. Frejka T., Sardon J.-P. First birth trends in developed countries: a cohort analysis. *Demographic Research*, 2006, vol. 15, article 6, pp. 147–180. Available at: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol15/6/15-6.pdf>
8. Шербакова Е.М. Молодежь СНГ, демографический портрет // Демоскоп Weekly. 2017. № 711–712. С. 19. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/barometer711.pdf>
9. Aksyonova S.Y. Advanced maternal age: The case of Ukraine. *Демографія та соціальна економіка=Demography and Social Economy*, 2014, no. 2 (22), pp. 57–67. Available at: [https://dse.org.ua/archiv/22/2\(22\)_2014.pdf](https://dse.org.ua/archiv/22/2(22)_2014.pdf) (in Russian).
10. Аксьонова С.Ю. Середній вік матері при народженні дитини: чи можлива реверсія? // Демографія та соціальна економіка. 2018. № 2 (33). С. 53–66.
11. Аксьонова С.Ю. Взаємозв'язки середнього віку матері при народженні дитини і рівня народжуваності // Демографія та соціальна економіка. 2019. № 2 (36). С. 23–38. URL: [https://dse.org.ua/archiv/36/2_\(36\)_2019.pdf](https://dse.org.ua/archiv/36/2_(36)_2019.pdf)
12. Эдиев Д.М. О роли среднего возраста матери при рождении ребенка в долгосрочной демографической динамике // Вопросы статистики. 2006. № 11. С. 23–31.
13. Фахрисламова Р.Т. Откладывание рождения детей (первенцев) в России и в мире // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: матер. III междунар. науч.-практ. интернет-конф., 26–30 марта 2018 г. Ч. 2. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. С. 275–283.
14. Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // Народонаселение. 2019. № 1. С. 21–36.
15. Gordo L.R. Why are women delaying motherhood in Germany? *Feminist Economics*, 2009, no. 15:4, pp. 57–75. DOI: 10.1080/13545700903153955
16. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Концептуальные подходы к проведению всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России» как инструменту мониторинга результативности демографической политики // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2020. № 3. С. 89–99. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-3-89-99
17. Казенин К., Козлов В. Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт (предварительные результаты обследования сельского населения) // Демографическое обозрение. 2016. № 3. С. 100–123.
18. Казенин К.И., Козлов В.А. Возраст материнства в Дагестане: значимость этнического фактора в условиях модернизации // Народонаселение. 2017. № 1. С. 46–58.
19. Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 134–136.
20. Ипатов А.А., Тындик А.О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. 2015. № 24 (4). С. 123–148.
21. Короленко А.В. Некоторые аспекты состояния современного «института бабушек»: опыт социологического исследования // Социальное пространство. 2018. № 4 (16). DOI: 10.15838/sa.2018.4.16.3

Сведения об авторах

Владимир Николаевич Архангельский – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт демографических исследований (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1); заведующий сектором, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46); научный сотрудник, Департамент здравоохранения г. Москвы, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента (115184, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Татарская, д. 30; e-mail: archangelsky@yandex.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт демографических исследований (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1); заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Arkhangel'skiy V.N., Kalachikova O.N.

Maternal Age at First Birth: Dynamics, Regional Differences, Determination

Abstract. The article presents the research results of the age model at first birth in Russia for the period of 1960-2019 which is available for calculations. The authors demonstrate the compatibility of data on first births from different sources, and calculate the indicator of “mean maternal age at first birth” using the methods of longitudinal and transverse demographic analysis (for real and conditional generations). The researchers have revealed that mother’s age at first birth in the period from the 1960s to 1994 was decreasing from 24.4 to 22.5 years, then it was growing and in 2019 it made up 25.9 years. The age at first birth in “young” real generations is lower than in conventional ones, in 2018–2019, it made up 25.9 years, but in none of real generations of women born in 2000 and older the total count value of this indicator reaches this level. This is evidence of timing shifts in the second half of the 1990s – early 2000s, after which, probably, the delayed births were realized, which caused an increase in the birth rate. The average maternal age at first birth has been calculated for all regions of Russia, showing variability from 23 to 28 years, in most of them the figure made up 25-26 years. The minimum values of the indicator are shown in the republics of Tyva (23.4 years), Dagestan (23.5), Chechnya (23.7), and Zabaykalsky Krai (23.9); the maximum values are revealed in Saint Petersburg (28.0) and Moscow (27.7). The main determinants of motherhood age are the level of education and marital behavior, which indicates the importance of socio-economic independence in the process of reproductive behavior formation. The novelty of the study lies in the use of the author’s approach taking into account the strengths and weaknesses of longitudinal and transverse demographic analysis, which provides reliable data on mother’s age at first birth. From a practical point of view, assessing motherhood age makes it possible to justify the importance of improving the effectiveness of youth and demographic policies.

Key words: maternal age at first birth, age model of birth rate, motherhood age.

Information about the Authors

Vladimir N. Arkhangel'skiy – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute for Demographic Research, (6 Fotieva Street, building 1, Moscow, 119333, Russian Federation); Head of Sector, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Population Issues Research Centre (1 Leninskie Gory, building 46, Moscow, 119991, Russian Federation); Researcher, Moscow Healthcare Department, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management (30 Bolshaya Tatarskaya Street, Moscow, 115184, Russian Federation; e-mail: archangelsky@yandex.ru)

Ol'ga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute for Demographic Research, (6 Fotieva Street, building 1, Moscow, 119333, Russian Federation); Deputy Director, Head of Department, Vologda Research Center of RAS (56a Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Статья поступила 14.09.2020.

Модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения России: современные тенденции*

Ольга Анатольевна

КОЗЛОВА

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29

E-mail: Olga137@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0448-3519; ResearcherID: M-4659-2016

Ольга Олеговна

СЕКИЦКИ-ПАВЛЕНКО

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29

E-mail: pavlenko_ola@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1370-8724

Аннотация. В статье проводится анализ изменений моделей рождаемости и репродуктивного поведения женщин в период с 2000 по 2018 год. Объект исследования – репродуктивное поведение, представляющее собой систему действий и отношений, направленных на рождение определенного числа детей или отказ от рождения. В качестве предмета исследования выступают демографические и социально-экономические аспекты взаимосвязи потребности в детях и условий реализации. Цель работы состоит в рассмотрении современных моделей рождаемости и репродуктивного поведения с учетом факторов демографического, экономического, социального характера, влияющих на рождаемость. Новизна исследования заключается в применении

* Публикация подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики Уральского отделения РАН на 2019–2022 годы.

Для цитирования: Козлова О.А., Секицки-Павленко О.О. Модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения России: современные тенденции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 218–231. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.13

For citation: Kozlova O.A., Sekitski-Pavlenko O.O. Patterns of birth rate and Russian female population reproductive behavior: current trends. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 218–231. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.13

междисциплинарного подхода, основанного на синтезе положений демографических и экономических теорий, объясняющих изменения в репродуктивном поведении. Анализируется динамика демографических и социально-экономических показателей, выделяются характерные черты, присущие тем или иным паттернам репродуктивного поведения женского населения России за период с 2000 по 2018 год. Результаты, полученные в ходе исследования, демонстрируют коренную перестройку системы ценностных установок, связанных с рождением и воспитанием ребенка. Снижение показателей общей и суммарной рождаемости, сдвиги в возрастной структуре рождаемости, ориентация на одно-двудетную модель семьи, увеличение среднего возраста матери при рождении ребенка свидетельствуют о превалировании экономической и социальной выгоды над рождением большего числа детей. В прикладном отношении результаты, представленные в статье, могут служить основой для будущих междисциплинарных исследований в области рождаемости, а также использоваться в качестве методической и информационной базы при разработке мер демографической политики, направленных на стимулирование рождаемости.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, факторы рождаемости, изменения, модели рождаемости и репродуктивного поведения.

Введение

Ключевая роль в решении задач демографической политики принадлежит формированию комплекса мер по стабилизации и увеличению численности населения страны, а также созданию условий, способствующих повышению качества жизни¹. В этом контексте семья представляет собой базовый источник социально-экономического капитала, а рождаемость является основой его воспроизводства. На протяжении почти всей истории человечества именно семья играла ключевую роль в воспроизводстве населения. Демографические события последних двух десятилетий в России тесно связаны с глубокими изменениями репродуктивного поведения. Рост уровня рождаемости невозможен без понимания духовно-нравственных ориентиров общества, повышения значимости института семьи и его роли. На данном этапе развития российского общества поддержание и сохранение традиционных семейных ценностей вступает в сильнейшее противоречие с социально-экономическими и культурными реалиями. Игнорирование этих противоречий уже сейчас привело к значительному истощению демографических ресурсов, на восполнение которых потребуется не один десяток лет.

¹ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/znani/konceptiya/konceptiya25.html>

Для эффективной реализации мер демографической политики простая экстраполяция текущих тенденций рождаемости является недостаточной. В основе изменений рождаемости лежат глубинные поведенческие механизмы, предопределяемые историческим, социальным, экономическим и культурно-нравственным положением как отдельного индивида, так и общества в целом.

В статье предпринята попытка связать социально-экономические трансформации, происходящие в обществе, с изменениями репродуктивного поведения россиянок за последние почти 20 лет. В связи с неравномерной динамикой социально-экономических процессов, влиянием глобализации, снижением зависимости от традиционного уклада жизни женщины население выработало адаптационные механизмы, позволяющие приспособиться к изменившимся условиям. Одним из результатов адаптации к идущим изменениям стали коренные сдвиги в репродуктивном поведении.

Вопросы, касающиеся изучения репродуктивного поведения, затрагивают предметные области многих научных дисциплин: демографии, социологии, экономики, географии, психологии и др. Однако каждая из них акцентирует внимание именно на своей предметной сфере, применительно к своим целям и задачам исследования.

В отечественной демографической литературе репродуктивное поведение рассматрива-

лось в контексте рождаемости как одного из главных процессов воспроизводства населения. Особое место принадлежит трудам таких классиков советской, а позже российской демографической мысли, как Б.Ц. Урланис, Д.И. Валентей, А.В. Борисов, А.Я. Кваша, А.Г. Волков, А.Г. Вишневский. Среди социологов, сыгравших значительную роль в изучении репродуктивного, брачного и семейного поведения, стоит выделить А.Г. Харчева, В.М. Медкова, А.Б. Синельникова, А.И. Антонова. Весомый вклад в развитие представлений о репродуктивном возрасте населения внесли экономисты, представители социально-экономической географии и историки. В качестве примеров можно привести работы Н.М. Римашевской, В.А. Ионцева, А.А. Саградова, М.А. Клупта, Б.С. Хорева и др.

Из последних исследований наиболее масштабные труды, посвященные проблемам репродуктивного, брачного и семейного поведения, принадлежат В.Н. Архангельскому. Так, в монографии «Факторы рождаемости» [1] ученый, проанализировав множество опросов, проводимых в России, представил не просто обзор факторов, влияющих на уровень рождаемости, но и посвятил отдельные главы ценностно-мотивационной детерминации репродуктивного поведения, условиям жизни как одному из ведущих факторов рождаемости, этнической и образовательной дифференциации рождаемости, брачному поведению. В итоге В.Н. Архангельский пришел к выводу о практически полной утрате норм среднетности в российском обществе. В качестве выхода из этой ситуации он предлагает в рамках демографической политики не просто создавать условия, способствующие созданию семьи и рождению детей, но и направить все усилия на увеличение потребности в детях. Такой подход, на наш взгляд, можно обозначить как цивилизационный, поскольку увеличение потребности в детях предполагает коренную перестройку общества, его культурных и нравственных норм. В статье «Репродуктивное и брачное поведение» [2] В.Н. Архангельский, опираясь на результаты исследования демографического поведения молодежи по 18 регионам России в 2010 году, рассматривает взаимосвязь репродуктивных ориентаций с возрастом вступления в брак, деторождением, рождением первенца и

приходит к заключению о том, что перемены по отношению к вопросам вступления в брак и деторождению связаны с негативными изменениями в институте семьи и снижением ценности брака. Подобные выводы прослеживаются и в иных трудах ученого [3; 4].

Ошутимый вклад в рассмотрение вопросов репродуктивного поведения внесли Т.М. Малева и О.В. Синявская. На базе международной исследовательской программы «Поколения и гендер» они провели одно из наиболее масштабных социально-демографических обследований под названием «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее — РидМиЖ)² в три этапа: первый — в 2004, второй — 2007 и третий — 2011 году. Объем выборки каждого из этапов составил порядка 11 тыс. респондентов. Уникальность РидМиЖ состоит в том, что была обследована одна и та же совокупность респондентов с интервалом в три года. Это позволило проследить реализацию их репродуктивных планов. Широкий спектр показателей подробно характеризовал уровень доходов, величину домохозяйств, брачное состояние, здоровье респондентов, их репродуктивные планы и ценности. Проведенное обследование послужило уникальной основой для изучения репродуктивного и брачно-семейного поведения.

Еще одним значимым проектом по изучению репродуктивного поведения является исследование, выполненное Я.М. Рошиной и А.В. Бойковым, «Факторы фертильности в современной России» [5]. Оно представляло собой эмпирический анализ экономических моделей фертильного поведения на базе российского мониторинга экономики и здоровья (RLMS) 1994–2001 гг. Авторы проанализировали модели вероятностей рождения ребенка в семье, прерывания беременности, желания родить ребенка в будущем. В ходе работы ученые пришли к выводу о том, что на репродуктивное поведение основное влияние оказывают демографические и культурно-ценностные факторы, такие как возраст, наличие детей, употребление

² Малева Т.М., Синявская О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические изменения и вызовы социальной политике // Демоскоп Weekly. 2007. № 309–310. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0309/analit02.php> (дата обращения 25.05.2020).

алкоголя, удовлетворенность своим материальным положением. Также внимание акцентируется на значительных различиях в рождаемости между регионами и городской и сельской местностью проживания респондентов. Значимость экономических факторов (занятость, уровень образования, занимаемая должность, уровень доходов) в их влиянии на репродуктивное поведение подтвердилась только в отдельных моделях выборочной совокупности женщин. Несколькими годами позже Я.М. Рощина и А.Г. Черкасова, опираясь на подход Г. Беккера, протестировали модели фертильного поведения для групп женщин различных социально-экономических категорий³. Основным выводом их исследования заключался в существенной дифференциации воздействия социально-экономических причин на рождаемость. Так, авторы обращают внимание на то, что решение о рождении первого ребенка, как правило, принимается вне зависимости от наличия жилья, уровня доходов и других социально-экономических составляющих, а решение о рождении второго и последующих детей во многом обусловлено тем, располагает ли семья материальными ресурсами и в каком объеме.

В монографии О.Н. Калачиковой и А.А. Шабуновой представлены результаты групповых анкетирований, проводившихся в Вологодской области в 2005–2014 гг. [6]. Многолетний мониторинг наряду с широкой статистической базой позволил авторам проследить динамику изменений репродуктивного поведения и предложить механизмы регулирования демографической политики в области повышения рождаемости. Среди характерных черт трансформации репродуктивного поведения авторы выделили снижение потребности в детях, особенно ярко проявляющееся в сельской местности [7]. С другой стороны, отмечается сохранение высокой ценности родительства и семьи. К основным факторам, влияющим на итог репродуктивного выбора, относятся репродуктивные установки, семейное положение, жи-

лищные условия, доступность медицинской помощи и возможность обеспечить качественное образование будущему потомству. Особенность указанного исследования заключается в подробном анализе итогов реализации мер демографической политики и предложении конкретных решений по улучшению ситуации.

Во всех вышеупомянутых работах подчеркивается актуальность изучения репродуктивного поведения и выявляется острая необходимость осуществления эффективных мер демографической политики, направленных на увеличение рождаемости.

Методология и методы исследования

Теоретической базой исследования послужил междисциплинарный подход, основанный на сочетании научных знаний из области демографии, экономики, социологии, психологии. Отличительной чертой нашей работы выступает попытка объяснить причинно-следственные связи и особенности репродуктивного поведения с точки зрения синтеза научных подходов, не ограничиваясь применением одной концепции. На наш взгляд, именно междисциплинарный подход позволяет более глубоко рассмотреть процессы и явления демографического характера, найти взаимосвязь между репродуктивным поведением и его экономической, социальной и психологической составляющими в конкретном историческом периоде развития общества.

Исследование базируется на использовании четырех концепций, в рамках которых мы объясняем трансформации рождаемости и репродуктивного поведения женского населения нашей страны:

- теория второго демографического перехода;
- теория рационального выбора;
- теория поведения потребителей;
- теория ценности ребенка.

Каждая из них относится к определенной области научного знания. Так, теория второго демографического перехода носит сугубо демографический характер. Теория рационального выбора и теория поведения потребителей были развиты в рамках таких дисциплин, как экономика и социология. Теория ценности ребенка основана на применении знаний из области аксиологии и психологии.

³ Рощина Я.М., Черкасова А.Г. Дифференциация факторов рождаемости для различных социально-экономических категорий российских женщин // ДемоскопWeekly. 2009. № 401–402. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0401/analit02.php> (дата обращения 25.05.2020).

Исходя из междисциплинарного характера нашей работы, с помощью вышеперечисленных теоретических концепций мы объясняем современное поведение населения через взаимное влияние социально-экономической и ценностной составляющей, с одной стороны, и репродуктивное поведение женского населения — с другой.

Для понимания происходящих в России демографических изменений рассмотрим основные положения каждой из теорий применительно к репродуктивному поведению населения.

Согласно теории второго демографического перехода изменения, происходящие в российском обществе за последние 20 лет, по своей природе аналогичны изменениям, которые в странах Западной Европы начали проявляться еще в 60–70-х годах прошлого века:

- снижение уровня общих и специфических показателей рождаемости;
- увеличение уровня образования и занятости женского населения;
- распространение использования средств контрацепции;
- увеличение числа и доли сожительства;
- повышение возраста вступления в брак;
- рост числа и доли неполных семей;
- распространение внебрачной рождаемости.

Отличительной чертой, второго демографического перехода выступает индивидуализм, включая широкие возможности его реализации в различных сферах жизнедеятельности [8; 9]. Россия, как и ряд европейских стран бывшего социалистического лагеря, вступила в фазу второго демографического перехода с некоторой задержкой. Тенденции, характерные для него, начали проявляться в России в конце 80-х — начале 90-х годов XX века [10].

Теорией рационального выбора объясняются трансформации репродуктивного поведения [11; 12]. Возникнув в 60-х гг. прошлого века, опираясь на труды М. Вебера, она предлагает определять рациональное поведение индивида с точки зрения доступных ему возможностей и условий для их реализации. В контексте репродуктивного поведения потомство рассматривается как своего рода товар, и индивид решает, выбирать ли его и в каком количестве. При этом за индивидуумом

закрепляется право учитывать как издержки, которые он может понести при появлении у него потомства, так и преимущества. Эти издержки или преимущества могут быть финансовыми, социальными или временными, и на основании взвешенного (рационального) выбора индивид склоняется к принятию решения об отсутствии или наличии у него потомства и его числе [13; 14].

Теория поведения потребителей является производной от теории рационального выбора [15; 16]. С точки зрения взаимосвязи репродуктивного и потребительского поведения объясняется тот факт, что уровень и качество потребления выше в более богатых семьях, следовательно, инвестиции в детей с ростом социально-экономического статуса семьи возрастают. В семьях с низким социальным статусом и доходом уровень потребления значительно ниже, дети в этом случае рассматриваются не как объекты для инвестиций, а как экономический актив, за счет которого можно получить различные виды социальной поддержки от государства.

Трансформация репродуктивных моделей поведения может объясняться и с помощью теории ценности ребенка. Ее суть заключается в том, что посредством детей индивид реализует свои внутренние потребности, такие как чувство бессмертия, чувство привязанности, состояние «взрослой жизни», социальное сравнение, власть и другие [17; 18].

Надлежащий синтез теорий важен для объективного анализа моделей трансформации репродуктивного поведения, без учета которых невозможно проводить эффективную демографическую политику.

В качестве главных критериев трансформаций моделей репродуктивного поведения нами выбраны следующие параметры:

- 1) число родившихся;
- 2) общий коэффициент рождаемости;
- 3) суммарный коэффициент рождаемости;
- 4) численность женщин фертильного возраста;
- 5) возрастные коэффициенты рождаемости;
- 6) средний возраст матери при рождении ребенка;
- 7) средний возраст матери при рождении первого ребенка.

При выборе критериев, определяющих особенности репродуктивного поведения, мы руководствовались доступностью демографических данных, их информационной полнотой и способностью обеспечить представление об изменениях в репродуктивном поведении на протяжении почти 20-летнего периода. Мы считали целесообразным использовать именно эти показатели, т. к. их статистический учет проводится регулярно на основе общепризнанных методов и представляет собой оптимальный инструментарий для изучения закономерностей количественных и качественных демографических изменений.

Число родившихся и численность женщин фертильного возраста являются ведущими показателями при изучении вопросов рождаемости, соответственно, их включение в качестве критерия при рассмотрении моделей трансформации рождаемости и репродуктивного поведения, на наш взгляд, обязательно. Такой критерий, как общий коэффициент рождаемости, позволяет не только определить уровень рождаемости, но и нивелирует значения абсолютных чисел. Суммарный коэффициент рождаемости — один из главных параметров при рассмотрении репродуктивного поведения, он наиболее полно отражает интенсивность процесса рождаемости. Возрастные коэффициенты рождаемости позволяют оценить изменения в моделях рождаемости в репродуктивном поведении женщин. Средний возраст матери при рождении ребенка и средний возраст матери при рождении первенца позволяют объяснить наполняемость репро-

дуктивных планов женщин. Увеличение или уменьшение данных показателей связано с временными сдвигами при рождении первого и последующих детей, сокращением или увеличением интервала между рождениями и, соответственно, с изменением репродуктивных установок женского населения. Как правило, при повышении среднего возраста матери при рождении первенца число последующих рожденных детей зачастую меньше желаемого.

Результаты исследования и их обсуждение

Динамика ведущих показателей, отражающих репродуктивное поведение, за 2000–2018 гг. по пятилетним интервалам представлена в таблице.

В первой декаде нового тысячелетия Россия вступила в фазу увеличения числа рождений. С 2000 по 2010 год численность родившихся возросла с 1 266 до 1 789 тыс. чел., т. е. на 41,3%. Общий коэффициент рождаемости повысился с 8,7 до 12,6‰, а суммарный коэффициент рождаемости — с 1,19 до 1,56 рождений на 1 женщину (рис. 1).

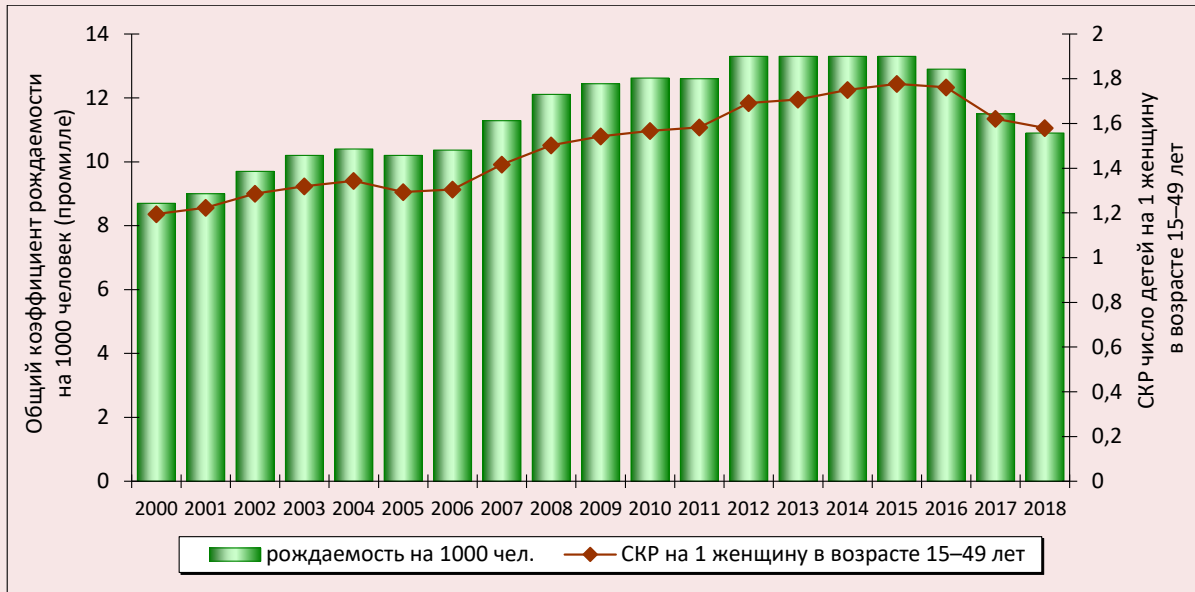
Увеличение показателей рождаемости объясняется относительной стабилизацией уровня жизни населения после кризиса 90-х гг., реализацией мер демографической политики, начало которой было положено в 2007 году. Однако решающее значение принадлежит особенностям возрастной структуры женского населения России, т. к. с начала 2000-х гг. в детородный возраст вступили большие по численности поколения женщин, рожденных в начале 80-х гг. XX века.

Динамика показателей, определяющих репродуктивное поведение женского населения Российской Федерации, 2000–2018 гг.

Показатель	Год				
	2000	2005	2010	2015	2018
Число родившихся, тыс. чел.	1 266	1 457	1 789	1 944	1 604
Рождаемость на 1000 чел., ‰	8,7	10,2	12,6	13,3	10,9
Суммарный коэффициент рождаемости	1,19	1,29	1,56	1,77	1,58
Число женщин в возрасте 15–49 лет, тыс. чел.	39 348	39 680	37 690	35 197	34 905
Средний возраст матери при рождении детей, лет	25,8	26,5	27,7	28,1	28,7
Средний возраст матери при рождении первенца, лет	23,5	24,1	24,9	25,5	25,9

Источники: открытые данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31606> (дата обращения 05.06.2020); <https://www.fedstat.ru/indicator/31269> (дата обращения 05.06.2020); <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения 05.06.2020); Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B18_111/Main.htm (дата обращения 05.06.2020).

Рис. 1. Динамика общего и суммарного коэффициентов рождаемости в Российской Федерации, 2000–2018 гг.

Источник: открытые данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31269>; <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения 05.06.2020).

Во второй декаде, вплоть до 2015 года, продолжались тенденции рождаемости первой декады. К 2015 году общее число рождений увеличилось по сравнению с 2010 годом на 8,6%, составив 1 944 тыс. чел. Общий коэффициент рождаемости с 2010 года с отметки 12,62‰ возрос до 13,3‰ в 2012 году и перешел в так называемое пятилетнее «плато», после чего наметилось снижение данного показателя к концу исследуемого периода до 10,9‰. Суммарный коэффициент рождаемости увеличился с 1,56 до 1,77.

Короткий временной интервал 2014–2016 гг. можно назвать своего рода верхней границей российской рождаемости, когда были достигнуты максимальные значения числа рождений, общего и суммарного коэффициентов рождаемости. С 2016 года, невзирая на предпринимаемые государством усилия, возможности для увеличения рождаемости оказались практически исчерпаны. Об этом свидетельствует, в первую очередь, снижение показателя суммарной рождаемости, который даже в самый благоприятный период оказался недостаточным для простого воспроизводства

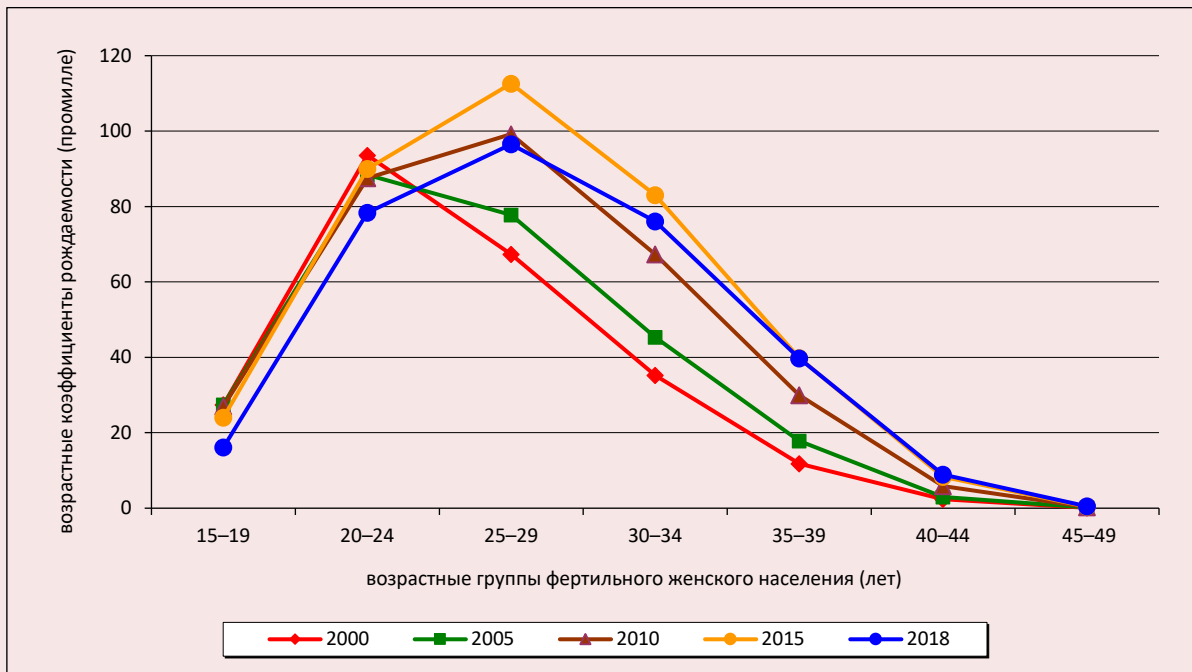
поколений. Кроме того, на смену женщинам, рожденным в 80-х гг., за счет своей численности обеспечивающим рост рождаемости, пришли малочисленные поколения женщин, рожденных в 90-е гг., что, несомненно, сказывается на снижении уровня рождаемости в настоящее время.

Ведущим фактором трансформации репродуктивного поведения российских женщин являются изменения в возрастном распределении фертильности (рис. 2).

Если в 2000 году самая высокая интенсивность рождаемости отличалась в наиболее продуктивной с биологической точки зрения группе (20–24 года), составляя 93,6 живорожденных на 1000 женщин, то к 2005 году в данной возрастной категории этот показатель снизился до 88,4.

В 2010 году наблюдался переход максимальной интенсивности рождений из группы женщин в возрасте 20–24 года в возраст 25–29 лет. Коэффициент рождаемости в изначально ведущей возрастной группе 20–24 года составлял 87,5‰, в то время как в группе 25–29 лет – 99,2‰.

Рис. 2. Динамика возрастных коэффициентов рождаемости в Российской Федерации, 2000–2018 гг.

Источник: Демографический ежегодник России. 2002, 2005–2019: стат. сб. / Росстат. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2002, 2005–2019.

Еще через пять лет, в 2015 году, наряду с общим увеличением рождаемости и ростом рождаемости на одну женщину отмечено четкое увеличение возрастного коэффициента в группе женщин 25–29 лет с 99,2 до 112,6‰. В то же самое время наблюдается увеличение рождаемости в соседних возрастных группах. Так, в группе 20–24 года рождаемость выросла по сравнению с 2010 годом на 2,5‰, составив 90 рождений на 1000 женщин, а в группе 30–34 года — на 15‰ (83 рождения на 1000 женщин).

Такое перераспределение интенсивности рождений связано, на наш взгляд, с двумя факторами:

1. Реализацией отложенных репродуктивных планов женского населения на более поздний возраст. Главным образом речь идет о рождении первенцев.

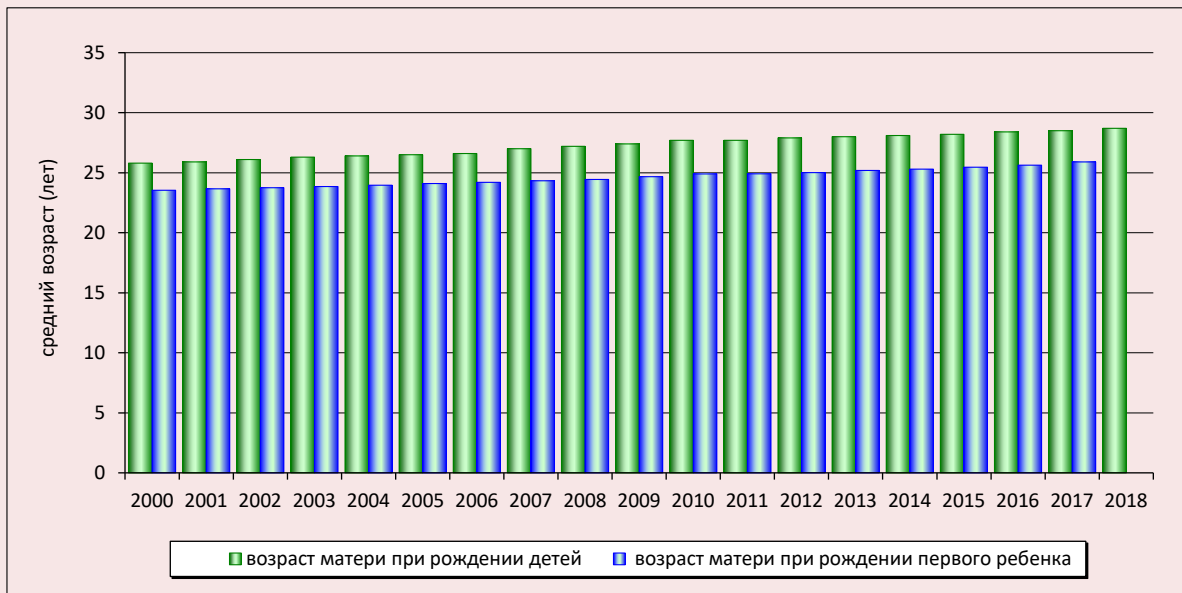
2. Рождениями вторых и последующих детей, т. е. имеет смысл говорить о наполняемости репродуктивных планов, чему в определенной степени способствовала и проводимая государством пронаталистская политика, расцвет

и наибольший эффект от которой пришлось именно на вторую декаду нынешнего века.

В конце исследуемого периода (2018 год), так же как и 2015 году, основная концентрация рождений приходилась на возраст 25–29 лет (96,5‰), при этом в соседних возрастах показатели рождаемости находились приблизительно на одном уровне (78,4‰ в возрасте 20–24 года и 76,1‰ в возрасте 30–34 года). Однако в 2018 году интенсивность рождений в этих трех возрастных группах оказалась заметно ниже, чем в 2015 году, что связано с изменением возрастной структуры женского населения.

Изменения, относящиеся к трансформации моделей рождаемости и репродуктивного поведения женщин, коснулись и таких важных показателей, как средний возраст матери при рождении детей и средний возраст матери при рождении первого ребенка. Характерной чертой их динамики с начала XXI века является их стабильный рост, свидетельствующий об откладывании материнства на более поздний возраст (рис. 3).

Рис. 3. Динамика среднего возраста матери при рождении детей и при рождении первого ребенка в Российской Федерации, 2000–2018 гг.

Источник: Демографический ежегодник России. 2002, 2005–2019: стат. сб. / Росстат. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2002, 2005–2019.

Так, за период с 2000 года средний возраст матери при рождении детей возрос до 28,7 года (в 2018 году), а при рождении первого ребенка — до 25,9 года. Средний возраст матери с начала исследуемого периода увеличился почти на 3 года. Средний возраст матери при рождении первенца, т. е. возраст, до которого 50% рождений первого ребенка было осуществлено в данном году, увеличился с 23,5 до 25,9 года (увеличение составило 2,4 года). Эти показатели согласуются с возрастными коэффициентами рождаемости и подтверждают переход российских женщин на новую модель репродуктивного поведения.

Таким образом, в начале XXI века в России происходит существенная трансформация моделей рождаемости и репродуктивного поведения женского населения. Условно можно выделить три типа таких моделей, заметно отличающихся друг от друга.

Первая модель характерна для периода 2000–2005 гг. Ее преобладающими чертами являются:

- рост числа рождений с 1,2 до 1,4 млн родившихся: увеличение общего коэффициента

рождаемости с 8,7 до 10,2‰ и очень незначительный рост суммарного коэффициента рождаемости — с 1,19 до 1,29 рождений на одну женщину в фертильном возрасте;

- довольно высокая интенсивность рождений (до 27,4‰) в самой младшей группе фертильных женщин 15–19 лет;

- ярко выраженный пик рождений в возрастной группе 20–24 года (93,6‰ — в 2000 и 88,4‰ — в 2005 году) и резкое падение интенсивности рождений после прохождения пика;

- очень низкие показатели рождаемости во второй фазе репродуктивной жизни женщины, а именно в возрастах 35–39 лет, 40–44 года и 45–49 лет;

- средний возраст матери при рождении первенца увеличился с 23,5 до 24,1 года, что согласуется с пиком возрастных коэффициентов рождаемости.

Модель отражает типичные черты, характерные для второго демографического перехода. Многие исследователи отмечают в этот период увеличение числа и доли неформальных союзов, постепенное вытеснение абортс контрацепцией, что свидетельствует об изменении

репродуктивного поведения в части планирования рождения ребенка⁴. Уровень рождаемости, даже при некотором увеличении, находится значительно ниже уровня, необходимого для замещения поколений. Низкий показатель суммарного коэффициента рождаемости и увеличение среднего возраста матери при рождении ребенка можно объяснить положениями теории рационального выбора и теории поведения потребителей в ключе разумного создания социально-экономических условий для рождения и воспитания детей.

Вторая модель рождаемости и репродуктивного поведения присуща наиболее продолжительному периоду 2006–2015 гг. Для нее характерно:

- увеличение числа родившихся до 1,9 млн; рост общего коэффициента рождаемости до 13,3‰, значительное повышение суммарного коэффициента рождаемости с 1,30 до 1,77 рождений на одну женщину репродуктивного возраста;

- снижение интенсивности рождений у женщин младшей фертильной группы 15–19 лет до уровня 24‰;

- исчезновение ярко выраженного пика рождаемости в возрасте 20–24 года, на смену которому приходит концентрация рождений в двух возрастных группах: 20–24 года и 25–29 лет;

- к 2015 году пик рождаемости приходится на возраст 25–29 лет (112‰), в то время как в соседних возрастных группах интенсивность рождаемости распределяется относительно равномерно; 20–24 года – 90‰ и 30–34 года 83‰;

- начало реализации отложенных первых рождений и рождение вторых и последующих детей совпадает со вступлением в интенсивный репродуктивный период женщин, рожденных в 80-х гг., а также с реализацией демографической политики, что приводит к усилению интенсивности рождений;

- резкое увеличение рождаемости в полтора-два раза во второй фазе репродуктив-

ного цикла женщины в возрастах 35–39 лет, 40–44 года, 45–49 лет, что связано с распространением вспомогательных репродуктивных технологий.

Во втором типе модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения наиболее ярко прослеживается экономическая составляющая теории рационального выбора и теории поведения потребителей. Этому, на наш взгляд, в значительной степени способствует проведение пронаталистской политики. Рождение ребенка, в особенности второго и третьего порядка, существенно сказывается на материальном положении семьи, возможности улучшения жилищных условий. Именно через экономическую составляющую реализуются репродуктивные планы в отношении количества детей в семье. Теория ценности ребенка в данной модели наиболее ярко проявляется через увеличение рождаемости в старших возрастных категориях. В старших возрастных группах фертильных женщин экономическая составляющая отходит на второй план, т. к. они уже имеют относительно прочную материальную базу и определенные карьерные достижения, в связи с чем ведущим фактором начинают выступать аксиологические и психологические мотивы, способствующие принятию решений о рождении ребенка.

Третья модель рождаемости и репродуктивного поведения характерна для периода с 2016 года вплоть до настоящего времени. Основные ее особенности заключаются в следующем:

- снижение численности родившихся детей до 1,6 млн, общего коэффициента рождаемости – до 10,9‰; падение суммарного коэффициента рождаемости до 1,58 рождений на одну женщину репродуктивного возраста, что соответствует уровню 2011 года;

- естественный потенциал, представленный женщинами, рожденными в 80-е гг., уже практически полностью себя исчерпал, в это же время наблюдается перенос рождения ребенка на более поздний возраст, что выражается через заметное снижение уровня рождаемости в возрастной группе 15–19 лет с 24 на 16,1‰;

- прочно вошло в обиход понятие «осознанного материнства»; как и при второй модели репродуктивного поведения, концентрация рождений приходится на три возрастные

⁴ Население России 2005. Тринадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2007. С. 40–125; Михеева А.Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: учеб. пособ. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. 74 с.

группы: 20–24 года, 25–29 лет и 30–34 года с пиком в возрасте 25–29 лет, однако интенсивность рождений в этих возрастных категориях существенно ниже, чем в модели второго типа;

– стабильно высоким остается уровень рождаемости в старших репродуктивных возрастах;

– средний возраст матери при рождении ребенка и средний возраст матери при рождении первенца достигают своих максимальных значений (28,7 и 25,9 года соответственно).

В третьем типе моделей репродуктивного поведения проявляются все черты, описанные в теории второго демографического перехода и теории ценности ребенка, т. е. имеет смысл говорить о полной смене режима воспроизводства населения. На первый план выходят личные предпочтения женщин в контексте получения образования, построения карьеры и создания семьи. Определяющим фактором рождения ребенка становится рациональное поведение семей или матерей, что подчеркивается в теориях поведения потребителей и рационального выбора.

На наш взгляд, в ближайшем будущем следует ожидать снижения как абсолютных, так и относительных показателей рождаемости. Самая высокая концентрация рождений будет приходиться на возрастные группы 25–29 лет и 30–34 года, распространение вспомогательных репродуктивных технологий, вполне вероятно, обеспечит стабильный уровень рождаемости в старших возрастных группах женщин. Также имеет смысл говорить о продолжении роста среднего возраста матери при рождении ребенка и при рождении первенца.

Выводы и полемика

Подводя итог трансформации моделей репродуктивного поведения российских женщин, следует выделить главные черты, присущие новому паттерну поведения:

1. Коренная перестройка ценностных ориентиров женщин в пользу семьи с одним ребенком или двумя детьми в надежде обеспечить своим детям достойный уровень жизни и дать хорошее образование. Эту трансформацию подтверждает низкий показатель суммарной рождаемости.

2. Ориентация женского населения на получение образования, высокого социального

статуса и экономической самостоятельности. В результате происходит постепенное смещение возрастных коэффициентов рождаемости во вторую половину фертильной жизни женщин.

3. В России повышается средний возраст материнства, что является отражением предпочтения женщин – создание условий для своей экономической, социальной и культурной независимости.

Открытым остается вопрос: какова мера влияния экономических, социальных и аксиологических факторов на репродуктивное поведение в конкретном историческом периоде? Ответ на него позволит оценить и скорректировать меры проводимой государством демографической политики. На наш взгляд, рассмотрение исключительно экономического и социального аспекта при попытках увеличения рождаемости является недостаточным и в корне противоречит самому понятию репродуктивного поведения, поскольку в основу любого поведения заложен аксиологический, т. е. ценностный, фактор. Именно сочетание всех факторов поможет понять механизм репродуктивного поведения и, следовательно, регулировать его. Подобные взгляды отмечаются в работах уральской школы демографии. Так, А.И. Кузьмин отмечал, что распространение малодетности связано с ослаблением экономической сущности, усилением ценностных аспектов рождаемости и формирования семьи [19; 20].

Заключение

Происходящие в России трансформации репродуктивного поведения раскрывают адаптационный механизм населения к новой социально-экономической реальности и являются неотъемлемой частью демографического развития на данном историческом этапе. Целый комплекс изменений не только затрагивает проблемы сугубо демографического характера, но и предопределяет будущее социально-экономическое и культурное развитие страны.

Тенденции в развитии репродуктивного поведения в России, несмотря на сильную зависимость от традиций, также подвержены общему влиянию процессов глобализации и усиливающегося индивидуализма населения. Социально-экономическая составляющая в этом случае является как катализатором этих изменений, так и их следствием.

Проводимая государством демографическая политика без учета трансформации моделей репродуктивного и брачно-семейного поведения в долгосрочной перспективе может не только оказаться недейственной, но и привести к серьезным препятствиям в развитии российского общества.

В результате осуществленного нами исследования было обосновано положение о необходимости рассмотрения моделей рождаемости и репродуктивного поведения с точки зрения междисциплинарного подхода. Именно междисциплинарность и использование основных положений выбранных демографических и социально-экономических теорий представляют собой элемент научной новизны и служат осно-

вой для более глубокого и всестороннего изучения вопросов рождаемости и репродуктивного поведения. Предлагаемый нами подход может применяться для обогащения теоретической базы будущих исследований в области рождаемости. В прикладном отношении результаты работы могут быть использованы научным сообществом как материал для более детального рассмотрения проблем, связанных с трансформацией рождаемости и репродуктивного поведения, послужить в качестве источника знаний для органов власти при совершенствовании мер демографической политики и принятии управленческих решений, направленных на улучшение демографической ситуации в целом по стране и в отдельных ее субъектах.

Литература

1. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. 399 с.
2. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.
3. Архангельский В.Н. Исследование проблем рождаемости // Уровень жизни населения регионов России. 2008. № 3–4. С. 80–93.
4. Архангельский В.Н. Влияние субъективной оценки уровня жизни на репродуктивное поведение // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 8. С. 36–41.
5. Рощина Я.М., Бойков А.В. Факторы фертильности в современной России. М.: EERC, 2005. 64 с.
6. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 172 с.
7. Калачикова О.Н. Некоторые аспекты репродуктивного поведения студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2012. № 3. С. 132–136.
8. Van De Kaa, D. The idea of a second demographic transition in industrialized countries. In: *The Sixth Welfare Policy Seminar of the National Institute of Population and Social Security, Tokyo, Japan, 2002*. Available at: <https://scinapse.io/papers/2185048759> (accessed 26.05.2020).
9. Van De Kaa, D. Is the second demographic transition a useful research concept: Questions and answers. In: *Vienna Yearbook of Population Research, 2004*. DOI:10.1553/populationyearbook2004s4 (accessed 27.05.2020).
10. Вишневецкий А.Г. Демографическая революция. Избранные демографические труды. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука, 2005. 214 с.
11. Becker G.S. An economic analysis of fertility. In: *Demographic and Economic Change in Developed Countries*. Editor: Universities-National Bureau, 1960. Pp. 209–240. Available at: <https://www.nber.org/chapters/c2387.pdf> (accessed: 27.05.2020).
12. Wachter K.W., Bulatao R.A. Offspring: Human fertility behavior in biodemographic perspective. In: *National Research Council. Panel for the Workshop on the Biodemography of Fertility and Family Behavior*. Washington, DC: The National Academies Press. 2003. 400 p.
13. Becker G.S. *The Economic Way of Looking at Life*. University of Chicago Law School Chicago Unbound. 1993. 31 p.
14. McDonald P. Gender equity, social institutions and the future of fertility. *Journal of Population Research*, 2000, no. 17, pp. 1–16. DOI: 10.1007/BF03029445. Available at: https://www.researchgate.net/publication/225763511_Gender_Equity_Social_Institutions_and_the_Future_of_Fertility (accessed 27.05.2020).

15. Michael R.T., Becker G.S. On the new theory of consumer behavior. *The Swedish Journal of Economics*, 1973, vol. 75 (4), pp. 378–396. Available at: http://blog.wbkolleg.unibe.ch/wp-content/uploads/MichaelBecker1973_On-the-New-Theory-of-Consumer-Behavior.pdf (accessed: 27.05.2020).
16. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН, 2010. 184 с.
17. Hoffman L.W. The value of children to parents and the decrease in family size. In: *Proceedings of the American Philosophical Society*, 1975, vol. 119 (6), pp. 430–438. Available at: <https://www.jstor.org/stable/986377?seq=1>
18. Friedman D., Hechter M., Kanazawa S. A theory of the value of children. *Demography*, 1994, no. 31, pp. 375–401. Available at: <https://doi.org/10.2307/2061749>
19. Кузьмин А.И., Кузьмина А.А., Ланских В.Н. Влияние деформации института семьи на демографическое поведение населения в Уральском федеральном округе // Институты развития демографической системы общества: V Уральский демографический форум: сборник материалов. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С. 74–91.
20. Кузьмин А.И. Социально-экономические факторы рождаемости в свете концепции демографического перехода // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2013. № 4 (51) С. 62–69.

Сведения об авторах

Ольга Анатольевна Козлова — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: Olga137@mail.ru)

Ольга Олеговна Секички-Павленко — ведущий экономист, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: pavlenko_ola@mail.ru)

Kozlova O.A., Sekitski-Pavlenko O.O.

Patterns of Birth Rate and Russian Female Reproductive Behavior of Population: Current Trends

Abstract. The article analyzes changes in the patterns of birth rate and female reproductive behavior in the period from 2000 to 2018. The object of the research is reproductive behavior, which is a system of actions and relationships aimed at giving birth to a certain number of children or refusing to give birth. The subject of the research is demographic and socio-economic aspects of the relationship between the need for children and the conditions of realization. The purpose of this paper is to consider current trends of birth rate and reproductive behavior, taking into account demographic, economic, and social factors that affect birth rate. The novelty of the study is the usage of an interdisciplinary approach based on the synthesis of demographic and economic theories that explain changes in reproductive behavior. The article analyzes the dynamics of demographic and socio-economic indicators, highlights the characteristic features inherent in certain patterns of Russian female population reproductive behavior for the period from 2000 to 2018. The results obtained in the course of the study demonstrate fundamental restructuring of the system of values associated with the birth and upbringing of a child. The decline of crude and total birth rates, shifts in the age structure of birth rate, the focus on one- or two-child family pattern, the increase of an average maternal age at birth indicate a prevalence of economic and social benefits over the birth of more children. In practical terms, the results presented in the article can serve as a basis for future interdisciplinary research in birth rate area and be used as a methodological and informational base for developing demographic policy measures aimed at stimulating birth rate.

Key words: reproductive behavior, birth factors, changes, birth rate and reproductive behavior patterns.

Information about the Authors

Olga A. Kozlova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Center, Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Science (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Olga137@mail.ru)

Olga O. Sekitski-Pavlenko – Leading Economist, Institute of Economics, Ural branch of Russian Academy of Science (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: pavlenko_ola@mail.ru)

Статья поступила 15.07.2020.

DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.14

УДК 314.74; ББК 60.7

© Малахов В.А., Васильева И.Н., Белов Ф.Д.

Структура международной миграции ученых на примере России*

**Вадим Александрович
МАЛАХОВ**

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 125315, ул. Балтийская, д. 14
E-mail: yasonbh@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6656-1036; ResearcherID: R-7336-2016

**Ирина Николаевна
ВАСИЛЬЕВА**

Российский научно-исследовательский институт экономики, политики
и права в научно-технической сфере
Москва, Российская Федерация, 127254, ул. Добролюбова, д. 20а
E-mail: i.vasilyeva@rier.ru
ORCID: 0000-0002-5602-5237

**Филипп Дмитриевич
БЕЛОВ**

Российский научно-исследовательский институт экономики, политики
и права в научно-технической сфере
Москва, Российская Федерация, 127254, ул. Добролюбова, д. 20а
E-mail: fdbelov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1725-6873; ResearcherID: AAI-7161-2020

* Статья подготовлена в рамках государственного задания РИЭПП № 075-01402-20-01 от 16.03.2020 по теме «Организационно-техническое и научно-методическое обеспечение анализа опыта и возможностей использования потенциала зарубежных ученых, в том числе ученых-соотечественников, работающих за рубежом, для развития научно-технической сферы в России».

Для цитирования: Малахов В.А., Васильева И.Н., Белов Ф.Д. Структура международной миграции ученых на примере России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 232–246. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.14

For citation: Malakhov V.A., Vasil'eva I.N., Belov F.D. Structure of international migration of researchers. Case study of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 232–246. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.14

Аннотация. В современных условиях процессы международной миграции ученых влияют на уровень развития и конкурентоспособность стран. Для разработки и реализации адекватной вывозам национальной научной политики необходимо иметь объективное представление о структуре международных миграционных потоков ученых. Цель работы – выявление и анализ структуры миграции ученых, а также ее объяснение на примере России. Проведено сравнение гендерного распределения российских ученых, аффилированных с зарубежными научными организациями, по областям науки и странам, в которые они переехали. Данные, касающиеся российских ученых, сравниваются с данными по иностранным ученым, приехавшим в Россию. Информация о российских ученым, переехавших за рубеж, взята из библиометрической базы данных Web of Science, об иностранных ученым, посетивших Россию, – из результатов опроса сотрудников российских вузов и научных организаций. Выявлены гендерная, географическая и дисциплинарная структура миграции российских ученых за рубеж и иностранных – в Россию. Установлено, что среди российских ученых больше всего задействованы в процессах международной циркуляции научных кадров представители естественных наук (в первую очередь математики и физики). Доля женщин среди мигрировавших за рубеж ученых меньше, чем среди оставшихся в России. Показано, что подобная гендерная и дисциплинарная структура миграции ученых не является уникальной чертой российской науки. Предложено несколько возможных объяснений существующей структуры международной миграции ученых: высокая востребованность на международном научном рынке труда российских физиков и математиков; неравномерное распределение семейных обязательств; наличие в некоторых государствах культурных барьеров, ограничивающих женщин в выборе потенциальных стран для смены места работы и жительства. В дальнейшем использованный авторами библиометрический подход может быть применен для оценки эффективности инструментов государственной политики, направленных на развитие международного научного сотрудничества и взаимодействия с учеными-соотечественниками за рубежом.

Ключевые слова: гендерное неравенство, циркуляция научных кадров, научные работники, библиометрический подход, научная карьера, международная академическая мобильность, российская научная диаспора.

Постановка проблемы и анализ литературы

Одной из отличительных черт современной эпохи глобализации является беспрецедентный уровень международной трудовой миграции. Особенно высокая международная мобильность характерна для высококвалифицированных специалистов и ученых. Сегодня во многих научных дисциплинах уровень вовлеченности ученого в международную циркуляцию кадров становится одним из важных признаков успешной академической карьеры [1], а биографии ведущих современных исследователей содержат записи о работе в университетах и научных институтах различных стран. Нередки случаи, когда исследователи выросли в одной стране, получили научную степень в другой, а работают в третьей. Несмотря на то что при переезде за рубеж ученые сталкиваются с целым рядом культурных барьеров, которые могут препятствовать развитию академической карьеры [2], многочисленные исследования говорят о положи-

тельной корреляции между уровнем мобильности и научной результативностью, измеряемой количеством статей, цитируемостью и участием в международных научных проектах [3–6]. Международная циркуляция научных кадров в настоящее время все чаще рассматривается не как безусловно вредное явление для государств, из которых ученые уезжают. Она может способствовать технологическому трансферу и развитию международного научно-технического сотрудничества между страной-реципиентом и страной-донором ученых [7]. Диаспоральные связи становятся важным фактором для стимулирования инноваций и трансфера знаний. Формирующиеся сети ученых-соотечественников за рубежом функционируют как своеобразный механизм трансфера, обеспечивающий международный обмен знаниями, особенно этот эффект заметен в высокотехнологичных отраслях промышленности [8]. После распада СССР Россия столкнулась с проблемой

массовой интеллектуальной эмиграции, а в западных странах сформировалась русскоязычная научная диаспора, чей потенциал может быть использован для развития отечественной научно-технической сферы [9; 10].

Для более глубокого понимания причин и следствий интеллектуальной миграции, а также создания эффективных механизмов взаимодействия с научной диаспорой необходимо иметь четкое представление о структуре миграции (географической, дисциплинарной, гендерной, возрастной). В то же время на сегодняшний день как в России, так и за рубежом официальные источники статистической информации не дают достоверной картины о размерах и направлениях миграционных потоков научных работников [11], поэтому среди исследователей-научков все большую популярность при оценке миграционных потоков ученых и выявлении их структуры приобретает библиометрический метод. С помощью анализа сведений об аффилиациях авторов научных статей, собранных в библиометрических базах данных, таких как Scopus или Web of Science (далее – WoS), можно проследить движение исследователей между организациями и странами [12]. В последние годы в России также начал применяться метод библиометрического анализа для выявления основных миграционных паттернов отечественных ученых [13; 14]. Тем не менее большинство работ с применением данного метода затрагивали лишь определенную часть российских исследователей, например представителей какой-либо отрасли знаний [15] или сотрудников конкретного университета [13]. Не существует трудов, посвященных изучению структуры международной миграции всех российских ученых.

Малоизученной остается гендерная и возрастная структура миграции. В силу отсутствия в международных библиометрических системах данных о возрасте авторов возрастная структура миграции ученых обычно оценивается с помощью анализа результатов анкетных опросов [16]. Проблема участия женщин в процессах международной циркуляции научных кадров была в определенной мере рассмотрена на примере ученых, посетивших Германию с краткосрочными визитами в 1980–2000-х гг. [17]. Одна из важных проблем, интересующих исследователей, – влияние наличия семьи и

детей на работу женщин-ученых [18; 19]. Так, влияние семейных обязательств на международную мобильность женщин-ученых проанализировано на примере эмиграции представителей компьютерных наук из постсоветского пространства в Великобританию. Показано, что в целом академическая карьера женщин-ученых по сравнению с их коллегами-мужчинами в значительно большей степени зависит от семейных обстоятельств [20]. В другом исследовании рассмотрено влияние государственной политики на готовность женщин-ученых работать за рубежом [21]. Авторы отмечают, что, несмотря на существование ряда проблем, благодаря государственной политике, проводимой во многих странах Европы, в последние годы доля женщин, активно задействованных в процессах транснациональной циркуляции научных кадров, растет. Существование социальных, политических, семейных и экономических барьеров воздействует не только на международную мобильность женщин-ученых, но и на уровень их участия в международных коллаборациях [22].

Наше исследование является продолжением предыдущей работы, в которой мы анализировали структуру (в первую очередь гендерную) миграции российских ученых [23]. Его цель – анализ структуры международной мобильности российских ученых, сопоставление с данными, касающимися иностранных ученых, посетивших Россию в рамках научно-исследовательской деятельности в 2018 году, а также объяснение причин формирования такой структуры. Сведения об иностранных исследователях, посетивших Россию, получены путем опроса сотрудников российских вузов и научных организаций, проведенного Минобрнауки России в марте 2019 года.

Методы исследования и исходная выборка

В исследовании анализировалось несколько дополняющих друг друга массивов данных. Источником сведений о дисциплинарной структуре и соотношении мужчин и женщин среди ученых, работающих в России, стали статистические сборники Росстата.

Анализ дисциплинарной и гендерной структуры международной мобильности российских ученых проводился с использованием базы данных российских ученых, работающих или работавших в зарубежных научных организациях

и вузах. Основным методом, применявшимся для формирования базы, стал библиометрический анализ. Поиск информации об авторах осуществлен в системе WoS с помощью двух способов.

Во-первых, была составлена выборка статей с одним автором за 2008–2017 гг. Автор включался в базу данных, если за указанный период имел не менее двух аффилиаций, при этом одну – с российской научной организацией (НИИ или вузом), другую – с зарубежной. Иностранная аффилиация в таком случае свидетельствует, что ученый переехал в другую страну (в том числе учитывалось временное проживание за границей). Стоит отметить, что зачастую, даже после того как переезжают за границу и начинают работать в иностранных университетах, исследователи продолжают указывать в своих статьях и российскую аффилиацию.

Во-вторых, отбирались статьи с двумя авторами, опубликованные в соавторстве с российскими учеными. Как правило, мигрировавшие за рубеж ученые сохраняют рабочие связи с оставшимися в России коллегами, продолжая осуществлять совместные публикации. Соавторы, имеющие русские фамилии (с окончанием на -ин, -ов и т. д.), но аффилиацию с зарубежной организацией, причислялись к представителям российской научной диаспоры.

Кроме того, для пополнения базы данных производился целенаправленный сбор контактной информации представителей российской научной диаспоры из открытых источников (социальные сети, публикации и пр.). На заключительном этапе база данных была дополнена информацией об ученых-соотечественниках, полученной путем опроса сотрудников российских вузов и научных учреждений.

Информация по каждому из ученых проверялась вручную в сети Интернет, были удалены некоторые повторяющиеся контакты (например, система WoS могла посчитать автора дважды, если его фамилия транскрибирована в статьях по-разному), выявлен и удален ряд иностранных ученых, имевших российскую аффилиацию в 2008–2017 гг. и случайно попавших в базу данных.

Полученная база содержит данные о 2865 российских исследователях, работавших в иностранных университетах и научных организациях. Среди них есть как ученые, эмигрировавшие

еще в советское время и практически не поддерживающие контактов с Россией, так и исследователи, работавшие за рубежом лишь на временной основе и в настоящий момент вернувшиеся на родину. В статье мы употребляем термины «академическая мобильность», «циркуляция научных кадров» и «миграция ученых» как взаимозаменяемые, применяя их ко всем ученым: эмигрировавшим навсегда или работающим за рубежом временно.

Стоит оговориться, что помимо собственно российских ученых в выборку могло попасть некоторое количество исследователей – представителей постсоветского зарубежья, имевших в период 2008–2017 гг. аффилиацию с российскими вузами и научными учреждениями, а также ученых, выехавших из СССР до его распада. Мы относим обе эти группы к категории «ученые-соотечественники».

Недостатками библиометрического анализа являются ограниченность и неточность информации, представленной в базах данных. Например, различные варианты транслитерации фамилий, которые используются авторами в разных статьях, затрудняют точный подсчет. Эту проблему призван решить уникальный внутренний идентификационный номер, но он есть далеко не у всех исследователей, чьи статьи индексируются WoS. Кроме того, в выборку могли не попасть ученые, переехавшие за рубеж в начале своей академической карьеры и не имевшие публикации WoS с российской аффилиацией, а также придерживающиеся нетипичной публикационной стратегии (не публикующиеся в журналах, индексируемых в WoS). В первую очередь это касается представителей гуманитарных наук (т. к. журналы гуманитарной направленности представлены в базе WoS не так широко, как естественнонаучные). Тем не менее по сравнению с другими методами выявления ученых-соотечественников (например, поиск на страницах университетов и пр.) библиометрический анализ позволяет охватить максимально большую выборку ученых, работающих за рубежом.

Все отобранные по данному принципу исследователи были отсортированы по гендерному признаку, научным областям и странам, в которых работали. После этого проведен сравнительный анализ полученных групп. В ситуациях, когда аффилиация автора менялась

относительно учреждений различных государств (помимо России), для анализа выбиралась последняя из них. Все научные дисциплины сгруппированы по широкой классификации ОЭСР¹. Если исследователи писали статьи по различным научным направлениям, учитывались направления, в которых они имели наибольшее количество публикаций.

Технологию сбора информации о российских ученых, задействованных в международной академической миграции, математически можно представить как сумму выборок по следующим направлениям:

$$SRS_{\text{rus.scient.}} = SLT_{\text{1aut}} + SLT_{\text{2aut}} + \text{RusD}_{\text{open.srs}} + \text{CompScient}_{\text{surv}}$$

где:

$SRS_{\text{rus.scient.}}$ — источники анализа первого направления (российские ученые);

SLT_{1aut} — статьи, в которых не более одного автора;

SLT_{2aut} — статьи с двумя авторами в соавторстве с российскими учеными;

$\text{RusD}_{\text{open.srs}}$ — информация по представителям российской научной диаспоры из открытых источников;

$\text{CompScient}_{\text{surv}}$ — информация об ученых-соотечественниках, полученная на основе опроса сотрудников российских вузов и научных учреждений.

Сведения об иностранных ученых, посетивших в 2018 году российские вузы и научные организации, получены в результате проведенного в марте 2019 года опроса сотрудников российских вузов и научных учреждений. Он осуществлялся посредством рассылки запросов в 864 российские организации с целью сбора и последующего анализа статистических данных. Ответы получены от 441 организации, из которых 153 — вузы, 288 — научно-исследовательские учреждения. Информация содержала общие сведения о зарубежных ученых; странах и организациях, из которых они прибыли; научном направлении их деятельности. Ответы отражали данные как об иностранных ученых,

¹ Схема соответствия классификации научных дисциплин Web of Science и OECD изложена на сайте WoS: <http://help.prod-incites.com/inCites2Live/filterValuesGroup/researchAreaSchema/oecdCategoryScheme.html>.

приехавших в Россию для долгосрочного трудоустройства, так и об исследователях, посетивших российские организации с краткосрочными визитами (выступления на конференциях, чтение кратких курсов лекций и семинаров, проведение научных исследований). Помимо собственно иностранных ученых, ответы содержали информацию о представителях российской научной диаспоры, посетивших организацию в 2018 году.

Все указанные в ответах научные направления, в которых работали ученые, были сгруппированы в шесть областей согласно широкой классификации ОЭСР. Кроме того, все исследователи отсортированы по гендерному признаку. В случае невозможности определить гендер по фамилии и имени поиск информации осуществлялся в открытых источниках. Данные об ученых, гендер которых не удалось установить, не анализировались. Итоговый список зарубежных ученых, посетивших российские вузы и научные организации в 2018 году, содержит 5970 записей. Он был проанализирован с целью выявления паттернов международной академической мобильности иностранных ученых в России в зависимости от гендера, страны отбытия и научной области.

По второму направлению (анализ иностранных ученых, посетивших в рамках своей профессиональной деятельности Россию) метод сбора информации можно представить в виде суммы:

$$SRS_{\text{for.scient.}} = \text{ForScient}_{\text{long-t}} + \text{ForScient}_{\text{short-t}}$$

где:

$SRS_{\text{for.scient.}}$ — источники анализа второго направления (иностранцы ученые);

$\text{ForScient}_{\text{long-t}}$ — данные об иностранных ученых, приехавших в Россию для долгосрочного трудоустройства;

$\text{ForScient}_{\text{short-t}}$ — данные об исследователях, посетивших российские организации с краткосрочными визитами.

Сведения об иностранных ученых получены посредством рассылки запросов в российские организации с целью сбора и последующего анализа статистических данных.

Таким образом, технология сбора информации для проведения анализа по двум направлениям схематично представлена на *рисунке 1*.

Рис. 1. Технология и особенности сбора информации относительно российских и зарубежных ученых для проведения сравнительного анализа

На завершающем этапе анализа осуществлены сведение данных по российским и зарубежным ученым, сортировка обеих групп по нескольким признакам. Таким образом, зависимость по российским исследователям будет иметь вид:

$$SRS_{rus.scient}^{sort} = (SLT_{1aut} + SLT_{2aut} + RusD_{open.srs} + CompScient_{surv})^{gend,count,disc},$$

где:

$SRS_{rus.scient}^{sort}$ — отсортированные источники анализа первого направления (российские ученые).

При этом сортировка российских ученых проводилась по трем направлениям: гендерному (gend.), странам (count.) и научным дисциплинам (disc.).

Сортировка иностранных ученых осуществлялась по двум признакам — гендерному и научным дисциплинам:

$$SRS_{for.scient}^{sort} = (ForScient_{long-t} + ForScient_{short-t})^{gend,disc},$$

где:

$SRS_{for.scient}^{sort}$ — отсортированные источники анализа второго направления (иностранцы ученые).

В общем виде сортировку обеих групп (российские ученые, аффилированные с зарубежными научными организациями, и иностранные ученые, посетившие Россию в 2018 году) можно представить следующим образом:

- 1) по гендерному признаку;
- 2) по странам, в которых работали ученые;
- 3) по научным дисциплинам (по классификации ОЭСР).

На заключительном этапе исследования проведен компаративный анализ двух баз данных: российских ученых, уехавших за рубеж, и иностранных ученых, посетивших Россию. Это позволило сравнить миграционные потоки научных кадров, направленные в Россию и из нее, в разрезе гендера и научной области. В то же время использованный подход ограничен тем, что указанные базы данных собирались с использованием разных методологий. Если база данных иностранных ученых содержит сведения обо всех исследователях, приезжавших в российские организации в 2018 году (в том числе с краткосрочными визитами), то база ученых-соотечественников включает информацию об исследователях, уехавших за рубеж на длительный период и имевших иностранную аффилиацию.

Результаты исследования

В результате библиометрического анализа и поиска данных в открытых источниках выявлено 2865 ученых-соотечественников, аффилированных с иностранными научными организациями и университетами, из них женщины составляют всего 15% (442 ученых). В то же время, по данным Росстата за 2016 год, доля женщин в численности исследователей, работающих в России, – около 40%. Эти результаты в целом подтверждают выводы предыдущих работ, основанных на данных из других стран, о низком уровне международной мобильности женщин-исследователей по сравнению с их коллегами-мужчинами [17].

Если говорить о распределении ученых-соотечественников по научным направлениям, то абсолютное их большинство является представителями естественных наук (более 70% от всех ученых-соотечественников). Далее представлены инженерные (около 14% ученых-соотечественников), общественные (около 6%), медицинские (менее 5%), гуманитарные (около 3%) и сельскохозяйственные (менее 1%) науки. Наибольший гендерный дисбаланс наблюдается именно в самых многочисленных направлениях – среди представителей естественных и инженерных наук. Удельный вес

женщин в этих категориях исследователей составляет всего по 13%. Среди представителей медицинских, общественных и особенно гуманитарных наук ситуация с гендерным дисбалансом обстоит лучше (рис. 2). Практически во всех отраслях доля женщин среди мигрировавших ученых ниже, чем доля женщин среди всех работающих в России. Исключение составляют эмигрировавшие представители гуманитарных наук, среди которых доля женщин равняется примерно 40%, что соответствует их удельному весу среди всех российских исследователей, однако все равно уступает удельному весу женщин среди представителей гуманитарных наук, оставшихся в России.

Разбив группу российских ученых – представителей естественных наук по более узким направлениям (второй уровень классификации ОЭСР), увидим, что около половины исследователей (или треть от всех ученых-соотечественников) являются физиками или астрономами, значительную долю также составляют математики, далее идут представители химических, биологических наук, наук о Земле и смежных экологических наук. Наибольший гендерный дисбаланс наблюдается среди математиков и физиков (т. е. представленных наиболее широко научных направлений,) где удельный вес

Рис. 2. Распределение ученых-соотечественников, участвующих в международной циркуляции научных кадров, по научным областям и гендеру, %

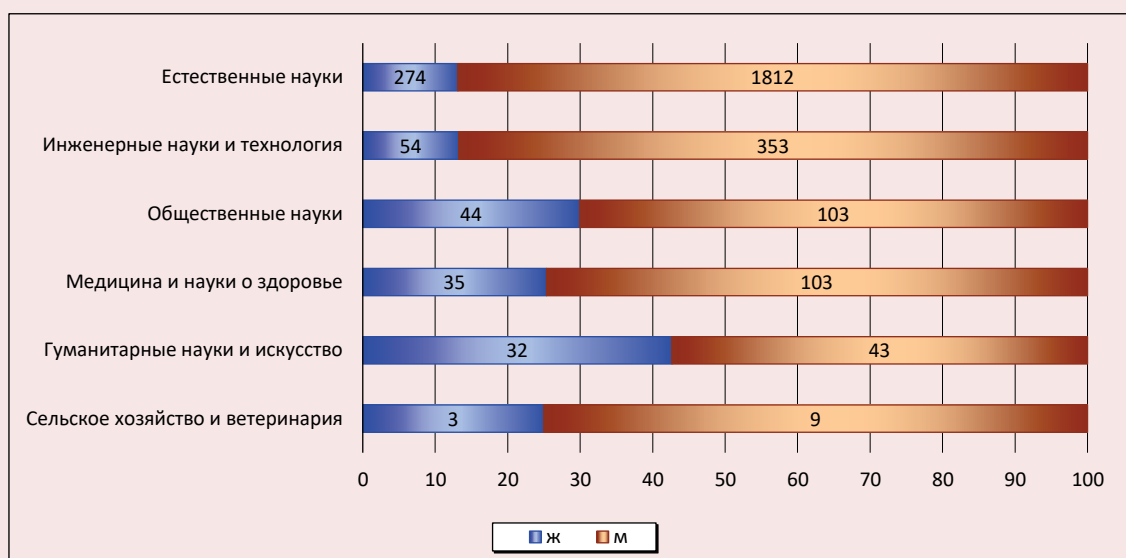
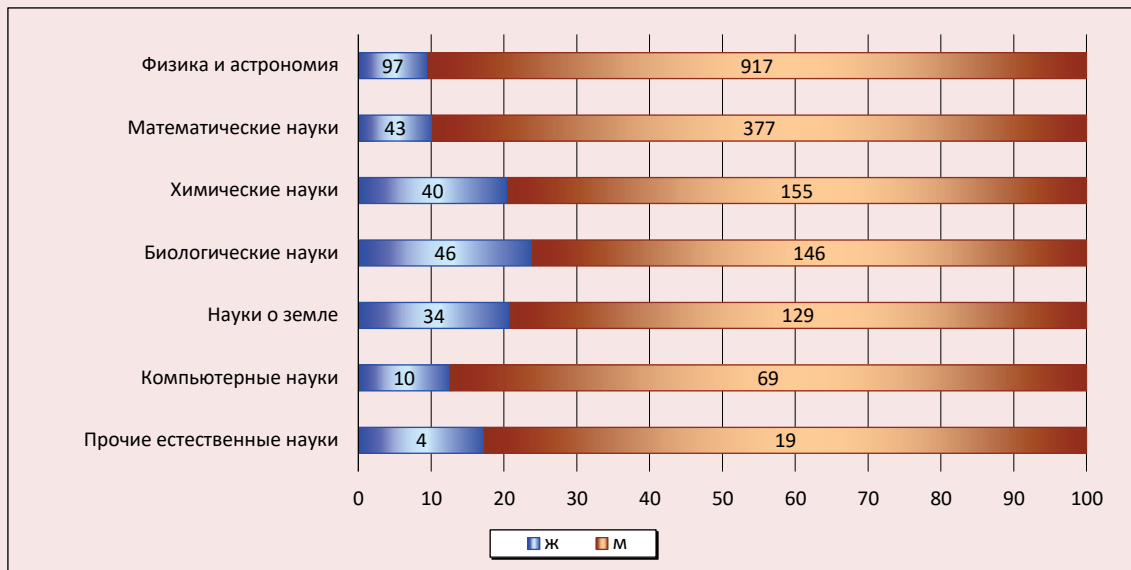

Рис. 3. Распределение ученых-соотечественников – представителей естественных наук по узким научным направлениям и гендеру, %

женщин составляет всего около 10%, в то время как среди биологов, химиков и представителей наук о Земле – более 20% от мигрировавших ученых-соотечественников (рис. 3).

Чаще всего российские ученые выезжают в США и развитые страны Западной Европы (таблица). Среди азиатских стран в топ-10 государств по количеству работающих в них ученых из России вошел только Израиль. Первые четыре государства в списках стран-реципиентов научных кадров из России относительно мужчин и женщин совпадают: США,

Германия, Франция и Великобритания (хотя во Франции доля женщин несколько выше, чем в Великобритании). С их научными учреждениями были аффилированы более 60% ученых-соотечественников. Затем в списках наблюдаются некоторые отличия для мужчин и женщин, наиболее заметное из них – низкий удельный вес женщин среди российских исследователей, уехавших в Израиль (6 ученых-женщин против 65 мужчин). В Швеции, Финляндии и Польше доля женщин, наоборот, выше среднего (более 20%). Согласно данным,

Распределение российских исследователей, участвующих в международной циркуляции научных кадров, по гендеру и странам, в которые они эмигрировали

Страна	Женщины		Мужчины		Всего
	чел.	доля, %	чел.	доля, %	
США	88	13,0	591	87,0	679
Германия	81	15,3	450	84,7	531
Великобритания	37	14,0	228	86,0	265
Франция	43	16,2	222	83,8	265
Финляндия	15	20,0	60	80,0	75
Израиль	6	8,5	65	91,5	71
Швейцария	11	15,9	58	84,1	69
Италия	8	11,6	61	98,1	69
Швеция	15	22,1	53	77,9	68
Канада	9	14,5	53	85,5	62
Другие страны	129	18,1	582	81,9	711

Источник: составлено авторами.

полученным в результате проведенного библиографического анализа, азиатские страны, даже такие развитые, как Япония или Южная Корея, в качестве места работы выбирает относительно небольшое число научных кадров: в Японию переехало 47 ученых, в Китай – 36, в Южную Корею – 19. Это можно объяснить существованием определенных культурных барьеров. При этом доля женщин среди работающих в Китае российских исследователей очень низка – 2 из 36 человек, что также связано с культурными особенностями страны-реципиента.

Следует отметить, что во всех государствах, в которые мигрировали российские ученые, преобладают представители точных наук, в первую очередь физики и математики. Среди основных стран-реципиентов российских ученых выделяется Финляндия, где высока доля представителей гуманитарных и социальных наук (более 20% российских ученых, работавших в ней, против 10% в среднем по миру).

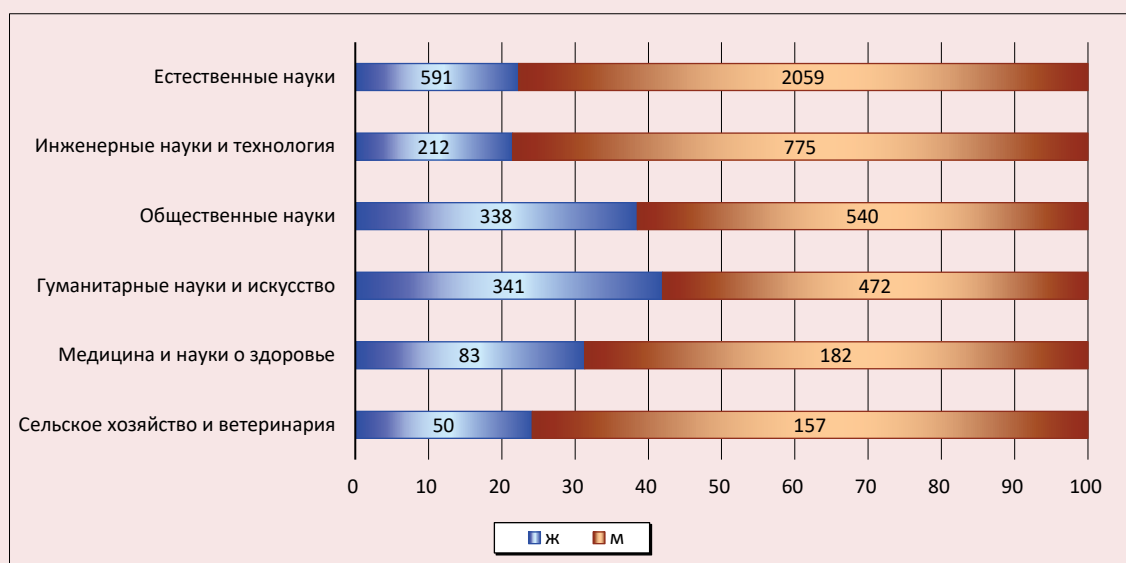
Среди иностранных исследователей, посетивших российские вузы и научные организации в 2018 году, 28% составляли женщины. Представители естественных наук сформировали самую многочисленную группу (около 46%), далее идут инженерные (около 17%), общественные (около 15%), гуманитарные (око-

ло 14%), медицинские и сельскохозяйственные (около 4% каждая группа) науки. Интересно, что по сравнению с российскими учеными, уехавшими за рубеж, среди иностранных ученых, приехавших в Россию, значительно меньше доля представителей естественных наук и значительно больше доля представителей социальных и гуманитарных наук (рис. 4).

Это соответствует данным по российским ученым и свидетельствует, что ситуация со значительным гендерным дисбалансом в STEM-дисциплинах (Science, Technology, Engineering and Math, то есть естественно-научные и технические дисциплины) не является уникальной для российского научного сообщества. В то же время удельная доля женщин среди иностранных ученых, посетивших Россию в 2018 году, была выше, чем удельная доля женщин среди ученых-соотечественников, работающих за рубежом.

Что касается распределения иностранных ученых по странам, из которых они приехали, то стоит отметить, что лидируют Германия, Китай, Беларусь и США. Наиболее высока доля женщин среди ученых, представляющих такие государства ближнего зарубежья, как Украина (86 из 196), Казахстан (179 из 408), Болгария (45 из 107), Финляндия (42 из 120) и Республика Беларусь (189 из 504).

Рис. 4. Распределение иностранных ученых, посетивших российские вузы и научные организации в 2018 году, по научным областям и гендеру, %

Интерпретация результатов

Среди стран, которые российские ученые выбирают в качестве места работы, преобладают государства Западной Европы и Северной Америки, что объясняется высоким уровнем социально-экономического развития в них, а также существованием в азиатских обществах определенных культурных и языковых барьеров для интеграции российских исследователей.

В дисциплинарной структуре миграции российских ученых за рубеж доминируют представители естественных и инженерных наук (в общей сложности более 85% авторов). Подобное распределение ученых-соотечественников по дисциплинам можно объяснить несколькими факторами:

- на международном рынке труда традиционно наиболее востребованы российские ученые – представители естественных (в первую очередь физики и математики) и инженерных наук, это подтверждают и другие исследования [13];

- низкая доля представителей медицинских наук объясняется тем, что согласно классификации ОЭСР значительная их часть могла быть отнесена к представителям естественных (биологических) наук;

- низкая доля представителей гуманитарных наук может быть связана со сравнительно невысокой представленностью журналов гуманитарной направленности в системе WoS и, как следствие, непопаданием ряда российских исследователей в данной области в нашу выборку.

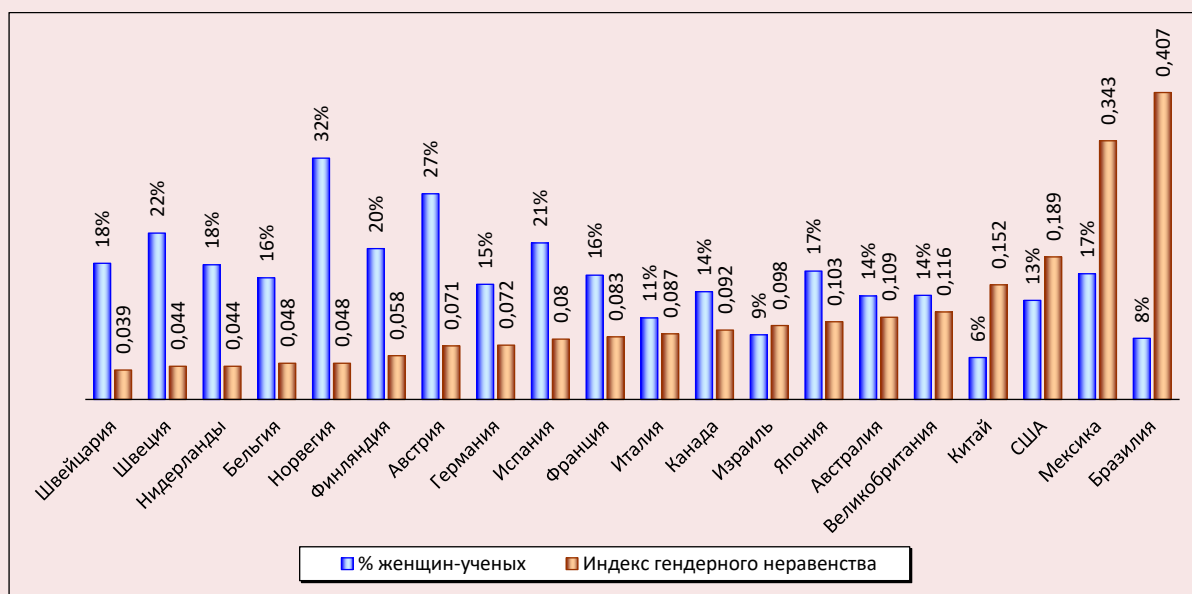
Значительный гендерный дисбаланс среди ученых-соотечественников, аффилированных с зарубежными университетами и научными организациями, может быть обусловлен несколькими факторами. Одна из возможных гипотез, объясняющих неравенство, – большая зависимость женщин по сравнению с мужчинами от таких затрудняющих международную мобильность обстоятельств, как наличие семьи и детей. Результаты исследований влияния брака на развитие академической карьеры показывают, что брак чаще препятствует успешному развитию академической карьеры женщин, в то же время оказывая положительное влияние на карьеру ученых-мужчин [24]. Это связано с

асимметрично распределенными семейными обязательствами и существующими общественными стереотипами. К сожалению, анализируемые нами базы данных не содержат сведений о семейном положении ученых, для того чтобы мы могли подтвердить или опровергнуть данную гипотезу.

Второй гипотезой, объясняющей большую международную мобильность российских исследователей-мужчин по сравнению с женщинами, является наличие определенных социокультурных особенностей в некоторых странах. Например, более высокий по сравнению с Россией уровень гендерной дискриминации может не повлиять на решение исследователя-мужчины, но сузить поле для выбора места работы за рубежом для женщины. Существование социальных и культурных барьеров, препятствующих трудоустройству женщин в зарубежных научных заведениях, может наблюдаться не только в определенных странах, но и в научных дисциплинах или сложившихся в конкретных организациях научных школах [17].

Проанализируем базу данных для проверки этой гипотезы. Можно предположить, что меньше всего удельный вес женщин среди ученых-соотечественников, работающих в мусульманских странах, для которых традиционно характерен высокий уровень гендерного неравенства. Мы располагаем данными о пяти таких государствах – Турция, Катар, Кувейт, Пакистан, Саудовская Аравия. Все ученые-соотечественники, работавшие в них, были мужчинами. Их общее число оказалось слишком мало (14 человек) и не могло существенно повлиять на общую статистику, а отсутствие женщин можно списать на статистическую погрешность. Для того чтобы снизить значимость статистической погрешности, проанализируем только страны, в которые выехало более 30 ученых. Если распределить государства, куда выезжают русскоговорящие ученые, по используемому ООН индексу гендерного неравенства (далее – ГИ), то можно отметить, что процент женщин-ученых коррелирует с величиной индекса. На *рисунке 5* представлены 20 стран с наибольшим количеством русскоговорящих ученых (согласно проведенному библиометрическому анализу), распределенные по ГИ.

Рис. 5. Распределение стран с наибольшим количеством русскоговорящих ученых по доле ученых-женщин и индексу гендерного неравенства

Можно отметить, что в 8 странах из первой десятки (кроме Бельгии и Германии) процент женщин-ученых выше либо равен среднему (18%). Во всех странах второй десятки процент женщин-ученых ниже среднего. Между индексом неравенства и долей женщин-ученых от всех представителей русскоязычной научной диаспоры в рассматриваемых государствах существует отрицательная зависимость (чем выше индекс неравенства, тем меньше доля женщин-ученых). Она наводит на мысль о том, что русскоговорящие женщины-ученые, уезжающие в страны с низким ГИ, имеют большие шансы к самореализации в науке. Таким образом, наша гипотеза (социокультурные особенности стран могут повлиять на выбор места иммиграции российских женщин-ученых) подтвердилась.

Наконец третьей гипотезой, объясняющей гендерный дисбаланс в международной циркуляции научных кадров из России, может быть тот факт, что на международном рынке труда традиционно наиболее востребованы российские ученые – представители точных наук (физики и математики), а именно в этих научных дисциплинах удельный вес женщин ниже всего. По информации Росстата, в 2015 году среди выпускников российских университетов, прошедших обучение по физико-математическим

специальностям, женщины составляли только 40%, в то время как среди выпускников всех специальностей – 57%, удельный вес женщин-выпускников программ обучения по техническим и инженерным специальностям был еще ниже². По данным библиометрического анализа число женщин среди ученых – представителей STEM-дисциплин, работавших за рубежом, еще ниже – всего 13%. Таким образом, эта гипотеза подтверждается и объясняет низкую долю женщин среди всех ученых-соотечественников, аффилированных с иностранными организациями, однако не может объяснить, почему для каждого отдельно взятого научного направления доля женщин, задействованных в международной циркуляции научных кадров, ниже, чем среди ученых, работающих в России.

Анализ базы данных иностранных ученых, посетивших российские вузы и научные организации в 2018 году, показал, что в их числе также преобладают представители естественных и инженерных наук, однако их доля среди иностранных ученых, приезжающих в Россию, не так велика, как среди российских ученых, уезжающих за рубеж. В то же время у иностран-

² Женщины и мужчины России, 2016: стат. сборник. М., 2016. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b16_50/Main.htm (дата обращения 10.03.2020).

ных ученых значительно выше доля представителей социальных и гуманитарных наук. Это можно объяснить как наличием определенного спроса на международном рынке научных кадров, так и разницей в методологии сбора информации (в выборку иностранных ученых попали все посетившие Россию исследователи вне зависимости от наличия у них публикаций в базе данных WoS).

Для иностранных ученых также характерно наличие гендерного распределения по областям науки, удельный вес женщин в STEM-дисциплинах оказался существенно ниже, чем в социально-гуманитарных. Однако доля женщин среди иностранных ученых была существенно выше, чем среди ученых-соотечественников, как в целом, так и в разрезе конкретных научных областей. Это также связано с особенностями методологии сбора данных: учитывались не только иностранные ученые, приехавшие в Россию для трудоустройства, но и посетившие российские научные организации и вузы с краткосрочными визитами. Можно предположить, что женщинам-ученым, даже если у них есть семья и дети, проще решиться на краткосрочную рабочую поездку за рубеж. В то же время для длительного трудоустройства за рубежом наличие семьи является для женщин более значимым препятствием, чем для мужчин. Для подтверждения этой гипотезы требуются дальнейшие исследования, т. к. анализируемые базы данных не содержат информации о семейном положении ученых.

Выводы

Таким образом, мы провели апробацию библиометрического подхода для определения структуры миграции российских ученых. Полученные данные оказались сопоставимы с данными по иностранным ученым, посетившим Россию в 2018 году. Это говорит о высокой степени объективности библиометрического подхода как инструмента в определении структуры интеллектуальной миграции. В результате проведенного исследования нами была выявлена и интерпретирована дисциплинарная, гендерная и географическая структура международной миграции ученых на примере России. Доказано, что на международном рынке труда наиболее востребованы представители STEM-дисциплин (среди российских ученых это в первую очередь физики и математики).

Наша работа на примере России наглядно показала существование значительного гендерного неравенства в глобальной циркуляции кадров. По сравнению с мужчинами женщины-ученые в меньшей степени склонны выбирать в качестве места работы иностранные университеты и научные организации. Такой дисбаланс характерен для всех академических дисциплин, но особенно заметен в точных и инженерных науках, где удельный вес женщин составляет всего около 13% от всех ученых-соотечественников, уехавших работать за рубеж.

Для объяснения гендерного неравенства среди ученых-соотечественников, аффилированных с зарубежными научными организациями и университетами, мы выдвинули три гипотезы:

1) Асимметрично распределяемые семейные обязательства, препятствующие успешному развитию академической карьеры женщин-ученых.

2) Более высокий, по сравнению с Россией, уровень гендерного неравенства в некоторых странах, который может быть препятствием для трудоустройства женщин-ученых.

3) Высокий спрос на мировом рынке труда на российских физиков и математиков, среди которых доля женщин традиционно низка.

С помощью анализа базы данных ученых-соотечественников мы смогли подтвердить вторую и третью гипотезы, однако для проверки первой гипотезы необходимы дальнейшие исследования с помощью таких методов, как анкетирование и глубинные интервью.

При анализе базы данных иностранных ученых, посетивших российские вузы и научные организации в 2018 году, выяснено, что гендерная и дисциплинарная структура международной миграции ученых у российских исследователей в общих чертах соответствует структуре миграции их зарубежных коллег. Ландшафт гендерного неравенства по отраслям науки также мало зависит от страны. Более высокую долю женщин среди иностранных ученых по сравнению с учеными-соотечественниками можно объяснить разницей методологии сбора информации, а также тем, что среди иностранных ученых, посетивших Россию, оказалось значительно больше представителей социально-гуманитарных наук, для которых в меньшей степени характерно гендерное неравенство. Что касается географической структуры миграции ученых,

стоит отметить, что выезжают российские ученые в основном в западные страны, в то время как приезжают в Россию ученые в том числе и из ближнего зарубежья (страны СНГ, Болгария, Китай). Следовательно, в региональном измерении Россия остается значительным научным центром притяжения.

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, могут быть использованы для выработки управленческих решений как на государственном уровне (создание и совершенствование механизмов по взаимодействию с учеными-соотечественниками за рубежом), так и на уровне конкретных научных организаций и университетов (создание благоприятных для работы условий иностранным ученым, в т. ч. женщинам с семьей).

Исследование показало перспективность библиометрического подхода к анализу данных для прикладных социально-политических наук и корректность получаемых с его помощью данных. В дальнейшем подход может быть доработан и в сочетании с другими методами применен при оценке эффективности инструментов государственной политики, направленных на развитие международного научно-технического сотрудничества (например, программа «Мегагранты», международные конкурсы российских научных фондов и пр.).

Благодарность

Авторы выражают благодарность коллеге Покровскому Дмитрию Станиславовичу за помощь при редактировании текста статьи и ценные советы.

Литература

1. Ackers L., Gill B. *Moving People and Knowledge: Scientific Mobility in an Enlarging European Union*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009. 273 p.
2. Antoshchuk I. The notion of diaspora knowledge network revisited: Highly skilled migrants forming a new invisible college. In: *Centre for German and European Studies (CGES) Working Paper WP 2018-10*, 2018. Available at: https://zdes.spbu.ru/images/WP_Antoshchuk_10.pdf
3. Fernández-Zubieta A., Geuna A., Lawson C. Mobility and productivity of research scientists. In: *Global Mobility of Research Scientists: The Economics of Who Goes Where and Why*. London: Academic Press, 2015. Pp. 105–131.
4. Petersen A.M. Multiscale impact of researcher mobility. *Journal of the Royal Society Interface*, 2018, 15: 20180580. DOI: <https://doi.org/10.1098/rsif.2018.0580>. Available at: <http://rsif.royalsocietypublishing.org/content/15/146/20180580>
5. Jonkers K., Tijssen R. Chinese researchers returning home: Impacts of international mobility on research collaboration and scientific productivity. *Scientometrics*, 2008, no. 77, pp. 309–333. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-007-1971-x>
6. Franzoni C., Scellato G., Stephan P. The mover's advantage: The superior performance of migrant scientists. *Economics Letters*, 2014, vol. 122, no. 1, pp. 89–93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2013.10.040>
7. Jöns H. 'Brain circulation' and transnational knowledge networks: studying long-term effects of academic mobility to Germany, 1954–2000. *Global Networks*, 2009, vol. 9, no. 3, pp. 315–338. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1471-0374.2009.00256.x>
8. Kerr W.R. Ethnic scientific communities and international technology diffusion. *The Review of Economics and Statistics*, 2008, vol. 90, no. 3, pp. 518–537. DOI: <https://doi.org/10.1162/rest.90.3.518>
9. Развитие сотрудничества с русскоязычной научной диаспорой: опыт, проблемы, перспективы / И.Г. Дежина [и др.]. № 23. М.: Спецкнига, 2015. 104 с.
10. Dushina S.A., Lomovitskaya V.M. Distinctive features of academic mobility in today's Russia. *Sociologia Nauki I Tehnologij=Sociology of Science and Technology*, 2013, vol. 4, no. 1, pp. 70–80.
11. Юревич М.А., Малахов В.А., Аушкап Д.С. Плюрализм оценок миграционных потоков научных кадров в России // Наука. Инновации. Образование. 2017. № 4. С. 116–124.
12. Moed H.F., Halevi G.A. Bibliometric approach to tracking international scientific migration. *Scientometrics*, 2014, vol. 101, no. 3, pp. 1987–2001. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-014-1307-6>

13. Кокшаров В.А., Агарков Г.А. Международная научная миграция: прогресс или угроза научно-технической безопасности России // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 1. С. 243–252. DOI: 10.17059/2018–1–19
14. Markova Y.V., Shmatko N.A., Katchanov Y.L. Synchronous international scientific mobility in the space of affiliations: Evidence from Russia. *SpringerPlus*, 2016, no. 5: 480. DOI: 10.1186/s40064-016-2127-3. Available at: <https://springerplus.springeropen.com/articles/10.1186/s40064-016-2127-3>
15. Юревич М.А., Аушкап Д.С. «Утечка умов» в компьютерных и информационных науках: библиометрическая оценка // Информационное общество. 2018. № 6. С. 46–53.
16. Shiryaev A., Aushkap D. Digital technology research of the number of scientific diaspora. In: *2nd International Scientific conference on New Industrialization: Global, national, regional dimension (SICNI 2018)*. Atlantis Press, 2019. Pp. 451–454. DOI: <https://doi.org/10.2991/sicni-18.2019.91>
17. Jöns H. Transnational academic mobility and gender. *Globalisation, Societies and Education*, 2011, vol. 9, no. 2, pp. 183–209. DOI: 10.1080/14767724.2011.577199
18. Ward K., Wolf-Wendel L. Academic motherhood: Managing complex roles in research universities. *The Review of Higher Education*, 2004, vol. 27, no. 2, pp. 233–257.
19. Leemann R.J. Gender inequalities in transnational academic mobility and the ideal type of academic entrepreneur. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, 2010, vol. 31, no. 5, pp. 605–625. DOI: <https://doi.org/10.1080/01596306.2010.516942>
20. Antoshchuk I. Female computer scientists from Post-Soviet space: migration and academic career in the UK. In: *23rd International Conference on Science and Technology Indicators (STI 2018)*. Centre for Science and Technology Studies (CWTS), 2018. Pp. 414–419. Available at: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/65354>
21. Zippel K. How gender neutral are state policies on science and international mobility of academics? *Sociologica*, 2011, no. 5, no. 1, pp. 1–17. DOI: 10.2383/34631
22. Fox M.F., Realf M.L., Rueda D.R., Morn J. International research collaboration among women engineers: frequency and perceived barriers, by regions. *The Journal of Technology Transfer*, 2017, vol. 42, no. 6, pp. 1292–1306. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10961-016-9512-5>
23. Малахов В.А. Гендерный аспект международной академической мобильности российских ученых // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 88–89.
24. Ginther D.K., Kahn S. Does science promote women? Evidence from academia 1973–2001. In: *Science and Engineering Careers in the United States: An Analysis of Markets and Employment*. Chicago: University of Chicago Press, 2009. Pp. 163–194. Available at: <https://www.nber.org/chapters/c11621>

Сведения об авторах

Вадим Александрович Малахов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук (125315, Российская Федерация, г. Москва, ул. Балтийская, д. 14; e-mail: yasonbh@mail.ru)

Ирина Николаевна Васильева – кандидат экономических наук, доцент, заведующий центром международного научно-технического сотрудничества, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20а; e-mail: i.vasilyeva@riep.ru)

Филипп Дмитриевич Белов – кандидат экономических наук, заведующий центром исследования организационных процессов в сфере науки и инноваций, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20а; e-mail: fdbelov@yandex.ru)

Malakhov V.A., Vasil'eva I.N., Belov F.D.

Structure of international migration of researchers. Case study of Russia

Abstract. In modern conditions, processes of international migration of researchers affect the level of countries' development and competitiveness. To develop and implement a national science policy that would be adequate to the challenges, it is necessary to objectively understand the structure of international migration flows of researchers. The purpose of the work is to identify and analyze the structure of scientists' migration, as well as to explain it using the case study of Russia. The authors conducted a comparison of gender distribution among Russian researchers, affiliated with foreign scientific organizations, by scientific area and countries where they relocated. Data on Russian scientists are compared to data on foreign scientists who came to Russia. Information on Russian scientists, who moved abroad, was taken from the Web of Science bibliometric database, and data on foreign scientists who visited Russia was obtained after conducting a survey among employees of Russian universities and scientific organizations. The gender, geographical, and disciplinary structure of migration of Russian researchers abroad and foreign scientists to Russia is revealed. It is determined that, among Russian scientists, representatives of natural sciences (mostly mathematics and physics) are the ones who are involved the most in processes of international circulation of scientific personnel. The share of women among scientists, who migrated abroad, is lower than among those who stayed in Russia. It is shown that such gender and disciplinary structure of scientists' migration is not a unique feature of Russian science. Several possible explanations for the existing structure of international migration of researchers are proposed: high demand for Russian physicists and mathematicians on the international scientific labor market; uneven distribution of family obligations; and existence of cultural barriers, which restrict women in choosing potential countries for changing their place of work and residence, in some states. In the future, the bibliometric approach, used by the authors, may be applied to the assessment of the efficiency of public policy instruments aimed at developing international scientific cooperation and interaction with fellow scientists abroad.

Key words: gender inequality, circulation of scientific personnel, researchers, bibliometric approach, scientific career, international academic mobility, Russian scientific diaspora.

Information about the Authors

Vadim A. Malakhov – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (14, Baltiyskaya Street, Moscow, 125315, Russian Federation; e-mail: yasonbh@mail.ru)

Irina N. Vasil'eva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Center for International Scientific and Technical Cooperation, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (20A, Dobrolubova Street, Moscow, 127254, Russian Federation; e-mail: i.vasilyeva@riep.ru)

Filipp D. Belov – Candidate of Sciences (Economics), Head of the Center for Research of Organizational Processes in Science and Innovation, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (20A, Dobrolubova Street, Moscow, 127254, Russian Federation; e-mail: fdbelov@yandex.ru)

Статья поступила 24.03.2020.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.15

УДК 364(437); ББК 65.29(4Чея)

© Кроцил О., Поспишил Р., Кошина Д.

Осведомленность о социальном предпринимательстве и отношение к нему среди студентов вузов и лиц с ограниченными возможностями на примере Чешской Республики*

**Ондржей
КРОЦИЛ**

Университет Палацкого
Оломоуц, Чешская Республика, Křížkovského 511/8, 779 00
E-mail: ondrej.krocil@upol.cz
ORCID: 0000-0002-0749-1848

**Ричард
ПОСПИШИЛ**

Университет Палацкого
Оломоуц, Чешская Республика, Křížkovského 511/8, 779 00
E-mail: richard.pospisil@upol.cz
ORCID: 0000-0002-1428-4038

**Дэвид
КОШИНА**

Университет Палацкого
Оломоуц, Чешская Республика, Křížkovského 511/8, 779 00
E-mail: david.kosina@upol.cz
ORCID: 0000-0002-3520-8384

* Исследование было поддержано грантом IGA_FF_2020_001 «Изменение предпринимательских подходов в современной экономике» внутреннего грантового фонда университета Палацкого в Оломоуце.

Для цитирования: Кроцил О., Поспишил Р., Кошина Д. Осведомленность о социальном предпринимательстве и отношение к нему среди студентов вузов и лиц с ограниченными возможностями на примере Чешской Республики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 247–263. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.15

For citation: Krocil O., Pospisil R., Kosina D. Awareness and attitudes towards social entrepreneurship among university students and disabled people. The case of the Czech Republic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 247–263. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.15

Аннотация. В Чешской Республике концепция социального предпринимательства находится на стадии разработки и пока не получает систематической поддержки от государства и не регулируется им. Кроме того, общее число социальных предприятий, действующих в Чешской Республике, невелико, в связи с чем потенциал концепции социального предпринимательства не может быть реализован. Для ускорения этого процесса важное значение может иметь повышение осведомленности чешского населения о социальном предпринимательстве. На основе пилотного опроса, проведенного среди 200 возможных стейкхолдеров чешских социальных предприятий, мы изучили осведомленность отдельных групп людей о социальном предпринимательстве и их отношение к нему. Эти группы включают как лиц с ограниченными возможностями – типичных работников чешских социальных предприятий, так и студентов университетов в качестве возможных будущих учредителей этих предприятий. Наше исследование акцентируется на трех вопросах: 1) уровень осведомленности о концепции социального предпринимательства среди студентов вузов и лиц с ограниченными возможностями; 2) положение лиц с ограниченными возможностями на современном рынке труда; 3) готовность студентов стать предпринимателями и начать социальный бизнес. В ходе работы использовался метод структурированных опросов. Их результаты свидетельствуют, что осведомленность о концепции социального предпринимательства в целом невысока. Тем не менее студенты рассматривают возможность стать предпринимателями и начать социальный бизнес. Кроме того, по мнению респондентов, трудно найти работу, будучи человеком с ограниченными возможностями, а современный рынок труда не предлагает достаточного количества вакансий, которые могли бы заинтересовать таких людей. С этой точки зрения мы можем оценить дальнейшее развитие чешских социальных предприятий (особенно социальных предприятий по интеграции труда (WISE)).

Ключевые слова: социальное предприятие, WISE, социальное предпринимательство, лица с ограниченными возможностями, студенты вузов, осведомленность.

Введение

Рассмотрим главные особенности среды социального предпринимательства в Чешской Республике. В Чешской Республике и странах Европейского союза существует взаимосвязь между концептуализацией социального предпринимательства, представленная, в частности, влиянием EMES – Европейского исследовательского сетевого подхода к социальному предпринимательству.

Социальное предпринимательство в Европейском союзе

В настоящее время социальное предпринимательство представляет собой одну из возможностей, которую предприниматели могут использовать для решения насущных социальных проблем, таких как социальная изоляция, преступность и безработица. В общепринятой трактовке социальные предприятия определяются как субъекты, реализующие продукцию и оказывающие услуги для достижения экономической самодостаточности и в то же время преследующие социальную цель. Согласно Borzaga, Galera, Franchini, Chiomento, Nogales и Carini [1], термин «социальное предприятие»

часто смешивается с WISE (социальное предприятие по интеграции труда) в общественном понимании стран ЕС. Такие предприятия занимаются трудоустройством лиц, находящихся в неблагоприятном положении на рынке труда, их цель состоит в интеграции этих людей в общество или предотвращении их социальной изоляции. К числу лиц, находящихся в неблагоприятном положении на рынке труда, относятся лица с ограниченными возможностями, социально изолированные лица, лица с низкой квалификацией, пожилые или люди, которые долго не могут найти работу.

Хотя типичной особенностью рынка труда до пандемии являлся низкий уровень безработицы (6,3% в сентябре 2019 года¹), социально незащищенным лицам необходимо уделять постоянное внимание, поскольку они сталкиваются с множеством специфических социальных и медицинских рисков. По данным Евростата,

¹ Unemployment statistics, Eurostat. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Unemployment_statistic

в 2018 году 28,7% населения ЕС с ограниченными физическими возможностями рисковали стать бедными или попасть в социальную изоляцию, среди людей без физических ограничений – 19,2%. Социальное предпринимательство может стать эффективным инструментом интеграции этих людей в общество и инновационным способом защиты их от социальной изоляции.

В странах ЕС нет единого определения понятия «социальное предпринимательство». В некоторых государствах социальное предпринимательство включено в национальное законодательство (например, в Словакии и Финляндии), в других пока официально не регулируется (например, в Чехии и Австрии). В странах Евросоюза широко распространено определение социального предпринимательства по данным EMES (сеть научно-исследовательских центров, вузов и отдельных исследователей социального предпринимательства) [2] (табл. 1).

В нем подразумевается, что социальное предпринимательство основано на двух наборах принципов – экономических и социальных, причем акцент делается на роли стейкхолдеров.

Социальное предпринимательство в Чешской Республике

В настоящее время в Чехии отсутствует формальное законодательное регулирование социального предпринимательства. По этой причине используется неофициальное определение, данное некоммерческой организацией TESSEA², основанное на указанном выше понимании EMES. В этой дефиниции приведены принципы и показатели, которым должно соответствовать социальное предприятие (табл. 2). Оно предназначено в первую очередь для распределения субсидий, а не для включения социальных предприятий в ориентировочную базу данных, находящуюся в ведении чешского Министерства труда и социальных дел (включение в базу данных добровольное).

Таблица 1. Определение социального предпринимательства

Экономические принципы	
Принцип	Объяснение принципа
а) непрерывная деятельность; производство, реализация товаров и оказание услуг	Деятельность на рынке товаров и услуг является одной из основных целей социального предприятия
б) высокая степень автономии	Социальные предприятия не являются субъектами, управляемыми государственными органами или другими организациями
в) значительный уровень экономического риска	Те, кто создает социальное предприятие, полностью или частично берут на себя риск, связанный с ним
г) минимальный размер оплаты труда	Деятельность, осуществляемая на социальных предприятиях, требует минимального уровня оплаты труда работников
Социальные принципы	
д) явная цель принести пользу обществу	Главная цель социального предприятия – служить обществу в целом или определенной группе людей
е) инициатива, выдвинутая группой граждан	Социальное предприятие – это результат совместных усилий граждан, разделяющих идею достижения общественно полезной цели
ж) один участник = один голос	Право принятия решений не является производным от корпоративного капитала
з) партисипативный характер, в котором участвуют различные стороны, затронутые этой деятельностью	Влияние заинтересованных сторон на принятие решений в социальном предприятии
и) ограниченное распределение прибыли	Социальные предприятия – это некоммерческие организации или предприятия, в которых любая прибыль перераспределяется только в ограниченной степени
Источник: EMES.	

² Definition and Principles of Social Enterprise, TESSEA. Available at: <http://www.tessea.cz/tessea-o-nas/definice-a-principy-socialniho-podnikani>

Таблица 2. Принципы социального предпринимательства

Принцип	Значение
Социальное влияние	Осуществление деятельности, полезной для общества или конкретной группы социально незащищенных людей
	Трудоустройство социально незащищенных лиц на рынке труда (в случае с WISE)
Экономическое влияние	Возможная прибыль используется для дальнейшего развития предприятия
	Самостоятельность в принятии управленческих решений
	Выручка от реализации собственных товаров и услуг должна быть частью итоговой прибыли
	Способность управлять экономическими рисками
Влияние на окружающую среду и местное общество	Учет экологических последствий хозяйственной деятельности предприятия
	Сотрудничество социального предприятия с местными образованиями
Источник: TESSEA.	

Таблица 3. Показатели для социальных предприятий

Область	Показатель
Социальная	Работники регулярно и систематически информируются о деятельности предприятия, его доходах и осуществлении общественно полезной деятельности
	Люди из социально незащищенных групп составляют не менее 30% всех работников (в случае с WISE)
Экономическая	Не менее 50% прибыли направляется на дальнейшее развитие предприятия и его социально полезные цели
	В процессе принятия решений руководство не зависит от других субъектов
	Выручка от реализации собственных товаров и услуг составляет не менее 30% от общей прибыли
	Предприятие использует один из стандартных методов экономического управления или управления рисками
Окружающая среда и местное общество	Предприятие сформулировало принципы экологически безопасной политики и реализует их на практике
	Предприятие общается и сотрудничает с местными организациями
Источник: TESSEA.	

В таблице 3 приведены показатели, характеризующие реализацию принципов.

Исследование, осуществленное нами в Чешской Республике в 2018 году, свидетельствует о том, что WISE – наиболее распространенный тип социальных предприятий. Чешские WISE уделяют основное внимание интеграции лиц с ограниченными возможностями обратно в общество путем предоставления им возможностей трудоустройства [3]. В то же время в 2018 году наблюдалось превышение предложения над спросом на труд инвалидов. Это говорит о еще большей важности существующих WISE, поскольку без них избыточное предложение было бы еще более значительным.

По данным TESSEA³, в настоящее время в Чехии работает 300 социальных предприятий, 90% из них – WISE. 80% этих компаний ориентированы на интеграцию людей с ограниченными возможностями: в 2018 году они трудоустроили почти 4000 социально незащищенных людей (по данным чешского бюро труда⁴, в декабре 2019 года насчитывалось 33000 безработных человек с ограниченными возможностями).

³ Questionnaire Survey of Social Enterprises, TESSEA. Available at: <http://www.tessea.cz/aktuality/528-dotaznikove-setreni-socialnich-podniku-2019>

⁴ Unemployment Statistics, Czech Labour Office. Available at: <https://www.mpsv.cz/web/cz/statistiky#statistiky-o-trhu-prace>

Однако в Чешской Республике концепция социального предпринимательства все еще находится в стадии разработки, систематически не поддерживается и не регулируется государством. Кроме того, общее число социальных предприятий, действующих в Чешской Республике, невелико, в связи с чем потенциал концепции социального предпринимательства не может быть реализован. Для ускорения этого процесса важное значение может иметь повышение осведомленности чешского населения о социальном предпринимательстве. В пилотном исследовании мы делаем акцент на двух группах людей, выделенных среди чешского населения: лица с ограниченными возможностями как типичных работников чешских социальных предприятий и студентах чешских гуманитарных университетов как потенциальных основателях новых социальных предприятий. Взаимосвязь между социальным предпринимательством, студентами вузов и лицами с ограниченными возможностями подтверждается научной литературой.

Обзор литературы

Обзор литературы разделен на три части. В первой части дается определение и характеристика WISE – концепции социального предпринимательства, распространенной в Чехии и европейских странах. Во второй части раскрывается связь между социальным предпринимательством и интеграцией инвалидов. В третьей части рассматривается позиция студентов университета как потенциальных социальных предпринимателей.

Определение и характеристика европейской концепции WISE

В литературе WISE рассматривается с разных точек зрения. Значительный вклад в их исследование в Европе внесли эксперты сети EMES. Defourny и Nyssens [4] отмечают, что социальные предприятия могут быть активны во многих областях, поскольку достижение социально полезной цели относится к широкому спектру видов деятельности. Однако в Европе доминируют так называемые интеграционные социальные предприятия, именуемые WISE (социальные предприятия по интеграции труда). Авторы предполагают, что длительная структурная безработица в некоторых группах населения, ограничения традиционно воспри-

нимаемой активной политики на рынке труда и все более необходимые инновации поднимают вопрос о роли социального предпринимателя в борьбе с безработицей и поддержке возможностей трудоустройства. Помощь безработным с низкой квалификацией, которые постоянно находятся в изоляции на рынке труда, как раз и является целью социальных предприятий. Они интегрируют этих людей в общество, предоставляя им возможность заниматься производственной деятельностью.

Davister, Defourny и Gregoire [5] описывают интеграционные социальные предприятия как автономные экономические субъекты, основная цель которых – профессиональная интеграция лиц, испытывающих трудности с трудоустройством, путем производственной деятельности или профессиональной подготовки, направленной на повышение квалификации лиц, находящихся в социально уязвимой позиции. По мнению указанных экспертов, частыми видами деятельности, на которые следует обратить внимание, являются ручные работы, обработка отходов, уход за растениями или упаковочные работы.

Davister, Defourny и Gregoire [5] выделяют четыре основных типа социальных предприятий в зависимости от того, как они интегрируют людей.

- Временное трудоустройство. Основное внимание уделяется обеспечению целевой группы опытом работы (временная занятость) или обучению на рабочем месте с целью интеграции социально уязвимых работников на открытом рынке труда. Целевые лица участвуют в стажировках или трудоустраиваются на определенный срок.

- Создание постоянного рабочего места, финансируемого социальным предприятием. Цель этого типа интеграции состоит в том, чтобы создать рабочие места для лиц, находящихся в уязвимом положении на рынке труда. Такие места должны быть стабильными и экономически устойчивыми в среднесрочной перспективе. На начальном этапе государственные субсидии используются для финансирования рабочего места, уравновешивая недостаточную производительность целевой группы. Субсидии временны, их размер уменьшается, когда работники становятся конкурентоспособными.

ми на рынке труда. После этого промежуточно-го этапа интеграции социальные предприятия выплачивают работникам заработную плату из собственных средств (в основном из своих доходов).

- Профессиональная интеграция, поддерживаемая постоянными субсидиями. Наиболее уязвимые лица, интеграция которых затруднительна в среднесрочной перспективе, получают стабильные рабочие места, постоянно финансируемые из государственных ресурсов.

- Социализация через продуктивную деятельность. Цель этого типа интеграционного предприятия – не профессиональная интеграция лиц в открытый рынок труда (впрочем, это не исключается), а социальная реабилитация целевых групп через социальные контакты, соблюдение ролей, улучшение образа жизни и т. д. Предприятия работают в основном с людьми с серьезными социальными проблемами (алкоголики и наркоманы, бывшие осужденные) или физическими, умственными недостатками.

Spearg и Bidet [6] приводят несколько мнений по поводу WISE:

- Объем финансирования социального предприятия из государственных источников показывает, является ли оно постоянным, временным или же предприятие самофинансируемое.

- Вид занятости, предоставляемой социальным предприятием обездоленным лицам, может быть постоянным и временным.

- Социальное предприятие делает акцент на обучении своих работников.

Davister, Defourny и Gregoire [5] также описывают типы социальных предприятий с финансовой точки зрения.

В европейских странах WISE занимают прочные позиции среди других видов социальных предприятий. Как и в других странах, WISE в настоящее время является преобладающей моделью социальных предприятий в Швейцарии [7]. Доминирующее положение WISE среди других видов социальных предприятий в ряде европейских стран подтверждается, например, в случае с Польшей [8], а также Словакией и Чешской Республикой [9]. Как отмечают авторы, в Чешской Республике социальное предпринимательство часто воспринимается в каче-

стве занятости инвалидов или других социально уязвимых групп людей. Согласно Anastasiadis [10], WISE в Австрии в большей степени соответствуют международному пониманию социальных предприятий, поскольку показывают социальные, экономические и связанные с государственным управлением аспекты социальных предприятий, как указано в подходе EMES, и преследуют конкретную социальную миссию (интеграция труда).

Социальные предприятия и люди с ограниченными возможностями на рынке труда

Лица с ограниченными возможностями – это одна из групп социально уязвимых людей, которую может поддержать WISE. Вопросами трудоустройства инвалидов занимались Shier, Graham и Jones [11]. Они провели индивидуальное и групповое собеседования с 56 из них, показавшие, что лица с ограниченными возможностями сталкиваются с дискриминацией: им трудно найти и сохранить работу. Thornton [12] описала неравенство между инвалидами и не инвалидами в контексте занятости. Она указывает, что дискриминация лиц с ограниченными возможностями часто происходит в процессе отбора претендентов на рабочее место, и люди без физических ограничений имеют на 150% больше шансов получить положительный ответ от работодателя.

Социальные предприятия как партнеры людей с ограниченными возможностями изучались в работах Harris, Renko и Caldwell [13; 14]. По мнению авторов, при адекватной поддержке социальное предпринимательство является одним из вариантов занятости, который может привести к экономической самодостаточности, способствовать более серьезному экономическому росту и поддерживать предприятия, решающие социальные проблемы, затрагивающие людей с ограниченными возможностями. Связь между социальным предпринимательством и социальным включением людей с ограниченными возможностями была установлена Hall и Wilton [15], Shaheen [16] и Buhariwala, Wilton, Evans [17], а также Smith, McVilly, McGillivray и Chan [18]. Социальное предпринимательство может обеспечить более высокую заработную плату и дать другим уязвимым и маргинализированным группам людей возможность «реальной работы за реальную оплату».

С помощью WISE незащищенные слои населения смогли получить доступ к достойным средствам к существованию и добиться довольно активного участия в жизни общества [19]. В качестве положительных результатов таких инициатив выступили расширение экономических, социальных прав и возможностей. В частности, благодаря профессиональной интеграции уязвимые группы людей вновь обретают чувство собственного достоинства, участвуя в трудовой и общественной деятельности. Это связано с социальными связями, которые люди также могут возродить в ходе этого процесса.

Представленная работа подтверждает важность WISE в процессе включения лиц с ограниченными возможностями в общество. Им необходимо быть информированными о WISE. По этой причине мы решили внести свой вклад в исследование таких предприятий и выяснить, знакомы ли чешские жители с ограниченными возможностями с концепцией социального предпринимательства и то, как они воспринимают ситуацию на рынке труда, которую можно было бы улучшить с помощью WISE.

Студенты вузов как будущие социальные предприниматели

Во вторую группу ключевых стейкхолдеров социальных предприятий мы включаем студентов. Чтобы подтвердить правомерность нашей позиции, мы изучили соответствующую научную литературу о намерениях студентов вузов стать социальными предпринимателями и их знаниях об этом феномене.

Franco, Naase и Lautenschläger [20] сравнили предпринимательские намерения студентов университетов восточной и западной Германии, а также центральной Португалии. Они выяснили, что большинство респондентов являются так называемыми потенциальными учредителями – они не исключают возможности стать самозанятыми. Наибольшее количество студентов, желающих стать предпринимателями (так называемые основатели), находится в Португалии. По данным Ashour [21], значительное число студентов высших учебных заведений в Объединенных Арабских Эмиратах положительно относятся к предпринимательству и социальному предпринимательству как вариантам карьерного роста. Исследование показало, что 38% студентов выразили заинтересованность в том,

чтобы стать предпринимателями, 23,3% – социальными предпринимателями. Намерения студентов стать социальными предпринимателями были также исследованы Kedmenec, Rebernik и Peric [22]: почти 70% опрошенных (студенты хорватских университетов) намерены основать венчурное предприятие в ближайшие десять лет. Одна половина этих респондентов склонна к коммерческому предпринимательству, другая предпочитает социальное предпринимательство. Ip, Wu, Liu и Liang [23] утверждают, что студенты университетов – это будущее нашего общества, поэтому их следует подталкивать к тому, чтобы они дорожили экологическими ресурсами и помогали социально уязвимым людям. Barton, Schaefer и Canavati [24] выяснили, что более половины опрошенных американских бизнес-студентов сообщили о намерении заняться социальным предпринимательством.

Согласно одному из последних исследований, посвященному осведомленности российских студентов о социальном предпринимательстве [25], только 34,8% респондентов знакомы с этим феноменом. Тем не менее знания студентов Чехии о социальном предпринимательстве и их намерения стать предпринимателями и социальными предпринимателями в литературе не анализируются. Этот факт указывает на актуальность нашего исследования.

Цель и вопросы исследования

Целью нашего исследования является изучение осведомленности отдельных групп людей – возможных стейкхолдеров социальных предприятий – о социальном предпринимательстве и отношении к нему в Чешской Республике. В эти группы входят лица с ограниченными возможностями и студенты чешских гуманитарных университетов.

• Люди с ограниченными возможностями являются самой большой группой социально незащищенных лиц на чешском рынке труда, и повышение их осведомленности о социальном предпринимательстве может способствовать их дальнейшему вовлечению в эту сферу и, тем самым, улучшить общее их положение на рынке труда. Им необходима информация о возможностях, которые предлагают социальные предприятия. Мы попытались выяснить, как эти люди воспринимают свое положение на рынке труда. Возможная сложная ситуация

может быть разрешена путем создания новых социальных предприятий (особенно WISE), которые, согласно предыдущим исследованиям (например, Kročil, Dorita, Pospíšil [3]), вносят значительный вклад в интеграцию социально незащищенных людей.

- Как было отмечено ранее, студенты университетов часто имеют намерения заняться социальным предпринимательством и основать новые социальные предприятия, особенно студенты гуманитарных специальностей, которые, исходя из своего направления обучения, могли бы быть заинтересованы в социальных инновациях, реагировании на ситуацию с социально незащищенными людьми на рынке труда и развитии новых социальных предприятий (в том числе WISE), способствующих решению социальных проблем в сфере безработицы.

Для достижения цели были определены следующие исследовательские вопросы:

1) *В какой степени студенты чешских университетов и люди с ограниченными возможностями осведомлены о существовании концепции социального предпринимательства, как они могут ее оценить?*

2) *Рассматривают ли чешские студенты возможность открыть бизнес с социальными целями и помогают интегрировать социально незащищенных людей обратно в общество?*

3) *Как люди с ограниченными возможностями в Чехии воспринимают свое положение на современном рынке труда?*

Методологический подход

В рамках данного исследования в качестве потенциальных предпринимателей мы рассматриваем студентов первого курса, обучающихся по гуманитарным программам кафедры прикладной экономики факультета искусств университета Палацкого. После окончания учебы эти люди будут решать, каким образом они станут получать доход: работая по найму или занимаясь предпринимательской деятельностью. При выборе второго варианта им придется четко обозначить свои бизнес-цели. В то же время их ориентированность на гуманитарные науки может способствовать повышению интереса к социальным инновациям. В опросе приняли участие 106 студентов из 146 поступивших на первый курс. Его результаты не учитывают пол респондентов, так как мы не считаем этот

фактор релевантным для целей исследования. Структурированный вопросник был представлен в бумажном виде.

Мы целенаправленно выбрали первокурсников, поскольку студенты старших курсов уже знакомы с термином «социальное предпринимательство». Это могло бы негативно повлиять на результаты исследования, включающие, в том числе, оценку изначальной осведомленности студентов, приступающих к обучению в университете.

Людям с ограниченными возможностями, являющимся потенциальными работниками социальных предприятий, было предложено заполнить анкету в электронном виде на базе платформы Survio. Она распространялась через профили социальных сетей Фонда Chart 77, основным проектом которого стала кампания по сбору средств, направленная на улучшение жизни инвалидов и их интеграцию в обществе, а также Ассоциации Liga vozíčkářů, z.ú. (г. Брно). В этом случае пол также не учитывался. Анкету заполнили 102 человека с ограниченными возможностями. Определение общей численности данной категории граждан не входит в область задач нашего исследования.

Конечно, не исключена возможность того, что социальный предприниматель, то есть учредитель социального предприятия, может быть представителем социально незащищенной группы населения или инвалидом, однако нами эти категории граждан рассматриваются, в первую очередь, как работники социальных предприятий. Также существует вероятность, что студент, принимавший участие в опросе, одновременно являлся инвалидом или опрошенный человек с ограниченными возможностями одновременно был студентом, обучавшимся по гуманитарной программе кафедры прикладной экономики факультета искусств университета Палацкого в городе Оломоуце.

Студентам, обучающимся по гуманитарным программам кафедры прикладной экономики — потенциальным социальным предпринимателям / учредителям социальных предприятий — было предложено ответить на следующие вопросы (табл. 4).

Людям с ограниченными возможностями было предложено ответить на пять вопросов (табл. 5).

Таблица 4. Вопросы для студентов университета

Вопрос	Тип вопроса
Рассматриваете ли вы возможность стать предпринимателем или основать предприятие в своей будущей профессиональной жизни?	Закрытый вопрос, ответ «Да» – «Нет»
Независимо от того, хотите ли вы заниматься бизнесом или основать предприятие, можете ли вы представить служение общественным целям частью своей предпринимательской деятельности?	Закрытый вопрос, ответ «Да» – «Нет»
Если да, то в чем будет заключаться сущность вашего служения общественным целям?	Открытый вопрос, свободный ответ
Вам знаком термин «социальное предпринимательство»?	Закрытый вопрос, ответ «Да» – «Нет»
Если да, то, пожалуйста, попытайтесь кратко описать, что означает этот термин или как вы его понимаете?	Открытый вопрос, свободный ответ
Известно ли вам какое-нибудь конкретное социальное предприятие? Если да, то укажите, пожалуйста, его название или хотя бы сферу его деятельности	Комбинированный вопрос

Таблица 5. Вопросы для людей с ограниченными возможностями

Вопрос	Тип вопроса
По вашему мнению, трудно ли найти работу человеку с ограниченными возможностями на современном рынке труда?	Закрытый вопрос, ответ «Да» – «Нет»
Считаете ли вы достаточным количество рабочих мест, интересных для инвалидов?	Закрытый вопрос, ответ «Да» – «Нет»
Вам знаком термин «социальное предпринимательство»?	Закрытый вопрос, ответ «Да» – «Нет»
Если да, то, пожалуйста, попытайтесь кратко описать, что означает этот термин или как вы его понимаете?	Открытый вопрос, свободный ответ
Известно ли вам какое-нибудь конкретное социальное предприятие? Если да, то укажите, пожалуйста, его название или хотя бы сферу его деятельности	Комбинированный вопрос

Результаты исследования

Ответы студентов чешского университета – потенциальных социальных предпринимателей

Вопрос 1

Более половины опрошенных студентов рассматривают возможность стать предпринимателем или открыть свое дело (табл. 6). Такой результат согласуется с исследованием Kedrnec, Rebernik и Peric [22], в котором отмечено, что большинство хорватских студентов выразили намерение начать предпринимательскую карьеру. С другой стороны, согласно Ashour [21] и Franco, Haase и Lautenschläger [20], студенты чешских университетов проявляют больший интерес к предпринимательству, чем студенты в Объединенных Арабских Эмиратах или в Германии и Португалии.

Вопрос 2

Более половины опрошенных студентов результатом своей будущей предпринимательской деятельности считают служение общественным целям, а не только получение прибыли (табл. 7). Это важно для развития новых социальных предприятий в Чешской Республике, поскольку большинство респондентов готовы следо-

Таблица 6. Рассматриваете ли вы возможность стать предпринимателем или открыть собственное дело?

Ответ	В абсолютном выражении, чел.	В относительном выражении, %
Да	56	53
Нет	50	47

Источник: исследование авторов.

Таблица 7. Можете ли вы представить служение общественным целям частью своей предпринимательской деятельности?

Ответ	В абсолютном выражении, чел.	В относительном выражении, %
Да	70	66
Нет	36	34

Источник: исследование авторов.

вать основному принципу социального предпринимательства – помогать обществу, а не просто получать прибыль. Данный результат согласуется с предыдущими исследованиями, проведенными Barton, Schaefer и Canavati [24]. Указанные авторы пришли к выводу, что более половины опрошенных ими американских сту-

дентов, изучающих предпринимательское дело, сообщили о намерениях заниматься социальным предпринимательством. По сравнению с исследованием Ashour [21], наши респонденты проявляют больший интерес к нетрадиционному бизнесу.

Вопрос 3

60 из 70 человек, положительно ответивших на предыдущий вопрос, дополнительно уточнили, в чем будет заключаться сущность их служения общественным целям в рамках предпринимательской деятельности.

В ряде случаев респонденты указали несколько направлений (рис. 1). Такие цели, как помощь социально незащищенным слоям населения и создание новых рабочих мест, типичны для WISE. Однако наиболее часто студенты чешских университетов упоминали охрану и улучшение окружающей среды, что особенно важно для экологических социальных предприятий.

Вопрос 4

К нашему удивлению, большинство студентов ответили, что никогда не слышали термин «социальное предпринимательство» (табл. 8). В отличие от студентов российских вузов наши

респонденты менее знакомы с понятием социального предпринимательства [25]. Это не способствует развитию новых WISE, которые могли бы быть созданы студентами. Учитывая сказанное, можно рекомендовать чешской системе образования знакомить студентов с концепцией социального предпринимательства.

Таблица 8. Знаете ли вы о существовании концепции социального предпринимательства?

Ответ	В абсолютном выражении, чел.	В относительном выражении, %
Да	25	24
Нет	81	76

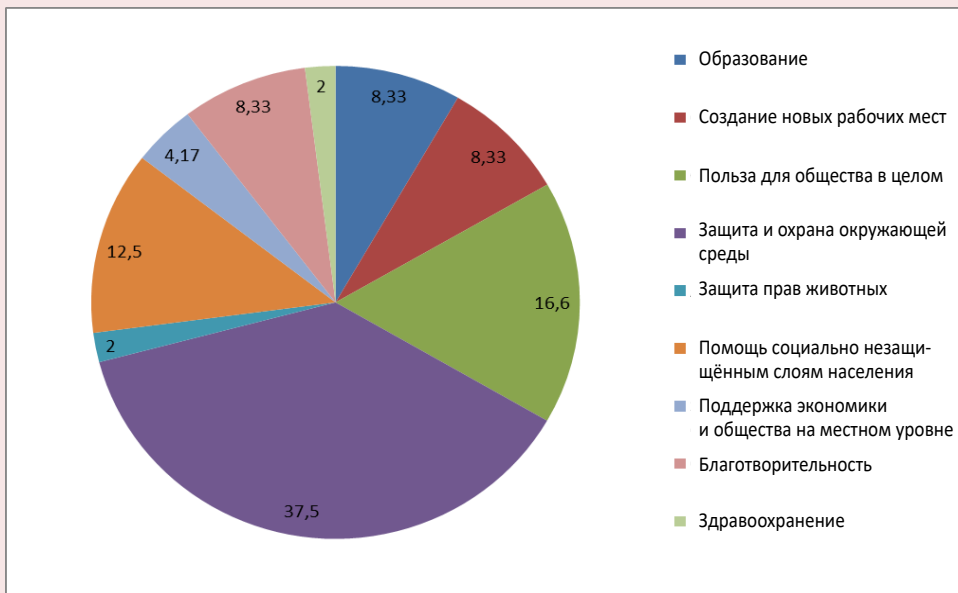
Источник: исследование авторов.

Вопрос 5

22 студента попытались дать определение понятию «социальное предпринимательство» (21% от всех опрошенных, табл. 9).

Большинство из них понимают социальное предпринимательство как получение прибыли с одновременным служением общественным целям. Респонденты воспринимают эти два понятия как взаимосвязанные. Мы оцениваем такие ответы как корректные, поскольку они охватывают обе совокупности

Рис. 1. В чем будет заключаться сущность вашего служения общественным целям?, % от общего числа указанных целей

Источник: исследование авторов.

Таблица 9. Особенности социального предпринимательства, определенные опрошенными студентами

Особенность	В абсолютном выражении, чел.	В относительном выражении, %
Прибыль + служение общественным целям	17	76
Служение общественным целям	4	18
Создание конкретного вида предприятия	1	6

Источник: исследование авторов.

принципов (экономические и социальные). Меньшее число студентов отметили лишь аспект служения общественным целям, не учитывая необходимость получения прибыли. Один из опрошенных студентов не смог дать общего определения социальному предпринимательству, предположив лишь, что это может быть, например, создание дома для престарелых.

Как видно из таблицы 9, 21 респондент отметил служение общественным целям как особенность социального предпринимательства. Более половины опрошенных не дали никаких уточнений. Эти респонденты лишь упомянули, что данная деятельность должна быть в целом полезна для общества. Некоторые, однако, определили социальную цель более конкретно (рис. 2).

Очевидно, что студенты видят основную цель социальных предприятий в «пользе для общества в целом» и «помощи социально незащищенным слоям населения в трудоустройстве». Вторая цель согласуется с идеями WISE.

Вопрос 6

11 студентов смогли привести примеры социальных предприятий. Всего названо 17 предприятий, причем некоторые упоминались неоднократно (рис. 3).

Ответы людей с ограниченными возможностями

Вопрос 1

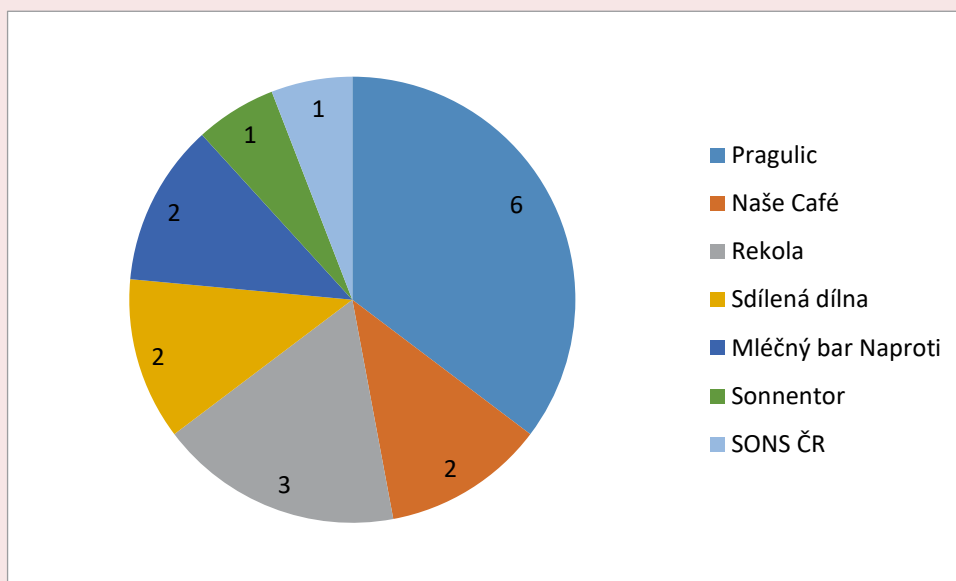
Большинство опрошенных считают, что человеку с ограниченными возможностями трудоустроиться очень сложно (табл. 10). Этот результат согласуется с выводом, сделанным

Рис. 2. Служение общественным целям как характеристика социального предпринимательства и их достижение в соответствии с ответами опрошенных студентов, % (на основе ответов 21 студента)

Источник: исследование авторов.

Рис. 3. Наименования возможных социальных предприятий, названные опрошенными студентами (в абсолютных значениях)

Источник: исследование авторов.

Shier, Graham и Jones [11], которые сообщили, что инвалидам трудно получить и сохранить свою работу. Создание новых социальных предприятий (особенно WISE) может оказаться особенно полезным для преодоления этих препятствий.

Таблица 10. Сложно ли трудоустроиться человеку с ограниченными возможностями?

Ответ	В абсолютном выражении, чел.	В относительном выражении, %
Да	91	89
Нет	11	11

Источник: исследование авторов.

Вопрос 2

Большинство респондентов убеждены, что нынешний рынок труда не обеспечивает достаточного количества рабочих мест, подходящих для инвалидов (табл. 11). В 2018 году чешская организация WISE обеспечила работой почти 4000 человек с ограниченными возможностями. По данным чешского Бюро по трудоустройству, в декабре 2019 года на рынке труда насчитывалось 33000 безработных инвалидов. Без организации WISE это число увеличилось бы на 12%.

В случае создания новых WISE нынешняя ситуация на рынке труда продолжит улучшаться.

Таблица 11. Считаете ли вы достаточным количество рабочих мест, которые могут представлять интерес для людей с ограниченными возможностями?

Ответ	В абсолютном выражении, чел.	В относительном выражении, %
Да	20	20
Нет	82	80

Источник: исследование авторов.

Вопрос 3

Незначительное большинство опрошенных ответили, что никогда не слышали термин «социальное предпринимательство» (табл. 12). Как и в случае с ответами студентов, такой результат был для нас неожиданным.

Таблица 12. Известно ли вам о существовании концепции социального предпринимательства?

Ответ	В абсолютном выражении, чел.	В относительном выражении, %
Да	47	46
Нет	55	54

Источник: исследование авторов.

Таблица 13. Особенности социального предпринимательства по определению людей с ограниченными возможностями

Особенность	В абсолютном выражении, чел.	В относительном выражении, %
Прибыль + общественно полезная цель	2	4
Общественно полезная цель	45	77
Предпринимательская деятельность людей с ограниченными возможностями	11	19

Источник: исследование авторов.

Вопрос 4

57% всех опрошенных попытались охарактеризовать термин «социальное предпринимательство». Только двое отметили, что социальное предпринимательство связывает получение прибыли и достижение общественно полезной цели. Большинство респондентов определили это понятие как бизнес с общественно полезной целью, а почти пятая часть – как предпринимательскую деятельность инвалидов (табл. 13).

Служение целям, которые приносят пользу для общества конкретно или в целом, отметили 47 респондентов (рис. 4).

Вопрос 5

17 респондентов привели пример хотя бы одного возможного социального предприятия.

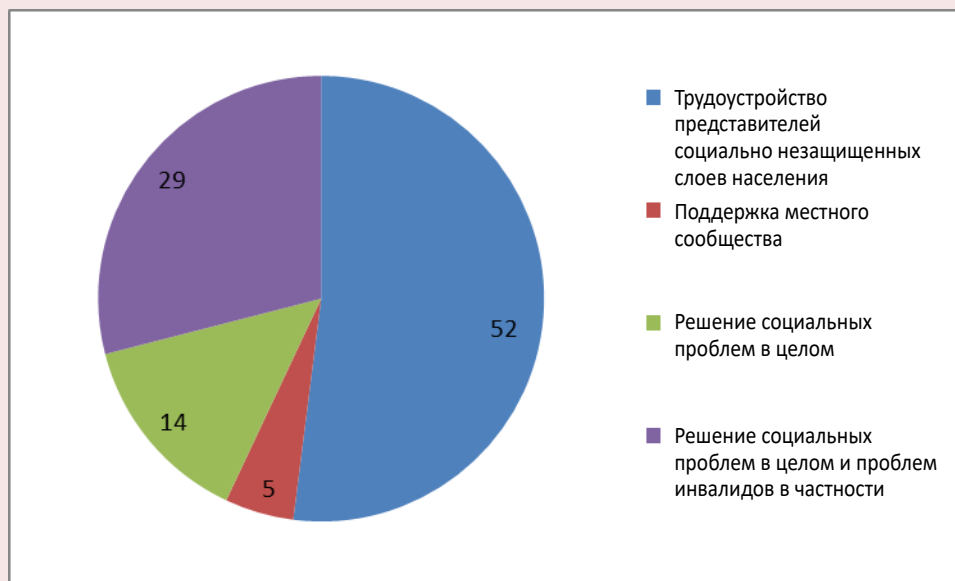
Всего опрошенные назвали 18 наименований предприятий, одно упоминалось несколько раз (табл. 14).

Таблица 14. Социальные предприятия, названные людьми с ограниченными возможностями

Наименование предприятия	Наименование предприятия
Naše café	Černí koně
2p servis	Trend vozíčkářů
Ashoka	Help me Hand
Helpnu Ti	Lipka
Senior Teplice	Bárka Kafe
Ergotep (included in two responses)	Café na půl cesty
Učebnice Vaniček	Kačaba
Smero	Myjóni
Podané ruce	Kolibřík

Источник: исследование авторов.

Рис. 4. Общественно полезная цель как характеристика социального предпринимательства и ее достижение в соответствии с ответами людей с ограниченными возможностями, % (на основе ответов 47 человек)

Источник: исследование авторов.

Ограничения исследования

Несмотря на то что наше исследование отличается оригинальностью и его выводы могут быть использованы на практике (например, университетами в своей образовательной деятельности или некоммерческими организациями, помогающими инвалидам), оно все же имеет ограничения. Во-первых, выборка могла бы быть распространена на студентов других университетов, что позволило бы лучше обобщить выводы. Во-вторых, исследование не охватывает другие группы населения, которые, возможно, могли бы быть заинтересованы вопросом социальных предприятий. Их осведомленность и отношение к проблеме также было бы целесообразно изучить. Это, например, представители органов государственного управления, которые могут сыграть важную роль в развитии социального предпринимательства. В-третьих, работа носит описательный характер и не дает ответ на вопрос о взаимосвязи характеристик респондентов с их осведомленностью и отношением к социальному предпринимательству. Указанные ограничения открывают простор для дальнейших исследований.

Заключение и обсуждение

Целью нашего исследования выступило изучение осведомленности отдельных групп людей о социальном предпринимательстве и их отношении к нему в Чешской Республике. Выводы основаны на результатах анкетирования участников социального предпринимательства – студентов чешских университетов и людей с ограниченными возможностями. Мы также попытались выяснить, как инвалиды воспринимают свое положение на рынке труда. Сложная ситуация может быть решена путем создания новых социальных предприятий (особенно WISE), которые, согласно предыдущим исследованиям, вносят значительный вклад в интеграцию социально незащищенных слоев населения.

Исходя из полученных результатов, уровень осведомленности о концепции социального предпринимательства в Чешской Республике в целом невысок. В обеих группах респондентов большинство никогда не слышало о социальном предпринимательстве, однако при сравнении выяснилось, что уровень осведомленности выше в группе инвалидов. Мы считаем эти выводы негативными с точки зрения необ-

ходимости более высокой вовлеченности инвалидов в социальное предпринимательство. Людям с ограниченными возможностями полезно знать о существовании и природе социального предпринимательства, которое может способствовать их интеграции в общество. В качестве практического вклада статьи мы предлагаем включить тему социального предпринимательства в учебные планы в Чехии – в форме практических семинаров, в рамках существующих предметов или вновь разработанных специализированных курсов (как в системе среднего, так и высшего образования). В случае людей с ограниченными возможностями это может быть роль чешской социальной политики и некоммерческих организаций, помогающих инвалидам (таких как Чешский национальный совет по делам инвалидов) в повышении уровня знания.

Примерно 20% опрошенных студентов попытались дать определение социальному предпринимательству, в то время как среди инвалидов на тот же вопрос ответили 50%. Совокупные результаты также различаются. Большинство опрошенных студентов осознают цель получения прибыли, которая необходима для социального предпринимательства. Абсолютное большинство инвалидов не упомянули о прибыли, сосредоточив свое внимание исключительно на идее служения общественным целям, которая является лишь одной из важных характеристик социального предпринимательства. Как показано в таблице 1, в основе социального предприятия лежат экономические принципы, заключающиеся в стремлении к получению прибыли или, как в случае некоммерческих социальных предприятий, производстве продукции и оказании услуг. Согласно определению EMES, коммерческие и некоммерческие социальные предприятия занимаются экономической деятельностью. Этот факт был опущен большинством респондентов-инвалидов. В то же время основная часть студентов, отметивших получение прибыли в качестве одной из основных целей социального предпринимательства, не проигнорировала социальную цель.

Можно сказать, что и студенты, и люди с ограниченными возможностями часто связывают социальное предпринимательство с его интеграционной ролью, хотя это лишь одна из

возможных целей социальных предприятий. В большинстве случаев студенты упоминали о социальной цели лишь в общих чертах и не конкретизировали ее. Однако на втором месте они отметили цель трудоустройства или оказания помощи людям, находящимся в неблагоприятном положении на рынке труда. Люди с ограниченными возможностями в первую очередь связывали социальное предпринимательство с трудоустройством незащищенных слоев общества.

В ходе опроса как студенты, так и люди с ограниченными возможностями привели наименования 24 предприятий, которые они считают социальными. Вопрос, однако, заключается в том, являются ли эти предприятия социальными на самом деле. На веб-страницах 10 из 24 организаций утверждается, что они являются социальными предприятиями или перечислены в базе данных социальных предприятий, находящихся в ведении чешского Министерства труда и социальных дел. Многие предприятия, рассматриваемые респондентами как социальные, не предоставляют эту информацию на своих веб-страницах или через список в базе данных Министерства труда и социальных дел. Однако можно, по крайней мере, определить цель трудоустройства лиц, находящихся в неблагоприятном положении на рынке труда.

Готовность студентов университета стать предпринимателями или начать свое дело с возможностью достижения общественно полезной цели очень важна для дальнейшего развития социального предпринимательства и интеграции инвалидов. С этой точки зрения социальное предпринимательство, в том числе и WISE, имеет потенциал для дальнейшего развития, поскольку большинство респондентов положительно ответили на оба вопроса. Наши выводы согласуются с предыдущими исследованиями и поддерживают идею студентов университе-

та как группы потенциальных основателей социального предприятия. Студентам высших учебных заведений необходимо повышать свои знания о социальном предпринимательстве во время учебы, однако они должны понимать не только преимущества этого вида деятельности, но и связанные с ним угрозы и риски.

Абсолютное большинство респондентов с ограниченными возможностями сообщили, что им трудно найти работу и что нынешний рынок труда не предлагает достаточного количества вакансий, которые могли бы заинтересовать эту группу населения. Понимание всей сложности нынешнего положения чешских инвалидов на современном рынке труда может стать толчком для создания новых социальных предприятий (особенно WISE). С этой точки зрения мы можем оценить важность дальнейшего развития социальных предприятий (особенно WISE) как весьма значительную. В среднем одно чешское предприятие WISE может трудоустроить около 15 инвалидов. Создание новых предприятий WISE будет способствовать удовлетворению трудовых потребностей людей с ограниченными возможностями.

В качестве перспектив дальнейшего исследования мы предлагаем выяснить причины низкой осведомленности респондентов о социальном предпринимательстве, одной из которых может быть отсутствие в Чешской Республике закона, регулирующего социальное предпринимательство, в то время как во многих странах Европейского союза такой закон существует. Кроме того, мы видим возможность провести аналогичное исследование с целью выяснить, соотносится ли уровень осознания анализируемых проблем с результатами, представленными в статье. Еще одной темой для исследования мог бы стать вопрос о том, какое место отводится социальному предпринимательству в учебных планах гуманитарных вузов и других учебных заведений.

Литература

1. Borzaga C., Galera G., Franchini B., Chiomento S., Nogales R., Carini Ch. *Social Enterprises and Their Ecosystems in Europe. Comparative Synthesis Report*. European Commission, 2020. 30 p.
2. Defourny J., Nyssens M. The EMES approach of social enterprise in a comparative perspective. *Working Paper*, 2020, no. 12/03. 47 p. Available at: from https://emes.net/content/uploads/publications/EMESiWPi12i03_DefournyiNyssens.pdf

3. Kročil O., Dopita M., Pospíšil R. Integration social enterprises as a tool of employment policy. *Ekonomski Pregled*, 2019, vol. 70, pp. 554–571.
4. Defourny J., Nyssens M. Social enterprise in Europe: Recent trends and developments. *EMES Working Papers no. 08/01 (transversal paper)*, 2008. Available at: <https://emes.net/publications/workingi papers/sociali enterprisei ini europei recenti trendsi andi developments/>
5. Defourny J., Gregoire O., Davister C. Work integration social enterprises in the European Union: An overview of existing models. *EMES Working Papers no. 04/04 (transversal paper)*, 2004. Available at: <https://emes.net/publications/workingi papers/worki integrationsi sociali enterprisesi ini thei europeani unioni ani overviewi ofi existingsi models/>
6. Spear R., Bidet E. The role of social enterprise in European labour markets. *EMES Working Papers no. 03/10 (transversal paper)*, 2003. Available at: <https://emes.net/publications/workingi papers/thei rolei ofi sociali enterprisei ini europeani labouri markets/>
7. Adam S., Aviles G., Ferrari D., Amstutz J., Crivelli L., Enrico C., Gafner A., Greppi S., Schmitz D., Wüthrich B., Zoebeli D. Work integration social enterprises in Switzerland. *Nonprofit Policy Forum*, 2016, vol. 7, pp. 509–539.
8. Greblikaite J., Sroka W., Grants J. Development of social entrepreneurship in European Union: Policy and situation of Lithuania and Poland. *Transformations in Business and Economics*, 2015, vol. 14, pp. 376–396.
9. Asmalovskij A., Sadilek T. The current state of social entrepreneurship in the Czech Republic and Slovakia. *Sociologia*, 2016, vol. 48, pp. 319–339.
10. Anastasiadis M. Work integration social enterprises in Austria – characteristics, evolution and perspectives. *Nonprofit Policy Forum*, 2016, vol. 7, pp. 541–564.
11. Shier M., Graham J.R., Jones M.E. Barriers to employment as experienced by disabled people: A qualitative analysis in Calgary and Regina, Canada. *Disability & Society*, 2009, vol. 24, pp. 63–75.
12. Thornton P. Disabled people, employment and social justice. *Social Policy and Society*, 2005, vol. 4, pp. 65–73.
13. Harris S.P., Renko M., Caldwell K. Accessing social entrepreneurship: Perspectives of people with disabilities and key stakeholders. *Journal of Vocational Rehabilitation*, 2013, vol. 38, pp. 35–48.
14. Caldwell K., Harris S.P., Renko M. The potential of social entrepreneurship: conceptual tools for applying citizenship theory to policy and practice. *Intellectual and Developmental Disabilities*, 2012, vol. 50, pp. 505–518.
15. Hall E., Wilton R. Alternative spaces of 'work' and inclusion for disabled people. *Disability & Society*, 2011, vol. 26, pp. 867–880.
16. Shaheen G.E. Inclusive entrepreneurship: A Process for improving self employment for people with disabilities. *Journal of Policy Practice*, 2016, vol. 15, pp. 58–81.
17. Buhariwala P., Wilton R., Evans J. Social enterprises as enabling workplaces for people with psychiatric disabilities. *Disability & Society*, 2015, vol. 30, pp. 865–879.
18. Smith P., McVilly K.R., McGillivray J., Chan J. Developing open employment outcomes for people with an intellectual disability utilising a social enterprise framework. *Journal of Vocational Rehabilitation*, 2018, vol. 48, pp. 59–77.
19. Kummitha R.K.R. Social entrepreneurship as a tool to remedy social exclusion: A win™ win scenario? *South Asia Research*, 2016, vol. 36, pp. 61–79.
20. Franco M., Haase H., Lautenschläger A. Students' entrepreneurial intentions: An inter regional comparison. *Education and Training*, 2010, vol. 52, pp. 260–275.
21. Ashour S. Social and business entrepreneurship as career options for university students in the United Arab Emirates: The drive™ preparedness gap. *Cogent Education*, 2016, vol. 3.
22. Kedmenec I., Rebernik M., Peric J. The impact of individual characteristics on intentions to pursue social entrepreneurship. *Ekonomski Pregled*, 2015, vol. 66, pp. 119–137.
23. Ip Ch.I., Wu S.Ch., Liu H.Ch., Liang Ch. Revisiting the antecedents of social entrepreneurial intentions in Hong Kong. *International Journal of Educational Psychology*, 2017, vol. 6, pp. 301–323.
24. Barton M., Schaefer R., Canavati S. To be or not to be a social entrepreneur: Motivational drivers amongst American business students. *Entrepreneurial Business and Economics Review*, 2018, vol. 6, pp. 9–35.
25. Kireeva N.S., Zavyalov D.V., Saginova O.V., Zavyalova N.B. Students' perception of social entrepreneurship. *Revista de la Universidad del Zulia*, 2019, vol. 10, pp. 200–210.

Сведения об авторах

Ондржей Кроцил – кандидат наук, научный сотрудник, глава отдела, Университет Палацкого (Křížkovského 511/8, 779 00, Оломоуц, Чешская Республика; e-mail: ondrej.krocil@upol.cz)

Ричард Поспишил – доцент, научный сотрудник, Университет Палацкого (Křížkovského 511/8, 779 00, Оломоуц, Чешская Республика; e-mail: richard.pospisil@upol.cz)

Дэвид Кошина – степень инженера, научный сотрудник, Университет Палацкого (Křížkovského 511/8, 779 00, Оломоуц, Чешская Республика; e-mail: david.kosina@upol.cz)

Krocil O., Pospisil R., Kosina D.

Awareness and Attitudes towards Social Entrepreneurship among University Students and Disabled People. The Case of the Czech Republic

Abstract. In the Czech Republic, the concept of social entrepreneurship is still being developed and lacks, for example, systematic public support and regulation. In addition, the total number of social enterprises operating in the Czech Republic is low and thus, the concept of social entrepreneurship cannot reach its potential. To accelerate this development, raising awareness of social entrepreneurship among the Czech population may be important. Based on the survey carried out among 200 possible stakeholders of Czech social enterprises we explored the awareness and attitudes of selected groups of people towards social entrepreneurship. These groups of people are disabled people as typical employees of Czech social enterprises and university students as possible future founders of these enterprises. Our research project focuses on three issues: i) the level of awareness of the concept of social entrepreneurship among university students and disabled people; ii) the position of disabled people in the current labour market iii) the willingness of students to become entrepreneurs and to start business with social purpose. During the research, we used the method of structured questionnaires. The research shows that the awareness of the concept of social entrepreneurship is generally low. Nevertheless, students consider becoming entrepreneurs and starting a business with social purpose. The research also shows that according to the opinion of the respondents, it is difficult to find employment as a disabled person and that the current labour market does not offer enough vacant positions which could be interesting for these persons. From this perspective, we can assess further development of Czech social enterprises (especially of Work Integration Social Enterprises) as very important.

Key words: social enterprise, WISE, social entrepreneurship, disabled people, university students, awareness.

Information about the Authors

Ondrej Krocil – Ph.D., Researcher, Head of Department, Palacky University (Křížkovského 511/8, 779 00 Olomouc, Czech Republic; e-mail: ondrej.krocil@upol.cz)

Richard Pospisil – Associate Professor, Researcher, Palacky University (Křížkovského 511/8, 779 00 Olomouc, Czech Republic; e-mail: richard.pospisil@upol.cz)

David Kosina – Engineer's degree, Researcher, Palacky University (Křížkovského 511/8, 779 00 Olomouc, Czech Republic; e-mail: david.kosina@upol.cz)

Статья поступила 25.02.2020.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (октябрь 2020 г.), а также за период с августа 2019 по октябрь 2020 г. (последние 6 опросов).

Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018–2019 гг.

За период с августа по октябрь 2020 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился. Доля положительных оценок составляет 52%, отрицательных – 33%.

Вместе с тем оценки населения несколько хуже, чем 12 месяцев назад (в октябре 2019 г.): доля положительных суждений уменьшилась на 2 п. п. (с 54 до 52%), отрицательных – возросла на 3 п. п. (с 30 до 33%)².

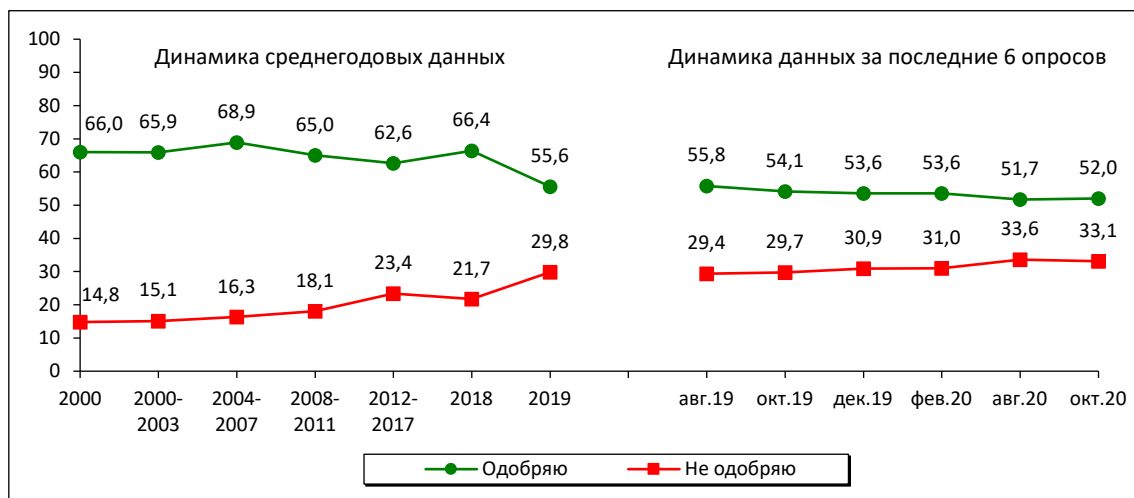
Следует также отметить, что в 2019–2020 гг. уровень одобрения работы Президента РФ заметно ниже, чем в 2000 г. (первый год I президентского срока В.В. Путина). За этот период доля положительных оценок уменьшилась на 10 п. п. (с 65 до 52–55%), а удельный вес отрицательных характеристик возрос почти в 2 раза (на 15–17 п. п., с 15 до 30–33%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в октябре 2020 г., с результатами «волны» мониторинга годичной давности (октябрь 2019 г.).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2019 гг., а также среднегодовые данные за 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), окт. 2020 к окт. 2019
	2000	2007	2011	2012	2017	2018	2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	
Президента РФ														
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	67,3	66,4	55,6	55,8	54,1	53,6	53,6	51,7	52,0	-2
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	20,0	21,7	29,8	29,4	29,7	30,9	31,0	33,6	33,1	+3
Председателя Правительства РФ**														
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	49,5	48,0	41,1	43,1	41,1	41,1	37,9	38,9	38,8	-2
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,1	31,6	38,4	36,3	37,5	38,9	40,9	40,9	40,8	+3
Губернатора области														
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	39,8	38,4	35,7	36,1	35,6	35,6	36,2	35,2	35,5	0
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	39,3	37,6	40,2	38,5	40,1	40,8	41,8	41,9	42,1	+2

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее во всех таблицах изменения с разницей в 2 п.п. и менее считаются незначительными, в таблицах они выделены синим цветом (красным цветом выделены отрицательные изменения, зеленым – положительные).

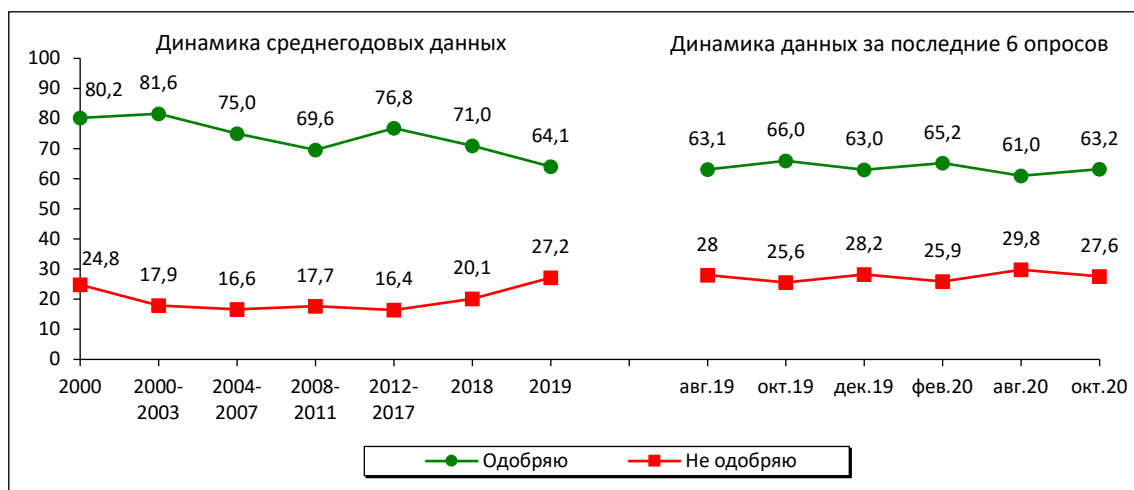
** Вопрос задается с 2008 г. В 2020 г. первый опрос проходил в период с 24 января по 12 февраля. Действующий Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин только вступил в свою новую должность (16 января 2020 г.), поэтому у респондентов спрашивалось мнение относительно деятельности бывшего премьер-министра Д.А. Медведева.

Для справки:

По данным ВЦИОМ уровень одобрения деятельности Президента РФ в августе – октябре 2020 г. существенно не изменился (61–63%), доля негативных оценок снизилась на 2 п. п. (с 30 до 28%).

По данным Левада-Центра удельный вес положительных оценок деятельности главы государства возрос на 3 п. п. (с 66 до 69%), отрицательных – снизился на 3 п. п. (с 33 до 30%)³.

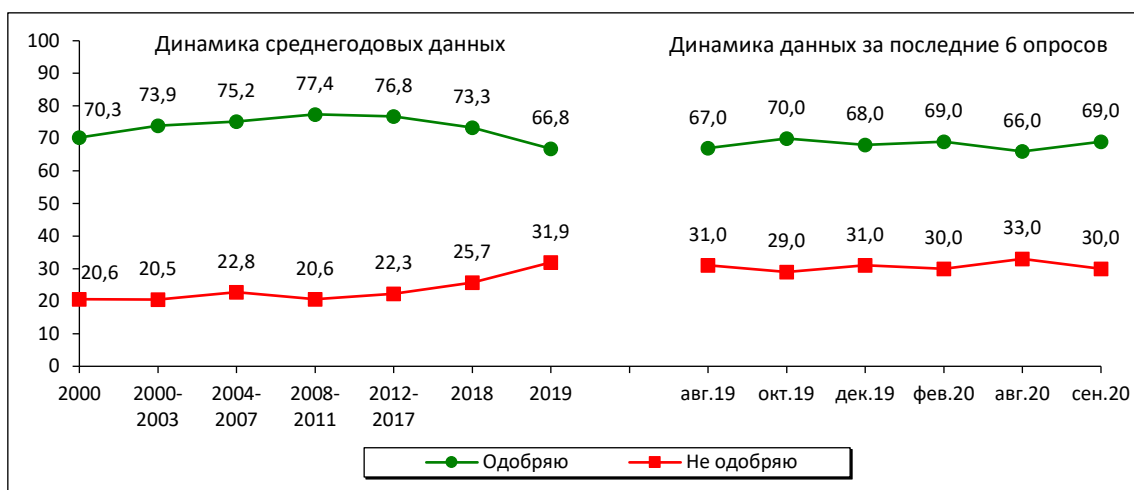
Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

Данные за октябрь 2020 г. – среднее значение за два опроса: от 04.10.2020 и 11.10.2020.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту
Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра)

Источник: данные Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru/>

³ Разные методические подходы, применяемые ВЦИОМ, Левада-Центром и ВолНИЦ РАН, не позволяют сравнивать полученные результаты между собой. Тем не менее, собранные сведения дают возможность анализировать общую динамику социальных настроений, существующих в российском обществе и фиксируемых тремя разными научными центрами (двумя российскими и одним региональным).

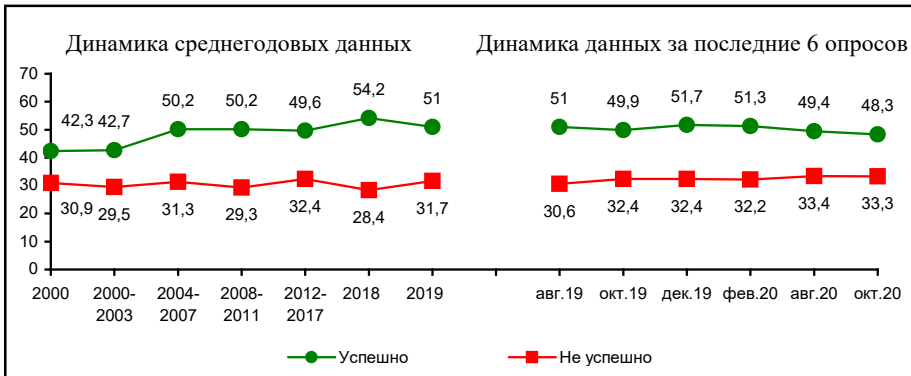
С августа по октябрь 2020 г. существенных изменений в оценке успешности решения Президентом РФ ключевых проблем страны не произошло:

- ✓ 49% жителей Вологодской области положительно относятся к деятельности главы государства по укреплению международных позиций России;
- ✓ 43% считают, что Президент успешно справляется с проблемой наведения порядка в стране;
- ✓ 33–34 жителей региона позитивно оценивают деятельность В.В. Путина по защите демократии и укреплению свобод граждан (при этом 48–49% придерживаются противоположной точки зрения);
- ✓ доля тех, кто считает успешной работу главы государства по подъему экономики и росту благосостояния населения, составляет 24–25%, что почти в три раза ниже, чем удельный вес тех, кто высказывает противоположное мнение (61–62%).

Следует также отметить, что по сравнению с октябрём 2019 г. ухудшились оценки успешности деятельности главы государства по всем вышеперечисленным проблемам, кроме укрепления международных позиций России. Так, на 3–4 п. п. возросла доля людей, считающих, что Президент РФ неуспешно справляется с наведением порядка в стране (с 39 до 42%), защитой демократии и укреплением свобод граждан (с 46 до 49%), подъемом экономики и ростом благосостояния населения (с 58 до 62%).

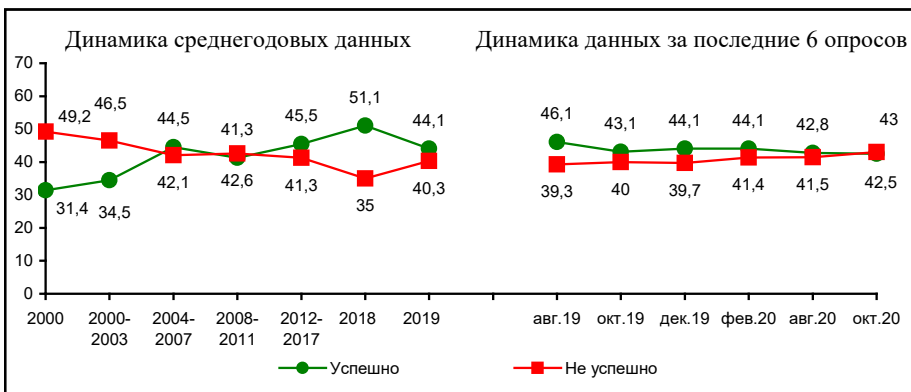
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Укрепление международных позиций России

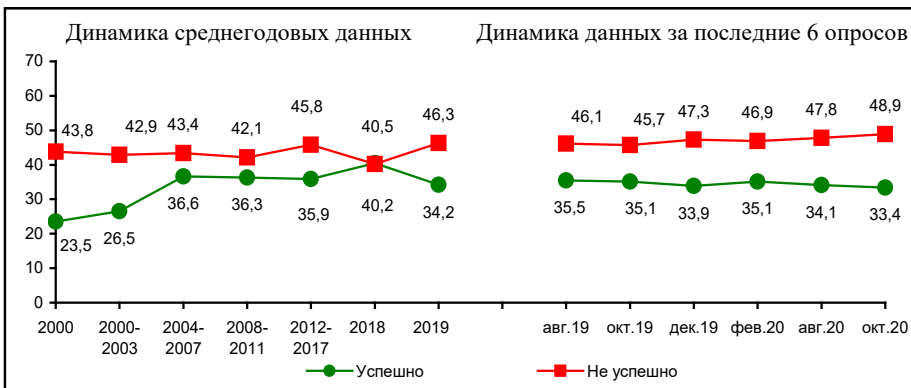
Годовая динамика (октябрь 2020 г. к октябрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-2
Неуспешно	+1

Наведение порядка в стране

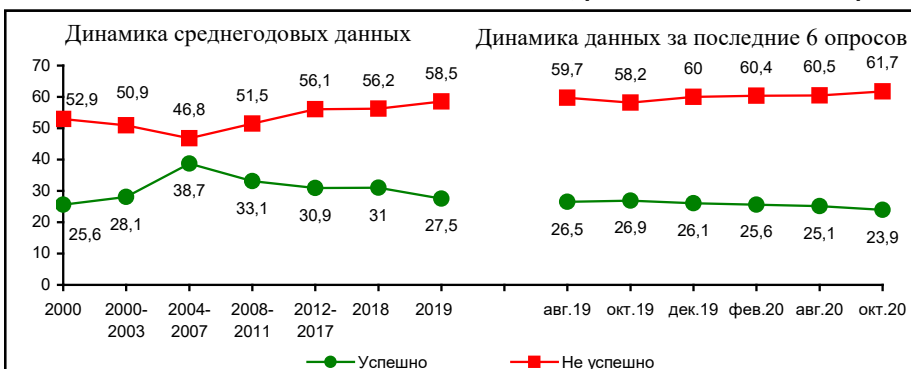
Годовая динамика (октябрь 2020 г. к октябрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-1
Неуспешно	+3

Защита демократии и укрепление свобод граждан

Годовая динамика (октябрь 2020 г. к октябрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-2
Неуспешно	+3

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Годовая динамика (октябрь 2020 г. к октябрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-3
Неуспешно	+4

Ощутимых изменений в структуре партийно-политических предпочтений жителей Вологодской области за период с августа по октябрь 2020 г. не произошло: уровень поддержки «Единой России» составляет 31%, КПРФ и ЛДПР – 8–9%, «Справедливой России» – 4%. При этом по-прежнему остается стабильно высокой доля жителей области, полагающих, что на сегодняшний день ни одна из представленных в парламенте политических партий не выражает их интересы (34%).

Такая ситуация наблюдалась и год назад (в октябре 2019 г.), однако по сравнению с 2000 г. заметны некоторые изменения. В частности, уровень поддержки «Единой России» за этот период возрос на 12 п. п. (с 19 до 31%), однако при этом возрос и уровень электорально-политической апатии: доля тех, кого не устраивает ни одна из представленных в Государственной Думе партий, увеличилась на 4 п.п. (с 30 до 34%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), окт. 2020 к окт. 2019
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2017	2018	2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	34,7	37,9	33,8	33,5	32,8	33,7	33,2	30,9	31,1	-2
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	7,6	9,2	8,8	8,7	9,1	9,2	8,9	8,6	8,8	0
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	11,0	9,6	9,1	10,5	8,3	9,4	9,9	9,3	9,4	+1
Справедливая Россия	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,8	2,9	3,4	3,9	4,2	4,0	4,7	4,8	4,3	0
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,5	0,7	0,3	0,4	0,1	0,1	0,6	0,4	0,3	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	29,2	28,5	33,7	32,1	34,3	34,3	34,0	33,6	33,8	-1
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	12,2	11,2	11,0	10,9	11,2	9,3	8,7	12,4	12,2	+1

В социальном самочувствии населения региона впервые за последние 6 опросов (с августа 2019 по октябрь 2020 г.) наметились незначительные позитивные изменения: доля жителей области, положительно оценивающих свое повседневное эмоциональное состояние, с августа по октябрь 2020 г. увеличилась на 4 п. п. (с 57 до 61%). В то же время удельный вес людей, негативно характеризующих свое настроение, остается стабильным: как и в августе 2020 г., 32% жителей региона отметили, что испытывают «напряжение, раздражение, страх, тоску».

Существенных изменений в уровне запаса терпения за период с августа по октябрь 2020 г. не произошло: доля тех, кто считает, что «всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 72%; удельный вес людей, которые «уже не могут терпеть свое бедственное положение», – 20%.

Также в 2020 г. остается стабильной структура социальной самоидентификации населения: 49–50% жителей области относят себя к категории «бедных и нищих», при этом удельный вес тех, кто субъективно причисляет себя к «богатым и людям среднего достатка», почти на 10 п. п. меньше (39–40%).

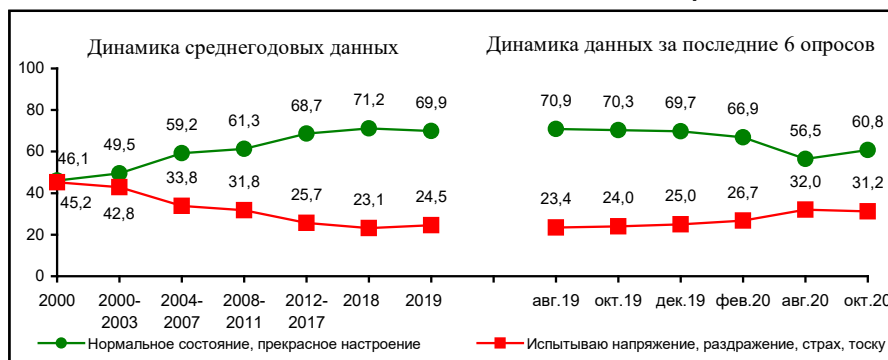
Индекс потребительских настроений в октябре 2020 г., как и в августе 2020 г., составил 86 п., что на 5 п. п. ниже, чем в феврале (91 п.).

Если сравнивать текущую ситуацию (в октябре 2020 г.) с периодом годичной давности (октябрь 2019 г.), то негативные изменения более очевидны:

- ✓ доля положительных оценок социального настроения уменьшилась на 10 п. п. (с 70 до 60%);
- ✓ удельный вес людей, считающих, что «всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», снизился на 6 п. п. (с 78 до 72%);
- ✓ доля тех, кто причисляет себя к «богатым и людям среднего достатка», уменьшилась на 3 п. п. (с 41 до 38%);
- ✓ индекс потребительских настроений снизился на 6 пунктов (с 92 до 86 п.). При этом уже много лет (с 2007–2008 гг.) он остается на уровне ниже 100 пунктов, что означает преобладание негативных суждений в оценке населением прогнозов будущего российской экономики и своего личного материального положения.

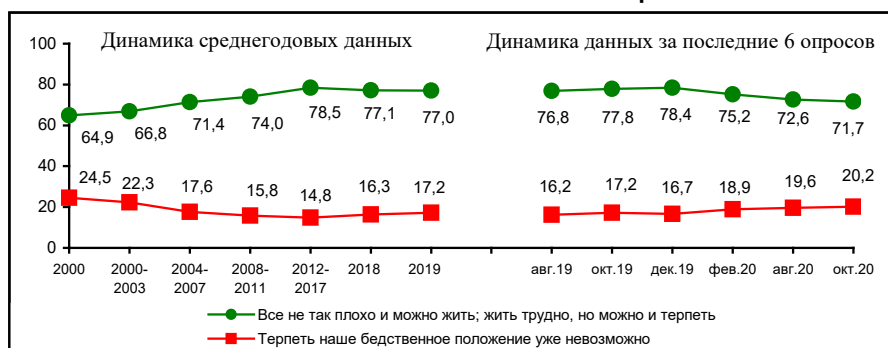
Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Социальное настроение

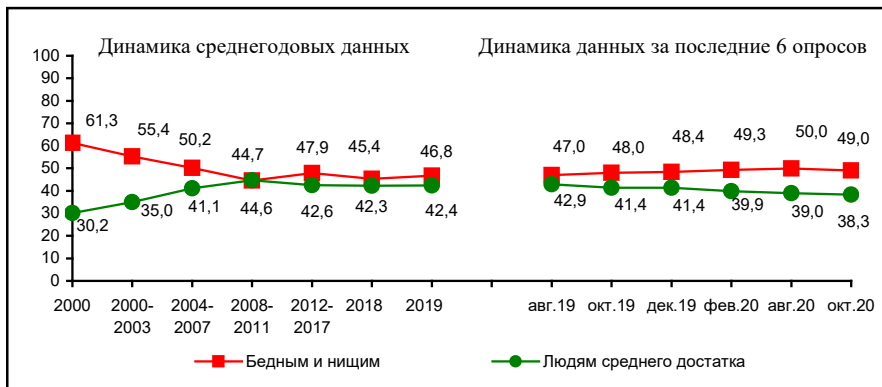
Годовая динамика (октябрь 2020 г. к октябрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-10
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+7

Запас терпения

Годовая динамика (октябрь 2020 г. к октябрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Все не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	-6
Терпеть наше бедственное положение невозможно	+3

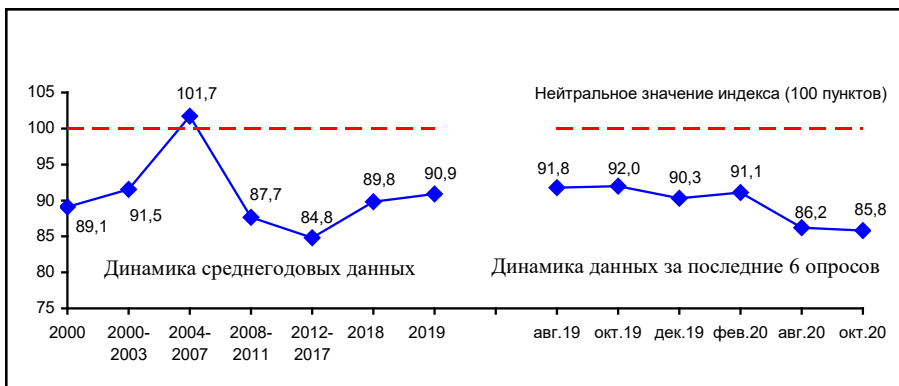
Социальная самоидентификация*

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

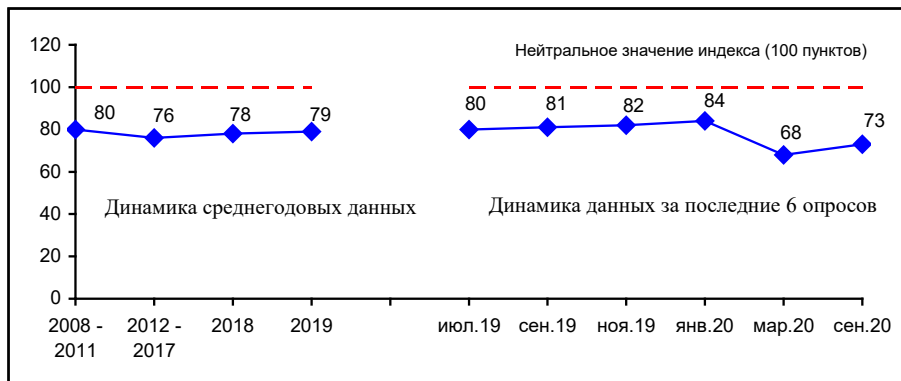
Годовая динамика (октябрь 2020 г. к октябрю 2019 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Доля считающих себя людьми среднего достатка	-3
Доля считающих себя бедными и нищими	+1

Индекс потребительских настроений (ИПН)

Годовая динамика (октябрь 2020 г. к октябрю 2019 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	-6

Индекс потребительских настроений (ИПН; данные Левада-Центра* по России)

Годовая динамика (сентябрь 2020 г. к сентябрю 2019 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	-8

* Индекс рассчитывается с 2008 г.

Источник: данные Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

Улучшение оценок социального настроения за период с августа по октябрь 2020 г. отмечается в большинстве (в 11 из 14) основных социально-демографических категорий населения, прежде всего среди людей в возрасте 30–55 лет (на 7 п. п., с 56 до 63%), а также среди людей, по самооценке доходов относящихся к группе 20% наименее обеспеченных жителей области (на 6 п. п., с 40 до 46%).

Ухудшение оценок социального настроения в августе – октябре 2020 г. отмечается среди людей в возрасте до 30 лет (на 4 п. п., с 69 до 65%), а также в группе 20% наиболее обеспеченных жителей области (на 5 п. п., с 76 до 71%).

Следует также отметить, что в сравнении с периодом годичной давности (в октябре 2020 г. по сравнению с октябрём 2019 г.) негативные изменения в оценках социального настроения наблюдаются во всех социально-демографических категориях населения. Доля тех, кто испытывает преимущественно позитивные эмоции, в большинстве групп снизилась на 7–11 п. п., среди жителей Череповца – на 13 п. п. (с 72 до 59%), среди людей в возрасте до 30 лет – на 15 п. п. (с 81 до 64%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-) окт. 2020 к окт. 2019
	2000	2007	2011	2012	2017	2018	2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	
Пол														
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	70,6	72,8	70,1	71,8	69,2	69,0	67,0	55,6	60,7	-9
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	70,2	69,8	69,6	70,1	71,2	70,3	66,9	57,3	60,8	-10
Возраст														
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	78,1	80,0	81,1	85,2	79,9	81,3	71,7	69,0	64,6	-15
30-55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	71,5	72,6	71,2	74,0	71,1	71,9	67,5	56,2	62,5	-9
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	64,9	65,2	63,3	60,7	65,1	62,6	64,3	51,9	56,9	-8
Образование														
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	63,6	64,8	63,2	65,6	63,4	64,0	63,1	51,7	56,9	-7
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,0	72,2	72,7	72,8	73,9	70,4	69,0	59,1	63,5	-10
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	75,8	76,8	73,4	73,9	72,6	74,7	68,6	58,6	61,4	-11
Доходные группы														
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	52,9	57,3	53,2	53,2	54,1	50,2	48,4	40,4	46,0	-8
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	72,0	71,9	71,4	72,1	72,6	72,6	68,4	56,6	61,9	-11
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	83,7	82,9	81,8	81,4	80,5	80,5	79,1	76,4	70,6	-10
Территории														
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	72,6	71,0	68,6	68,0	70,8	68,6	66,9	57,0	61,0	-10
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,7	75,8	71,2	74,4	72,0	69,9	67,3	54,4	59,3	-13
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	66,1	68,7	69,8	70,5	69,0	70,3	66,8	57,5	61,4	-8
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	69,9	70,9	70,3	69,7	66,9	56,5	60,7	-10

РЕЗЮМЕ

Анализируя динамику общественного мнения за период с августа по октябрь 2020 г., следует выделить только одно важное изменение, которое, впрочем, пока еще не приобрело характер устойчивой тенденции — улучшение социального настроения, причем в большинстве (в 11 из 14) основных социально-демографических категорий населения. В целом по области доля людей, испытывающих преимущественно позитивные эмоции, в августе — октябре 2020 г. увеличилась на 4 п. п. (с 57 до 61%). Это не так много, однако подобные позитивные изменения отмечаются впервые с августа 2019 года, и это особенно важно в период неослабевающей эпидемиологической угрозы распространения коронавирусной инфекции.

По остальным ключевым показателям мониторинга общественного мнения (включая оценку деятельности главы государства, оценку успешности действий Президента РФ по решению основных проблем страны, электоральные предпочтения населения, а также характеристику своего материального положения и прогнозы его развития) в августе — октябре 2020 г. существенных изменений не произошло.

Вектор динамики общественного мнения в большей степени проявляется при анализе оценок населения в среднегодовой ретроспективе, и здесь, к сожалению, следует констатировать преимущественно негативные изменения.

По сравнению с октябрём 2019 г. в октябре 2020 г. незначительно (на 3 п. п.) возросла доля негативных суждений о деятельности Президента (с 30 до 33%, причем аналогичные изменения отмечаются и по общероссийским данным ВЦИОМ). Также на 3—4 п. п. увеличилась доля жителей области, считающих неуспешными действия главы государства по наведению порядка в стране, защите демократии, подъему экономики и росту благосостояния граждан.

Особую тревогу вызывает тот факт, что за последние 12 месяцев (с октября 2019 по октябрь 2020 г.) фактически на 10 п. п. (с 70 до 60%) уменьшилась доля людей, позитивно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние, а доля тех, кто испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», увеличилась с 24 до 31% (на 7 п. п.).

Безусловно, свой вклад в ухудшение социального настроения жителей области внесла пандемия коронавирусной инфекции, которая в 2020 году повлияла на образ жизни, пожалуй, каждого человека. Неопределенность динамики эпидемиологической ситуации, изменение образа жизни вследствие повсеместного введения ограничительных мер, ухудшение экономической ситуации — всё это оказывает негативное влияние на психологическое состояние общества и еще больше усугубляется растущей напряженностью международной политической обстановки в непосредственной территориальной близости от границ России (протестные выступления в Белоруссии, обострение ситуации в Нагорном Карабахе, «дело Навального», приведшее к очередным антироссийским санкциям).

Однако не менее важно обратить внимание и на тот факт, что преобладание негативных оценок в динамике материального положения, в оценке успешности решения Президентом проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан, в прогнозах населения относительно перспектив развития экономической ситуации в стране и своего личного благосостояния — это тенденция, которая существует в российском обществе уже много лет, и началась она задолго до появления первых сообщений в СМИ о приближающейся пандемии коронавируса.

Фактически с 2008 года индекс потребительских настроений находится в пределах ниже 100 пунктов, что означает преобладание пессимистических оценок в прогнозах будущего российской экономики, а с 2012—2017 гг. доля людей, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», преобладает над удельным весом тех, кто считает себя «богатым» или хотя бы «среднеобеспеченным».

В целом за последние 20 лет (с 2000 г. по октябрь 2020 г.) доля людей, негативно оценивающих работу главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан, увеличилась на 9 п. п. (с 53 до 62%), а индекс потребительских настроений снизился на 3 пункта (с 89 до 86 п.).

Во многом из-за этого сегодня мы имеем ситуацию, при которой оценка деятельности Президента значительно хуже, чем в 2000 г., когда В. Путин только начинал исполнять обязанности главы государства: за период с 2000 г. по октябрь 2020 г. доля положительных суждений о работе Президента РФ снизилась на 14 п. п. (с 66 до 52%), а доля отрицательных оценок возросла на 18 п. п. (с 15 до 33%).

Аналогичные результаты показывают и общероссийские исследования. Так, по данным ВЦИОМ за период с 2000 г. по октябрь 2020 г. уровень одобрения деятельности главы государства уменьшился на 17 п. п. (с 80 до 63%), по данным Левада-Центра – на 10 п. п. (с 20 до 30%) возрос удельный вес негативных характеристик.

Таким образом, исходя из приведенных фактологических данных, следует сделать вывод о том, что отсутствие позитивной динамики по большинству аспектов всего комплекса вопросов, характеризующих оценку эффективности государственного управления (и прежде всего в отношении населения к деятельности Президента РФ), связано не только с обострением эпидемиологической, экономической и мировой политической ситуации в 2020 году, но и с тем, насколько эффективно реализуются социальные обязательства государства в многолетней ретроспективе, в плане повышения роста благосостояния и качества жизни граждан, достижения социальной справедливости.

Такая постановка вопроса становится еще более актуальной после принятия поправок к Конституции РФ, которые существенно укрепляют статус России как социального государства, налагают на властвующие элиты повышенные социальные обязательства и стимулируют рост соответствующих социальных ожиданий общества.

Насколько государство сможет соответствовать им? Этот вопрос пока остается открытым, но, пожалуй, не менее важным, чем преодоление эпидемиологической угрозы распространения коронавируса; по крайней мере, в долгосрочной перспективе.

Материалы подготовили: М.В. Морев, Е.Э. Леонидова, И.М. Бахвалова

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится пронумерованный список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет doi, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹ (приложение 5).

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. **Лицензиар** и **Лицензиат** несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсион-
ного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

- 1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 29.10.2020.
Дата выхода в свет 30.10.2020.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 32,9. Тираж 500 экз. Заказ № 184.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru